Одесский
альманах

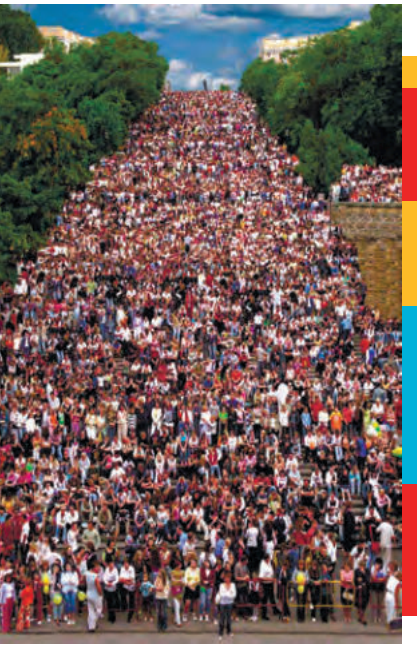
№58

III / 2014

Одессе – 220

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (58), 2014
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (58), 2014
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2014
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2014

От редакции

Существует давняя редакционная практика: готовить к знаменательным датам тематические «датские» номера, подбирая материалы, как говорится, работающие на раскрытие темы. Случалось, так поступали и мы, но на сей раз, формируя книжку ко Дню Одессы, к ее 220-летию, решили руководствоваться принципом: в одесском альманахе и так все будет об Одессе.

Поставили в номер материалы, представляющиеся интересными для вас, уважаемые читатели, а перед сдачей его в типографию перелистали страницы и убедились – он таки да посвящен нашему городу и нашим землякам. И вполне юбилейный.

Судите сами. В Одесской главе «Евгения Онегина» Пушкин дал такую характеристику населению молодого города: «Язык Италии златой звучит на улице веселой…». И далее поэт перечисляет представителей разных национальностей, встреченных им, среди которых и армяне. О том, когда они появились в Южной Пальмире, где селились, чем занимались, рассказывает Олег Губарь. Он же – автор статьи о застройке Дерибасовской. Именно нашей главной улице посвящен в нынешнем году очередной «Одесский календарь», издаваемый Литературным музеем и АО «ПЛАСКЕ».

Коллекционеры Ева Краснова и Анатолий Дроздовский показывают новые находки – фотографии Одессы и ее обитателей, живших здесь в XIX – начале XX веков.

А вот другая эпоха. Михаил и Анна Пойзнеры дали вторую жизнь труду известного английского историка Александра Верта. Они предложили для публикации в альманахе главу из его книги «Россия в войне 1941-1945», посвященную Одессе времен фашистской оккупации. Важно, что отечественный читатель впервые прочтет ее без изъятий фрагментов текста советской цензурой.

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы*

Армянский квартал

Мой друг и конфидент, искусствовед В.С. Голубовская, уже давненько стимулирует занятия этнической историей Одессы. Некоторое время назад Валентина Степановна совершенно справедливо напомнила строфу из «Путешествия Онегина», где упоминаются одесские армяне, и спросила, отчего же, собственно, нет никаких мало-мальски серьезных исследований на эту тему.

Напоминаю читателям этот хрестоматийный уже фрагмент:

Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Действительно, ранняя история армянской общины практически не изучена. Это связано со многими объективными обстоятельствами, в том числе с распыленностью даже имеющейся относительно скудной информации по многим архивным фондам и другим первоисточникам. Мои же интересы охватывают биографию плановой застройки Одессы и быта, а следовательно, этническое районирование – когда оное наблюдается. Следуя

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50, 54-57.

в этом русле, понемногу стал замечать наличие ареала раннего армянского присутствия, каковой и назвал условно *Армянским кварталом*.

Так разрозненные архивные документы, отрывочные сведения в постороннем контексте складывались в многокрасочную мозаику. Выяснилось, что армяне появились в Одессе неспроста, что нарождающийся город был для них и привлекателен, и комфортен, и дружелюбен, а участие в его становлении, пусть локально, но охватывало не только те сферы быта, которые традиционно согласуются с жизнью армянских горожан.

Не скажу ничего особо оригинального: первые одесские армяне – выходцы из Григориополя. История этого города в Приднестровье тоже не составляет загадки: Григорий Потемкин, архиепископ Иосиф Аргутинский, «араратский посол» Степан Давтян (его полный тезка – мой большой друг, любимец одесситов, солист оперы и художник), архимандрит Григорий Захарян, переселение армян из Килии, Измаила и в целом из Румелии, то есть европейских владений Оттоманской Порты. Этому способствовало участие турецких армян в боевых действиях российской армии. На аутентичном памятнике Степану Давтяну прямо написано: «собирал в Бессарабии ополчение из армян».

Разумеется, торговый путь пролег от чуть ранее устроенного Григориополя к Одессе. И тут надо подчеркнуть то важное обстоятельство, что первые одесситы и первые граждане Григориополя были, что называется, одной крови, поскольку среди одесских первопоселенцев находим множество выходцев из Румелии – греков, валахов, молдаван, южных славян. То есть стилистически юная Одесса целиком соответствовала запросам григориопольских армян. Я уже не говорю о том, что в городе довольно рано обосновались такие знаковые фигуры, как племянник архиепископа Иосифа – князь Давид Борисович Аркудинский-Долгоруков и все его многочисленное потомство, князья Манук-Бей и другие.

Когда присутствие одесских армян фиксируется уже не только во временном пребывании и совершаемых здесь коммерческих операциях? Переформулируем: когда присутствие армян в Одессе подкрепляется наличием недвижимости, какого рода эта недвижимость, наконец, какова ее топография?

Проработав много лет с архивными фондами Одесского строительного комитета, Канцелярии одесского градоначальника, Одесской городской думы, Одесского магистрата и др., могу на сегодняшний день назвать первым владельцем значимой недвижимости представителя очень известной впоследствии фамилии – григориопольского гражданина Акима (Якима) Асфадорова (Асвадурова). Еще в пору пребывания в должности герцога Ришелье, летом 1814 года, Асвадуров получил под застройку место № 381 в XXX квартале Военного форштата (не форштадта! – **О. Г.**). Ныне это частично пятно застройки домом № 60 по улице Ришельевской и одновременно № 42 по Большой Арнаутской.

Участок в весьма оживленном и уже обжитом тогда районе ему удалось получить по той причине, что владелец этой недвижимости, грек Златарев, не сумел построить тут планового дома, а лишь землянку. Разумеется, Асвадуров вернул прежнему владельцу затраты на произведенное строение по оценочной стоимости. Домостроительство осуществлялось в 1815-1816 годах, и 1 марта 1817-го, после того как городской архитектор проинспектировал результат и соответствие выданному плану, Асвадуров получил владельческие документы. Тем самым было положено основание эпицентру, условно говоря, армянского района юной Одессы.

Летом 1820 года Строительный комитет утвердил план дома григориопольского гражданина Томаса (в другом случае – Томаша, а на самом деле, надо полагать, Тевоса) Чекалова (в огласовке других архивных документов – Черканова). Черканов – говорящая фамилия, свидетельствующая о традиционном для армян занятии меховщика. Черкан – самострел, используемый в охоте на пушного зверя. Дом этот строился вблизи асвадуровского, в соседнем квартале, на углу улиц Ришельевской и Базарной.

А что же во время пребывания Пушкина в Одессе? Много ли было осевших в городе армян, и где они компактно проживали? Да именно там, где я и предполагал, – в квартале Асвадурова, ограниченном улицами Ришельевской, Большой Арнаутской, Екатерининской и Базарной, а отдельные семейства – в близком соседстве. Эту занимательную информацию непредсказуемо отыскал в журналах Строительного комитета.

Буквально на глазах Пушкина производились первые опыты устройства по главным улицам шоссе, о чем поэт и упоминает: «Но уж дробит каменья молот». Так вот в связи с работами по мощению производились значительные перемещения грунта, и при этом не всегда рассчитывался дренаж, в том числе и по Ришельевской улице. Естественно, что после дождей и снеготаянья потоки грязной воды устремлялись с насыпи в соседние дворы. Вот тогда-то обитатели «Армянского квартала» обратились с жалобой в Строительный комитет. Этот сюжет позволяет узнать, что как раз в интересующее нас время здесь помимо Акима Асвадурова недвижимостью владели григориопольские граждане Мегердичи (то есть Мкртич) Асвадуров (брат или близкий родственник), Хачик Сукьянов и одесский купец Федор Качулков. Примерно в эти же годы упоминается еще один владелец недвижимости в центре – Киркор Амасянов.

Архаический ареал расселения в орбите главной базарной площади старой Одессы – Вольного рынка – как будто может свидетельствовать о том, что первые здешние армяне были задействованы исключительно в традиционных сферах торговли и обслуживания. Однако пристальное внимание обнаруживает другие, чрезвычайно важные аспекты участия общины в освоении городских территорий. Откровенно говоря, я этого ожидал, но до поры до времени не располагал надлежащими свидетельствами. Так, одно из архивных дел за сентябрь 1823 года посвящено закреплению за упомянутым выше Черкановым 25 десятин городской земли под садоводство. В первых числах декабря участок на Молдаванской слободке отвели «мещанину Качикову». В первой декаде июля 1824-го еще один участок там же отвели «мещанке Качиковой», явно жене или близкой родственнице. 8 января 1826 года еще один участок в 25 десятин был обзаведен, и перешел в собственность Акима Асвадурова. Это означает, что он получил его несколькими годами ранее и выполнил все условия по высадке оговоренного числа деревьев, кустарников и проч.

Таким образом, первые одесские армяне причастны и к другим традиционным для них видам хозяйственной деятельности – садоводству и огородничеству. Перечень землепользователей, конечно, не ограничивается перечисленными лицами, и я еще

бегло коснусь этой темы. Если проследить «табачную родословную» Асвадуровых – а о знаменитом на всю Россию производстве надо говорить отдельно – то она возьмет отсчет от скромного хутора на одесской периферии.

Много лет назад не без помощи Евгения Михайловича Голубовского опубликовал в «Вечерней Одессе» заметку о хронологически первом тексте, описывающем местных армян. Автор описания, Минас Бжишкянц, хорошо знаком специалистам по истории армянского народа. Не стану здесь подробно останавливаться на его происхождении, статусе и деятельности – это легко «прогуглить». К сожалению, пока нет возможности с большою точностью датировать фрагмент его книги, относящийся непосредственно к Одессе. Условно говорят о середине 1820-х, то есть пушкинском времени, однако участие в его судьбе графа Ланжерона в период пребывания на посту военного губернатора, длительное жительство в Тавриде и другие факты могут свидетельствовать в пользу неоднократного посещения Одессы, в том числе на рубеже 1810-1820-х. Бжишкянц говорит о примерно 30-ти армянских семействах, обитающих в южной части города. Это хорошо согласуется с нашими выкладками об «Армянском квартале».

Считаю необходимым пояснить. В интересующее нас время число горожан было уже на порядок выше, нежели число домовладельцев. А это означает, что формальное число армян-домовладельцев вовсе не равно общей численности армян-горожан. То есть значительная часть приватных строений составляли доходные дома, в которых и жили одесситы, лишенные собственной недвижимости.

Тут сам по себе объявляется вовсе иной вопрос. Если исчислять армян, ссылаясь на Бжишкянца и даже на сказанное время, у нас выходит довольно-таки многолюдный квартал – главы семейств, платившие подушную подать, их жены, дети, старики, родня. Это немалая община, а стало быть, должен быть и духовный наставник, и храм. Непременно, бесспорно. Но все, что мы на сегодняшний день знаем по этому поводу, и что бесконечно тиражируется в разных, но фактически копирующих друг друга редакциях, не дает ответа. Да, храм построили, причем в пределах нашего «Армянского квартала», на углу Екатерининской и Базар-

ной улиц. Но это было аж в 1840-х. А что же раньше? Неужто благочестивые люди, отстоявшие веру праотцев в жестоких невзгодах «под турком», за три десятилетия не сподобились обустроить храм? Нонсенс.

Продолжая заниматься историей плановой застройки, держал на прицеле эту проблематику, и в конечном итоге тщание вознаградилось. Другое дело, что подробности необходимо излагать в строго академическом ключе. Оставлю это для монографии об истории градостроительства Одессы. А здесь ограничусь резюме. Был у первых одесских армян свой храм. Разумеется, был. Просто помещался он в частных домах, специально арендуемых «армянским обществом». Это понятно, поскольку даже куда более мощные этнические и религиозные общины много лет наращивали свой потенциал – прежде чем возводили свой благолепный храм. Корректно вспомнить, например, евангелическо-лютеранскую общину или общину так называемых бродских евреев, каковые десятилетиями пользовались арендованными помещениями. Такие храмы в обиходе нередко именовались молитвенными домами.

О том, что армянский храм функционировал в пушкинское время, говорит, например, архивное дело от 3 декабря 1825 года «Об отводе 33-х десятин земли армянскому священнику Киркору Шахию для заведения хозяйства». Это обычная норма отвода участка для христианского священнослужителя, имеющего приход в городе. Какая именно недвижимость арендовалась общиной в самый первый период бытования в Одессе, неизвестно, однако с немалой долей уверенности можно предположить, что служба просто-напросто отправлялась в доме одного из состоятельных армян. А вот далее – понятнее, о чем и архивное дело от 31 декабря 1823 года «О месте, отведенном купцу Коколану для построения Армянской церкви, на Военном форштате, XLVII квартал, № 588».

Это место расположено практически на Старом базаре, по Большой Арнаутской, напротив Успенского переулка. Одесский третьей гильдии купец греческий выходец Димитрий Кириллович Коколани и его супруга Мария Анастасиевна фигурируют в целом ряде архивных документов. В частности, в 1831-м

они строили другой свой дом – на углу Екатерининской и Б. Арнаутской – в том же ареале. Опуская подробности, отмечу пока лишь то, что на генеральном плане Одессы, составленном архитектором Джорджио Торичелли в 1828 году, дом Коколани, предназначенный под армянскую церковь, показан стоящим в глубине обширного подворья, на небольшой площади, как и полагается храму.

История армянской общины Одессы достойна солидной монографии. Обладаю значительным пластом информации, включая и веселую, развлекательную, и печальную, драматическую. Некоторые сюжеты занимают меня особенно. Скажем, до сих пор не удается найти даже имя знаменитого армянского борца Хоросанова, регулярно побеждавшего всех заезжих цирковых атлетов еще во времена губернаторства Строганова. Этот легендарный богатырь стал жертвой холеры. Сколько любопытнейших эпизодов связано с одесскими армянами-цирюльниками! Асвадуровы – одно лишь это семейство дает материал для книги. Аргутинскиие-Долгоруковы и их общественная деятельность в Одессе. Манук-Бей… Есть что исследовать, о чем рассказывать, чем гордиться.

Много лет дружу и тесно общаюсь с представителями армянской диаспоры, настоящими одесситами. По отцовской линии мы с давних пор связаны родственными узами с семейством Тертерян. Часто беседовали о судьбах прежней общины с достойнейшим человеком – покойным Леоном Хачиковичем Калустьяном. Много занимательного узнал от своих друзей – Рубена Ашрафиана, Степана Давтяна, Степана Алекяна, покойного Вагана Ананяна и других.

Я люблю своих друзей. Но мне претят прекраснодушные разговоры (и тосты) о любви, в том числе о любви к Родине, родному городу, разноплеменному братству одесситов. Ценю усилие. Этот текст и есть деятельное признание в любви и уважении к тем, кому мы обязаны рождению и становлению Одессы, и их достойным потомкам. Dixi.

Евгений Деменок

Лев Магеровский – хранитель русских архивов

Лев Магеровский, 1925 год

Что делает приличный одессит, попавший на довольно продолжительное время в другой город или страну?

Правильно. Ищет там других одесситов.

Что делает приличный одессит-исследователь, попавший в библиотеку или архив другого города или страны?

Правильно. Ищет сведения об одесситах, которые там жили или работали.

Так случилось и со мной, когда я впервые попал в Славянскую библиотеку в Праге и узнал о находящемся в ней Русском заграничном историческом архиве.

РЗИА был основан в Праге в 1923 году, и миссией его было приобретение, сбор и сохранение любых печатных и рукописных материалов по истории русского общественного движения, войны, революции, белого движения в эмиграции (газет, журналов, брошюр, отчетов, дневников, фотографий, рисунков и т. д.). Архив занимался активным сбором документов двадцать два года, и за это время в нем были накоплены поистине бесценные

материалы. Каково же было мое изумление, когда я узнал, что одним из создателей архива был одессит Лев Флорианович Магеровский! Это имя было мне совершенно не известно, так же, как – уверен – и подавляющему большинству одесситов сегодня. И я шаг за шагом начал собирать биографические данные Льва Флориановича, чтобы вернуть его имя Одессе.

Но перед тем как рассказать о нашем выдающемся земляке, позволю себе небольшой исторический экскурс, объясняющий читателю, почему Русский исторический архив был собран именно в Праге.

* * *

Вот уже совсем не за горами столетняя годовщина тех событий, которые в корне изменили путь развития не только России, но и всего мира. Речь идет об Октябрьской революции. Кто-то называет ее Великой, кто-то – кровавым переворотом или несчастьем. Как бы там ни было, она расколола российское общество на два непримиримых – пожалуй, непримиримых до сих пор – лагеря. В результате несколько миллионов российских граждан покинули родину навсегда, оказавшись в вынужденной эмиграции и найдя себе прибежище – или новый дом – на огромной территории от Харбина до Буэнос-Айреса. Константинополь, София, Белград, Берлин, Париж – все эти и многие другие города стали временными или постоянными центрами русской эмиграции. Есть в этом списке и Прага. И она занимает в нем особенное место.

Русскую эмиграцию в Чехословакию можно условно разделить на две волны. Первая волна, 1917-1918 годов, состояла, в основном, из русских, работавших в Чехии, еще являвшейся частью Австро-Венгрии; сотрудников российского дипломатического корпуса и русских офицеров – военнопленных или бежавших из прибалтийских государств. Уже в декабре 1918 года был образован Комитет Общества русских офицеров. Незадолго до этого был образован Чешско-русский комитет.

Вторая волна эмиграции докатилась до Чехословакии в 1919-1922 годах. Сотни тысяч военных и гражданских после взятия

большевиками Одессы и Крыма оказались в Южной Европе – Болгарии, Турции, Сербии. Кто-то остался там, но большинство уехало. Часть из них оказалась в Чехословакии. К 1925 году в Чехословакии находилось около 30 тысяч беженцев из России.

Положение русских эмигрантов в Чехословакии принципиально отличалось от положения русских эмигрантов во всех других странах. Отличалось в лучшую сторону. Случилось это потому, что в 1921 году чехословацкое правительство приняло решение о начале Русской акции помощи. Это была государственная программа поддержки русских эмигрантов, которая затрагивала практически все стороны жизни эмигрантов, начиная с образовательных учреждений и заканчивая поддержкой русскоязычных печатных изданий. Русская акция помощи была уникальным явлением. Именно благодаря ей о Праге говорили как о русском Оксфорде. Именно благодаря ей стало возможным создание Русского заграничного исторического архива, материалами которого мы можем воспользоваться и сейчас.

Русская акция помощи характеризовалась несколькими важными особенностями. Во-первых, она не была собственно русской – наряду с русской эмиграцией поддерживалась украинская, белорусская, кавказская и другие. Во-вторых, помощь была во многом нацелена на поддержку учебной, педагогической, научной деятельности – около 3,5 тысяч человек смогли получить высшее образование на русском языке, в начале 20-х в Праге работало около 100 русских ученых. В-третьих, она была социально однородной. Возможно, помогло удачное стечение обстоятельств – эмиграция в Чехословакию состояла, в основном, из интеллигенции и селян. Что касается политической ориентации, то направлена помощь была, в основном, на поддержку демократических политических сил в России и в Украине – именно построение будущей по-настоящему демократической России было целью и ориентиром для чехословацкого правительства. Центром таких сил в Чехословакии стал «Земгор» – Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословакии.

А центром самой эмигрантской жизни, безусловно, была Прага. Однако очаги эмигрантской жизни существовали в Брно и в Братиславе. В Пршибраме, в Горной академии, училась

и работала многочисленная группа русских, украинских и белорусских студентов и профессоров. В Подебрадах находилась Украинская хозяйственная академия, в Моравской Тржебове работала русская гимназия-интернат. Группы эмигрантов жили в небольших городах и деревнях – все, наверное, знают Вшеноры и Мокропсы, связанные с пребыванием в Чехословакии Марины Цветаевой.

Однако революции и гражданской войне предшествовали и сопутствовали другие, не менее важные события – первая мировая война, восстание Чехословацкого корпуса, образование собственно Чехословакии как независимой республики. Эти события стали причиной небывало тесного контакта чехов и русских. Ведь не только русские оказались в Чехословакии – до этого сотни тысяч чехов и словаков оказались в России как солдаты австро-венгерской армии либо как пленные, а позже – как члены чехословацких легионов.

Наверное, корни и истоки Русской акции помощи можно искать в популярных тогда идеях панславянства, славянского братства, славянского единства. И президент Чехословацкой Республики Томаш Масарик, и первый премьер-министр Карел Крамарж в той или иной степени были приверженцами этих идей. И тот, и другой жили и работали в России и хорошо знали особенности русской жизни и характер русского народа. Другой причиной было негативное отношение к большевикам и их правлению. Томаш Масарик множество раз устно и печатно высказывался о России и большевизме, его статьи были собраны в книгу «Советская Россия и мы». Он предполагал, что на смену большевистскому режиму к власти в России придет демократический режим, и управлять новой Россией будут новые люди, которых нужно готовить, в том числе и в демократической Чехословакии.

Значение событий тех лет трудно переоценить – как для России, так и для Чехословакии. И сегодня в Чехии живут потомки тех эмигрантов, которые приехали в страну после революции. Не только Чехословакия помогала беженцам – это был двухсторонний процесс. Русские эмигранты отдавали своей новой родине знания, умения, опыт.

С послереволюционным и межвоенным периодом существования русской эмиграции в Чехословакии связано множество выдающихся имен и интересных событий. Одно из этих имен – Лев Магеровский.

* * *

Имя Льва Флориановича Магеровского до сих пор незаслуженно находится в тени более известных представителей русской межвоенной эмиграции в Чехословакии. Незаслуженно по целому ряду причин и совершенно необоснованно с учетом вклада Льва Флориановича в дело сохранения исторического и культурного наследия русской эмиграции.

Приведу лишь несколько фактов. Именно Магеровский вместе с двумя другими представителями Союза русской трудовой интеллигенции, педагогом Зигфридом Григорьевичем Ашкинази и адвокатом А.С. Гуровичем, на встрече с министром иностранных дел Чехословацкой Республики Эдвардом Бенешем вручили ему меморандум с изложением мер помощи русским беженцам, при этом основные пункты меморандума изложил Лев Флорианович. Это было весной 1920 года, и уже через год, летом 1921 года, начала практически осуществляться Русская акция помощи, в которой чехословацкое правительство в той или иной степени придерживалось этих основных пунктов.

Лев Магеровский стоял у истоков создания Русского заграничного исторического архива и был бессменным заведующим его газетного отдела. Руководил русским «Соколом» в Чехословакии. Создал информационный канал, связывающий эмигрантов с окружающим миром, – телеграфное агентство «Руссунион». Был одним из создателей и членов правления «Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии». Эмигрировав в США, стоял у истоков создания русского Бахметевского архива при Колумбийском университете и без малого тридцать лет был его заведующим.

Пожалуй, более чем достаточно для того, чтобы более пристально изучить биографию этого удивительного человека, которого с полным основанием можно назвать собирателем и хранителем бесценной информации.

* * *

Весь жизненный путь Льва Флориановича Магеровского можно разделить на три этапа: русский, чешский и американский. В Славянской библиотеке, в архивах РЗИА, хранятся написанные им собственноручно в 1936 и 1937 годах автобиографии, которые можно с уверенностью считать самым надежным источником информации о его жизненном пути до этого периода.

Лев Магеровский родился 18 февраля 1896 года в Одессе и окончил Ришельевскую гимназию, после чего поступил во Владимирский киевский кадетский корпус, который окончил в июне 1914-го. Специальное военное образование получил в Петрограде, в Михайловском артиллерийском училище. Высшее образование начал в Александровской военно-юридической академии в Петрограде, продолжил на юридическом факультете университета св. Владимира в Киеве и закончил уже в 1927 году в Праге, на Русском юридическом факультете. Действительную военную службу начал в 1914 году юнкером Михайловского училища, в 1915-м произведен в офицеры артиллерии и направлен в действующую армию, на Юго-Западный фронт. В 1916-м служил начальником воздушной обороны штаба VIII-й армии (генерала Брусилова).

И все же призванием его было отнюдь не военное дело. «Журналистскую работу начал до войны», – пишет Магеровский в автобиографии. «Во время войны с разрешения командующего VIII-й армией генерала Брусилова был военным корреспондентом «Киевлянина», кроме того, писал с фронта в одесских и столичных газетах. Во время немецкой оккупации Украины в 1918 году работал в газетах «Голос Киева» (бывший «Киевлянин», закрытый герм. властями), «Киевском утре» и др. газетах союзнической ориентации. Во время белого движения работал в южнорусских изданиях и в сети Бюро печати, заменившей сеть русского государственного телеграфного агентства (Петроградское телеграфное агентство – ПТА). В 1918-19 гг. писал под руководством проф. К. Воблаго специальную работу по кафедре статистики и политической экономии: «Развитие почты и телеграфов в России в XX столетии».

Призвание станет профессией. Всю свою жизнь Лев Флорианович будет собирать, хранить, распространять информацию.

В годы гражданской войны он был сотрудником ОСВАГа – Осведомительного агентства, информационного органа Добровольческой армии, в дальнейшем – Вооруженных сил Юга России. В Одессе находилось одно из отделений ОСВАГа, а также одно из крупнейших издательств. В подчинении ОСВАГа находился целый ряд газет (среди них «Великая Россия», «Свободная речь», «Жизнь», «Народная газета»), журналов и театров; им издавались плакаты, листовки и брошюры, а для освещения событий на фронте и в тылу даже снимались кинофильмы.

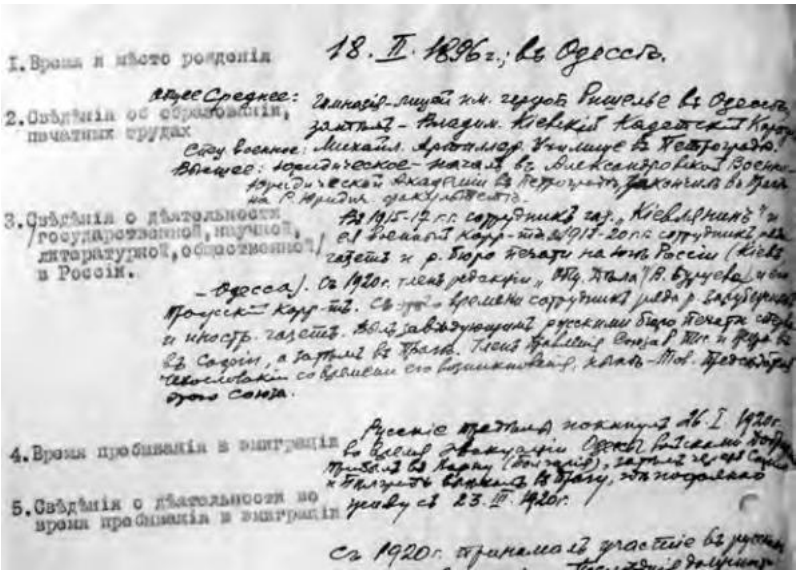
С ОСВАГом в те годы сотрудничали писатели Иван Бунин и Евгений Чириков (тоже оказавшийся потом в Праге), художники Иван Билибин и Евгений Лансере.

Когда ОСВАГ весной 1920 года был преобразован в Службу прессы и информации правительства Юга России, Лев Магеровский продолжил работу там – вместе с известным публицистом и издателем Владимиром Львовичем Бурцевым, работу с которым он продолжит в Праге.

Русский период жизни Льва Магеровского окончился 26 января 1920 года. Это был период эвакуации войск Добровольческой армии из Одессы. За несколько дней до этого на пароходе «Дюмон д'Юрвиль» из Одессы отплыла целая группа литераторов: Я.Б. Полонский, А.П. Шполянский (Дон-Аминадо), журналист Василевский (Не-Буква), известный художник-карикатурист Ремизов (Ре-Ми). 9 февраля в одной каюте с Н.П. Кондаковым в Константинополь отплыл Иван Алексеевич Бунин.

«26 января 1920 г. выехал из Одессы в Варну вместе с Особой делегацией в славянские страны, во главе которой стоял академик И.А. Бунин, – пишет Магеровский. – Проехав по Болгарии и Югославии, прибыл в марте 1920 г. в Чехословакию. Поселившись в Праге, продолжал журнальную работу как сотрудник русского публициста В.Л. Бурцева и участник его изданий и информационной организации. Член редакции «Общего дела», корреспондент ряда русских газет, выходящих в Европе, Америке и на Дальнем Востоке».

В архиве Гуверовского института войны, революции и мира хранится докладная записка пражского отделения «Общего дела» и телеграфного агентства «Унион» о необходимости доставки в его адрес в Чехословакию русских кинофильмов для ведения

1. Время и место рождения 18. II. 1896 г.; в Одессе.

2. Сведения об образовании, печатных трудах

3. Сведения о деятельности государственной, научной, литературной, общественной в России.

4. Время пребывания в эмиграции

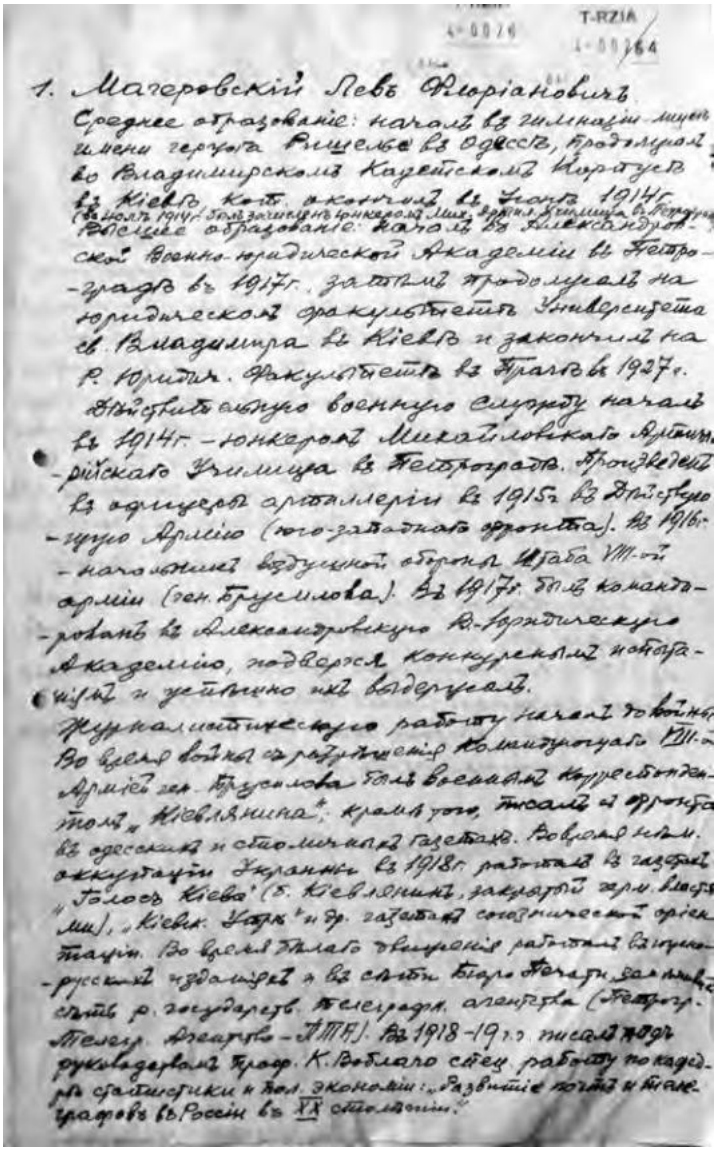
5. Сведения о деятельности во время пребывания в эмиграции

Автобиография Льва Магеровского, хранящаяся в архивах РЗИА в Славянской библиотеке (Прага)

с помощью экрана агитации в пользу русских сил, борющихся с большевизмом. Датирована она 24 сентября 1920 года, и автором является, конечно же, Лев Флорианович. Но это будет позже, осенью, а до этого Магеровский успел очень многое.

Ему была присуща удивительная энергичность – 23 марта Лев Флорианович прибывает в Прагу, а уже 18 апреля излагает Эдварду Бенешу три основных пункта меморандума о помощи русским беженцам. Энергичность, работоспособность, умение сразу включиться в ситуацию и негромко, неброско делать важнейшие, по сути, вещи, – главные черты характера Магеровского.

В том же 1920-м году он основал в Праге телеграфное агентство «Руссунион», создав канал для передачи европейской прессе, телеграфным агентствам и огромному эмигрантскому сообществу достоверных сведений о том, что происходит в России. «Руссунион» просуществовал почти до самого начала второй мировой войны, когда в связи со все ухудшавшейся международной обстановкой Льву Флориановичу пришлось его закрыть.

1. Магеровскій Левъ Флоріановичъ
Среднее образованіе: началъ въ гимназіи имени герцога Ришелье въ Одессѣ, продолжалъ во Владимирскомъ Кадетскомъ Корпусѣ въ Кіевѣ. Кот. окончилъ въ Іюнѣ 1914г.
(въ іюлѣ 1914г. былъ зачисленъ юнкеромъ Мих. Арт. Училища въ Петр.)
Высшее образованіе: началъ въ Александров-
ской Военно-юридической Академіи въ Петро-
-градѣ въ 1917г., затѣмъ продолжалъ на
юридическомъ факультетѣ Университета
св. Владиміра въ Кіевѣ и закончилъ на
Р. Юрид. факультетѣ въ Прагѣ въ 1927г.
Военную службу началъ
въ 1914г. – юнкеромъ Михайловскаго Артил-
-лерійскаго Училища въ Петроградѣ. Произведенъ
въ офицеры артиллеріи въ 1915г. въ Двинскую
-щую Армію (юго-западнаго фронта). Въ 1916г.
-назначенъ воздушной обороны района VIII-ой
арміи (ген. Брусилова). Въ 1917г. былъ команди-
-рованъ въ Александровскую В.-Юридическую
Академію, поданъ конкурсный матура-
-ціонный и успѣшно имъ выдержалъ.
Журналистическую работу началъ во время
Во время войны съ разрѣшенія командующаго VIII-ой
Арміей ген. Брусилова былъ военнымъ корреспонден-
-томъ „Кіевлянина", „Крамъ тоо, тисалъ и фронто-
въ одесскихъ и столичныхъ газетахъ. Во время нѣм.
оккупаціи Украины въ 1918г. работалъ въ газетахъ
„Голосъ Кіева" (б. Кіевлянинъ, закрытой гетм. власт-
-ми), „Кіевск. Ударникъ" и др. газетахъ соціалистическ. оріен-
-таціи. Во время гетм. переворота работалъ въ укра-
-русскихъ изданіяхъ и въ сентябрѣ бюро печати Дальнев-
-сятой р. государств. телеграфн. агентства (Петрогр.-
Телегр. Агентство – ПТА). Въ 1918-19г.г. писалъ подъ
руководствомъ проф. К. Воблаго сѣчь работу по кафед-
-рѣ статистики и пол. экономіи: „Развитіе почтъ и теле-
-графовъ въ Россіи въ XX столѣтіи."

Автобиография Льва Магеровского, хранящаяся в архивах РЗИА в Славянской библиотеке

Еще одной сферой приложения сил Магеровского стало сокольское движение. Именно в Праге в 1921 году была создана первая организация «Русского Сокола» за границей, в конце 1923 года в Праге состоялся Первый съезд Русского сокольства за границей, на котором было заложено основание Союзу русского сокольства за границей, а уже через полгода на Жижковском стадионе состоялся Первый слет русских соколов. «С 1920 года принимал участие в русском сокольском движении», – пишет Лев Флорианович в автобиографии. С 1924 года он член правления «Русского Сокола» за рубежом, его секретарь, с 1931 года староста «Русского Сокола» в Праге и заместитель старосты Союза русского сокольства за границей.

Но и этого мало неутомимому Магеровскому. В 1921 г. в Праге создается Союз русских литераторов и журналистов, который в 1922-м был переименован в Союз русских писателей и журналистов в Чехословацкой Республике, и Лев Флорианович являлся одним из инициаторов его создания. «Член правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии со времени его возникновения, ныне – товарищ председателя этого союза», – пишет он в автобиографии.

Лев Магеровский был автором целого ряда исследований, касающихся различных аспектов жизни русского эмигрантского сообщества. Часть этих исследований публиковалась в «Ежегоднике Чехословацкой Республики» (Rocenky CSR), издававшемся в 1922-1933 годах Антонином Гайном, политиком и публицистом, представителем Чехословацкой партии народной демократии. Так, например, в 1928 году было опубликовано первое статистическое исследование разделения политических взглядов русских эмигрантов. Магеровский является автором «Библиографии газетного собрания Русского заграничного исторического архива за 1917-1921 годы», изданной в Праге в 1939 году, ряда статей о русской печати в годы революции, гражданской войны и в эмиграции в журналах «Книжный указатель», «Славянская книга» и других, а также публикаций в однодневной газете «День русского инвалида» и «Русском сокольском вестнике».

О разносторонних знаниях и интересах Льва Магеровского говорит тот факт, что он прочел цикл лекций на тему «Армия

и государство» в рамках работы «Кружка по изучению первой мировой войны», который действовал более десяти лет при Русском народном университете.

Однако главным делом Льва Флориановича стала работа во РЗИА – Русском заграничном историческом архиве.

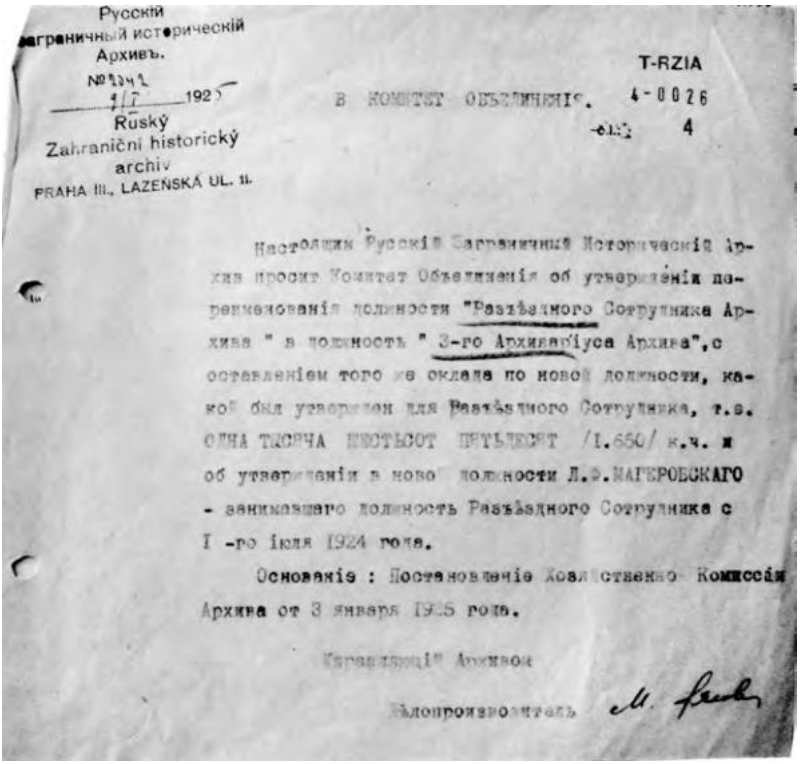
Русский заграничный исторический архив был основан в Праге в феврале 1923 года в рамках Русской акции помощи. Архив возник при культурно-просветительском отделении Земгора (организации русских земских и городских представителей в Чехословакии), и целью его являлось документирование жизни русской эмиграции. Возглавил РЗИА адвокат Соломон Яковлевич Гуревич.

С 1928 года архив перешел в подчинение министерства иностранных дел Чехословакии, и руководство им было поручено чешскому историку Яну Славику. В научный совет архива входили такие выдающиеся ученые, как А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Шмурло, В.А. Мякотин, А.В. Флоровский. Благодаря финансированию в рамках Русской акции помощи РЗИА содержал собственных сотрудников из числа эмигрантов в тех странах, где русская община была наиболее активно представлена. Таким образом осуществлялся сбор не только собственно документов, но и приобретение огромного количества периодических изданий на русском языке, выходивших во Франции, Германии, Польше, Великобритании, Югославии, Китае и многих других странах.

РЗИА состоял из трех отделов: отдела документов, которым руководил Александр Филаретович Изюмов, отдела книг и журналов (библиотеки), которым руководил Сергей Порфирьевич Постников, и отдела газет, которым руководил Лев Флорианович Магеровский.

Лев Магеровский начал работу в РЗИА 1 июля 1924 года – сначала на должности разъездного сотрудника, а с 3 января 1925 года – на должности 3-го архивариуса архива. В апреле 1926-го Льву Флориановичу было выдано удостоверение о том, что он уполномочен вести переговоры с учреждениями и лицами о передаче ими в архив материалов исторического значения.

Создание в Праге Русского заграничного исторического архива было, наверное, самым большим вкладом в сохранение русского культурного и политического наследия. И самым, пожалуй,

Русскій заграничный историческій Архивъ.
№ 3347
4/I 1925
Ruský Zahraniční historický archiv
PRAHA III., LAZEŇSKÁ UL. 11.
T-RZIA
4-0026
4

В КОМИТЕТ ОБЪЕДИНЕНІЯ.

Настоящимъ Русскій Заграничный Историческій Архивъ проситъ Комитетъ Объединенія объ утвержденіи переименованія должности "Разъѣзднаго Сотрудника Архива" в должность "3-го Архивар'іуса Архива", с оставленіемъ того же оклада по новой должности, какой былъ утвержденъ для Разъѣзднаго Сотрудника, т.е. ОДНА ТЫСЯЧА ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ /1.650/ к.ч. и об утвержденіи в новой должности Л.Э.МАГЕРОВСКАГО - занимавшаго должность Разъѣзднаго Сотрудника с I -го іюля 1924 года.

Основаніе : Постановленіе Хозяйственно Комиссіи Архива от 3 января 1925 года.

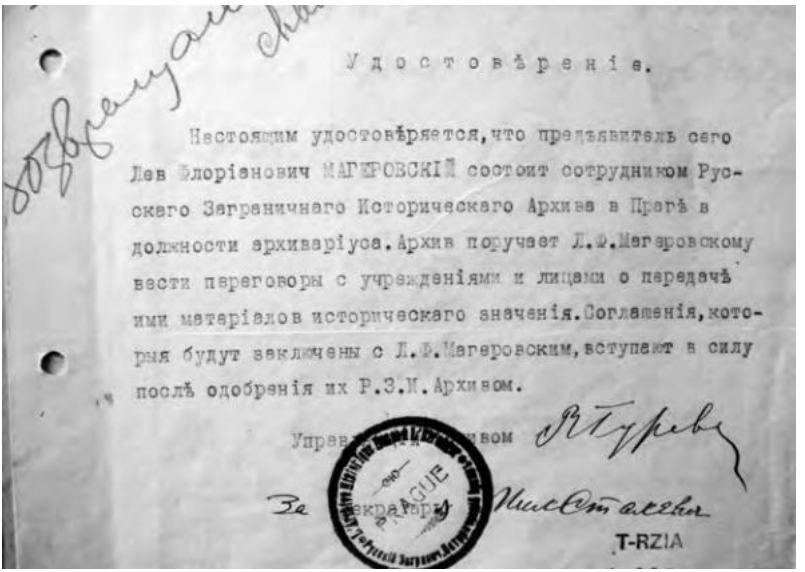
Управляющій Архивом

Вѣлопроизводитель

Справка из РЗИА

хлопотным отделом из трех (рукописного, библиотечного и газетного) был именно газетный, которым заведовал Магеровский. За период с 1923 по 1945 год в архиве были собраны десятки тысяч экземпляров газет и журналов более четырех тысяч наименований. Значение собрания периодических изданий русской, украинской и белорусской эмиграции, хранящихся ныне в пражской Славянской библиотеке, настолько велико, что в 2007 году ЮНЕСКО внесла его в свой реестр всемирного культурного наследия «Память мира».

Сразу после освобождения Праги советскими войсками под давлением Москвы правительство Чехословакии передало РЗИА

Удостовѣреніе.

Настоящим удостовѣряется, что предъявитель сего Левъ Флоріановичъ МАГЕРОВСКІЙ состоитъ сотрудникомъ Русскаго Заграничнаго Историческаго Архива в Прагѣ в должности архиваріуса. Архивъ поручаетъ Л.Ф.Магеровскому вести переговоры с учрежденіями и лицами о передачѣ ими матеріаловъ историческаго значенія. Соглашенія, которыя будутъ заключены с Л.Ф.Магеровскимъ, вступаютъ в силу послѣ одобренія их Р.З.М.Архивом.

Управ[illegible]ивом

За [illegible]

T-RZIA

Удостоверение РЗИА

«в дар Академии наук СССР в связи с ее 250-летием», поставив под удар множество людей, информация о которых содержалась в документах архива, а Лев Флорианович Магеровский с семьей перебрался в американскую оккупационную зону Германии, где участвовал в создании греко-православной церковной общины для спасения бывших граждан СССР от принудительной выдачи в советскую зону оккупации. Через несколько лет, в 1948 году, Магеровские переезжают в США. Так начался американский период жизни Льва Флориановича.

Материалы РЗИА, кропотливо собиравшиеся более двадцати лет, оказались в недоступном советском «спецхране», и Лев Флорианович Магеровский берется повторить весь путь сначала и воссоздать русский архив в Америке. В США был жив и деятелен бывший посол российского Временного правительства Борис Александрович Бахметев, который много лет собирал документы русской эмиграции. Результатом их встречи стала идея создания архива русской эмиграции, хранителем которого стал Лев Флорианович.

Александр Исаевич Солженицын, хорошо знавший Льва Магеровского и не единожды прибегавший к его услугам, в своих очерках изгнания «Угодило зернышко между жерновов» подробно описывает историю архива:

«История архива такова: с 20-х годов русская эмиграция собирала в Праге богатый архив воспоминаний и документов – ведь целая мыслящая Россия выехала, это был большой кусок живой России, клад для истории. Но в 1945 Советы оккупировали Прагу – и проглотили архив, увезли в Москву. С тех пор его концы наружу не подавались: очевидно он – «спецхран», спецдопуск, или вовсе закрыт. Можно рассчитывать только, что большевики его не уничтожили и не успеют потом, и сохранится архив для нашей истории дальней, но не ближней. Однако русская эмиграция, в основном перевалившая в ту войну за океан, – нашла в себе энергию начать в Нью-Йорке собирать новый архив, второго эшелона, а главное: нашла людей, память и факты для новых воспоминаний, доказав свою глубину и жизненность. Душой и хранителем стал профессор Лев Флорианович Магеровский, один из сотрудников прежнего пражского архива, главные организаторы кроме него – Б.А. Бахметев, последний посол Временного правительства в Штатах, и американец Филипп А. Мозли, друг России. Бахметев распоряжался и оставшимися русскими деньгами («бахметевский фонд»), так что некоторые средства были, – а как с помещением, статусом? В это время ректором Колумбийского университета был генерал Эйзенхауэр, в последний год перед своим президентством, – и предложил архиву приют в университете. Никакого делового письменного соглашения при этом заключено не было (но и что ж Бахметев смотрел?), а – по-джентльменски. Так и пошло, с 1951 года. Дали вентилируемый подвал без окон, и в тесноте да не в обиде Магеровский четверть века собирал и собирал воспоминания – большого охвата, от давнего революционного движения, и более всего Белого, находил возможных авторов, уговаривал их, пока живы, писать, сдавать на хранение, лично на себя принимал условия: от некоторых – секретности, от других – непременного возврата по требованию. Бился он все сам, без штатов, за малое вознаграждение из бахметевского фонда, да помогал ему сын, кончавший тот же университет. Не было ни людей,

Лев и Евгений Магеровские, 1960-е годы

ни средств, ни места для научной обработки, каталогизации, аннотирования. Магеровский, высохший изящный старичок, все держал в памяти, среди тесных полок и по нескольку архивных дел в одной коробке, – все находил преотлично, быстро, а еще был властен не допускать коммунистически подозрительных лиц – и не допускал. Архив скромно действовал – для эмиграции, для честных ученых. Таким я его застал летом 1975».

Со временем Бахметевский архив стал вторым по размеру хранилищем документов русской эмиграции в мире – после Института Гувера. И в основном это является заслугой Льва Магеровского. К концу 1977 г. в архиве было собрано около 600 коллекций, содержавших более 2 миллионов архивных единиц. Лев Флорианович настоял на том, чтобы при архиве был создан – по примеру РЗИА – попечительский совет из представителей русской культуры за рубежом. В комитет входили: профессор М.М. Карпович (председатель), А.Л. Толстая, М.А. Алданов, Б.И. Николаевский, а также проживавшие в Париже лауреат Нобелевской премии И.А. Бунин и общественный деятель В.А. Маклаков.

Благодаря самоотверженной деятельности Льва Магеровского по сбору и хранению документов и материалов в течение 26 лет (1951-1977) стало возможным сохранить целый пласт истории русского эмигрантского движения, по этим материалам написаны десятки книг и монографий, около сотни диссертаций и множество научных работ.

В 1977 году, через несколько лет после смерти Бахметева, архив был передан библиотеке Колумбийского университета, а Лев Флорианович был вынужден выйти в отставку.

Жизненный путь Льва Флориановича Магеровского окончился 8 июля 1986 года. Он похоронен на семейном участке Флашинговского кладбища в Квинсе, Нью-Йорк. Семья просила всех желающих почтить память усопшего жертвовать на свои храмы или в благотворительные организации по собственному выбору.

А в апреле 2011 года сотрудники Дома русского зарубежья имени А. Солженицына побывали в доме семьи Магеровских в Нью-Джерси, где Екатерина Викторовна Магеровская – невестка Льва Флориановича и вдова его сына Евгения Львовича – передала музейному фонду Дома семейный архив отца и сына Магеровских.

Михаил Талалай

Вагоновожатый Брамбилла, изгнанник из Одессы

Историки эмиграции – сейчас даже потихоньку внедряется неуклюжий термин «эмигрантоведы» – традиционно разделяют великий российский исход на три «волны». Однако помимо них существовали малоизвестные и малозаметные потоки, обусловленные определенной исторической ситуацией. Так, в конце 1930-х гг. Советский Союз, когда его границы уже закрылись на надежный замок, неожиданно для Западной Европы изверг достаточно внушительную группу своих жителей, которые эмигрировать не собирались. Ими были «иностранцы», а на внутренней лексике НКВД – «иностранноподданые», которые десятилетиями спокойно жили и трудились в пределах России и других советских республик. Многие из них даже родились тут и не владели никакими иными языками, кроме русского, однако по тем или иным причинам так и не обзавелись советскими паспортами. В числе высланных «иностранцев» встречались даже и такие, которые приняли советское гражданство, однако в глазах спецслужб оставались-таки «иностранцами».

Репрессивная акция государства могла бы показаться неким проявлением общей шизофрении советского строя, однако она лежала в русле большой внутренней политики, направленной на «зачистку» населения в свете грядущей войны с капиталистическим миром. В 1937 г. для ликвидации возможной «пятой колонны» наряду с кровавым террором власти пошли на относительно мягкие меры – высылку из страны.

В состав подозрительного контингента попали и «итальянцы», то есть жители СССР с итальянскими корнями, иногда

и весьма слабыми. Это тоже было не случайно: Муссолини, несмотря на дипломатические и иные отношения с красной Москвой, всегда декларировал свое ярое антикоммунистическое кредо. Как показал дальнейший ход событий, в самом деле, дуче ввязался в войну на стороне Гитлера, а на оккупированных территориях итальянская армия старалась опереться на малочисленных уже к тому времени «русских итальянцев», так же, как – но в значительно большем масштабе – немцы опирались на т. н. фольксдойче.

Таким образом, в конце 1930-х гг. в Советском Союзе развернулась государственная операция по искоренению нежелательных «иностранноподанных». В ее начале, в 1937 г., как известно, она приняла самые страшные формы – в числе жертв террора оказалось множество и политэмигрантов из Европы, в том числе и итальянских антифашистов. Чуть позднее арестам и казням стали сопутствовать увольнения из советских учреждений и последующая высылка.

Механизм таких репрессий в отношении «итальянцев» можно косвенно восстановить по материалам Государственного архива г. Неаполя, где в рассекреченных полицейских досье из городской префектуры находятся различные документы – все 1938 года – относительно высланных из Советского Союза людей. Прибывшие в Италию без средств к существованию, без знания языка, они создали тут серьезную гуманитарную проблему с идеологическим оттенком: правительство Муссолини представляло все случившееся как очередную варварскую выходку большевизма, на которую «историческая родина» высланных должна была ответить самым цивилизованным, патриотическим образом. Однако в действительности достойно принять русских «итальянцев» оказалось непросто.

Случай одессита Эрнесто Брамбиллы представляется весьма типичным. Родившись в черноморском городе (19 октября 1879 г.) в семье итальянских переселенцев, он по каким-то причинам не удосужился принять российское подданство, а позднее советское гражданство. Репатриацией занималось итальянское консульство в Одессе – самым важным и сложным оказалась финансовая сторона дела. Брамбилла, естественно, желал поменять накопленные рубли на западную валюту, однако консул в своей

объяснительной записке описывал разного рода затруднения для такой операции: невозможность точно определить курс обмена, явно заниженный советским государством; невозможность в целом удовлетворить репатрианта из-за ограниченного бюджета консульства и проч. В итоге Брамбилла депонировал в Одессе свои сбережения, получив позднее за них в Италии лиры, а также 120 долларов подъемных. Вероятно, его сбережения были довольно скромные, так как в Одессе Брамбилла работал вагоновожатым на трамвайной линии.

Финансовую сторону авторитетно разъяснило и специально этому посвященное письмо посла Итальянского королевства в Москве от 24 января 1938 г., где он сообщал, что советским законодательством запрещен вывоз валюты из страны, и посему предложен выход через депонирование, однако при этом принято решение не принимать от репатриантов «более двух-трех тысяч рублей».

Вместе с Брамбиллой в Италию отправилась его супруга Мария Бланшинки (Blanscinchi), также уроженка Одессы (родилась 29 июля 1886 г.), ее родная сестра Эмма (тоже одесситка, 1878 года рождения) и их престарелая мать, то есть теща Эрнесто Брамбиллы, тоже Мария, родом с Сицилии (родилась 5 марта 1855 г. в Мессине).

Брамбилла, живя в Одессе, сохранял, как следовало из досье, связи с итальянскими родными, в частности с дядюшкой Феличе Тоскано, который, похоже, не проявил особого участия к доле репатриантов (возможно, именно переписка с итальянским дядюшкой и стала причиной подозрений советских спецслужб и последующей высылки). В качестве возможного выхода из проблем Брамбиллы один высокий полицейский чин в Риме писал, что следует узнать экономическую ситуацию дядюшки и по возможности призвать его к ответственности, но неизвестно, сработал ли такой ход.

Эрнесто Брамбилла, взявший на себя ответственность и за трех выехавших с ним женщин, бомбардировал итальянские инстанции просьбами о субсидиях в качестве беженца (profugo). В одном письме он пишет о своем психологическом стрессе: «После 58 лет жизни в Одессе правительство СССР отказало мне

в виде на жительство, и я был вынужден уехать». Нажимал он и на патриотическую педаль: «Обо мне можно узнать в консульстве [в Одессе] как о верном итальянском гражданине (devoto cittadino italiano)».

Брамбилла добрался со своими просьбами и жалобами до самых высоких инстанций: в письме от 23 февраля 1938 г. министр внутренних дел Г. Буффарини предписывал префектуре Неаполя выделить единовременную субсидию, воспользовавшись особым государственным фондом для итальянских беженцев из Турции и Испании (для России такого фонда в Италии не завели). Вероятно, распоряжение министра было выполнено.

Родом из Одессы была и некая Мария Руттар (Ruttar), письмо которой от 21 марта 1938 г. тоже попало в неаполитанские полицейские папки. Бывшую одесситку направили на самый север Италии, в глухой тогда край Фриули – в местечко Сан-Леонардо-пер-Чивидале (San Leonardo per Cividale). Интересен выбор этой зоны, где всегда жило довольно компактное славянское население (словены) – итальянские власти посчитали, что русскоязычной репатриантке будет там проще пройти итальянизацию. Однако похоже, что Руттар чувствовала себя там неуютно, так как в своем письме она ходатайствовала о переводе в Триест, блестящий портовый город, где, по ее сведениям, для изгнанников (espulsi) были организованы специальные курсы итальянского языка.

Более отчаянное – письмо Марии Филипповны Курц (Curz). Не распространяясь о своей биографии, она переходит к главному: по прибытию в Неаполь ее поместили в богадельню, в «Reale Albergo dei Poveri», «Королевскую гостиницу для бедняков», учрежденную еще в XVIII в. При этом несчастной репатриантке почему-то не отдали ее багаж. Резюме Курц звучит почти как обвинительный акт: «Нам обещали другое!».

Фондов для помощи изгнанникам из СССР, как уже говорилось, не существовало: к лету 1938 г. их беды вышли уже на национальный уровень. 15 июня 1938 г. тот же министр Буффарини разослал по префектурам циркулярную телеграмму с наказом помогать им, указав без обиняков причину – «per ragioni politiche» (по политическим мотивам). Этой телеграмме предшествовали донесения с мест – так, 22 мая 1938 г. префект Неаполя г. Марциали

писал в Рим о своем бессилии: «Мы не можем им помочь… они родились в России… не знают итальянского…». Письмо префект заключал следующим образом: «Мы должны дать им чувство, что Родина их не оставила», – не указав, правда, какими конкретными мерами.

Свои невзгоды пространно изложил другой житель неаполитанской богадельни, Никола Патриарка (Patriarca), в письме в префектуру Неаполя от 26 февраля 1938 г. Он прибыл в Неаполь морским путем из Одессы 17 октября 1937 г. Первый месяц на средства из бюджета префектуры Патриарка жил в одной гостинице, но потом в середине ноября субсидия закончилась – и его выселили. Пять дней Никола провел на улице, «под дождем», пока не встретил одного неаполитанца, «говорящего по-русски»: тот взял у него в залог личные вещи и отвел жить в семью, где репатриант прожил зиму, пока и оттуда его не выселили. В итоге Никола попал все в ту же богадельню «Albergo dei Poveri». Отчаянное письмо заканчивалось так: «Мне 45 лет… я не говорю по-итальянски… но я никогда не был арестован… местные власти мне не помогают».

В богадельню «Albergo dei Poveri» был определен еще один репатриант, Арканджело Эспозито, родившийся под Неаполем в местечке Секондильяно (Secondigliano) 23 мая 1866 г. В Неаполь морским путем из Одессы он прибыл в марте 1938 г. Можно подсчитать, что репатрианту в тот момент было уже 72 года. В своем письме он просил вручить ему итальянские лиры, причитающиеся за советские рубли: покидая СССР, Эспозито сделал денежный перевод в итальянское посольство в Москве и теперь долго ждал результата.

Алессио (Алексей) Гамбарделла, прибыв в Италию с женой и с братом Владимиром (брата при этом «куда-то услали»), был определен в городок Кастелламаре-ди-Стабия, неподалеку от Сорренто, на берегу Неаполитанского залива. Однако, похоже, курортные красоты ему не приносили утешения. В письме Гамбарделлы от 26 марта 1938 г. сквозит тоска: да, он учит итальянский, «но без толку», по утрам приходит в муниципалитет и сидит там без дела до обеденного перерыва, когда ему приносят – туда же, в муниципалитет – еду; после обеда «слоняется по городу»…

Монументальная «Королевская гостиница для бедняков» в Неаполе – государственная богадельня, куда часто определяли итальянских репатриантов из СССР в 1937-1938 гг.

Другой репатриант, Эдоардо Амато, родился 17 октября 1896 г. в Неаполе. В эпоху нэпа, в 1922 г., миланская фирма «Rossari e Varzi», занимавшаяся продажей тканей, послала его в командировку в Советскую Россию. Командировка по причинам, не разъясненным Амато, затянулась на многие годы, более того, неаполитанец почему-то обосновался во Владивостоке, где он, впрочем, не чувствовал себя вполне уютно из-за «климата и хаотического правления». Несмотря на это, он продолжал там обитать, пока от властей не пришел строгий наказ – «стать русским или репатриироваться». Амато выбрал последнее…

В итоге в папку неаполитанской префектуры попали послания людей, травмированных насильственной репатриацией. Наверняка были и такие, которые нашли своих родных и, вписавшись в ситуацию, не слали письменных жалоб в разные учреждения.

К сожалению, окончание приведенных выше житейских историй неизвестно – в досье отразилась только их завязка: неустроенность и беды изгнанников. Однако нет сомнений, учитывая характерную для итальянского народа отзывчивость, что они как-то устроились. В любом случае, оставшись в СССР, они наверняка претерпели бы много больше бед… Мы можем предполагать, что обладатели звучных итальянских фамилий язык своих предков таки выучили. Можем предполагать, что они, в большинстве своем еще не старые люди, какое-то применение себе на исторической родине нашли.

Материал статьи собран в Государственном архиве Неаполя:
Archivio di Stato di Napoli, Prefettura, II versamento, Stanza 188, Fs. 1136.

От редакции. Из большой семьи итальянцев Брамбилла и сегодня в Одессе проживают двое хранителей фамилии – инженер Валентин Брамбилла и его сестра.

Анна Пойзнер, Михаил Пойзнер

Одесса: личные впечатления Александра Верта

Нынешнему поколению имя Александра Верта – известного английского историка XX века – мало о чем говорит. Однако еще совсем недавно это имя было на слуху практически каждого, интересующегося историей второй мировой войны.

Монография Александра Верта «Россия в войне 1941-1945» вышла в свет двумя изданиями в США (1964 и 1965 гг.), одновременно в Англии, Франции, ФРГ, Японии, Италии, Голландии, Мексике, Бразилии.

В Советском Союзе книга появилась только в январе 1967 г., сразу же став «притчей на устах у всех». Александр Верт открыл глаза западного читателя на подлинные события, происходившие на Восточном фронте и в России. На Западе о книге Александра Верта писали, что это лучшая книга, которую, вероятно, когда-нибудь мы будем иметь на английском языке о войне в России.

В июле 1966 г. в предисловии к русскому изданию Александр Верт утверждал: «*Что представляет собой эта книга? Ее ни к коем случае нельзя назвать официальной историей войн… Эта книга представляет собой в гораздо меньшей степени историю военных действий, чем человеческую историю, а отчасти также и политическую историю войны*».

В отечественной литературе того периода книг о войне, когда во главу угла поставлена человеческая история, еще не было.

Александр Верт родился в 1901 г. в Петербурге. Его отец, английский подданный Адольф Верт, был прибалтийским немцем, служившим на высокой должности в министерстве путей сообщения России. Мать – русская, по одной из версий она умерла сразу после рождения сына. В 1917 г., за несколько недель до Октябрьской революции, семья эмигрировала в Великобританию. В Шотландии, в Глазго, Александр Верт

получил высшее образование (1922 г.), стал журналистом. Много лет проработал в Германии, США, Франции.

В Советском Союзе – с июля 1941 по 1946 гг. – представлял газету «Санди Таймс», вел передачи на Би-би-си (программа «Русские комментарии»). Из его уст мир узнавал о событиях в далекой России.

Александр Верт писал о тех днях в запрещенной в СССР книге «Москва, 1941»: «…*Россия звала меня… Это было возвращение в свою родную страну, которую я покинул в 17-м году… но в то же время я отлично понимал, что прошлого искать не собирался… Эта война порождала во мне волну эмоций, но то, что происходило там в эти роковые дни, было настолько жизненно важно для русского народа, что отдаваться какой-либо глупой детской ностальгии было бы крайне неуместно».*

Александр Верт прошел с Красной Армией практически всю войну*. Он дружил со многими известными деятелями советской культуры, был близко знаком с военачальниками Жуковым, Рокоссовским, Малиновским, Соколовским, Чуйковым… Не с чужого голоса знал о страданиях нашего народа, о масштабах потерь и безграничном мужестве.

Александр Верт дорожил всем, что было так или иначе связано с минувшей войной. Его сын Николя Верт, видный французский историк и советолог, отмечал**: «…*Отец не носил военную форму. Зимой носил купленную в Москве в 41-м году старую шинель (из собачьей кожи). Он описал это в книге «Москва. 1941». Я еще помню эту… шинель. Когда мать скончалась (в 2000-м году), пришлось мне эту шинель выбросить…».*

Часто упоминание об Александре Верте встречается со словами «одним из первых». Одним из первых иностранных корреспондентов он доносил правду о битве под Москвой, об окружении немцев под Сталинградом, о Курской дуге и польской проблеме, оккупированной и освобожденной Одессе, советских партизанах и Тегеранской конференции, войне с Японией и Хиросиме…

Одним из первых иностранных корреспондентов в 1943 г. побывал в блокадном Ленинграде (в 2012 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет его ранее запрещенная в СССР книга «Пять дней в блокадном Ленинграде»).

* В связи с кадровыми перестановками на работе Александр Верт должен был срочно прибыть в Лондон в середине октября 1941 г., вернулся в Россию в конце мая 1942 г.

** Из письма Николя Верта авторам (23.03.2014 г.).

Одним из первых иностранных корреспондентов в декабре 1944 г. вошел в освобожденный Майданек и одним из первых написал о злодеяниях фашистов (на Би-би-си отказались передавать его материал, полагая, что все это маловероятно, и скорее всего, похоже на… советский пропагандистский трюк).

Одним из первых иностранных корреспондентов 24 сентября 1946 г. брал интервью у Сталина (!) – вопросы о международном положении и вероятности «новой войны» (с 1946 по 1949 гг. он – московский корреспондент газеты «Манчестер Гардиан»).

Зверства фашистов, варварство и геноцид настолько потрясли Александра Верта – знатока и любителя немецкой культуры, что он с тех пор отказался говорить по-немецки. «*Наоборот, жизнь в «России в войне» усилили его русофильство. Не ностальгическое русофильство эмиграционных парижских или пражских кружков, которое он издавна ненавидел, а новое советское русофильство, возникшее в ходе Великой Отечественной войны».*[*]

Александру Верту приходилось очень трудно. Из-за разногласий между союзниками правда о победах Красной Армии зачастую многих не устраивала. Несмотря ни на что, он доносил правду и только правду… Илья Эренбург в мемуарах «Люди, годы, жизнь» писал: «*Я вспомнил шутку английского корреспондента Александра Верта, который иногда приходил ко мне… Мой пес Бузу, шотландский терьер, в начале войны был контужен воздушной волной и смертельно боялся салютов, считая, что грохот орудий связан с неприятностями; как только радио передавало позывные, он начинал неистово выть. На такую сцену однажды попал Верт и сказал: «Теперь я вижу, что это действительно английская собака – боится советских побед».*

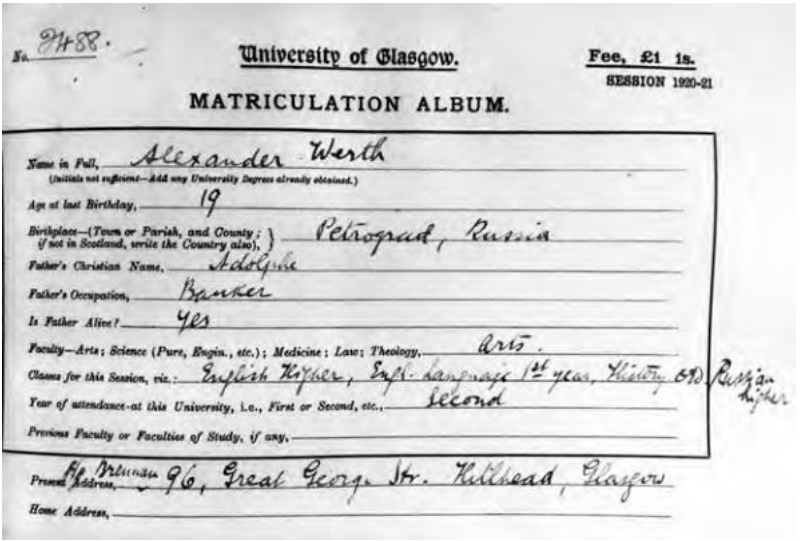
За такой шуткой стояло личное мужество Александра Верта и жгучая ненависть к фашизму.

Так или иначе, история и время все расставили на свои места, а книга Александра Верта «Россия в войне 1941-1945» до сих пор остается одним из наиболее ярких и впечатляющих повествований о Великой Отечественной войне.

Теперь об Одессе.

В середине апреля 1944 г., сразу после Умани, Александр Верт прибыл в только-только освобожденный город, еще охваченный дымом и пожарами. Что же он увидел?

* Из письма Николя Верта авторам (28.04.2014 г.).

No. 21488.

University of Glasgow.

Fee, £1 1s.

SESSION 1920-21

MATRICULATION ALBUM.

Name in Full, Alexander Werth
(Initials not sufficient—Add any University Degrees already obtained.)

Age at last Birthday, 19

Birthplace—(Town or Parish, and County; if not in Scotland, write the Country also), Petrograd, Russia

Father's Christian Name, Adolphe

Father's Occupation, Banker

Is Father Alive? Yes

Faculty—Arts; Science (Pure, Engin., etc.); Medicine; Law; Theology, Arts.

Classes for this Session, viz.: English Higher, Engl. Language 1st year, History, Russian Higher

Year of attendance at this University, i.e., First or Second, etc., Second

Previous Faculty or Faculties of Study, if any.

Present Address, 96, Great George St. Kelvinside, Glasgow

Home Address,

Регистрационная карточка студента Александра Верта (Университет Глазго, 1920 г.)

Собственно этому и посвящена часть седьмая, глава III «Одесса: личные впечатления» (в оригинале «Одесса – столица Румынской Транснистрии») книги «Россия в войне 1941-1945».

В русском переводе «России в войне 1941-1945» принимали участие 6 (!) человек и, как сказано доктором исторических наук, профессором, генерал-майором Е.А. Болтиным во вступительной статье к книге: «…*Сокращения, произведенные редакцией с согласия автора, коснулись главным образом цитат из советских газет и книг, а также некоторых маловажных деталей, устранение которых не сказалось на содержании труда*».

На примере раздела, касающегося Одессы, мы увидим, что это далеко не так.

Если говорить о корректности русского перевода одесского материала и степени его соответствия английскому оригиналу, то, по нашему мнению, так называемый «авторизованный перевод» оказался политически и идеологически выверенным по законам того смутного времени. Понятно, и как решался вопрос с *«согласием автора»*.

Последовательная линия Александра Верта по ряду принципиальных вопросов не могла устроить власть предержащих. Что же посчитали тогда опасным излагать «во весь голос» широкому кругу советских читателей?

Сравнение английского оригинала и русского перевода показало, что «чистка», прежде всего, коснулась:

– жизни населения, приспособившегося к «новому порядку»;

– эффективности партизанского движения;

– частично еврейского вопроса в период оккупации;

– масштабов бандитизма в освобожденной Одессе;

– предвзятого отношения Москвы к Одессе за «*легкие времена Транснистрии*».

Никто и ничто не ушло от цепкого взгляда Александра Верта. На какие же яркие «мелочи» и «маловажные детали» жизни оккупированного города обратил внимание Александр Верт? Таких «мелочей» оказалось много.

Поведение румынского духовенства, особенности перехода власти от румын к немцам, одесские проститутки, мысли вслух обычных горожан по поводу прихода «красных», румынские военнопленные, главные персоналии оккупации: губернатор Алексяну, мэр Пынтя и новые фигуранты – Петушков, Чернавский, Скрибан вкупе с другими ничтожествами – все это объекты его пристального рассмотрения.

Характеристики и описания четки, не допускающие двоякого толкования. Со слов самого Александра Верта: «*…Среди иностранных корреспондентов я, можно сказать, находился в привилегированном положении; я родился в Петербурге… говорю по-русски, как на родном языке. Поэтому я мог свободно и неофициально беседовать с тысячами людей, военных и гражданских*». По меньшей мере хотя бы в этой связи сомневаться в откровенности приведенных одесских монологов и диалогов не приходится.

Странно, что во вступительной статье к книге «Россия в войне 1941-1945» тот же Е.А. Болтин утверждал: «*…Нельзя признать удачной и главу, которую автор посвятил освобождению Одессы. Читатель, по существу, почти ничего не узнает из этой главы о героической обороне Одессы, о стойкости и мужестве ее населения и войск, защищавших город. Автор сосредоточил основное внимание на оккупационном режиме в Одессе, на поведении оккупантов и отдельных ничтожных*

групп населения, сотрудничавших с ними. Недооценил он и героизма одесских партизан и подпольщиков, к сообщениям о деятельности которых отнесся с плохо скрытым недоверием. Это результат неглубокого изучения фактов и опять же отсутствия личных наблюдений…». Такой вывод, однако, в полной мере можно было сделать, читая лишь полный английский вариант текста, то есть материал, изложенный без каких-либо купюр, допущенных при подготовке русского издания. Анализируя же текст русского издания, советский читатель мог только о многом догадываться. Вот такой парадокс…

Несправедливы упреки господина Е.А. Болтина в адрес автора. Напротив! Александр Верт все правильно оценил и все правильно недооценил. Его «хорошо и плохо скрытые недоверия» очевидны, логичны и имеют под собой достаточно прочную основу. Так, об эффективности партизанского движения в Одессе, жизни в катакомбах, пассивных и активных партизанах сегодня можно узнать из серьезной и глубокой литературы (прежде всего, исследования Александра Бабича – монографии «Отряд» и «Евреи в подполье», изданные в Одессе в 2013 г.). Оценки, когда-то выставленные Александром Вертом «одесским партизанам», оказались точны и всеобъемлющи. Если же поинтересоваться вопросом сотрудничества с оккупантами *«отдельных ничтожных групп населения»*, то в Государственном архиве Одесской области содержатся сотни страниц доносов и докладных записок, адресованных рядовыми одесситами румынским властям – «*…сотни страниц, исписанных чернилами или карандашом, – в ход шла папиросная бумага, оборотная сторона старых плакатов, даже внутренняя сторона конфетных оберток*»*. Так что не такими уж ничтожными были эти *«отдельные группы населения»*.

…Более полувека нас пытались убедить, что в период оккупации в Одессе никакой жизни не было, а если что и было, то это только героические партизаны и легендарные катакомбы. Писали о массовом неприятии населением оккупационного режима. Вторили, как все с нетерпением ждали прихода Красной Армии… С этой «исторической неправдой» все давно свыклись. Перелистывая же одесские страницы Александра Верта, все чаще задаешь себе вопрос: «Как получилось, что еще вчера люди (и не только в Одессе), проявляя массовый трудовой и другой героизм, возводили баррикады, выпускали оружие, боеприпасы и прочее, а буквально на следующий день после прихода оккупантов практически

* Чарльз Кинг. «Одесса: величие и смерть города грез». – М.; 2013.

так же массово и стадно продолжали жить по установленным новыми хозяевами правилам? Заложено ли это в природе человеческой либо привнесено текущей «жизнью с оглядкой», отметающей человеческое достоинство?

Нет и не может быть однозначных оценок жизни в любом оккупированном и освобожденном городе. Тем более в Одессе. Все было… Беспримерный героизм и бессмысленное самопожертвование, отчаянное шкурничество и любовь по большому счету.

Даже с 70-летней дистанции Одесса и одесситы Александра Верта весьма узнаваемы. Взгляд Александра Верта – это взгляд человека, вооруженного особым увеличительным стеклом. Случайно брошенная фраза, заметки в румынских и немецких газетах, объявления и афиши, водоснабжение города, румынские учебники «для русских», цены на рынках, урожай пшеницы, даже откровения директора разрушенного Дворца пионеров и любые мельчайшие детали того периода не ускользнули от его заинтересованного внимания.

Записи Александра Верта при всей кажущейся сумбурности – это объективный слепок с того страшного времени. Это аккуратный конспект, в котором отражены буквально все стороны жизни города – от бытовой составляющей, «следов румынской оккупации» и человеческих судеб до военно-стратегических приоритетов. От Александра Верта мы узнаем, что в 45-м году Одесса была центром по отправке английских, американских, французских военнопленных, которые жили в Аркадии. И многое-многое другое, неизвестное ранее или сознательно скрываемое.

В целом нельзя не заметить, что страницы Александра Верта пронизаны добрым и даже заинтересованным отношением к Одессе, он тонко чувствует одессита, *«…который независимо от того, украинец… русский или молдаванин, всегда прежде всего одессит»*. Он не скрывает восхищения одесскими улицами, *«знаменитыми своей белой акацией»*, он прекрасно ориентируется в вопросах истории Новороссийского края.

Поразительно, как при таком сравнительно небольшом объеме повествования (всего неполных 11 страниц) Александр Верт смог различить самое главное. Еще более поразительно, что его утверждения и сомнения, высказанные 70 лет назад, подтверждены временем.

…После войны жизнь Александра Верта складывалась по-разному.

Из письма Николя Верта авторам: *«…С возникновением и развитием «холодной войны» Александр Верт очутился в сложной ситуации:*

с одной стороны, как прямой свидетель неизмеримых страданий советского народа во время войны он отвергал идею о военной угрозе Советского Союза по отношению к Западной Европе, идею которого почти вся западная пресса стала развивать со второй половины 46-го года. В такой обстановке независимая позиция Александра Верта, который утверждал, что Россия глубоко устала от войны и не собирается угрожать Европе и миру, становилась неслышимой на Западе. С другой стороны, советские власти стали все более и более в годы «ждановщины» опасаться этого «укоренившегося» в России иностранного журналиста, постоянно общающегося с видными представителями столичной интеллигенции, репортажи которого неоднократно затрагивали «запретные» темы, такие как страшная участь инвалидов войны или голод начала 47-го года в отдельных районах России, Украины и Молдавии. За Александром Вертом стали следить, а в начале 48-го года дело дошло до преследования и даже ареста некоторых его близких знакомых и друзей. Оставался один выход: вернуться на Запад…»

По-прежнему Александр Верт оставался большим другом Советского Союза, активным борцом за мир, за что подвергался на Западе многолетней травле и шельмованию.

23 мая 1965 г. из Парижа в письме к Илье Эренбургу* Александр Верт писал: *«Я все эти годы всегда тепло вспоминал о наших дружеских встречах во время войны; и если в 1943-50 гг. и были какие-то «недоразумения», то я теперь вполне понимаю, что время было очень тяжелое и что Вы тут были ни при чем… Меня стали травить за то, что я подписал Стокгольмское воззвание**. В течение 4-х лет я был фактически безработным. Из газеты «Манчестер гардиан» меня с треском выгнали в 1949 г., т. к. я не соглашался с политикой «холодной войны» и ограничивался лишь критикой «ждановщины»… Вы, наверное, не знаете, что в 1953 г. меня с таким же треском выставили из «левого» журнала «New Statesmen», т. к. я осмелился написать, что вся история с Дюкло***… мерзкая и идиотская полицейская провокация… А американцы*

* Илья Эренбург. «Я слышу все». Почта 1916-1967. – М.: Аграф, 2006.

** Имеется в виду воззвание Всемирного совета мира 19 марта 1950 г. с требованием запрещения ядерного оружия.

*** Имеется в виду арест в мае 1952 г. члена политбюро ФКП Жака Дюкло (1896-1975) из-за организованных ФКП массовых выступлений трудящихся против приезда во Францию американского генерала Риджуэя.

совсем взбесились. Я начинаю ненавидеть этого Джонсона[*] (за чью победу на выборах мы, как дураки, молились) почти так же, как в свое время покойного Гитлера. Разве Вьетнам – не та же Испания, и не будет ли Куба второй Чехословакией[**]?».

Как никто другой, Александр Верт понимал, что политика «холодной войны» никак не способствует делу мира, по-прежнему считая Советский Союз оплотом добра и справедливости. Из интервью Николя Верта (радиостанция «Эхо Москвы», 4 апреля 2009 г.): «…*Он* [Александр Верт] *никогда не был коммунистом, но он надеялся, что система изменится* (в СССР. – Прим. авторов) *к лучшему, конечно, ну, в общем… Он хотел вернуться, но он надеялся, что в России будет лучший строй…»*

Увы, надежды Александра Верта не оправдались…

В августе 1968 г. Советский Союз ввел войска в Чехословакию, «пражская весна» была раздавлена. Александр Верт, так веривший в социализм с человеческим лицом, был потрясен этими событиями. Это стало его личной трагедией.

Много лет Александр Верт работал над книгой «Россия в мире», глубоко веря в демократическое будущее Советского Союза. Но после Чехословакии он понимал, что уже не сможет вернуться к ее первоначально задуманному названию. В итоге книга была названа «Россия: надежды и опасения» («Russia: Hopes and Fears»).

5 марта 1969 г. в Париже Александр Верт покончил с собой.

…Из письма Николя Верта авторам: «…*К сожалению, у меня осталось мало воспоминаний об отце. Он умер… когда мне было 18 лет, и со мной он мало делился – увы – военными воспоминаниями. К сожалению, не сохранились и архивы А. Верта. Остались лишь письма позднего периода (50-60 годы)».*

Военные архивы Александра Верта не сохранились… Тем более, может быть, и поэтому, все написанное им и опубликованное без купюр – бесценно.

…В жизни Одессы были страницы яркие и тусклые, героические и откровенно постыдные. Все же ничего нельзя перечеркнуть или приукра-

* Линдон Джонсон (1908-1973) – 36-й президент США, начавший войну во Вьетнаме.

** Имеется в виду сдача Францией и Англией в 1938 г. Чехословакии Гитлеру в результате подписания мюнхенских соглашений.

сить задним или передним числом, в угоду кому-то или чему-то. Все непременно проступит через время и больно даст о себе знать в самый неподходящий момент.

Нам интересна и небезразлична всякая Одесса, Одесса и одесситы во всех проявлениях. Собственно этому и учит книга Александра Верта «Россия в войне 1941-1945».

Позорно уподобляться двоечнику, вырывающему замаранные и неугодные страницы из своего дневника. Так или иначе абсолютно все страницы истории Одессы принадлежат нам.

Одесса должна быть благодарна Александру Верту за то, что он посвятил ей несколько мгновений своей жизни и творчества.

Ниже впервые приведен русский перевод полного текста об Одессе, соответствующий английскому оригиналу, – строки, «потерянные» при редактировании и подготовке русского издания книги «Россия в войне 1941-1945» (часть седьмая, глава III), выделены.

Глава III

Одесса – столица румынской Транснистрии***

В апреле-мае 1944 г. немцы были окончательно изгнаны из южных районов Украины. Войска 2-го Украинского фронта под командованием Конева, развивая стремительное наступление, вступили в Северную Румынию, и только когда они достигли линии, проходившей километрах в двадцати восточнее Ясс, фронт временно стабилизировался. 2 апреля Советское правительство объявило о вступлении Красной Армии на румынскую территорию и о том, что оно не преследует цели изменения «существующего общественного строя» (то есть капитализма) в этой стране. Тем временем войска 3-го Украинского фронта под командованием Малиновского продолжали свое наступление вдоль Черноморского побережья и освободили Херсон, Николаев и Одессу. 11 апреля было объявлено о переходе Красной Армии

*** Название главы в русском переводе: «Одесса: личные впечатления».

в наступление в Крыму, который являлся последней крепостью Гитлера на Черном море. Не прошло и месяца, как Крым был очищен от врага.

В Одессе – этом «русском Марселе» – существовала весьма своеобразная обстановка: в течение всего периода оккупации (за исключением последних нескольких недель, когда всю власть взяли в свои руки немцы) она находилась не под немецким, а под румынским господством. Чтобы вознаградить королевскую Румынию за ее участие в войне против Советского Союза, Гитлер отдал ей обширную и богатую территорию на Юге Украины, простиравшуюся от Бессарабии до Южного Буга; сюда входил и крупный черноморский порт Одесса. Вся эта территория была включена в состав так называемой «великой Румынии» в качестве новой провинции под названием «Транснистрия» (то есть Заднестровье).

Войска Малиновского освободили Одессу 10 апреля, и немцы, боясь попасть в окружение, в панике бежали из нее: одни – морем, под почти непрерывной бомбежкой и артиллерийским обстрелом советских войск, другие – по последней остававшейся еще в их распоряжении дороге между Одессой и устьем Днестра, откуда их переправляли на пароме в те части Бессарабии и Румынии, которые еще не были заняты Красной Армией. К моменту освобождения Одессы вся эта дорога была усеяна разбитой техникой, брошенной немцами при отступлении. Однако при всей поспешности, с какой немцы покидали Одессу, они успели превратить портовые сооружения, большинство заводов и фабрик города и многие другие крупные здания в дымящиеся груды развалин.

В одно чудесное весеннее утро в середине апреля я выехал из одного населенного пункта, севернее Николаева, на восточном берегу Южного Буга, в Одессу. Южный Буг служил границей между оккупированной немцами и аннексированной румынами частями Украины, и гражданскому населению было запрещено переходить через эту границу без специального разрешения. Но с февраля 1944 г. немцы совсем перестали считаться с фиктивной принадлежностью Транснистрии к Румынии.

Немецкие войска пытались угнать с собой скот, но, поскольку им так и не удалось переправить коров через Южный Буг, они

перестреляли их, и зеленые берега реки были завалены десятками трупов животных, которые уже начали разлагаться.

Местность между Южным Бугом и Одессой представляла собой типичную степь, и, проезжая среди расстилавшихся по обе стороны дороги бескрайних зеленых ковров озимой пшеницы, **так старательно посеянной осенью, и урожай которой теперь уже будут собирать русские,** мы иногда на протяжении многих километров не видели ни одной деревни.

Кое-где нам попадались поля под паром, но их было немного. Однако что больше всего поразило нас на нашем пути – это несколько совершенно безлюдных деревень. Они не походили ни на русские, ни на украинские деревни. Дома в них пестрели яркими красками, к небу тянулись шпили церквей – лютеранских, а может быть, католических, поскольку мы видели несколько придорожных католических распятий. Это были деревни немецких колонистов, которые жили здесь на протяжении полутора веков, а в последние годы выполняли функции квислинговцев, занимая различные административные и полицейские должности, предоставлявшиеся им немцами на восточном берегу Южного Буга. Те, кто остался жить в «великой Румынии», выступали здесь в роли высокомерного немецкого меньшинства и, несомненно, уже готовили весьма неприятные сюрпризы для румынского «большинства». Однако стремительное наступление Красной Армии вынудило их покинуть свои жилища. Позднее, в Одессе, мне попалась на глаза газета на немецком языке под названием «Дер Дейче ин Транснистриен» («Немец в Транснистрии»), в которой этот край фактически рассматривался как часть «германского достояния», а о румынах даже не упоминалось! Однако всего лишь несколько недель назад Гитлер еще считал своим долгом поддерживать миф о «великой Румынии» и делать вид, что признает Транснистрию румынской провинцией, а Одессу – румынским городом.

Мы подъезжали к Одессе уже в сумерках, и по мере нашего приближения к Черному морю местность становилась все холмистее, и то тут, то там были заметны следы боев. Повсюду вдоль дороги валялось множество трупов лошадей, а здесь, на этих оголенных ветрами холмах на побережье Черного моря, мы опять видели

конские трупы, воронки от бомб, а время от времени и трупы людей. В одном месте мы проехали мимо огромного памятника, воздвигнутого румынами в память о взятии Одессы в 1941 г. Именно здесь, по этим холмам, проходило тогда кольцо советских оборонительных укреплений вокруг Одессы.

И вот мы уже в Одессе, на улицах которой чувствовался едкий смрад пожарищ.

Одесса была погружена в непроглядную тьму. Немцы, которые на протяжении последних двух недель хозяйничали в городе, взорвали в нем перед уходом все электростанции; и, что было еще хуже, город остался без воды, если не считать небольших ее количеств, которые давали артезианские колодцы. В нормальных условиях Одесса снабжалась водой из Днестра, но теперь трубопроводы были взорваны. Сейчас, как и в те два месяца суровой осени 1941 г., пока длилась осада города, он целиком зависел от собственных колодцев.

В гостинице «Бристоль», где мы остановились, для умывания выдавалась бутылка воды в день. **Эта гостиница «Бристоль», огромное величественное абсурдно выглядевшее здание с декоративными кариатидами, поднимающимися чуть ли не в три этажа, находилась на Пушкинской улице.** Все окна в здании были выбиты. Гостиницу обслуживали два швейцара – старик с черной бородой, бывший одесский портовый рабочий или биндюжник, с хриплым голосом и резким неприятным смехом, и его помощник – жуликоватого вида старикашка с седой бородкой. Оба обычно стояли на тротуаре перед гостиницей, **рассматривали одесских девиц в легких платьях, проходящих мимо группами по четыре или пять, отпуская в их адрес непристойные замечания, а старикашка с седой редкой бородкой, ухмыляясь, рассказывал забавные истории, например о двух девицах, которые жили с ним в одном доме, одна из которых «специализировалась» на румынах, а другая – на немецких офицерах, и как потом они обменивались своими «впечатлениями».**

Здесь не существовало никаких запретов. Это была Одесса с ее неистребимым душком уголовного мира, воскрешавшим в памяти похождения бабелевского Бени Крика – короля одес-

ских гангстеров, **которых невозможно будет истребить даже через сто лет советской власти**.

Правда, это была уже не та Одесса, какую мы знали в прошлом. Прежде всего, это была Одесса без евреев, а они составляли в свое время очень большую часть населения этого черноморского порта, – они, армяне, греки и другие представители средиземноморских или околосредиземноморских народов.

И все же здесь по-прежнему можно было встретить одессита, который независимо от того, украинец он, русский или молдаванин, всегда прежде всего одессит, говорящий на собственном жаргоне, с характерными словечками и выражениями, а также с присущим только одесситу акцентом. Очевидно, многие из таких одесситов чувствовали себя как рыба в воде во внешне беспечной Одессе, какой она была при Антонеску, – начиная от ее ресторанов и «черного рынка», ее домов терпимости и игорных притонов, клубов для игры в лото, кабаре, атрибутами европейской культуры, **заканчивая оперой, балетом и симфоническими концертами.**

Здесь действовала сигуранца – румынская тайная полиция, ибо здесь было большевистское подполье (причем подполье буквальное, скрывавшееся в одесских катакомбах) и были евреи, многие тысячи которых потом сигуранца истребила. Но оккупационный (или, вернее, аннексионный) режим румын имел много других черт, отличавших его от немецкого оккупационного режима, следы которого я видел в таких городах, как Воронеж, Орел или Харьков.

Пока шансы держав «оси» на победу казались благоприятными, румыны намеревались превратить Одессу во второй, только более веселый и беззаботный Бухарест. И дело заключалось не только в том, что они открыли здесь рестораны, магазины и игорные притоны и что Антонеску торжественно появлялся в бывшей царской ложе Одесской оперы, – здесь была предпринята также серьезная попытка убедить население города, что оно является и останется частью населения «великой Румынии». В отличие от того, что делали в оккупированных городах немцы, румыны не закрыли ни университета, ни школ. Школьников заставляли изучать румынский язык, а студентов

предупредили, что если они в течение года не научатся говорить по-румынски, их исключат из университета (правда, после Сталинграда румыны больше не настаивали на этом). Они продолжали распространять румынский учебник географии, переведенный на русский язык, где доказывалось, что практически вся Южная Россия «с геополитической точки зрения» является частью Румынии и населена в основном потомками древних даков. Тем, кто мог доказать, что в его жилах течет хоть капля молдаванской крови, были обещаны всевозможные привилегии; иметь бабушку-еврейку грозило серьезными неприятностями, наличие предков-молдаван приравнивалось чуть ли не к обладанию дворянским титулом.

Одна особенность отличала Одессу от городов, оккупированных немцами. Одесса была полна молодежи. Это была счастливая случайность: румыны считали Транснистрию составной частью своей страны, а ее жителей – будущими румынскими гражданами. Конечно, после Сталинграда они уже не были столь твердо уверены в том, что им удастся сохранить Одессу, но продолжали поддерживать эту фикцию. Потому-то подавляющее большинство одесских юношей и девушек не были угнаны ни в Германию, ни в какое-либо другое место. Не призывали молодых одесситов и в румынскую армию, поскольку, с точки зрения румын, на них абсолютно нельзя было положиться. Только в последние несколько недель оккупации, когда власть в городе перешла к немцам, небольшое число одесситов, которым просто не повезло, было все же угнано в Германию; однако большинству молодежи удалось избежать этого – отчасти благодаря советскому подполью.

В эти первые дни после освобождения Одесса все еще сохраняла множество следов румынской оккупации, длившейся два с половиной года.

Вдоль всей Пушкинской улицы, а также на других, знаменитых своей белой акацией улицах Одессы, названных по именам видных деятелей XVIII в. – основателей города (Ришелье, де Рибаса, Ланжерона), все еще красовались объявления лотошных клубов и кабаре, вывески с написанными

на них по-румынски словом «Бодега» (теперь эти «бодеги» были закрыты) и обрывки воззвания на румынском, немецком и русском языках (но не на украинском): «Мы, Ион Антонеску, маршал Румынии, профессор Л. Алексяну, губернатор Транснистрии» и т. д., и т. д. На одном из больших зданий виднелась вывеска «Гувернэмынтул Транснистрией», а таблички на автобусных остановках (отнюдь не означавшие, что в городе продолжали ходить автобусы) гласили, что первый автобус «Аэропорт – латара» (вокзал) отходит в 7 часов 15 минут утра. Театральные афиши сообщали о музыкальных спектаклях в «Театрул де опера ши балет, **Одесса**» **(это, между прочим, означало, что Одессу не переименовали в Антонеску)**. В Одессе имелось также много других развлечений, даже симфонический оркестр германских ВВС дал здесь концерт (правда, он состоялся 27 марта, когда власть была в руках немцев, – **они исполняли «Неоконченную симфонию» Шуберта, скрипичный концерт Бетховена и Пятую симфонию Чайковского)**. Существовало здесь и несколько пошивочных ателье, и множество других мелких мастерских, чьи владельцы теперь исчезли. Свободное предпринимательство всевозможного рода, как видно, вовсю процветало в Одессе при румынах. **Румыны были спекулянтами, и половина жителей Одессы, а возможно, больше, тоже занимались спекуляцией. Не были ли спекуляция и торговля у одесситов в крови?** Румынские генералы возили из Бухареста целыми чемоданами дамское белье и чулки и заставляли своих ординарцев продавать все это на рынке. Даже и сейчас еще на рынке можно было купить много различных мелочей – немецкие карандаши, венгерские сигареты, немецкие сигареты (называвшиеся «Крым» и изготовлявшиеся в Крыму) и даже флаконы духов, а также чулки, правда, последние уже становились редкостью и продавались только из-под полы. Милиция зорко следила за подобного рода торговлей, и одесситы на рынке выглядели несколько притихшими. **Самым шумным был слепой человек в сопровождении старухи, которая гремела копилкой с деньгами, поднося ее прямо к лицам прохожих, а слепой заунывно и проникновенно затягивал:**

Знают все мою квартиру,
Там живу среди могил,
Рвались там снаряды злые,
Жизнь свою там положил...

На рынке продавали варенье по 20 рублей банка и хлеб по 10 рублей кило (что было очень дешево); на прилавках было много молока; кое-кто продавал также немецкий яблочный сок в бутылках. Пара шелковых чулок из-под полы теперь стоила 300 рублей. А продавщицы все еще называли цену в марках, хотя имели в виду рубли. В качестве оберточной бумаги употреблялись немецкие газеты. **Позже все эти роскоши «нового порядка» исчезли, и цены взлетели.**

Хотя порт с его доками и элеваторами представлял собой груды дымящихся развалин, на Приморском бульваре с его видом на порт и на море, как обычно, толпилась молодежь. Многие сидели на скамейках или на ступенях знаменитой лестницы (увековеченной в эйзенштейновском «Броненосце «Потемкине»).

Припоминаются мне, в частности, двое парнишек – один белокурый, другой с начинавшими пробиваться черными усиками, – которые рассуждали на своем одесском жаргоне о страшных разрушениях, причиненных немцами порту и другим районам города, а особенно промышленным предприятиям на Молдаванке и на Пересыпи. Они вспоминали также, как в последние две недели немецкой оккупации им приходилось скрываться со своими приятелями в подвалах и в катакомбах – выходить на улицу, даже до наступления комендантского часа (3 часа дня), было опасно: немцы могли схватить их и отправить в Германию или же просто застрелить. Упоминая о немцах, они прибегали к самым изощренным ругательствам и говорили, что румыны здесь здорово откормились к тому времени, когда в феврале все захватили немцы. **«Я интересуюсь, – говорил парень с черными усиками, – как «красные» поступят с купанием в море?» (Тогда в Одессе многие говорили о «красных».) С его слов, на протяжении прошлого лета румыны разрешали пользоваться только одним пляжем, и в жаркие дни выстраивались очереди по 20 тысяч человек. «Сейчас проклятые немцы заминировали все пля-**

жи и, возможно, нельзя будет купаться вообще». В общем, они были довольны приходом Красной Армии, потому что при немцах было действительно ужасно. Румыны по крайней мере оставляли «большинство людей» в покое, хотя некоторым, особенно евреям, здорово досталось от сигуранцы. Однако, в общем-то, румыны не очень придирались к людям.

«Можно было жить» – на рынке было полно продуктов, и у румынских солдат всегда можно было купить множество всяких вещей.

«Что же случилось с евреями?» – спросил я. «О, – ответил блондинчик, – говорят, очень много их отправили на тот свет, но сам я этого не видел. Некоторым удалось спастись – за небольшие деньги у румын можно было купить что угодно, даже паспорт на имя Ришелье. У нас в подвале жила одна еврейская семья; раз в неделю мы носили ей что-нибудь поесть. Румынские «фараоны» знали о ней, но и ухом не вели. Они говорили, что столько евреев было истреблено лишь потому, что этого требовали немцы. «Не уничтожите евреев, не получите Одессы», – заявляли немцы румынам. По крайней мере так нам говорили румыны».

«Губернатор Транснистрии» профессор Алексяну избрал в качестве своей резиденции чудесный Воронцовский дворец на Приморском бульваре, в котором до оккупации размещался Дворец пионеров. Теперь, после освобождения, он снова станет Дворцом пионеров. Алексяну, как рассказывали в Одессе, предоставил сигуранце полную свободу рук. В феврале 1944 г. его сняли в связи с колоссальными растратами, в которых, по разговорам, он был замешан. Алексяну тратил казенные деньги не на общественные нужды, а больше на хорошенькие ножки. **Действительно, до февраля 1944, пока не пришли немцы, он заботился о благосостоянии школ и университетов, и как результат – университеты и лаборатории, и все остальное не было разграблено. Алексяну, как говорили, был «высоким мужчиной с вытянутым лицом и каштановыми волосами – тип, очень любимый женщинами». Его кабинет возглавлял Черкавский, белогвардеец, хотя, в основном, с ним работали люди из Бухареста.**

После смещения Алексяну губернатором был назначен генерал Потопяну, руководивший осадой Одессы в 1941 г. Его власть была уже сильно ограничена. Ибо с февраля 1944 г. неофициально – а с 1 апреля вполне официально – в Одессе всем распоряжались немцы.

К концу оккупации немцы отказались даже от самого названия «Транснистрия» и взяли под свой контроль железные дороги и все остальное (что сильно возмутило Антонеску). Их чрезвычайно тревожили два обстоятельства: во-первых, возможность того, что кто-либо из румынских генералов в Одессе или где-нибудь еще может «поступить, как Бадольо»*, и, во-вторых, распространение среди румынских солдат коммунистических идей и пораженческих настроений.

До перехода Транснистрии под контроль немцев румыны разделили ее на тринадцать округов; во главе каждого округа стоял префект; в самой Одессе имелся мэр Герман Пинтя, бывший мэр Кишинева. Полиция состояла из румын. Но, кроме того, здесь имелась сигуранца.

Пинтя был свергнут немцами, на его место посажен русский квислинговец по фамилии Петушков. Он был последним мэром Одессы – прибыл 24 марта и уехал 9 апреля. Он был инженером, мэром Сталино при немцах. Толстый короткий человечек сорока шести лет; всю работу за него делал немецкий майор.

При румынах в Одессе было открыто тридцать церквей, в том числе несколько лютеранских и римско-католических. Православному духовенству Одессы румыны приказали порвать все связи с Московским патриархом и признать власть Одесского митрополита Никодима, человека, жившего со своими новыми хозяевами душа в душу. **Румыны направили церковную миссию из 12 священников во главе со Скрибаном – профессором теологии из Бухареста.** Священники, приехавшие из Бухареста, захватили несколько лучших домов в Одессе, в том числе дом митрополита и других высших духовных лиц. Они забрали себе

* Назначенный после падения диктатуры Муссолини премьер-министр Италии, маршал Бадольо, подписал 3 сентября 1943 г. договор о капитуляции Италии и 13 октября 1943 г. объявил войну Германии.

также все лучшие приходы. Настоятель Успенского собора отец Василий рассказал мне, что из-за этого русские священники были поставлены «в весьма неблагоприятные условия, и многим из них пришлось искать себе другие приходы в сельской местности». Отец Василий сказал, что румынские священники вели в Одессе очень разгульный образ жизни, **а более всех сам Скрибан. Скрибан давал русским священникам разрешения на получение приходов: чем лучше приход, тем больше взятка.**

Наконец, он был отправлен обратно в Бухарест, потому что его поведение стало слишком скандальным. На его место был назначен Виссарион – митрополит Бессарабии и Черновцов. Он торжественно и триумфально въехал в Одессу в карете в сопровождении румынской кавалерии, однако вскоре между ним, представляющим церковь, и губернатором Алексяну, представляющим светскую власть, возникла конфликтная ситуация. В итоге митрополит Виссарион, который въехал в Одессу как царь, добирался до железнодорожного вокзала в дрожках с одним чемоданом.

Румыны не изображали из себя или почти не изображали «расу господ» и, по правде говоря, они и немцы недолюбливали друг друга (исключением являлись разве что лишь высшие сферы). Победители и побежденные нашли общий язык на почве бизнеса и «черного рынка». Но ни украинцы и русские, ни румыны не могли в конце концов долго принимать Транснистрию всерьез. В течение одного года (до Сталинграда) – но не дольше – еще могло казаться, что румыны обосновались здесь надолго. Но потом многим энтузиастам «свободного предпринимательства» среди одесситов пришлось действовать гораздо осторожнее, сотрудничая с новыми хозяевами. К тому же после поражения румынских войск на Дону оккупанты явно впали в уныние и все больше боялись, что немцы вообще выкинут их из Транснистрии. Все знали, что даже Антонеску возмущался теперь неизменно возраставшими требованиями Гитлера, которому нужны были все новые и новые партии румынского пушечного мяса.

Что делала в Одессе сигуранца? Многие одесситы утверждали, что она была не лучше гестапо и что помимо расстрелянных

ею 40 тыс. евреев* на так называемом Стрельбище она уничтожила, особенно в первый период оккупации, еще около 10 тыс. человек, в числе которых было много коммунистов, людей, заподозренных в том, что они коммунисты, и заложников, схваченных после того, как на улицах кто-то стрелял в румынских офицеров или где-то были брошены бомбы и т. д.

Единственным смягчающим обстоятельством для сигуранцы являлась ее чрезвычайная продажность. Пользуясь ею, многие евреи, которым это было по средствам, приобретали «арийские» документы или по крайней мере получали разрешение уехать в деревню. Есть доказательства того, что хотя румыны готовы были и сами убивать евреев, они оказывали сопротивление немецкому «вмешательству» в Одессе.

Также имеются определенные сомнения в эффективности советского подполья**, которое действовало из запутанного лабиринта одесских катакомб – подземных коридоров, протянувшихся на десятки километров в длину, иногда на глубине до 30 метров под землей. О «единственных в мире городских партизанах» и некоторых их коммунистических руководителях, таких как С.Ф. Лазарев, И.Г. Илюхин и Л.Ф. Горбель, которые действовали на протяжении всего периода румынской оккупации, держа захватчиков в состоянии вечного страха, было написано к концу войны (особенно В. Катаевым) много романтических историй. Создается впечатление, что на деле советское подполье в Одессе использовало катакомбы (а потайные входы в них вели из многих зданий) только в случаях крайней необходимости, и что хотя там были спрятаны некоторые запасы продовольствия и оружия, лишь очень незначительное число людей фактически жило в катакомбах в течение сколь-

* В 1941 году в Одессе проживало более 150000 евреев, но примерно две трети были эвакуированы по морю с большей частью армии и другими гражданскими лицами. Когда в июне 1944 года я побывал в Ботошанах – части Румынии, занятой русскими, то нашел там большое скопление еврейского населения, которое не было истреблено румынами, несмотря на приказы немцев. Существовали разногласия в правительстве Румынии по еврейскому вопросу (см. Райтлингер. «Окончательное решение». – Лондон, 1953, с. 404).

** В русском переводе эта часть предложения звучит как «В Одессе много рассказывали о советском подполье»

ко-нибудь продолжительного времени. **Ходили слухи, что некоторые евреи прожили там весь период оккупации. Однако крайне высокая влажность катакомб делает эти слухи весьма сомнительными.**

Можно, однако, с уверенностью сказать, что с конца 1943 г. (но не раньше), и особенно в последний месяц немецкой оккупации, катакомбы приобрели гораздо большее значение. Благодаря усилиям советских подпольных организаций они стали прибежищем для одесской молодежи, которой грозила высылка, и для многих эльзасцев, поляков и особенно словаков, дезертировавших из германской армии. Некоторые из партизанских руководителей, встреченных мной в Одессе вскоре после ее освобождения **(на вид типичных биндюжников маргинального типа)**, утверждали, будто в катакомбах скрывалась хорошо вооруженная десятитысячная армия, а ее вооружение было по большей части куплено у румынских и немецких солдат на «черном рынке»; будто в катакомбах был развернут «катакомбный госпиталь» с «12 хирургами и 200 человек обслуживающего персонала»; и, наконец, будто там имелась не только «катакомбная пекарня», но даже и «катакомбная колбасная фабрика». Все это, однако, отнюдь не является достоверным и должно приниматься с серьезными оговорками.

Исключая последние недели оккупации, когда Одесса была под немцами, «обычных» опасностей (таких, как угроза депортации) для «большого» партизанского движения не было, и даже позже большинство людей, которые ушли в катакомбы, были скорее пассивными, чем активными партизанами. Я лично увидел в катакомбах лишь несколько пулеметных гнезд, прикрывавших важнейшие входы, некоторое количество неприкосновенных запасов продовольствия, ряд артезианских колодцев и складов оружия. Вполне возможно, что в последние критические недели в катакомбах и вправду скрывалось несколько тысяч человек, однако заявления некоторых командиров партизан о том, что подполье ликвидировало сотни немцев и остановило разрушение Одессы (оно, кстати, не остановило уничтожение порта и практически всех заводов) больше выдумки. Однако серьезные советские послевоенные исследования,

посвященные истории войны, уделяют «партизанам из катакомб» очень мало внимания и, уж конечно, не изображают их как крупную подпольную армию, которая (как уверяли меня 14 апреля 1944 г. некоторые руководители партизан) «была в состоянии занять Одессу и вышвырнуть из нее немцев, если бы Красная Армия не подоспела вовремя».

За эту неделю я видел в Одессе много военнопленных, и среди них примкнувших к партизанам словаков и эльзасцев. У них, особенно у словаков и некоторых поляков, чувствовался высокий боевой дух; эти настроения были типичны для оккупированной Европы тех дней, для ее быстро возраставших надежд. Румынские военнопленные были и физически, и морально надломлены, а когда одного из них спросили, что он делал во время войны, тот бодро ответил, что он вот уже три года как дезертир. **Другой, оказавшийся таксистом из Бухареста, говорил, что надеется на то, что король Кароль и мадам Лупеску (очень хорошая женщина) вернутся, потому что при них жизнь была веселой, а у таксистов было много работы.** Все румыны с надеждой задавали один вопрос: «Что, Бухарест уже взяли?». Немцы, однако, выглядели мрачными, и лишь немногие из них отваживались признать, что Гитлер проиграл войну.

Центральная часть Одессы в основном сохранилась, хотя большинство заводов и фабрик в ее предместьях было разрушено. Но жизнь – новая, советская жизнь – начинала уже кое-где налаживаться. Детей уже приглашали снова записываться в Воронцовский дворец – ныне снова Дворец пионеров, – стеклянный купол которого был разбит советским снарядом, предназначавшимся для порта. **Директор Дворца пионеров была возмущена. «Такое варварство», – говорила она. Алексяну жил здесь на широкую ногу с любовницей и, вполне естественно, что он «восстановил» дворец по собственному вкусу – перекрасил стены императорской гостиной с канделябрами в кремовый цвет. «И краски кремового цвета, – заметила она, – размазаны по фрескам, изображающим дореволюционное «убожество», в котором когда-то жили дети России, и аналогично на противоположной стене Алексяну уничто-**

жил прекрасные изображения товарища Сталина, хлопающего в ладоши, наблюдая за танцующими вокруг него счастливыми советскими детьми».

Мне довелось увидеть Одессу еще раз через год, в марте 1945 г. К этому времени она превратилась в порт отправления тысяч английских, американских, французских и других военнопленных, освобожденных Красной Армией в Польше, Силезии, Померании и Восточной Пруссии. Они жили в бараках, школьных зданиях и виллах близ приморского курорта Аркадии. Моряки – в большинстве английские и американские – танцевали и много пили, сидя под запыленными пальмами в комнате отдыха гостиницы «Лондон», теперь полностью разминированной (в мой первый приезд она была оцеплена канатом). Положение с продовольствием было тяжелым даже в гостинице «Лондон» **– и сама Одесса имела голодный вид, что было гораздо заметнее, чем в 1944 году.** Автобусы и трамваи по-прежнему не ходили, а рынок имел нищенский вид. **Уровень бандитизма был велик. Подозрительные типы шатались по городу в темное время суток, грабежи и убийства совершались каждую ночь. Интересно, прятались ли тогда бандиты от русской полиции в катакомбах?** Порт, правда, работал, и пленные немцы, худые, с желтыми лицами, очищали его территорию от обломков кирпича и мусора. Но хотя много развалин уже расчистили, использовать можно было только небольшую часть порта; у причалов стояли всего два транспорта – американский и английский, а мол был все еще в двух местах разрушен. Сотни английских, французских и американских военнопленных весело шагали по разрушенной территории одесского порта к ожидавшему их транспорту; они осыпали немцев насмешками, а те обменивались друг с другом философскими замечаниями по поводу превратностей военной судьбы или просто с грустным видом пристально смотрели им вслед.

Я задумался тогда, почему вообще Одессу едва восстанавливают, и почему положение с продовольствием, да и сами условия жизни были в целом тяжелее, чем во многих других освобожденных городах?

Я задавался вопросом: «Была ли Одесса косвенно наказана за те относительно легкие времена Транснистрии и за то рвение, с которым так много одесситов заражались духом ночных клубов, винных погребков и «черного рынка»?» Не из-за сознательной нелояльности, а скорее из врожденной легкомысленной симпатии к мелкому бизнесу.

В течение нескольких лет после войны было ощущение, что Одессу недолюбливают в Москве, и ее восстановление занимало одно из последних мест в списке приоритетов.

Евгений Голубовский

Отрочество

Понимаю, что деление условно. Есть люди, которые всю жизнь, вне зависимости от возраста, остаются детьми. Для других никогда не кончается молодость. Мог бы, к примеру, назвать одесского художника Олега Соколова. Но я принял формулу Льва Толстого – детство, отрочество, юность. Лишь позволю себе чуть сдвинуть временные рамки. У героя Л. Толстого отрочество кончается в 14 лет. Мне представляется, что юность, как я ее воспринимаю сегодня, у меня началась после последнего звонка в 10-м классе. Отрочество было затянувшимся – долгие школьные годы, с 1946 до 1953 года. С окончания «начальной школы», где большинство из нас еще были детьми, до получения «аттестата зрелости». Была ли это зрелость? Тогда я убежденно ответил бы, что конечно. Сейчас я усмехаюсь своей самонадеянности.

Начну все же не со школы, а с дома. Адрес на долгие годы оставался неизменным – Кузнечная, 29, кв. 4. До сих пор помню номер телефона, 2-14-96, поставленного в 1948 году. Потом он менялся – 22-14-96, затем – 25-50-75. Как я шутил тогда: «По дороге к столетию». Большая комната. (Уже потом я узнал, что на всем этаже нашего дома до революции было какое-то еврейское училище. Может, ешиботникам и подходили такие размеры классов, но для жилья они были мало приспособлены.) У отца и матери большая кровать, отгороженная самодельной ширмой (отец любил все делать своими руками), кроватка, где спала моя сестра Ира, родившаяся в 1947 году дома, так как в роддомах свирепствовал стафилококк, и диван, все долгие годы принадлежавший мне.

Я владел и письменным столом, за которым были и книжные шкафы. Правда, одна тумба принадлежала отцу, там лежали его инструменты – стамески, отвертки, молотки, разводные ключи и прочее. На столе стоял чернильный письменный прибор и старинная бронзовая лампа с абажуром цветного стекла. А книги росли быстрее, чем я, и вскоре уже были на полках – и над моим диваном, и над буфетом.

Посреди комнаты – огромный «кайзеровский» стол. Он был большим сам по себе, хоть в квартире это не ощущалось, но когда его раздвигали от угла комнаты до угла, вставляя пронумерованные доски, он растягивался метров до 7-8. И это было на дни рождения, на праздники.

Купил отец и резную мебель конца XIX века – диванчик, столик, два кресла, четыре стула. Они и сегодня в нашем доме, путешествовали с нами на Черемушки, вернулись в город. Отцу нравились изделия Галле. Часть из них продала сестра, когда делала в квартире ремонт, превращая однокомнатную квартиру в трехкомнатную (это было уже после нашего отъезда с Кузнечной), но две вазочки Галле мы храним у себя как драгоценную память.

Понимал ли я тогда, что такое хрусталь, что такое Галле, что такое китайская перегородчатая эмаль – клуазоне? Понимал и ценил. Отец брал меня с собой на «толчок», водил по антикварным и букинистическим магазинам.

А мама? На ней был дом, и это кроме работы врачом, а она перешла из госпиталя работать в 3-ю поликлинику. Прием больных, вызовы, частная практика. Иногда по воскресеньям в передней ставили стулья, и на них сидели в очереди ее пациенты.

Пришлось брать домработницу. На моей памяти их было несколько. Старушка-эстонка Агата Дмитриевна, начавшая свою

карьеру до революции. Ее привезли девочкой в особняк великого князя, где она была одной из многочисленных прислуг. Изысканно вежливая. Знавшая этикет. Пытавшаяся передать его мне и моей сестре. Она была старой девой. Ее жених, юнкер, погиб на фронте в первую мировую. Я бывал у нее в квартире в Успенском переулке, где она жила с сестрой Клавдией. На стене висела фотография молодого офицера, которому Агата Дмитриевна оставалась верна всю жизнь.

По-русски она говорила хорошо, но с акцентом. Это уже в сороковые годы. А приехав в Петербург из Эстонии, знала только несколько слов. Я запомнил ее рассказ, как она однажды опростоволосилась. Утром зимой выбежала в сад, чтобы размяться. И лишь через несколько секунд увидела, что князь гуляет по саду. Было видно, что ему холодно, он тер руку об руку.

– Ах, какой же вы мерзавец, – сказала юная Агата.

Князь удивленно посмотрел на нее и отошел, что-то пробормотав.

Лишь вечером Агата узнала, что «мерзляк» и «мерзавец» не одно и то же. Но, увы, в сад ее больше не выпускали.

И еще несколько домработниц запомнил, живших с нами кто год, кто два. Вера, образованная девушка из Мурманска. Зачем-то приехала в Одессу, потеряла все деньги и застряла года на два-три. Даже не могу объяснить, почему, но мне по каким-то ощущениям казалось, что у нее с отцом возник роман. А может, я все это воображал, перенося интриги из книг в реальную жизнь.

Дома я находился мало. Школа, быстро сделанные (или не сделанные) уроки и – улица. Нет, не игра в штандер на мостовой, не компания тянула меня туда. К сожалению, друзья появились лишь в старших классах. Но меня тянул к себе город. Моим первым путеводителем по Одессе стала повесть Катаева «Белеет парус одинокий». Я шел на Куликовое поле, обходил переулки Отрады. Не менее интересным было погружение в чрево Молдаванки, а ведь наша 107-я школа, по сути, была на границе центра города и этого предместья. Можно было с Комсомольской выйти к Колонтаевской, а там ощущение, что ты в одиночку изучаешь дебри Африки. Придумал я и другой путь – доехать 12 трамваем

С сестрой Ирой

до конечной остановки на Товарной и вновь-таки прокладывать себе, никого не спрашивая, путь к Новому базару.

Иногда моим спутником был сосед по парадному Борис Непомнящий. С ним же мы играли в шашки и шахматы, изучали энциклопедию у них дома, а войну они прожили в Одессе, сохранилась Большая энциклопедия Гранат. И сейчас ценю ее больше остальных. Помню, как меня поразило, что академик Бодуэн де Куртенэ ввел в энциклопедию и русский мат.

Не понимаю, почему, но в те годы Дерибасовская мне казалась чинной и скучной. Первые прогулки с девочками – а это уже 7-8 класс, привлекала Пушкинская, ее платаны, ее мостовая.

Кстати, машин в городе было мало. До начала 50-х годов еще существовали брички, а по нашей Кузнечной если в час проходила одна машина, можно было считать, что ужасно шумно.

И все-таки я сказал бы неправду, если бы утверждал, что у меня не было друзей. Но, как ни странно, это были не мальчики, а девочки.

Вот и верь тем, кто говорит, что не существует дружбы мальчиков с девочками.

Самый близкий друг, оставшийся таким до конца ее жизни, но в отрочестве очень близкий, – Муся Винер. Мои родители дружили с ее родителями – Константином Самсоновичем и Натальей Вениаминовной. Муся была старше меня на три недели. Так что буквально с пеленок мы были знакомы. В эвакуации Муся с тетей Александрой Самсоновной были в Самарканде, вернулись в Одессу, к себе домой, на Тираспольскую, – квартиру в годы оккупации сохранила их домработница, прожившая в этой семье всю жизнь. Нас разделяли полквартала Кузнечной улицы. Нужно ли объяс-

нять, что 2-3 раза в неделю я был у них в гостях. У Винеров было три комнаты, была «таинственная» антресоль…

Чем только не занимались мы! Играли в бирюльки. Потом оказалось, что никто из моих соучеников не знал, что такое бирюльки. А я до сих пор, как перед глазами, вижу крошечные чашки, чайнички, зверят, и все это было вырезано из дерева, раскрашено. И все это нужно доставать крючком, чтобы не разрушить пирамидку.

Наладили «свечное» производство. Сами из парафина делали новогодние свечи. Учились фотографировать. И тут же на антресоли проявлять, печатать.

Муся умерла в 2004 году. Но всю жизнь она оставалась близким человеком, «подругой дней моих суровых», мог бы сказать я вслед за поэтом.

Среди моих подруг тех лет Ната Гольденштейн. Полковник Гольденштейн – друг юности моей мамы. В годы войны он должен был стать генералом, но нагрубил Г.К. Жукову, и тот ему это не простил. Хоть закончил войну Гольденштейн комендантом Потсдама, принимал всех участников Потсдамской конференции. Ната была девочкой с мальчишескими замашками. Сейчас понимаю, что в нашем дуэте она была заводилой самых неожиданных авантюр. Хоть я не любил рыбу, с ней мы ездили в рыбколхоз, с ней прошли всю Люстдорфскую дорогу, с ней впервые выпил стакан «кисляка» где-то в будочке на Костанди.

Не могу не вспомнить Валю Коган. Вновь-таки мои родители дружили с ее родителями. Ее отец Яков Моисеевич Коган был главврачом психиатрической больницы на Слободке, мать Елена Марковна Гринфельд – известным гинекологом. Жили они на территории больницы на Слободке, так что поездка к ним сама по себе была приключением.

Многое я узнал позднее. И о том, что Я.М. Коган был одним из первых переводчиков Фрейда в России, и о том, что по другую сторону, за благонравным портретом Ивана Павлова, у него приклеен портрет запретного Зигмунда Фрейда. И о том, что он знает наизусть чуть ли не всего Пастернака. А Елена Марковна в юности входила в одесский ЮгоЛЕФ, это она с подругами обнаженные шествовали по улицам Одессы с лозунгом «Долой стыд!».

Нет, в то время, когда я их запомнил, это были вполне люди «системы». Но искры в их глазах не угасли, они были молоды и в зрелости.

В Валю был влюблен со школьных лет Иван Григорьев, ставший позднее психиатром. Сколько стихов он ей посвятил! Казалось, из этой девочки сочится радость, веселье, улыбка. Но ироническая, все подмечающая. И какая это сила – уметь над собой, как и над всеми, посмеяться!

Думаю, читатель этого эссе уже заметил, что я оттягиваю время, прежде чем рассказать о главном (или так называемом главном) – о школе.

Наша 107 школа была, как мне представляется, построена как школа или гимназия еще в начале XX века. В первые послевоенные годы мы в ней испытывали те же тяготы, что и в других. Холодно, нет возможности отопить такие огромные классы. Мы сидели в пальто, жались друг к другу. Естественно, это была

еще мужская школа. Объединили школы тогда, когда я закончил 10 класс. Вспоминаю наши портфели, набитые потрепанными учебниками, переходящими из рук в руки, чернильницы-невыливайки, ручки, где к перьям мы приделывали пружинки, чтобы реже макать их в чернила. А тысячи развлечений – от бросания карбида в чернильницу до натирания школьной доски стеарином, чтобы мел не оставлял на ней следов.

А клички… У нас в классе была Лошадь – это был худой и вытянутый Гольцман, был Цыган – тут уж ничего не скажешь, не каждому еврею удается быть так похожим на рома. Меня сразу же прозвали Толстый. Понадобилось 2-3 года. Я похудел раза в два. И кличка исчезла, меня запросто окликали – Голубь.

В школе были хорошие и плохие учителя. Как, думаю, в каждой школе. Хороших было больше. Колдун, умелец, учитель физики Бахман. А рядом парторг, пустослов, хоть и офицер в отставке, учитель географии Ицкович. Старая еврейка, преподававшая украинский язык и литературу. Нас удивляло, что и во время перемены, и на улице она говорила только по-украински, как будто не знала русский язык. А может, и впрямь не знала?

Но гордостью школы были педагоги математики и литературы. Валентин Колот, сейчас бы мы сравнили его с Моше Даяном, но тогда для нас он был то ли Кутузовым, то ли Нельсоном. Один глаз потерял на войне, ходил в черной повязке. Большой, красивый, остроумный, учивший щелкать любую задачу, как орех. Я восхищался им, но математика мне была чужда. А вот литературу у нас вел Борис Ильич Хуторецкий. Этому молодому педагогу я обязан многими своими увлечениями. Он великолепно читал стихи, иронично объяснял курс советской литературы. Ничего лишнего, но улыбка играла большую роль, чем слова. Кстати, когда заболевал математик, Хуторецкий вел и математику.

Для тех, кто любил литературу, он придумал «кружок», который вела его жена. Несколько раз я заходил по делам к ним домой – крошечная квартира, погребенная под книгами. Еще в 2013 я получал от Бориса Ильича приветы из Бостона. Здоровья ему и долголетия.

Траурным днем для меня был день, когда два урока отводились на физкультуру. Не научился я перепрыгивать «коня»,

лазить по веревке, кидать гранату. Уже спустя лет десять после школы я встретил своего учителя физкультуры. Он обрадовался, подошел, обнял меня. «Но ведь я не замордовал тебя, хоть мог, – понимал, что не твое это дело».

Нелюбовь к физкультуре обернулась реальной проблемой. Дрались классом на класс, а иногда и внутри класса возникали стычки. И был я больно бит. Как долго бы это продолжалось, не знаю, если бы однажды эту сценку не увидел Цыган, не вырвал меня из кучи-малы и не объявил: «Кто тронет Женьку, будет иметь дело со мной». И меня оставили в покое…

Школа, естественно, ввела в круг моего общения приятелей-мальчишек.

И одна из трагедий. Я дружил с Вовой Гринбергом, он жил на Новосельского и Тираспольской. Мы оба были книгочеями, и чуть ли не ежедневно то я бывал у него, то он у меня. Так вот в начале 50-х годов я впервые услышал слово «саркома». Вове ампутировали ногу, а еще через полгода его не стало. Пожалуй, это была первая смерть, которую я воспринял как личное горе. Сколько мертвых я видел в госпитале в Сочи! Всегда было чувство страха и сожаления. Но тут была боль, слезы, горечь.

Дружил, общался много с Мишей Колтынюком, нашим круглым отличником, с Люсиком Мильзоном, жившим на углу Кузнечной и Спиридоновской, с Мишей Варшавским – племянником директора школы.

Потом пути разошлись, все мы разбежались. У каждого были свои интересы, а значит, судьбы. Но признаюсь, мне было очень приятно, когда в 2012 году я получил письмо из Германии от Миши Варшавского. А в нем фото – мы, думаю, в 10-м классе, сфотографировались на Преображенской, напротив Лаокоона (да, тогда он стоял там). Нам казалось, что мы вовеки будем идти рядом друг с другом. В жизни все оказалось сложнее – она разбросала нас по всему миру.

Школа – это, конечно, и пионерия, и комсомол. Не жалею, что вступил туда, это давало возможность делать газету класса, участвовать в культпоходах. Хоть однажды пожалел. Когда меня исключали из комсомола в 1956 году, я подумал: «А зачем я туда вступал?». Но сам дал себе ответ – «А разве иначе меня приняли

бы в институт?». Таковы были правила игры, которая называлась жизнь. А вот в партию не вступал, хоть звали, и ни разу об этом не пожалел. Как не вступил ни в одну из партий после перестройки. И вновь так же осознанно.

С Мишей Варшавским

Ни разу в жизни не был ни в пионерском лагере, ни в доме отдыха, ни в санатории. Благами не пользовался. Хоть болел в школе много. Регулярные простуды. Но этим никого не удивишь. Весенний катар глаз. Вот тогда я первый и единственный раз был на приеме у В.П. Филатова. У него дома. В прихожей сидела медсестра, которая записывала и принимала гонорар. А затем ты попадал в кабинет небожителя, Владимира Петровича Филатова. Визит длился недолго. Зная, что мать врач, академик беседовал с ней. Сказал, что это аллергическое заболевание. Но главное – оно не бывает у взрослых людей, так что пройдет.

В дальнейшем мои глаза лечил профессор Кальфа. Семен Федорович, а мы с ним подружились, делал мне операции на веках, следил за состоянием роговицы. Я очень любил этого врача, он вызывал во мне не страх, как, увы, многие его коллеги, а уважение и почтение.

В школьные годы начались приступы астмы. Как просто снимались они тогда одной таблеткой эфедрина!

И первую операцию я испытал в школьные годы. Казалось бы, чепуха – аппендицит. Делал операцию выдающийся хирург профессор Франкенберг, легендарная личность, охотник на тигров и создатель хирургической школы. Его до сих пор как своего учителя вспоминает Сергей Александрович Гешелин, тоже ставший выдающимся хирургом. Естественно,

прооперировал успешно. Но проходила неделя, другая, а рана не заживала. Оказалось, что и великому хирургу могут подсунуть гнилые нитки. Профессор Файнблат второй раз разрезал мне живот, извлек расползавшиеся нити, сшил все вновь. И в этот раз – на всю жизнь.

Начиная с 1950 года ежегодно летом мы выезжали на дачу. В 1936 году к моему рождению отец построил одноэтажный домик (одна комната, веранда и кухня) на 10-й станции Большого Фонтана, в кооперативе врачей. Там получили участки доктор Г. Жолковский, доктор В. Ермулович, доктор М. Шапочников, доктор И. Литинецкий (а может, его тесть, глава одесских цеховиков, мудрейший коммерсант Мах, будто вышедший из рассказов Бабеля) и другие.

Переезд на дачу был событием. На зиму ничего не оставляли. Поэтому заказывали грузовичок и перевозили все – стулья, стол, шкаф, кровати. В годы войны дача не пострадала, но в 1944-46 голодных и холодных годах ее разбирали на дрова жители соседних улиц. Лишь к 1950 году удалось вернуть ей жилой вид. И каждое лето сел на 18 трамвай – и в городе. Сел на 18 трамвай – и на даче. Такой близости дачных участков от центра города не встречал, пожалуй, нигде.

Дача – это море. Дача – это пинг-понг, дача – это новые знакомства. Мы нашу дачу не сдавали. Но те, у кого было по несколько комнат, обзаводились соседями. Иногда из Одессы, иногда из Москвы, других городов.

Лето 1951 года. Мне пятнадцатый год. Дачу Гридиных сняла семья из Москвы. Две дамы и с ними пятнадцатилетняя девушка Светлана. Через три-четыре дня знакомимся, вместе ходим на пляж. Проходит еще неделя. Светлана зовет на море, но я не могу, лежу с ангиной. Она заходит в комнату, предлагает сыграть в карты. Не помню, кто кого оставил в дураках, но вдруг она просовывает руку под одеяльце. Я замираю, краснею, и вдруг осознаю, что я – мужчина. Вот тебе и отрочество.

Стыдно признаться, но я испугался развития событий. Больше на пляж мы вместе не ходили.

Не хочу упустить одну важную составляющую нашей, а значит, и моей жизни.

Что такое борьба с космополитизмом, что такое шельмование М. Зощенко и А. Ахматовой, я знал больше из газет. Хоть Зощенко я уже читал, и его рассказы мне очень нравились. Но вот кампания по разоблачению врачей-убийц отразилась и на нашем доме. Мама, которую знали в районе, где она работала, а это от Преображенской до Екатерининской, приходила домой черная. Ее лично никто не преследовал, но сидеть на собраниях, слушать, что вслед за Москвой в Одессе сняли с работы одного, другого, третьего, было невыносимо. Тем более, как я понимаю, она не могла сама отличить правду ото лжи. И помню, как отец настойчиво ей повторял, что все это клевета, что врачей-отравителей не было и нет, что для этого достаточно специалистов в НКВД. Я слушал их разговоры и с ужасом думал: «А вдруг мама так и скажет на каком-то собрании?».

Кстати, у нас в школе я впервые услышал слово «сионизм». На какой-то перемене вдруг подошел к группе мальчишек, где стоял и я, завуч школы Гарифалло, как мне кажется, из одесских греков или итальянцев, и неожиданно произнес: «Не ведите сионистских разговоров». Что это было? Предупреждение? Угроза? До сих пор не понимаю.

Но, как ни странно, десять лет школы запомнились мне, прежде всего, тем, что я прочел всю русскую классику, очень много переводных книг. Понял, что сталинские премии всем этим «Белым березам» – это лабуда. И главное – я запоем в 9-10 классе начал читать стихи. Правда, и писать стихи тогда же начал. Слабые. Подражательные. Хоть их записывали на радио, транслировали. До сих пор художник Витя Маринюк рассказывает мне, что, стоя на вахте, вдруг услышал мой голос – я читал стихи на всю часть из «черной тарелки». Но эта детская болезнь быстро прошла, а любовь к поэзии осталась.

И именно в те годы вместе с Юликом Златкисом, он учился на класс младше меня, мы начали совершать набеги на толкучие рынки в поисках книг. Так что этой страсти более 60 лет. Как и моей дружбе с Юлием Абрамовичем Златкисом, сейчас одним из прославленных учителей математики в Москве.

Москва, как много в этом звуке… В школьные годы я дважды – в восьмом и десятом классе – ездил на каникулы в Москву,

а в 9-м – в Ленинград. Ленинград очаровал, но сердце мое принадлежало Москве. Родственники позаботились (в Москве жил мамин брат Давид Натанович), и меня ждали билеты на всю неделю моих каникул.

До сих пор помню восторг от «Синей птицы» Метерлинка во МХАТе, до сих пор помню, как впервые пришел в Третьяковку. По глупости не оценил тогда иконопись, XVIII век, но зато ошеломил меня Врубель. Потом меня спрашивали о Серове, Коровине, Признаюсь, я в первый приезд этого не увидел, не оценил. Моим богом стал Михаил Врубель. А потом я сделал самостоятельное открытие. Без подсказки понял, что на здании «Метрополя» его майоликовое панно «Принцесса Греза». Как я был горд собой!

Признаюсь, что в обязательную программу, подготовленную для меня, входило и посещение Мавзолея. Очередь была длинной, часа два тащились к гробнице. Когда зашли, со всех сторон в полутьме раздавались невидимые голоса – не задерживайтесь, руки из карманов, быстрее. Поразила не желтизна лица, не сходство, а то, что на френче я увидел орден. Будучи мальчиком начитанным, я знал, что Ленин ничем себя не награждал, во френче не ходил, только в тройке… Уже позже, в Одессе, учитель истории Столярский рассказал мне, что кто-то из соратников (кажется, Горбунов) положил этот орден на френч во время похорон. На френче настоял Сталин вопреки протестам Крупской. Так его и показывали публике. Кажется, после смерти Сталина его переодели, вернули классический костюм – тройку…

Был в Москве в Большом театре на балете «Красный мак». И обрадовался: наш оперный – лучше!

Вернувшись домой, я с огромным интересом обошел еще и еще раз одесские музеи. Но тогда для меня главным музеем города был археологический с его «Египетским кабинетом» и древнегреческими вазами.

Все это было до 1953 года, до смерти Сталина. Я окончил школу в июне, а в марте умер «вождь народов», так что мирискусников в Художественном музее начали показывать чуть позже. А у нас в Одессе отличная коллекция…

Хочу еще раз вернуться к себе домой, на Кузнечную. Росла сестра. Ежегодно в конце декабря перед Новым годом и ее днем

рождения отец ставил огромную елку. И на ней из блестящего стекляруса выкладывал – «Ире – три года», «Ире – пять лет»… Так продолжалось до ее 16 лет. Жизнь вносила в суматошный ритм ощущение чего-то стабильного. Вместе всегда обедали, даже если мама с вызовов приходила поздно. В доме не было ссор. Вспоминаю одну, поразившую меня. Когда умер Сталин, мама плакала. Пришел отец, увидел это, и впервые я услышал, как он закричал: «Замолчи, дура, тиран умер!». Мать ушла на кухню, я в свой «книжный угол». Тогда отец, подойдя ко мне, начал объяснять, какая огромная кровь на руках этого подлеца. Кстати, брат матери Давид иначе чем «бандит», не помню точно, как это звучало на идиш, Сталина не называл. И это еще при его жизни. Конечно, только дома…

Пишу обо всем что угодно. Но ни разу не написал о своих влюбленностях.

В школе их не было. Поэтому я и считаю этот период отрочеством. Мимолетные увлечения, длившиеся 2-3 дня, – сколько угодно, но не то что любви, влюбленности не было. Как видно,

я был слишком книжным мальчиком и ждал Ассоль на фрегате под алыми парусами. А точнее – у меня на это не было времени. Ведь уже в 10-м классе я обманом проник не только в библиотеку им. Ленина, но и в Горьковку. Сколько книг я там прочитал! Нужно было решать, куда поступать после школы.

Кстати, учился я не очень хорошо. То есть троек у меня не было. Но не менее половины четверок. Нет, не это меня смущало. Просто в 1953 году я реально осознал, что с «пятой графой», еврей, я ни на исторический, ни на филологический не попаду.

Неожиданный подарок судьбы – смерть Сталина. Но маховик в нашей стране очень медленно движется. И хоть врачи были освобождены, хоть о космополитизме стали говорить меньше, – большее, что светило мне, – Одесский политехнический. И тут я должен произнести напыщенные слова. Есть подвиги и в дружбе – Муся Винер подала со мной заявление в один и тот же день, на электрофак.

Муся, Муха, как ее называли все друзья, училась школе № 3 на той же улице Льва Толстого, что и наша 107-я школа. А так как мы с ней дружили с раннего детства, то как-то естественно, что девочки из ее класса подружились с нашими мальчиками. Так, в классе восьмом познакомился я с Лерой Перловой, Олей Денис, Фаей Килимник, Наташей Чуклиной. Многие потом вышли замуж за моих одноклассников – Биндера, Калинина, Юделиса, у многих были романы, не завершившиеся свадьбами. И все же для меня тогда, в школе, это было фоном. Жизнь, как ни смешно это сейчас, начиналась, когда я оставался один на один с собой. И, конечно, с книгой.

А посещение одесских театров, а ночные сеансы в кино на трофейные фильмы, а первый раз услышанный симфонический оркестр…

Это все готовило к юности, а точнее – к жизни.

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

«Новые» новости фотографической коллекции

После выхода в ноябре 2013 года нашего третьего альбома «Старая Одесса. Фотографы и фотографии», посвященного истории развития фотографии в нашем городе, прошло не так много времени. Однако непрекращающийся активный поиск новых раритетов, в том числе и фотографических, дал много новых интересных фотографий, о которых невозможно не рассказать всем тем, кто интересуется стариной.

Со Староконного рынка пришли нам в коллекцию две виньетки одесской гимназии Н. Бутович 1911 и 1912 годов. Обе коллекционные виньетки этой гимназии выполнены одним из лучших фотографов-портретистов Одессы Борисом Фомичом Готлибом с использованием в оформлении рисунков одесских художников Замотина и Н. Порайло. На виньетке гимназии Н. Бутович господин Готлиб не разместил фотографию гимназического здания, а только портреты преподавателей и гимназисток.

Сначала посвятим несколько слов истории гимназии, которая началась в 1842 году с организации госпожой Матео пансиона 1-го разряда для девочек. Плата за пансион составляла 250 рублей, полупансион обходился в 130 рублей.

В справочниках 1875 года госпожа Матео владела уже девичьим училищем 1-го разряда, которое со временем, в 1892-1893 годах, преобразовано в гимназию министерства народного просвещения. Учредительницей нового учебного заведения числилась жена статского советника Анна Ивановна Бракенгеймер. Сам статский советник Сергей Иванович Бракенгеймер возглавлял 2-ю мужскую гимназию и состоял в руководстве Одесского учебного округа.

Виньетка гимназии Бутович. 1911 г.

В нашей коллекции сохранились аттестаты дочери одесского мещанина Стеблевой Анны Иоанновны, поступившей по экзамену в I класс частной женской гимназии Бракенгеймер в сентябре 1892 года и окончившей с отличием VII, а затем и VIII – дополнительный педагогический класс гимназии. В апреле 1900 года по решению педагогического совета Стеблева получила звание домашней наставницы и преподавательницы русского языка.

Обучение в эти годы составляло от 60 до 150 рублей в зависимости от класса. Позднее цены менялись, и коллекционная квитанция 1913 года удостоверяет уплату 75 рублей за обучение в гимназии Н. Бутович ученицы VII класса Раисы Бабаджан.

Аттестат Анны Стеблевой подписали работавшие в гимназии известные в городе преподаватели: начальница гимназии А.И. Бракенгеймер, ее супруг С.И. Бракенгеймер; преподаватель географии статский советник В.А. Жуковский; священник В. Флоровский; художник, коллежский асессор, позднее – надворный советник А.Н. Стилиануди, обучавший девушек рисунку, и дру-

гие преподаватели и классные дамы. Замечательный художник, бессменный секретарь Товарищества южнорусских художников, любитель и большой мастер зеленых лирических пейзажей, создатель, по определению критиков того времени, «симфонии зеленых тонов» Александр Николаевич Стилиануди проработал в гимназии много лет и наверняка зародил любовь к живописи, прекрасному у своих многочисленных учениц.

Если пансион Матео менял многократно наемные помещения, то гимназия Бракенгеймер, а затем Бутович, постоянно находилась в доме К. Скачкова на углу улиц Дворянской (Петра Великого), 32, и Новосельской (ранее – Ямской), 61 (ранее – 59).

Ничем в архитектурном отношении не выделяющийся двухэтажный дом был построен в 1881 году и использовался, и по сей день используется как учебное помещение. Может быть, фотограф Б. Готлиб не запечатлел здание на виньетке на память гимназисткам намеренно, посчитав его заурядным. В наши дни в доме достроен третий этаж и много лет размещается училище культуры и искусств имени К.Ф. Данькевича.

Около 1910 года гимназия, учрежденная А.И. Бракенгеймер, перешла в руки Нины Антоновны Бутович, жены капитана артиллерии Ивана Григорьевича Бутовича.

Преподавательский состав гимназии с приходом новых владельцев изменился мало, гимназия неизменно поддерживала высокий уровень преподавания. Из аттестатов и свидетельства видно, что девочкам преподавали немало предметов: закон Божий, русский язык и словесность, арифметику, алгебру, геометрию, физику, естественную историю, историю, географию, рисование, рукоделие, французский и немецкий языки. В отличие от прежних владельцев, Бутович ввела изучение английского языка и пригласила преподавателя гимнастики.

На виньетке 1911 года в первом ряду размещены самые крупные фотографии владелицы гимназии Н. Бутович и председателя педагогического совета статского советника Е.Ф. Дидуненко (директора Ришельевской гимназии).

На виньетке 1912 года и в справочниках следующих годов начальницей гимназии названа Ольга Григорьевна Артынова, а содержательницей – Н.А. Бутович.

Н.А. Бутович

Законоучителями в гимназии работали выдающиеся священнослужители, например, как мы уже говорили, несколько лет на рубеже веков девушек обучал протоирей Василий Флоровский. Из справочников известно, что с 1902 года закон Божий преподавали в гимназии Бракенгеймер протоиреи Михаил Клопотов и Евстафий Новик (дед по матери крупного одесского коллекционера, авторитетного исследователя и автора нескольких книг Сергея Лущика). По сведениям В.А. Михальченко, изложенным в книге

Виньетка гимназии Бутович. 1912 г.

«Духовенство Одессы», протоирей Клопотов был настоятелем Алексеевского храма на одноименной площади, заведовал церковно-приходской школой при нем, награжден орденами Св. Анны 2-й и 3-й степеней и Св. Владимира 3-й степени. Ордена хорошо различимы на фотографии.

После 1904 года Е. Новика в гимназии Бракенгеймер сменил священник Н.А. Чудновцев – колоритная личность, кандидат богословия, настоятель нескольких одесских церквей.

Протоирей М. Клопотов

Кроме представительных православных священников в гимназию Бутович для девочек, исповедовавших лютеранство, был приглашен пастор лютеранской кирхи, расположенной напротив гимназии, Федор (Теодор) Иванович Виллигероде. На виньетку не попал законоучитель римско-католической веры И. Эрисман. Для еврейских девочек, коих немало было среди гимназисток, специальный преподаватель иудейской веры не приглашался, во всяком случае, ни в одном из списков среди преподавателей таковой не значился.

Н.А. Чудновцев

Утомим немного читателей перечислением преподавателей гимназии, попавших на виньетку, с указанием дисциплин, которым они обучали гимназисток

в 1911-1012 годах: господин А.Ф. Урбанович вел в гимназии естествоведение; А.В. Подлипский и А.И. Букин – математику и физическую географию; В.И. Керлер – физику; Б.А. Лупанов – русский язык и словесность. И.М. Церр и А.Ф. Грауман обучали девушек немецкому языку; М.П. Квитко – рукоделию; О.А. Мирец – танцам; А.Ф. Крафт – гимнастике; А.Н. Стилианути – рисованию. Большинство преподавателей параллельно вели уроки в других гимназиях или училищах, как было принято в те времена.

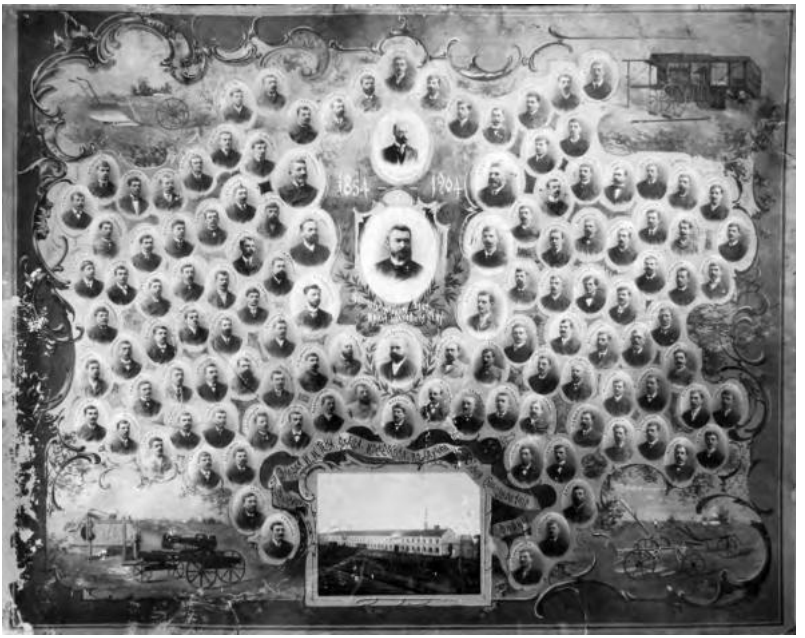
А.Н. Стилианути

Фамилии девушек-гимназисток очень часто совпадают с известными нам одесскими фамилиями. Гимназистка Куперберг вполне может быть дочкой квалифицированного фотографа Соломона Куперберга, девушка по фамилии Димо – дочкой или внучкой фотографа Виктора Димо, И. Густавсон – дочкой владельца нотного магазина и заядлого фотографа-любителя А. Густавсона. Этот список можно продолжить.

На виньетке гимназии Н. Бутович видно, что гимназическая форма для них – однотонные платья с черными до боли знакомыми нашему поколению школьниц 1950-1960-х годов передниками. Одежда для преподавательниц – строгая, с воротничками-стоечками, кружевами, но допускались для тех и других украшения в виде скромных бус и ожерелий.

Судьбу девушек, окончивших гимназию Н. Бутович, проследить сложно – впереди их ожидали сложные времена. Хочется верить, что они сумели применить во взрослой жизни полученное ими всестороннее гимназическое образование.

Еще одна новая коллекционная виньетка изготовлена фотографом Б.Ф. Готлибом несколько раньше, в 1904 году, не тради-

Виньетка завода Гена

ционная, учебная, а производственная. Она изготовлена по заказу сотрудников завода земледельческих машин И.И. Гена в связи с 50-летием существования фирмы. Виньетка оформлена художником М. Любовским. Кроме великолепно выполненных 120 фотопортретов сотрудников завода и его владельца содержит снимок корпусов завода на Московской улице и фотографии легендарных плугов и других земледельческих машин, выпускаемых предприятием и обеспечившим фирме процветание и известность на Юге Российской империи.

В центре снимка – портрет владельца завода, который используется в многочисленных публикациях о талантливом инженере, изобретателе и организаторе производства, каким являлся «глубокоуважаемый шеф» Иоганн Иоганнович (Иван Иванович) Ген. Так совпало, что И.И. Ген родился в 1854 году, и в том же году его отец основал производство плугов.

И.И. Ген

Поначалу отец И.И. Гена, тоже Иоганн Ген, организовал мастерскую по производству однокорпусных плугов в немецкой колонии вблизи Одессы. В 1866 году мастерская была переведена в Одессу, и возглавил ее старший сын Карл Ген. Видимо, отец-Ген уделял большое внимание обучению своих сыновей семейному бизнесу – они приобрели значительные практические навыки в мастерской отца до вступления во владение семейным бизнесом.

Иоганн Ген – младший возглавил семейную фирму в 1880 году, а в 1881 им был разработан «новороссийский плуг», который был прост в обращении, и его можно было использовать при работе в конной упряжке. Кроме плугов завод, расширив ассортимент продукции, начал выпускать жнеи, кукурузные молотилки, соломорезки.

В 1886 году были построены цеха на Молдаванке, на улице Дальницкой, 13, а позднее, в 1893 году, – на Пересыпи, на улице Московской, 126 (по нумерации 1890-х годов). Именно эти цеха вдоль Московской улицы, которые можно увидеть и сегодня, отражены на фотографии Б.Ф. Готлиба, размещенной внизу в центре виньетки.

Работа завода земледельческих машин и орудий И.И. Гена проходила в условиях жесточайшей конкуренции с аналогичными одесскими производителями и многочисленными представительствами солидных зарубежных фирм этого профиля. Преимущество продукции Гена было в приспособленности производимых на его заводах сельскохозяйственных машин к условиям Юга России. Это обеспечивало рост и процветание предприятия.

На виньетке, преподнесенной сотрудниками завода своему шефу, 8 портретов инженеров, возглавлявших производство

на Московской улице, увеличены по сравнению с другими. А.И. Геммерле, происходивший, как и И.И. Ген, из семьи немцев-колонистов, поселившихся в Одессе в начале XIX века, видимо, был его правой рукой на производстве. В руководстве преобладали немцы: Л.Ф. Гельмих, М.И. Тухель, П.И. Штемп и А.П. Штемп. Видимо, семейственность в хорошем смысле поощрялась владельцем предприятия, тем более что П.И. Штемп – брат жены И.И. Гена Луизы, урожденной Штемп. Служил на заводе и еще один совсем еще молодой племянник владельца – Р.П. Штемп, чей портрет также украшает виньетку.

На заводе служили одесситы всех национальностей, судя по их фамилиям, в том числе и состоящие в родстве, например отец и сын М.С. и М.М. Полищенко, братья А.С. и В.С. Гусьевы и другие.

Кто хочет быть своей отчизне другом,
Пусть пашет И.И. Гена плугом!
С ним каждый год за труд обычный
Получит урожай отличный.

Таким стихотворением украшена одна из коллекционных рекламных открыток завода И.И. Гена. Завод выпускал сельскохозяйственные машины и в советские времена, назывался заводом Октябрьской революции, сокращенно ЗОР. В наши дни завод ЗОР полностью прекратил свое существование.

Еще один блок новых фотографий прислан был нам из Франции. На четырех фотографиях неизвестного одесского фотографа отражен момент недолгой оккупации Одессы союзными французскими войсками во главе с генералом д'Ансельмом.

Напомним читателям, что в ноябре 1918 года Одессу покинули австрийско-немецкие войска. 4 декабря 1918 года население Одессы с изумлением увидело, что с моря к городу подошли транспорты французской десантной части, состоявшей из бригады пехоты с артиллерией и конного полка. Одесса должна была стать базой военных сил союзников (Англии, Франции) на Юге России.

Захватившие Одессу еще 28 ноября петлюровцы были вытеснены из города силами Добровольческой армии в союзе

Генерал д'Ансельм у вокзала

с французскими войсками. Однако отношения французского командования с представителями Добровольческой армии становились с каждым днем все более натянутыми.

В начале января 1919 года в Одессе обосновался штаб французской дивизии во главе с генералом д'Ансельмом. Филипп Анри Жозеф д'Ансельм (1864-1936) – французский бригадный генерал, командовавший в первую мировую войну полком, бригадой, дивизией. В политических вопросах д'Ансельм следовал совету своего начальника штаба полковника, впоследствии генерала, Анри Фрейденберга (1876-1975). Об этом пишут авторы многих белых мемуаров и исследователи сложнейшего времени гражданской войны в нашем городе.

Полковник А. Фрейденберг родился в Одессе в состоятельной еврейской семье, уехал отсюда ребенком, высшее военное образование получил во Франции, участвовал в первой мировой войне. Отец А. Фрейденберга был акционером франко-бельгийской угольной компании, служил в бельгийском трамвайном обществе в Одессе. Мать и его многочисленные родственники жили

Генерал д'Ансельм у вокзала

в центре Одессы. Лидер Белого движения, генерал-лейтенант А.И. Деникин так описывал события в Одессе в своих мемуарах «Очерки русской смуты», опубликованных в 1921-1926 гг.: «В начале января в Одессу прибыл штаб французской дивизии во главе с ген. д'Ансельмом и начальником штаба пол. Фрейденбергом, а вслед за тем высадились и новые части десанта. В последующих событиях личность ген. д'Ансельма стушевалась совершенно, так как всю политическую работу вел его начальник штаба».

Лазутчик большевиков во французском штабе Жорж де Лафар (Георгий Георгиевич Лафар) в своем донесении в ВЧК (Всероссийскую чрезвычайную комиссию) от 27 января 1919 года писал из Одессы: «…По общему мнению штабных прибывший сюда 15 января главком союзных войск на Юге России генерал д'Ансельм не более как тряпка. Бразды правления держит его начальник штаба полковник Фрейденберг. Его считаю главной точкой приложения сил. Фрейденберг – еще одна ставка союзников на лиц, которые знают русскую жизнь и связаны с Одессой родственными или коммерческими узами».

Генералы д'Ансельм и д'Эспере на бульваре

На коллекционных фотографиях зафиксирован момент выхода генерала д'Ансельма из автомобиля у железнодорожного вокзала и ожидание его группой французских военнослужащих у машины с французским флажком. Порт и Николаевский (Приморский) бульвар были объявлены англо-французским командованием зоной оккупационного корпуса. Известно, что для высших военных чинов освободили, выселив постояльцев, номера в гостиницах «Петербургская», которая находилась в левом полуциркульном здании на бульваре, и в «Лондонской». Поэтому в объектив фотографа попали виды бульвара: слегка поврежденная в ходе боев Дума и летняя часть ресторана слева от Бульварной (еще не Потемкинской) лестницы. Рядом с рестораном – пустовавшая в смутное время беседка для оркестра, традиционно развлекавшего в мирное время гуляющую на бульваре публику. На фоне этих сооружений запечатлен генерал д'Ансельм с другим французским генералом – Франше д'Эспере (1856-1942).

Из мемуаров А.И. Деникина и многих других достоверных источников известно, что генерал Франше д'Эспере в марте 1919

Бульвар и Дума

года был назначен Верховным комиссаром Франции на Юге России, сменив генерала Бертело. Главнокомандующий французскими войсками, впоследствии маршал Франции, посетил Одессу 8-9 марта 1919 г. Видимо, именно его встречал д'Ансельм на одесском вокзале и, таким образом, наши коллекционные фотографии можно точно датировать 8-9 марта 1919 года. Идентичность генерала Франше д'Эспере с французским генералом на одесской фотографии не вызывает сомнений, так как известны его фотографии в различных советских и французских публикациях.

Как известно, пребывание французов в Одессе внезапно завершилось в первых числах апреля 1919 года полной поспешной эвакуацией. В многочисленных доступных нам мемуарах участников этих событий «паническая» эвакуация французских войск из Одессы объясняется разными причинами. По мнению писателя-одессита Никиты Брыгина, изложенному в книге «Тайны, легенды, жизнь», в феврале либо марте 1919 года Фрейденберг получил весьма большую взятку от представителя ВЧК Жоржа де Лафара за прекращение союзной интервенции на Юге России,

и весьма быструю (за трое суток!) эвакуацию войск Антанты из Одессы 4-7 апреля 1919 г.

По другой версии, французские солдаты открыто заявляли о своем желании убраться из России, о своих симпатиях к большевикам, в которых видели представителей рабочего класса. В Одессе была создана подпольная организация «Иностранная коллегия», члены которой искусно вели пропаганду среди французских военных. Подпольная типография «Иностранной коллегии» издавала газету «Одесский коммунист» на французском языке с призывом к мятежу против своих офицеров. За эту агитацию поплатилась жизнью французская коммунистка Жанна Лябурб и другие члены «Иностранной коллегии».

В результате агитации на французском флоте в Черном море начались волнения. Вспыхнул бунт на линейных кораблях «Мирабо», «Жюстис», «Жан Барт» и перекинулся потом на французский флагманский корабль «Вальдек Руссо», на крейсер «Брюи», на миноносцы «Фокошю» и «Мамелюк».

С версией о взятке хорошо согласуется тот факт, что Фрейденберг, прибыв в Константинополь, сразу же открыл свой банк. Хотя, возможно, деньги были им получены из других источников и за другие заслуги либо попросту награблены.

Фотографическая Одесса поистине неисчерпаема: фотографии, некогда покинувшие Одессу вместе с их владельцами, слетаются со всего мира и пополняют знания по истории нашего города.

Иван Липтуга

Мы – из одесского двора

Одессе 220 лет! Хотелось бы написать что-то приятное о событиях, предшествующих юбилею, но невозможно закрывать глаза на происходящее в стране и мире в последние месяцы.

Разумеется, с высоты истории всегда легко и интересно рассуждать, анализировать, восторгаться или критиковать обстоятельства и людей разных эпох. К сожалению, не так весело оказываться заложником в эпицентре событий. Еще год назад большинство жителей Украины даже в страшном сне не могли себе представить, что стоят на пороге гражданской войны. Как? Почему? Кто мог все это устроить и кому это выгодно? Во время марионеточного представления весь народ Украины, включая как простых смертных, так и президентов, играют роли в глобальном спектакле, в котором нет места несогласным с общим сценарием. Организаторы научились виртуозно манипулировать и управлять сознанием людей, убеждать в правдоподобности бесконечных провокаций, на которые никто не успевает даже толком отреагировать, не говоря о том, чтоб

их проанализировать, из-за шока, который они вызывают. На всех этапах так называемой революции мы удивлялись сами себе и своим сверхспособностям в объединении простых людей против режима, коррупции и несправедливости. Как же люди, которые не в состоянии убирать собственную парадную, переходить дорогу на зеленый свет, ехать с установленной скоростью, честно платить налоги и не нарушать элементарные законы и правила, вдруг в едином порыве сами организовались в машину-трансформера по свержению власти и разворачиванию военных высокотехнологичных операций? Их обязательно кто-то должен был организовать.

Почему человеческая наивность неизменно заставляет людей наступать на одни и те же грабли и верить в чудеса? Их нет! Ведь очевидно, как дважды два, что без организации и финансирования мирные протесты оставались бы в лучшем случае тем, чем они являются сегодня, – горсткой потрепанных мало кому интересных палаток. Для достижения своих целей, которые выходят далеко за рамки Украины, организаторы должны были посеять хаос в мирном и почти благополучном государстве. Молодую украинскую нацию, которая до последнего пыталась демонстрировать миру свою

толерантность и многовекторность, быстро и методично раскололи и подвели к братоубийственной войне. Теперь мы живем в состоянии, когда в прямом смысле слова не знаем, чего ожидать и кому верить. Януковича как повода давно нет, он свою роль уже отыграл, однако пока лучше во всех отношениях не становится. Коррупция никуда не делась, реформы не проводятся, все прошлые проблемы списываются на предыдущую власть, нынешние – на войну.

Большинству вообще тяжело поверить в происходящее, поэтому пока они делают вид, что все еще хорошо, отчасти для самоутешения. Но если взглянуть со стороны, то выглядит это примерно так, как в падающем самолете, в котором еще до конца не осознавшие близость катастрофы пассажиры бизнес-класса, чтобы не произвести плохого впечатления и не опозориться раньше времени, продолжают сидеть, закинув ногу на ногу, и попивать коньячок. В Одессе все выглядит именно так. Сильный хлопок за бортом мы услышали еще 2 мая, сильно испугались, но нас быстро успокоили и пообещали, что все будет хорошо. Мы поверили и расслабились, хотя удовольствия пока не получили.

Увлекся, простите, хотел больше об Одессе.

Тем не менее Одесса и одесситы видели и не такое в разные времена, но никогда не сдавались и не приходили в уныние. Море, солнце, жизненная мудрость, неиссякаемый оптимизм, авантюризм и здоровое чувство юмора, впитанные с молоком матери, всегда отличали Одессу от других мест на Земле. Мы, как никто в мире, гордимся своим происхождением и фанатично влюблены в свой город – это первое, что бросается в глаза каждому. В мире более двух с половиной миллионов городов, из них сотню можно назвать чем-то

выдающимся, но ни об одном из них не спето столько песен, сколько спето об Одессе. Одесса несмотря ни на что неутомимо вдохновляет самих одесситов и ее гостей. Гостей бывает больше, бывает меньше, но равнодушным не остается никто.

Чего стоит только одна наша Дерибасовская, которой мы в этом году посвящаем наш традиционный «Одесский календарь», рассказывающий об истории. Как заметила его составитель, старший научный сотрудник Литературного музея Елена Каракина, Дерибасовская – больше, чем имя, больше, чем улица. Кроме того, что по этой улице принято гулять постепенно, она является точкой отсчета, персонажем фольклора и фигурой речи. В устах одессита фраза «Сейчас, я возьму разгон с Дерибасовской» означает презрительный отказ. Слова «целовал бы камни Дерибасовской» выражают крайнюю степень ностальгии. А возможность «прошвырнуться по Дерибасовской» предполагает одну из лучших форм беспечного времяпрепровождения. Каждый дом и двор этой улицы несут в себе богатую историю жильцов, оставивших след в истории нашего города.

Улицы и дворы Одессы всегда дарили миру талантливых писателей, музыкантов, художников, ученых, философов, врачей и спортсменов. Неизвестно, что или кто делал их талантливыми – родители, образование или сама атмосфера уникальных интернациональных одесских дворов. К юбилею Одессы мы готовим новую экспозицию под открытым небом в Литературном музее – «Одесский двор». Именно двор является неотъемлемой частью истории и культуры Одессы. Именно в одесском дворе, определявшем повседневность, возникли одесский язык как смешение славянских

На фото Леонида Сидорского – одесские персонажи

и многих иных наречий, одесская кухня как соединение рецептов и способов приготовления пищи народов Средиземноморья, Европы и Азии, одесский стиль как синтез различных направлений культуры и моды. Цензор К. Зеленецкий, живший в Одессе в XIX веке, заметил: «Жизнь в Одессе представляет все удобства и выгоды провинциального города в соединении со многими преимуществами столиц». Одесский двор и одесская улица служат наглядными иллюстрациями к этому замечанию. Улица – столичная составляющая города, двор – провинциальная. Как раз во дворах формировалась значительная часть одесского характера, образа мыслей, менталитета. Дворы привносили в городскую жизнь специфический колорит, ставший уже в XX столетии частью одесского мифа.

Одесский двор был воспет в литературе и получил мировую известность. У Исаака Бабеля в начале рассказа «Король» читаем: «…он вышел из комнаты и увидел столы, поставленные во всю длину двора. Их было так много, что они высовывали свой хвост за ворота на Госпитальную улицу. Перекрытые бархатом столы вились по двору, как змеи, которым на брюхо наложили заплаты всех цветов, и они пели густыми голосами – заплаты из оранжевого и красного бархата».

Отмечая 220 лет, мы не должны забывать историю нашего города и с верой в будущее должны формировать образ грядущего Одессы. Трудные времена дают нам шанс переосмыслить все наши действия, трезво взглянуть на жизнь и задать себе главный вопрос: что мы можем сделать все вместе, чтоб наш город был лучшим городом на земле?

На фото Леонида Сидорского – одесские персонажи

Александр Прилипко

Наша золотая лоза

Винная карта одесского края

Одесская область в роли крупного винодельческого региона в мире известна мало. Исторически этот район оказался затертым между 200 тысячами гектаров молдавских виноградников и значительно уступающими им по площадям, но широко известными в мире крымскими плантациями. Между тем история и опыт не раз доказывали, что условия и почвы нашей местности вполне позволяют производить прекрасные ординарные вина, шампанское и коньяки. Этот природный карт-бланш для экономики пока, выражаясь игровой терминологией, «лежит в прикупе». Мы продолжаем разыгрывать порты и другие сильные козыри своего географического положения, не подозревая, что туризм, связанная с ним реклама края, индустрия развлечений и торговля получат другую динамику развития, если на сцену в полный рост выйдет виноделие. Сегодня более половины украинских виноградников находятся между Днестром и Дунаем, но это всего 35 тысяч гектаров европейской лозы. Надо как минимум в 10 раз больше. Такой показатель не фантазии, а уже существовавшая в прошлом реальность. Но прежде чем осмыслить ее, заглянем в историю винодельческой Одесщины.

Письменные упоминания о винодельческих промыслах у нас относятся к 1600-1625 годам. На них ссылается Федор Батюшков в очерках по истории Бессарабии. Дескать, воевода Стефан подарил роду Никоа Варзаря и его брата Теодера один виноградник (значит, их, виноградников, было как минимум два). Есть свидетельства о некоем Скендро, отправлявшем свои вина в Москву с 1790 года, и записи царских историков виноделия о запорож-

ских казаках, давших толчок развитию виноградарства в долине Днестра. В 1788 году, после взятия Очакова и покорения «Ханской Украйны», князь Потемкин, оценив вклад запорожцев в общую победу, отвел им земли между Днестром и Бугом. Тогда впервые появились сведения о виноградниках в Слободзеях, Ясских, Голивкивке, Беляевке и Аджидере (Овидиополе). Но через три года тот же Потемкин пожелал сделать из запорожцев крепостных, и казаки, противясь произволу, бежали в Буджак. Видно, карательный рейд генерала Прозоровского в 1769 году, когда он сжег дотла Балту и все встреченные на пути поселения вниз по Днестру, вынудил казаков не слишком углубляться на территорию, контролируемую русскими войсками. Полосы их виноградников не выходили за речной кордон.

С юга, от Измаила и Килии до Днестровского лимана, распространялись армянские поселения. А рядом освобожденные от турецкого ига болгары закладывали свои села; сюда же прибыли первые немецкие колонисты из Варшавского герцогства, а позже – из Вюртемберга и Эльзаса. Греческое восстание вытолкнуло на новые земли беженцев из Фракии и Архипелага. Они нашли приют в Измаиле, Рени и Аккермане и, скорее всего, привнесли в нашу историю легенды своих древних земель. Из Польской Украины и Подола потянулись осваивать целинные просторы малороссы и молдаване, из французской Швейцарии – просвещенные земледельцы. Все варились в этом котле, называемом Америкой Старым Светом, заимствуя друг у друга «много обычаев, приемов и способов хозяйствования».

Когда в 1846 году в Одессу придет известие о кончине графа М. Воронцова, выступающие на панихиде видные деятели нашего края так и будут говорить: «Он превратил Новороссию в Калифорнию…». Имелись в виду и потоки пшеницы, и виноградные плантации, и уровень свободы людей.

Свобода, конечно, понятие не агротехническое, но весьма сопряженное с виноградарством. Любимец Григория Потемкина генерал Фалеев по-солдатски прямолинейно скомандовал «сажать виноград от Хортицы до лиманов». Тогда тысячи саженцев привозились из еще турецкого Аккермана и «по начальству» распределялись в богатые и бедные усадьбы. Отвечал за операцию

профессор А. Антонский-Прокопович, специально поставленный «ученый человек», а на помощь ему прислали две команды виноградарей: одну из Марселя, а вторую из Испании. Но лоза не прижилась, а всех специалистов выкосила чума. Виноград же живо отозвался на демократическое государственное установление, приведенное историком А. Скальковским, о приохочивании народа к культуре: «Для ведения каждого в праздничные дни публиковать всему обществу с изъяснением, что если кто себе из таких угодьев разведет виноградник или сад, не только от него то место не отнимут, но и в вечность ему и его наследникам останется».*

Нет сомнения, что фундаментальные и в том числе популярные знания о вине пришли к нам из Византии с христианской философией и церковными обрядами. В славянской редакции XVII века это звучало так: «О вещи крове Христовы. Известие учительное. Вещество крове Христовы есть вино от плода лознаго, сие есть из гроздов винныя лозы источенное: подобает сему вину свойственный иметь вкус и обоняние, и к питию приемное и чистое быти, не смешанное с каковым либо иным питием, кроме же из гроздия. Вином же не суть и быти не могут вся соки от различных овощей и ягод источены, сие есть яблочный, грушевый, вишневый и иные сим подобные».**

Культура виноделия – понятие двухуровневое. Изначально это простое изготовление напитков из виноградного сока. В истории сколько угодно упоминаний и находок, относящихся к эллинам, египтянам и многим другим народам, населявшим Средиземноморье, Ближний Восток и Южную Европу. В пору юности нашего города его граждане любили ссылаться на эти сведения из глубины веков, отшлифованные эпосом разных религий. Многие из них были опубликованы в газетах и журналах того времени. Почему евреи не пьют вина? Талмудисты утверж-

* Имеются в виду казенные пустоши. Публиковать – значило обнародовать, в т. ч. и устно. Цитируется по пятитомной энциклопедии М. Балласа «Виноделие в России». Это распоряжение, или установление неизвестной инстанции, будет конкретизировано М. Воронцовым в виде царского указа 1825 года.

** «Известие учительное» стало аргументом в принципиальной полемике производителей спиртных напитков по поводу определения, что есть настоящее вино. Цитируется по выступлению представителя Св. Синода князя Ширинского-Шахматова на съезде виноградарей и виноделов в Москве в 1902 году.

дают, мол, запретное древо было виноградом, и происхождение греха – от спелой и сочной восковой ягоды. Другие сказания утверждали, что животворный крест сделан из трех частей и пород деревьев: Господня и Адамова – из кипариса и красного дерева, а Евина – из виноградной лозы.

Видимо, эти предания имели широкое хождение среди людей XVIII века, поскольку интерпретации на эту тему попали даже в легендарный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Эфрона. Но будем помнить, что винодельческую традицию, будь она и принесена на берега Понта Эвксинского (гостеприимного, подревнегречески, моря) эллинами или римлянами, почти тысячу лет спустя не могли развить кочевые племена и рабовладельческие обычаи турков. Поэтому виноградная лоза в конце XVIII – начале XIX веков пребывала изгнанницей, теряясь в пыльных и выжженных солнцем диких степях, населенных разными народами.

Первый виноградный сад, или, лучше сказать, первый в Одессе хутор, заложенный «с целью садоводства и виноделия», как говорит о нем историк А. Скальковский, был учрежден в 1798 году отставным майором греческого батальона Спорити на Молдаванке близ Водяной балки. Саженцы привезли из Аккермана, но прижились не все, и сад не раз дополнялся лозами из Франции и Испании. Здесь были укупорены первые бочки культурного вина. В 1809 году на этом месте Ришелье учредил «настоящие плантации деревьев», которые сегодня называются Дюковским садом, вырубленным до основания в годы революций и гражданской войны.

Ланжероновские, ришельевские и воронцовские проекты в области виноделия принесли блестящие результаты. Они подняли престиж Императорского Общества сельского хозяйства Южной России, которое сыграло выдающуюся роль в становлении нашего края как винодельческого региона. Комитет заложил основы культурного виноделия во французском духе, вел и поощрял просветительскую работу среди крестьянства.

Почетную награду и двести рублей получил из рук генерал-губернатора одесский купец Иван Рубо, посадивший 250 тысяч кустов винограда и школку из 130 тысяч французских саженцев на своих ста десятинах земли близ Тираспольского тракта. Таких, как Рубо, были десятки, если не сотни!

У М. Воронцова был свой гениальный прием превращения целинных земель в цветущие сады. Он отделял от «казенного имения» крупный участок в сто, двести десятин и разбивал его на мелкие части. Крестьянам – вольным поселенцам, всем желающим участки предлагались бесплатно, но с условием, что каждый хозяин посадит по одному виноградному кусту на сажень и четыре года будет присматривать за полем. В конце этого срока человек получал «данную» (свидетельство собственности) на свой клин. Благодаря такому подходу быстро разрастались виноградники, и прибавлялось в полку виноградарей. На принципах безвозмездной передачи казенных пустошей в частные руки возникает Никитский сад, а под Одессой – Люстдорф, Клейнлибенталь и Гросслибенталь, где виноделие «год от году все больше вступает в права промышленности народной».

В 40 верстах от Одессы граф Северин-Потоцкий (отсюда пошло название Севериновка) заложил крупные виноградные плантации, действительный статский советник Симонов посадил 6 тысяч виноградных лоз на хуторе Утеха, а на хуторе Добровольского (названного по имени его владельца) вдоль балки Татарка высаживается около 3 тысяч саженцев винограда. По статистике Одесского градоначальства, в 1807 году здесь насчитывалось 8 виноградников площадью более 10 десятин, в 1812-1818 гг., через пять лет, уже 54, а в 1827 году их более 162. По той же статистике 1860 года, Одесса производит 32 тысячи ведер вина, колонисты и государственные поселяне более чем по 40 тысяч ведер, а помещики – около 5 тысяч ведер.

Если посмотреть на списки губернских, уездных и волостных начальников, предводителей дворянства более позднего периода, то все они в конце XIX века владели виноградниками и держали собственные погреба. А. Беликович, городской голова Аккермана, Н. Варзарь, земский начальник, князь Г. Гагарин-Стурдза с обширными бессарабскими владениями, одесский полицмейстер Е. Кисляковский, ананьевский городской голова А. Коняхин (последний был просто одержим идеей превращения уезда в виноградный край), барон Е. Пилар, владелец имения в Петроверовке, и многие другие, не говоря о хорошо известных фамилиях. До 1861 года увлечение лозой – всего лишь мода местного дворянства.

Вино, даже его лучшие образцы, сделанные в имениях, не попадают в продажу, появляясь на столах только во время банкетов или на дегустациях в узком кругу перед заседаниями, например городской Думы или различных комитетов. Оно вроде рысаков или борзых – указатель престижа владельца и тема великосветской беседы с сигарою, за картами. Виноторговля – удел купеческого сословия, быстро изучающего рынок и спрос. Купцы, сотрудничая с помещиками, черпая у них знания, заключали договоры на аренду оборудования и земель. Потом эти две линии, аристократическая мода и реальный бизнес, сойдутся в форме естественного буржуазного компромисса. Кто-то из помещиков станет зарабатывать деньги на виноделии, а многие нижние сословия обретут возможность доступа к мировому опыту производства вин.

Виноделие меняло не только пустынные ландшафты вокруг Одессы, но и сам город. История катакомб, воспетая большевистскими подпольщиками и продолженная партизанами, на самом деле – история нашего виноделия. В лабиринтах подземных природных пещер задолго до диггеров XX века частенько бывали люди, знающие преимущества погребного хозяйства XVIII столетия. Колонист Отто Гофбауэр в течение трех лет, начиная с 1870 года, изучал структуру, температурный режим и влажность природных погребов. Его исследования были опубликованы в одесской немецкой газете, а позже появились в «Одесском вестнике» на русском языке. Идеями превращения «мин» в винодельческие погреба воспользовались многие крупные одесские предприниматели: братья Синадино, П. Родоканаки, барон А. Рено.

Чтобы отчетливее представить роль Комитета в отрасли, необходимо увидеть еще одну структуру, точнее – главный орган, двигающий виноделие огромной империи и часто скрывающийся за вывесками комитетов, товариществ и обществ. Этот орган – департамент удельного виноделия со штаб-квартирами (читай: подвалами) в Крыму, на Кавказе и в Одессе (центральная).

В 1861 году, после отмены крепостного права, вся царская недвижимая собственность, управляемая министерством двора, перешла в новую систему административного ведения – созданный при министерстве департамент уделов. Ему подчинены усадьбы

членов семьи Романовых, высокую рентабельность которых призваны обеспечить чиновники. Выражаясь современной лексикой – менеджеры высшей квалификации. Один из таких управленцев – князь Лев Сергеевич Голицын, прославившийся образцовым винодельческим проектом под Феодосией – «Новый Свет», и организацией Центрального подвала удельного ведомства на Малофонтанской дороге, нынешнем Французском бульваре.

Еще одна крупная фигура местного виноделия – князь Павел Петрович Трубецкой, тоже оставивший службу ради виноделия и основавший в селении Плоты Балтского уезда первую агротехническую лабораторию. Плотянское имение Трубецкого было местной достопримечательностью, эталоном винодельческого хозяйства. А вина из подвалов в Козацком другого князя с такой же фамилией, Петра Николаевича Трубецкого, завоевывали высшие награды в Италии и Франции. В 1895 году в Одессу прибывает чиновник министерства государственного имущества В. Таиров, который тоже становится энтузиастом выращивания лозы.

Двадцать пять лет, с 1885 по 1910 гг., несомненно, самые продуктивные годы для винодельческой отрасли края, который сегодня называется Одесской областью. Площади виноградников возросли до 7 тысяч гектаров (6,5 тысяч десятин по статистике Херсонского уезда). Ежегодно в саму Одессу ввозится около миллиона (!) пудов вина, преимущественно бессарабского, из Аккермана и Страшен, и только треть – из Крыма и с Кавказа. Импорт невелик, 20 тыс. пудов в деревянной посуде. Это крепкие вина: марсала, мадера, херес и до 40 тысяч бутылок шипучих вин. Через порт и по железной дороге вывозится в разные города империи 600-700 тысяч пудов. Винное дело удельного ведомства – самое крупное в Одессе. За ним по сумме оборотов, судя по сведениям министерства финансов о розливе вина, не менее 10 тыс. ведер в год (материалы высочайше утвержденной комиссии об упорядочении торговли напитками, содержащими алкоголь), можно упомянуть о фирмах Нуво (Фука), Синадино, Розенблата, Бернштейна, Гинанда, Болгарова, Сирогоса, Фишера, Рабиновича.*

В этом же докладе упоминается о заводах Товарищества виноделия (1.300.000 рублей в активах) и Редерера (500.000 рублей),

* По докладу Комитета виноградарства ИОСХ от 10 марта 1900 года.

существенно повлиявших на пропорции потребления шампанских вин в сторону значительного увеличения доли отечественных. Конечно же, перечисленные виноторговцы держали рынок и в Одессе, и в большинстве крупных городов империи, по сути, являясь монополистами, владея всем сырьевым, производственным и торговым потенциалом края.

Пожалуй, самым значительным винодельческим проектом в Одессе конца позапрошлого века оказался завод шампанских вин и коньяка, основанный Товариществом виноделия. Для описания этого предприятия непременно понадобятся характеристики в превосходных степенях! Астрономическая стоимость предприятия: почти 1.300.000 рублей; огромная территория сбыта, достигнутая спустя год после выпуска первой партии вин; уникальность оборудования, до последнего винтика привезенного из Франции.

В 1890-1900 гг. виноградарство края вступило в полосу второго расцвета. После падения крепостного права и всеобщего замешательства в земельных отношениях с 1860 по 1890 годы виноградные насаждения не увеличивались, а кое-где даже сократились, причем существенно. Лоза – очень точный барометр экономической погоды, и если вы интересуетесь качеством жизни людей в разных странах и в разные времена, достаточно запросить статистику площадей под виноградниками. Рост виноградных насаждений означает ясную экономическую перспективу, а их снижение – показатель ненастья.

1820-1850 годы характеризует бурный рост, затем снижение до 1890 года, потом уверенное и повсеместное увеличение площадей до 1913 года. Потрясения 1914-1922 годов вкупе с филлоксерой почти полностью уничтожили насаждения, но с середины 20-х годов виноградники медленно оживают и расширяются примерно до 1936 года. Коллективизация, война и разруха, конечно же, приносят ужасную статистику. Но с 50-х и до конца 70-х вновь начинается масштабное шествие ее величества лозы по нашим полям.

Мистическая тайна винограда – в его способности предсказывать социально-политическую ситуацию, сказал бы романтик. А практик, обратившись к собственной памяти, ответит: отрасль начинает реагировать на изменения в обществе через систему

спроса задолго до кризисных явлений. Возвращаясь на сто лет назад, во времена накануне первой мировой войны, мы обнаружим, что потеряли многие винодельческие регионы.

В Измаильском уезде лучшими считались вина с городских окраинных виноградников, расположенных в Копанной, Холодной балке и Буджаке. Это сады местной знати и самых зажиточных людей: Копчева (еще раньше они принадлежали австрийскому консулу Бону), семьи Тульчениновых (самый крупный), а в Ларжанке – купцов Василенко, Кривобородова и Куклина.

В Рени и окрестностях качество вин потребители оценивали весьма посредственно – из-за характера островных и затопляемых низинных почв. Однако и тут были свои мастера. Прекрасно оборудованное, с хорошим погребом винодельческое хозяйство Эммануила Варнали славилось за пределами уезда отличными красными винами. К нему приближались виноградные владения по берегам Кагула главного городского собственника Каравасили, помещиков Кричунеско, Шлингера и Барушева.

Виноградарство Измаила продвинули купцы Епурян и Кричунеско, заложившие в Каракульском саду коллекцию посадочного материала иностранных сортов. В 1897 году его приобрел участковый виноградарь одесского филлоксерного комитета Антон Эйсмонд и расширил до 20 десятин. Здесь был второй сертифицированный, то есть внесенный в Петербургский реестр (первым значился Кучурганский М. Фора), виноградный питомник. 5870 подвойных филлоксероустойчивых кустов, 1067 американских и французских и 885 привитых европейских и местных лоз давали ежегодно до 150 тысяч черенков.

Болград, несмотря на хорошие климатические условия, винодельческие традиции и достаточно большую площадь насаждений (от 2500 до 3000 десятин) отставал от Измаила. Виноградники этого болгарского селения тянулись широкой десятиверстной полосой по левому берегу Ялпуга и балкам Мензуле и Вакарице. Поскольку белые и черные сорта винограда здесь смешивались при выделке, а население не отличалось зажиточностью, вина Болграда распространялись только в черте уезда. Так же характеризовались и сельские виноград-

ники (свыше 100 десятин, или 110 гектаров) Долокиоя, Эрдокобурны, Кислицы и Старых Троян.*

Третий крупный пункт виноградарства в этом районе – Килия (400 десятин). Обширные килийские виноградники тянулись вдоль дунайских плавней до озера Китай на севере, по островам между речных рукавов и примыкали к городу у кладбища, затем уходили в степь (между Натягайловской и Карамахметовской дорогами). Наиболее ухоженными выглядели сады предместья Маяки и «Обмория» – местный питомник.

Тем не менее все перечисленные районы виноделия не могли составить конкуренцию Бендерскому и Аккерманскому уездам, и даже северным волостям: Тарутинской и Саратской, где виноделие, по словам тогдашних экспертов, стояло почти на недосягаемой высоте сравнительно с крестьянскими хозяйствами. «Вина, – цитируем по «Истории виноделия России», написанной крупным исследователем этой области, владельцем виноградников, членом Аккерманской земской управы Михаилом Балласом, – добываемые в колониях Клястцы, Березино, Тарутино и Сарата (всего более 1500 десятин насаждений) пользуются заслуженною репутацией, и при более тщательном погребном уходе за ними могли бы занять далеко не последнее место среди других вин, даже Аккерманского уезда».

Центром бессарабского виноделия был, несомненно, Аккерман. Старая крепость, возвышающаяся над Днестровским лиманом, не только военный памятник. Среди его бутовых стен разворачивались вполне мирные события нашего виноделия. Здесь на береговых косогорах граф Паравичини привел в порядок запущенные турками виноградники и в 1826 году разлил 32 тысячи бутылок вина – первое бессарабское вино в стеклянной таре. Потом графские сады перекочевывали в частные и казенные руки и, наконец, были проданы за 120 тысяч рублей. Деньги пошли на устройство училища виноделия в крепостных

* Через несколько лет крупный бессарабский винодел Василий Ансельм получит премию имени Александра III за вина урожая 1906 года, выделанные из винограда сортов «рислинг», «альварна» и «щасла». Эта коллекция называлась несколько странно: «Волохина гора». Видимо, в честь второго подмосковного имения Ансельма, однако это было заметное признание измаильских и болградских вин.

казематах. Но содержать в порядке слишком большую для учебного заведения территорию оказалось невыгодным. Сады отдали в аренду Карлу Тардану. Известный швейцарец обучался у великого ботаника Огюста Декандоля, профессора Женевского университета, составившего уникальный европейский гербарий. Поручик швейцарской службы, к тому времени состоявший мэром посада, смог содержать училище еще лет десять. Так что в легендарной крепости учились наши прадеды-виноделы, а в пороховых погребах созревало вино и, возможно, этот факт оказал большее влияние на ход истории, чем дозорная и таможенная роль цитадели.

По статистике тех лет, каждый третий трудоспособный горожанин Аккермана был связан с отраслью. Находились и просто одержимые виноделием. Например, садовладелец Журмали-Попов, который за 40 лет развел 30 десятин прекрасных виноградников. Перед смертью, уже в 72-летнем возрасте, он посадил еще 44000 лоз «каберне» и «рислинга» и оставил наследникам добротный винодельческий комплекс, оснащенный французскими прессами. Справедливости ради надо заметить, что очень хорошие прессы и бродильни делались в Шабо швейцарцем Пави, а в Одессе – Ренцем. Но, как и сегодня, в конкуренции оборудования побеждал заграничный оригинал.

Лучшее «массовое вино» в Одесском уезде получалось из сорта «растрепа» (он же «серексия-помарара»), но потом опыты с обширным насаждением Cabernet Sauvignon (в Люстдорфе и в других местах, у Малаховского и д-ра Духновского) вполне подтвердили превосходство ныне известного всем сорта.

В 53 верстах от Одессы на правом берегу Тилигульского лимана находилось имение Н. Альбранта «Каиры» с прекрасным виноградным садом (4000 кустов), а рядом, по речке Балай, – Ивана Куриса (губернского предводителя дворянства) – около 40 десятин хорошего сортового состава («щасла», «троллингер», «педро-хименес» и «черный мускат»). Но самым значительным в этом районе (нынче это земли Виноградовки Одесской области и Виноградного Николаевской области) был виноградник Эдуарда Малаховского, который потратил на его разведение более пятнадцати лет.

Вблизи Куяльницкого лимана 135 десятин виноградников принадлежали болгарской общине в селе Кубанка, а далее, вверх по течению Б. Куяльника, в Севериновке, Адамовке, Шимановке, Федоровке шли сады знатных людей Одессы, в том числе уже известного нам барона А. Штемпеля. Земли Антоново-Кодинцева (Коминтерново) виноградари тоже находили привлекательными для отрасли.

Но главными центрами виноделия и виноградарства в северной части нынешних границ Одесской области считались Кучурган и окружавшие его немецкие колонии в Днестровской долине, а на самой верхней, высокогорной и морозной отметине карты, возле селения Плоть (долина речки Окны, отходящая от молдавского Днестра до украинских сел Крутые и Семеновки) находились виноградники и винодельческая опытная станция князя П. Трубецкого, впоследствии незаслуженно забытая. Хотя именно опыты князя, его помощников, трех французов и украинца М. Ховренко, послужили научной основой для продвижения виноградарства по всему Подольскому уезду.

Послереволюционная земледельческая история нашего края характерна тем, что основные винодельческие регионы отошли к Румынии, и в этот период отрасль развивалась на небольшой территории между Днестровским и Тилигульским лиманами.

В 1931 году Наркомземдел УССР присваивает винодельческой станции им. В. Таирова на Сухом Лимане статус Института виноградарства и виноделия, который тоже получает имя Василия Егоровича. По сути, в отрасли начинается новый отсчет. Забыто все, что делалось до 1917 года, вычеркнуты из истории крупные специалисты, ученые и практики. В профессиональных изданиях они упоминаются только в контексте классовой борьбы с явным искажением известных фактов: «Другое направление (имеются в виду закладки виноградников), которое исходило из капиталистического принципа наживы, пропагандировал француз Фор и его наследник Могилянский – они увеличили площади посадок гибридных сортов», – пишет в журнале «Вестник виноделия Украины» Н. Криворуков. Однако опорные пункты нового института создаются как раз в бывших имениях: князя П. Трубецкого «Основа», на днепровских песках и в имении Могилянского Жовтневка Березовского района.

Новый этап бурного развития виноделия в Одесской области начался в 60-е годы прошлого века. Тогда площадь наших виноградников почти сравнялась с молдавскими, и «Одессовхозвинтрест», который объединял 26 винсовхозов и 13 винодельческих заводов, производил столько же продукции, сколько и крымские объединения. В конце 80-х годов прошлого века Одесская область производила 3,2 млн декалитров вина и 331 тысячу декалитров коньяков. Только шампанского выпускалось более 10 млн бутылок.

По мнению экономистов перестроечной поры, в 90-х годах область потеряла в виноградно-винодельческом комплексе почти миллиард долларов. Однако вместе с потерей достижений советских времен исчез и старый подход к виноделию, где валовые показатели преобладали над качественными.

Сегодня винодельческий потенциал региона сосредоточен в Белгород-Днестровском районе (ТМ «Шабо»), Болградском (ТМ «Колонист», «Болград») и Саратском (ТМ «Французский бульвар» и «Вина Гулиевых»). В Одессе расположены заводы игристых и шампанских вин (ТМ «Одесса» и «Французский бульвар») и крупнейший в Украине коньячный завод (ТМ «Шустов»). Упомянутые торговые марки представляют край на международных специализированных выставках и занимают значительную долю общенационального рынка. Остальные регионы поставляют на рынок виноматериалы или небольшие партии вин локального значения. Сопоставляя сегодняшние винодельческие достижения с прошлыми, мы можем лучше представить огромный потенциал наших апелласьонов, способных вывести отечественную отрасль на уровень мирового интереса.

Олег Губарь

Дерибасовская: дом Фраполли

Речь о доме Марии-Аделаиды, супруги городского архитектора Франческо Фраполли. В книге «Старые дома» (2006) я назвал ее урожденной Мартыновой, поскольку неверно интерпретировал встречающееся в отдельных архивных бумагах отчество – Мартыновна (Мартиновна). Более широкий круг документов позволяет говорить о том, что она, конечно, не русская, скорее всего, итальянка, привычно и четко подписывается латиницей. Возможно, бракосочетание состоялось еще на исторической родине, в Неаполе. Откровенно говоря, информация о личности Марии-Аделаиды довольно скудна. Правда, ей никак не откажешь в настойчивости, последовательности и прекрасном воспитании дочери – выдающейся благотворительницы.

Активный предприниматель, Франческо Фраполли оставил своей семье приличное состояние, в том числе дом по Дерибасовской, № 13-й по современной нумерации. Симпатично, что название расположенного здесь ныне отеля «Фраполли» сохраняет память о первом городском архитекторе и его семействе. Впрочем, вызывает недоумение дата, обозначенная на воротах, – 1805. На самом деле первичная постройка была готова уже в феврале 1804 года – это недвусмысленно прописано в документах Одесского строительного комитета. Что до сооружения ныне существующего здания, оно осуществлялось Марией-Аделаидой в 1828-м. История застройки этого принадлежащего семейству места не только несколько сумбурна и растянута во времени, но и насчитывает немало любопытных персонажей ранней биографии Одессы, в целом иллюстрирует обстоятельства первого этапа градостроительства.

Изначально эта сторона девятого квартала Военного форштата включала четыре равноценных по площади места № 69-72. Угловые участки считались более выгодными, проездными, и застраивались в первую очередь. Согласно ведомости розданным местам от 15 сентября 1794 года, составленной военным инженером капитаном Федором Кайзером (Кейзером), сказанные номера получили: купец Суровцов, отставной матрос Андрей Семенов, капитан Дияуров, инженер-унтер-цейхвартер Винтулов. Первично места, понятно, раздавались преимущественно военным, в том числе флотским, из которых не многие сумели построиться, ибо не имели достаточных средств, да и перемещались по служебным обязанностям. Поэтому участки переходили в другие руки, нередко многократно. Кроме того, уже в 1795-м явно произошло частичное официальное перераспределение мест, так как зимой 1794-1795 годов приватное строительство едва ли производилось по объективным причинам.

Поэтому первым застройщиком углового места по Екатерининской стал не Винтулов, а Врето. Георгий (Егор, Юрий) Врето – фигура очень интересная. Уроженец ионийского острова Кифера, он был волонтером в русско-турецкой войне, и после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора жил в Крыму, дослужился до майора, одно время состоял директором таможни в Козлове (Евпатории), активно занимался торговлей, вступил в гильдию.

Врето – один из пионеров, по сути, основателей Одессы. Как человек, располагавший средствами, он изначально получил семь мест в трех разных районах Греческого форштата, однако в итоге облюбовал и в 1796 году окончательно застроил сказанный угол. В 1800 году Врето основал в своем доме первое в городе учебное заведение на 40-70 подростков, прообраз будущей коммерческой гимназии, в котором два учителя преподавали по-гречески и поитальянски. При поддержке герцога Ришелье он способствовал переселению в Одессу около 300 греков с Архипелага, то есть островов Эгейского моря, служил российским генеральным консулом на родной Кифере, получил орден Святого Владимира четвертой степени, вырос в чине от коллежского асессора, что соответствовало чину армейского майора, до коллежского советника (полковника).

На другом углу обосновался Тульской губернии города Белева купец 3-й гильдии Борис Никитич Суровцов (Суровцев), тоже одесский пионер. При самом основании города он построил две лавки на Вольном рынке (Старом базаре), одно время занимался торговлей мясом. В 1798 году за Суровцовым значатся строения, состоящие из «11-ти покоев и 3-х лавок». Эти помещения он сдавал в аренду, а сам «упражнялся в торговле питиями», был винным откупщиком в тот период, когда доходы от продажи питей поступали в городской бюджет. Дом и три лавки упоминаются в ведомости 1805 года как оконченные строительством, то есть первичные апартаменты в тот год как-то перестраивались. С домом на углу будущих улиц Дерибасовской и Ришельевской ситуация непростая. На планах 1802-1807 годов место четко обозначено застроенным, причем как раз угловое. Вместе с тем в целом ряде архивных документов говорится о том, что Суровцова с 1804-го года понуждают к застройке этого участка.

А суть в том, что первые дома строились «без плана», по возможностям застройщиков. С открытием действий Одесского строительного комитета усилился соответствующий контроль, в особенности над постройками в самом центре. Суровцов не располагал необходимым капиталом для устройства регламентированного строения, а потому в течение без малого десятилетия оттягивал реконструкцию. Ему долго шли навстречу, проявляя снисхождение. Правда, еще накануне карантина 1812 года место решили продать другому лицу, но чума внесла свои коррективы. Наконец, терпение властей лопнуло, и 31 мая 1813 года Комитет постановил, что если Суровцов не начнет строительство со 2-го по 9-е июня, то место отберут категорически.

Строить, кажется, начали, но в этот момент Борис Никитич преставился. Его супруга Наталия Ивановна и сын Никита от продолжения отказались, начатая постройка и место были проданы состоятельному одесскому 1-й гильдии купцу Семену Семеновичу Мясникову. Он занимался оптовой торговлей лесом, владел винным погребом, был одним из комиссаров в ходе ликвидации чумной эпидемии 1812 года, попечителем Соборной церкви. За вдовой Суровцова и его сыновьями Никитой, Яковом и Федором в 1815-м узаконили две лавки на Старом базаре.

Амбициозный Мясников хотел в один теплый сезон 1814 года застроить более половины квартала, от Ришельевской улицы в направлении Екатерининской. При этом он указывает меру длины по Дерибасовской (Мясников называет ее еще по-старому, Гимназская) улице – 32 сажени. Архитектор Франческо Фраполли справедливо заметил ему, что, по данной от Строительного комитета инструкции, не может составить план на такое количество земли. Это и понятно, ибо мера каждого из четырех мест на квартале составляла 15 саженей, то есть указанная потенциальным застройщиком длина на две сажени превышала суммарную меру двух мест. Вот тут и становится очевидным, по какому поводу впоследствии развернулась затяжная территориальная война, каковую вела с Мясниковым вдова Фраполли Мария-Аделаида.

Откуда взялось сказанное превышение нормативов? Клубок событий плотен, но распутать можно. Дело в том, что смежное место № 70 в мае-июне 1814 года *по частям* приобрела жена Мясникова Варвара Гавриловна. Одну из этих частей, размерами 20 на 9 саженей, продал ей бывший городской голова Иван Иванович Кафажи (Кафажей, Кафаджи), другую, 20 на семь с половиной саженей, ему же доверил продать Мясниковой херсонский купец Григорий Афанасьевич Автомонов, соответственно за семь и пять тысяч рублей ассигнациями. Таким образом, по купчим суммарная длина места № 70 составляет 16,5 саженей вместо положенных 15-ти!

Когда в 1820 году Мария Фраполли решила построить на месте старого дома другой, то, естественно, столкнулась с явной недостачей полутора фасадных саженей, то есть более трех метров. Это была немалая потеря, ибо по официальным документам покойному супругу принадлежало 15 саженей. Строительный комитет принялся разбираться, почему так получилось, кому и на каком основании досталось место, изначально отведенное отставному матросу Семенову. «Из купчих же крепостей, доставленных в копиях от магистрата, – сообщается в архивном документе, – видно, что из сего последнего места, неизвестно Комитету, по какому случаю, была одна часть во владении Кафажея, а другая во владении генерал-майора Яковлева (Петра Алексеевича, георгиевского кавалера. – **О. Г.**), а потом Автомонова (тоже

Бывший дом Фраполли: на фасаде различимы вывески фотосалона Чеховского и представительства фирмы Фраже

один из первых одесских поселенцев, строительный подрядчик. – **О. Г.**), и проданы по двум (купчим. – **О. Г.**) крепостям…»

Разбирательством этим, длившимся до 1828 года, интересовался сам генерал-губернатор Воронцов. Согласно измерению инженера подполковника Круга, реальная длина фасада составляла 13 саженей и один аршин. Боффо показал немного больше – 13 саженей и два аршина, но и в этом случае недостача составляла одну сажень и один аршин. Претензии Марии-Аделаиды Комитет нашел вполне справедливыми, однако своею властью не мог ничего исправить: решения о передаче мест Кафажи и Яковлеву принимались еще до создания самого Строительного комитета, то есть в 1803 году или ранее, а купчие крепости могли оспариваться лишь в присутственном месте.

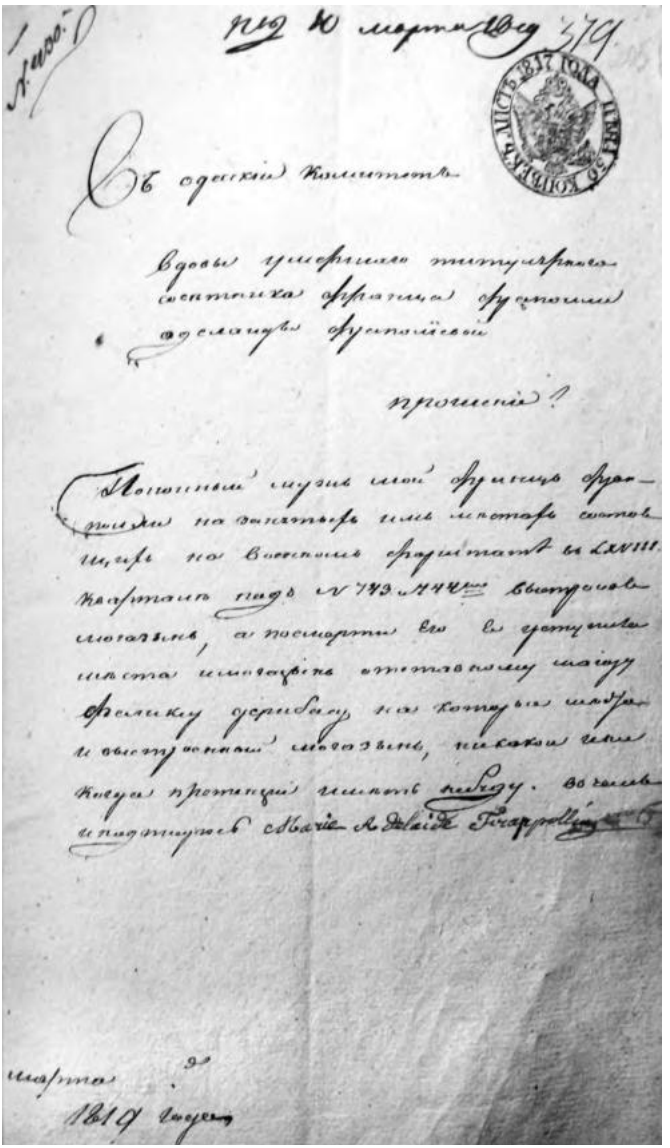
В 1822-м дело передавалось для вердикта в Одесский городской магистрат, но определенного результата мы здесь не видим. Действительно, места, принадлежавшие Мясниковым, были поочередно и в назначенные сроки застроены двухэтажными домами с общим входом со стороны Дерибасовской. Куплены они

были на законном основании. С кого спрашивать? С магистратских чиновников двадцатилетней или более давности? Так едва ли кого из них к тому времени можно было застать в живых, доказать злоупотребление и сделать начет.

Впрочем, из документов, маркирующих уже этап строительства нового двухэтажного дома Фраполли летом 1828 года архитектором Ф.К. Боффо и закрепляющих право владения, видно, что длина по фасаду зафиксирована по стандартной норме – 15 саженей. Это можно было бы интерпретировать так, что смежный дом Мясниковых стоял не вплотную, и соседи все же уступили недостающий клочок земли относительно добровольно.

Сознаюсь, мне не сразу пришла на ум простая мысль проверить, случилось ли такое на самом деле, то есть измерить реальную длину фасада этого вполне сохранившегося дома Фраполли, построенного по проекту Боффо. Со стороны сам процесс «сверки» выглядел, надо полагать, неким авангардистским перформансом на Дерибасовской, и зеваки с немалым интересом наблюдали «амбуляции» участников. Для измерения мне пришлось задействовать друзей, немолодых, прямо скажем, волонтеров (не зря мы организовали Клуб городских в хорошем смысле сумасшедших): доктора технических наук профессора Михаила Пойзнера, инженера-гидротехника Владимира Бадаева, военного юриста майора Владимира Курлянда, преподавателя 1-й гимназии мастера спорта Леонида Сукача, а в качестве наблюдателя-контролера – начальника ПФО ЧерноморНИИпроекта Владимира Гройсмана. Произведенное со всею ответственностью измерение 50-метровой тарированной рулеткой показало 29 метров 79 сантиметров.

Но указанные в архивном документе 15 саженей составляют 32 метра и четыре сантиметра. То есть существенная недостача все-таки осталась, правда, чуть меньшая, нежели Боффо зафиксировал в ходе измерения участка под строительство. Тем не менее налицо бюрократический казус в стиле ретро: заведомо «откорректированные» владельческие документы. То есть мы изобличили тогдашние власти в очевидном подлоге – не имея возможности вернуть Марии-Аделаиде недостающую землю по факту, ее вернули на бумаге.

Автограф вдовы Фраполли – прошение 1819 г. в ОСК

Мы располагаем еще любопытнейшим архивным свидетельством старожилов Федора Флогаити, Антона Феогности, Ивана Дедоменика и Лариона Портнова о ранней застройке этого квартала. Патриархи сообщают о том, «что где ныне состоит дом одесского купца Семена Мясникова и господина коллежского советника и кавалера Врета, места сии заняты прежними владельцами оных прежде выстроения дому титулярным советником Францем Фраполлием, ибо то гораздо позже застроено, как сказано выше сего, владельцами, а в то время, когда они были выстроены, Фраполли дома было пустопорожнее место…»

То есть, как мы говорили, вперед застраивались угловые участки. В наше время оба места, недолго принадлежавших Мясниковым, а затем купеческому семейству Посилиных (Посылиных), № 69-70 в IX квартале Военного форштата, носят общий № 11 по Дерибасовской улице – это здание Государственного банка, построенное на месте первичного дома. Соответственно дом Фраполли (Марини, затем Сепича), бывший № 71, это нынешний № 13, а Врето, № 72, – дом № 15.

Для завершения сценария можно прибавить, что этот дом Фраполли много лет спустя унаследовала дочь архитектора, выдающаяся благотворительница Виктория Францевна Марини, о которой я подробно рассказал в книге «Старые дома» (2006). Если прежний, отцовский, в 1824 году был оценен в 12 тысяч рублей и не приносил дохода, то новый, материнский, и тоже через 20 лет после постройки, получил оценку 23.010 рублей, а изрядную прибыль приносил на протяжении многих десятилетий.

Вдова Фраполли получила в наследство от архитектора еще и магазин по Гаванной улице, который в 1819 году продала Феликсу де Рибасу, и тот построил взамен один из своих домов. Этот сюжет иллюстрируется представленным здесь документом с автографом Марии-Аделаиды. Мать и дочь унаследовали также хутор на Молдаванской слободке, проданный ими в 1822 году одесскому 1-й гильдии купцу Н.М. Пеццеру. Кроме того, Виктория Францевна получила в наследство хутор своего дяди, архитектора Джованни (Ивана) Фраполли, и продала его семейству Пишон в 1832-м.

Вита Маркина

Одержимый Одессой

Одним из самых любимых мест отдыха в городе является его главная улица Дерибасовская и особенно дом под номером 13, чья биография достаточно любопытна и изобилует именами и фирмами, оставившими яркий след в истории Одессы. Начиная еще с воронцовских времен этот дом, построенный архитектором Францем Фраполли, был элитарным торговым центром Южной Пальмиры. Кроме того, здесь в разные годы проживали известные адвокаты, медики, инженеры, архитекторы, музыканты. Однако у современных одесситов «Дерибасовская, 13» ассоциируется с именем Александра Ильича Павловского, которого называли «хозяином» Дерибасовской. А ведь так и было на самом деле. Он как настоящий хозяин всей душой болел за свое дело. Именно по инициативе Александра Павловского после длительного перерыва в нашей одесской жизни снова появилось красочное шоу 1 Апреля. Именно Александр Ильич взялся организовывать городскую Юморину. И что удивительно – всегда был готов открыто общаться со всеми. Делился своими проектами, призывая принять в них непосредственное участие.

Иногда казалось, что та или иная его идея не найдет своего применения и не будет реализована, но проходило немного времени – и его идеи воплощались в жизнь. Он практически все делал за свой счет. Влезал в долги, но не унывал. И заверял всех, что не только хочет снова прославить родной город, но и уверен, что на массовых праздниках можно зарабатывать. Причем всем.

У Александра Павловского никогда не было загородной виллы, крутой машины, он редко отдыхал. Новые идеи и пере-

говоры были для него куда более важны, чем путешествия за границу. С ним можно было спорить и не соглашаться в чем-то, но его энергию и изобретательность нельзя было не уважать. Он всегда куда-то торопился, но именно это его желание успеть все позволило появиться на свет многим его проектам. Так на Дерибасовской стал популярным ирландский паб «Mick O'Neills», который превратился в бизнес-клуб и клуб интернациональной дружбы. А в Городском саду он открыл первое по-настоящему европейское кафе «Воронцов», где впервые в нашем городе установили веб-камеру, и через Интернет можно было увидеть, что в данный момент происходит на Дерибасовской и в Горсаду. Сюда приходили целыми семьями. Пока взрослые наслаждались беседами, малыши под присмотром играли на детской площадке. Это сейчас никого не удивит детская площадка возле бара, а тогда это нововведение многим пришлось по вкусу.

А к 210-й годовщине основания Одессы на открытой террасе бара «Воронцов» появился единственный в мире фонтан духов, автором которого являлся французский парфюмер, а ныне еще и винодел Кристоф Лакарен. Причем аромат духов подбирали сами одесситы. Сначала было создано несколько запахов, из которых потом горожане путем голосования выбрали один и назвали «Фонтан любви Одесса». Кроме того, Кристоф Лакарен основал здесь французский клуб «Ришелье». Во время разнообразных и занимательных тематических лекций каждый желающий мог поближе познакомиться с такой интересной страной, как Франция…

Думаю, любители творчества Владимира Высоцкого помнят его «Песенку о старой Одессе»:

…Все в Одессе: море, песни,
Порт, бульвар и много лестниц,
Крабы, устрицы, акации, maisons chantées.
Да, наш город процветает,
Но в Одессе не хватает
Самой малости – театра варьете.

Так вот, если Владимир Высоцкий просто сказал, то Александр Павловский построил первый в Одессе театр-варьете «Амстердам». Помимо балета «Амстердам-холл» здесь работал единственный в Одессе театр теней, где ставились уникальные спектакли «Последний день Помпеи», «Декамерон», «О святом Валентине» и другие.

«Амстердам» – это было не просто развлекательное заведение, здесь каждый мог найти единомышленников, поскольку тут работали клуб «Старый добрый вальс» для тех, кому за 35, клуб «Модный Riverdance» ирландского степа, «Кантри-клуб», «Клуб близнецов», клуб победителей рейтинга моделей и другие. А также проходили ток-шоу – интерактивное общение на интересные темы.

Александр Павловский планировал создать бульвар Европейских столиц. И как продолжение начатого – рядом с «Амстердамом» открылся ночной клуб «Лондон». Ну а последним детищем Александра Павловского стал отель «Фраполли», где сегодня любят останавливаться известные артисты, предприниматели, политики, да и просто туристы.

Как вы понимаете, все это делалось не сразу. Не многие знают, как начиналась жизнь этого человека, но уже с детских лет Александр Павловский привык быть первым. Александр Ильич родился 22 сентября 1960 года в Одессе. В юношеском возрасте он серьезно занимался танцами в ансамбле «Молодость» под руководством Иосифа Мерковича и Ефима Когана, участвовал в театрализованных представлениях и даже снимался в кино. После окончания в 1982 году Одесского госу-

дарственного университета им. И.И. Мечникова по специальности молекулярная физика Александр Павловский семь лет проработал учителем физики и классным руководителем в средней школе № 77. До сих пор ученики и их родители вспоминают его с нежностью и теплотой.

Как-то мне довелось говорить об Александре Ильиче с графом Валентином Сабанским, кавалером ордена «Мальтийский крест», работавшим городским судебно-медицинским экспертом. И вот что он сказал: «Я и моя дочь относились к нему с искренним пиететом. Это была личность неординарная. Он был очень добрым человеком с большим сердцем. Жизнь нас свела много лет назад. Однажды, придя в школу, я встретился с новым классным руководителем моей дочери – это был Александр Ильич Павловский. Меня подкупало его искреннее отношение к детям, я видел, как к нему бежали ученики, как у них светились глаза, когда они здоровались с Александром Ильичом, – такое не сыграешь. Потом мы какое-то время не виделись, и встретились, когда он уже издавал журнал «Пассаж». Александр Ильич был настоящим патриотом города и первым взялся за неблагодарный пласт разработки памяти прошлого…».

Как вспоминают его ученики, деятельность Александра Ильича не ограничивалась простым преподаванием, он создал в школе клуб «Инициатива», основной идеей которого было раскрывать таланты учеников вне школьной программы, он организовывал турпоходы и поездки, а также проводил встречи с интересными людьми и даже собрал школьную команду КВН. Впоследствии многим своим ученикам он помог найти правильный путь в жизни.

В перестроечные времена, а именно в 1988 году, Александр Павловский ушел из школы и начал строить собственный

бизнес. В те нелегкие времена он взял в руки фотоаппарат и семь лет простоял у оперного театра, снимая одесситов и гостей города. Он, работая в кооперативе, взял в аренду фотолабораторию и организовал свою команду фотографов. А спустя еще пять лет привез в город первую автоматическую лабораторию по проявке и печати фотографий. Потом создал сеть магазинов «Agfa», ну а дальше были ресторан «Воронцов», ирландский паб «Mick O'Neills». Как уже говорилось выше, в 1997 году он возродил традицию проведения одесской Юморины, став ее продюсером и организатором, а также построил «Юморинленд» на Ланжероне. В 1998 году он открыл фотостудию «Баттерфляй» и Музей восковых фигур. Тогда же стал издателем всеукраинского ежемесячного журнала «Пассаж», позже организовал туристическое агентство «Фагот Тревел» и открыл интернет-сайт www.odessapassage.com.

Кстати, издавая 20-тысячным тиражом журнал «Пассаж», Александр Павловский понимал, что на него уходит большое количество бумаги и, соответственно, деревьев, поэтому решил отдать дань матушке-природе и организовал акцию «Роща Пассажа». Вот уже многие годы возле центральной аллеи в парке Шевченко растут клены, посаженные не только сотрудниками этого издания, но и теми, кто поддержал инициативу Александра Павловского, а это и представители Одесского горисполкома, рекламодатели журнала «Пассаж» и их единомышленники.

Александр Павловский искренне верил, что Одесса достойна признания во всем мире, и всеми силами пытался это доказать окружающим. Он считал, что не только знаменитая первоапрельская Юморина способна привлекать туристов в наш город. Александр Ильич не уставал убеждать всех в туристической привлекательности Одессы. Общался с иногородними по Интернету,

постоянно встречался с приезжавшими в наш город бизнесменами. Он считал, что привлечение туристов обязательно даст толчок разным видам бизнеса. Он был убежден, что одесские карнавалы и праздники – лишь еще один повод приехать в наш город. Поэтому им была разработана целая программа под названием «Жемчужное ожерелье Одессы». Ее идея – каждый месяц по новому фестивалю, на которых гости, да и одесситы тоже, смогут пережить эмоциональный всплеск и получить ни с чем не сравнимые впечатления и воспоминания. Так он стал продюсером презентаций и фестивалей R. M. A., «Карнавала боди-арта» и «Молодежной фиесты». Программы праздников, организованных Александром Павловским, всегда были необычайно интересны. Бурное веселье «Молодежной фиесты» проходило по всем пляжам города – от Ланжерона до Аркадии. Развлечений и конкурсов – хоть отбавляй. Показательные выступления молодых одесских команд КВН в «Юморинленде», в «Отраде» – «Фитнес-конвенция», выступления воспитанников различных фитнес-клубов, на «Дельфине» – соревнования любителей бодибилдинга, для самых смелых

и раскованных на Чкаловском пляже – конкурс «Мисс и Мистер Нудизм – 2003», ну и в «Аркадии» – конкурс строителей дворцов из песка.

Да и «Карнавал боди-арта» – это было фантастически красивое зрелище, хотя и вызывало у общественности много споров. Но сам Александр Павловский был убежден, что такой фестиваль необходим нашему городу, и говорил по этому поводу: «Боди-арт как вид искусства сейчас активно культивируется в барах, ночных клубах, на дискотеках. Но намного интересней вывести его из узкого пространства помещений на улицу, под открытое небо. Превратить улицы города в мастерскую сотен художников, которые одновременно рисуют огромные картины на разные темы…». И действительно, на «Карнавал боди-арта» приезжали художники и модели из разных концов земли – Германии, Латвии, США, Франции, России и, конечно же, из разных уголков Украины. В один из фестивалей «живые картинки», взявшись за руки, создали огромную потрясающе пеструю и красивую живописную картину, которая вошла в Книгу рекордов Гиннесса как самая длинная живая картина в мире.

В планах Александра Павловского было множество ярких мероприятий, которые смогли бы украшать Одессу. Ему едва исполнилось 45 лет. 17 октября 2005 года тяжелая болезнь внезапно унесла это человека в мир иной. Это был самый одержимый идеей расцвета Одессы человек, и он мог часами строить планы по привлечению туристов в наш город.

Владимир Каткевич

Где чертежи Луи Линьяка?

Главы из романа «Код Артура Анатры»

Самая правильная авиашкола

Сложенный из пиленого мелкопористого известняка одноэтажный домик с легкомысленным дачным мотивом сияет белизной, как свежий сруб. Сквозь марсельскую черепицу завода «Генри» проросла вышка в 24 аршина, увенчанная флагштоком. На флагштоке вяло полощется плотный штандарт с царским гербом и короной. Верхняя марс-площадка предназначена для наблюдения полетов, на ней установлен надраенный до самоварного блеска колокол и дальномерная труба. У чахлых саженцев пирамидального тополя, от которого ни вреда, ни тени, томится на жаре батюшка в рясе, прибывший для освящения авиашколы. Унтер-офицер натруженными крестьянскими пальцами обрывает лишние серебристые листочки у основания ствола. Кроме служебного зданьица, вокруг капитальных построек пока не обнаруживается. В четырех парусиновых ангарах два «Фармана», «Ньюпор», «Блерио», «Антуанетта» – всего семь аэропланов. Дальше палатки солдат морского батальона, обеспечивающих полеты. И голая безрадостная гладкая, как стол, степь, пыльные будяки в паутине, чертополох, камыши, даже в дрожащем от зноя мареве – Стрельбищное поле. Из камышей прилетают слепни, офицер на верхней площадке отгоняет авианасекомых веточкой.

Великий князь Александр Михайлович, стройный, высокий, в белом морском мундире обходит шеренгу офицеров. На правом фланге казачий сотник в кудлатой папахе размером с ведро задорно глядит из строя, как пудель. Сын великого кня-

зя князь Андрей даже не сдержал улыбку. Андрей Александрович в белой морской голландке с голубым воротом-гюйсом, на голове наследника бескозырка с ленточкой «Морской корпус». В голубых глазах разлито море, которым они наполнились, пока яхта «Алмаз» шла в Одессу из Севастополя. Свиту возглавляет вице-президент авиаклуба Артур Анатра, парадный мундир титулярного советника с двумя орденами расшит золотым позументом и шнурами. Построенный, видимо, несколькими годами ранее, мундир под мышками морщит. По случаю визита морских гостей присутствует в морском сюртучке пожизненный командор одесского яхт-клуба Анжело Анатра. Шталмейстер двора его величества одесский градоначальник И.В. Сосновский тоже в парадном мундире. Командующий войсками Одесского военного округа генерал от артиллерии В.Н. Никитин придерживает саблю.

– Начальник воздухоплавательного парка морского батальона подполковник Харламий Федорович Стоматьев, – представляет президент аэроклуба барон Каульбарс.

– Александр Васильевич, школа будет развиваться в сторону норда? – по-морскому выясняет великий князь.

– Так точно, ваше императорское высочество, – рапортует Стоматьев. – В антре вывешена схема. Предполагается построить обширное здание и мастерские по типу Фармана в Билланкуре. Конструктором для мастерских приглашен месье де Камп. Испытателем лейтенант французской службы Луи Линьяк.

Французы представляются.

– А собственные техники-монтеры есть у вас, если персонифицировать?

– Особенно преуспели нижние чины морского батальона Сучков и Букасов. Достигнутые успехи в замене поломанных частей узлами собственного изготовления привели к возможности строить на месте аппараты полностью.

– Государственные субсидии придали бы бодрость энергии, ваше императорское высочество, – не сдержался, осмелев до дерзости, барон Каульбарс.

Великий князь, сразу поскучнев, спасается Стоматьевым:

– Харламий… э…

– Федорович, ваше императорское высочество.

– Харламий Федорович, но ведь обучение в школе назначено платным, так что доход от желающих любителей позволит вам чувствовать себя увереннее. Хотя бы на первых порах.

– Обучение для статских составит 600 рублей за курс.

– Не скудно ли? А если случится авария, кто погасит расходы по ремонту?

– Пятьсот рублей вносится вперед за поломки.

– А для военных?

– Для офицеров обучение бесплатное.

– Но может случиться травма, увечье. Все мы под Богом ходим. Или летаем.

– Ученики выдают подписку о сложении со школы ответственности за всякие могущие быть несчастные случаи, принимая полностью и во всех отношениях для себя последствия.

– Для лиц женского пола необходимо согласие родителей и мужа, – добавляет Артур Анатра.

– Однако в морском флоте участие дам не предусмотрено. А в воздушном, получается, позволительно? Похвально.

– Супруга командующего округом госпожа Никитина уже летала на гипподроме с Уточкиным.

Никитина обнаруживает себя реверансом. Великий князь пробирается к ней, целует ручку в кружевной летней перчатке и замечает Уточкина. Рука у героя воздуха в гипсовой повязке и на консоли шины. Так что сам герой похож на аэроплан.

– Вы, Сергей Исаевич, еще не оправились после аварии в Крестцах?

– Это свежее ранение, ваше императорское высочество.

– Сергей Исаич давеча соревновался на гипподроме с автомобилем, – объясняет Анатра.

– И какой марки?

– «Делано-Бельвиль» с шофером Асадуровым. Дистанцию назначили 10 верст. Приз матча – 100 рублей.

– И кто взял верх?

– Аэроплан, разумеется.

– Браво!

Гости направляются осматривать аппараты, которые солдаты выкатывают из ангаров. Батюшка окропляет живой водой взлетную полосу, капли шипят в горячей пыли.

– Всего лишь за какой-то год произошел целый переворот в сознании, – замечает Уточкин сотнику Ткачеву, который готовится к показательным полетам, надевает очки, перчатки.

– Перед моими публичными полетами в Царицыне митрополит Илларион разразился гневной проповедью: «Заклинаю и запрещаю ходить на поганое зрелище! Пойдете или нет?». «Не пойде-ом!» – ответила толпа.

– И пошли?

– Устроили давку, конные стражники кого-то затоптали…

Уточкин замечает в свите пожизненного командора одесского яхт-клуба Анжело Анатру и вежливо придерживает его за локоток.

– Анжело Антонович, когда будет восстановлено мое право участвовать в гонках?

– При таких ранениях в гонках…

На большой скорости Уточкин перевернулся на собственной яхте с замысловатым названием «Баба Ягурж», фал намотался на ноги, прославленный спортсмен едва не утонул. Но Уточкин не отпускает локоток, августейшее внимание, оказанное ему великим князем, позволяет ему использовать момент.

– Так когда решится вопрос о моем помиловании?

– Вы же знаете, комиссия принимает решение коллегиально.

– Гонки на яхтах индивидуальный вид, штучный, и требуют штучного подхода.

– Кажется, мне придется хлопотать у великого князя.

– Не трудитесь, сделайте милость. Сразу после выздоровления вы получите амнистию.

– Вот это уже морской разговор!

Духовой оркестр, обжигая губы о раскаленные на солнце мундштуки, исполняет «Славься!». Первым взлетает штабс-капитан Греков. Шлейф пыли сносит на публику. Припорошило и белый мундир великого князя.

– Штабс-капитан Греков, взлетев после короткого разбега, плавно понесся к городу и, пройдя несколько верст, опустился

возле гангара, – объясняет гостям барон Каульбарс, хотя и так все ясно.

Когда «Блерио» сотника Ткачева уменьшился до точки, вдруг звук мотора оборвался. Отчетливо стал слышен стрекот лягушек в камышах. Великий князь заерзал.

– У него все в порядке?

– Сотник Ткачев, самый отважный летчик, сделал несколько кругов с резкими виражами, на высоте 300 метров остановил мотор и крутым парящим спуском volplane сейчас спустится к зрителям, – донимает августейших Каульбарс. – Следом к полету готовится старший инструктор авиашколы Хиони.

– Тоже француз? – великий князь с интересом косится на лейтенанта французской службы Луи Линьяка, ему интересно, как реагирует хваленый пилот. У французского Икара на планшете технические эскизы, что-то он в них черкает.

– Никак нет. Василий Николаевич целиком нашенский. Уроженец этих мест. С высоты полета свой отчий дом в Дальнике различает.

– Уже полеты выполняют, а не номера, как два года назад, – замечает Александр Михайлович. – Это отрадно. А эти-то французы не подгадят? – спрашивает шепотом, наклоняясь к бакенбардам Каульбарса. – Ведь в Крымскую войну от них были большие неприятности…

– Иностранцы на контроле, – успокаивает Каульбарс.

Когда августейших гостей провожают к автомобилю, великий князь говорит:

– Должен отметить, господа, что благодаря усилиям господина Анатры альянс частного капитала и оборонного ведомства выглядит столь плодотворно. Одесский аэроклуб единственный в России, вставший на правильный путь.

– Ура, – цедит сквозь прокуренную до прозелени бороду генерал от артиллерии Никитин.

– Ура-а-а! – отзывается эхом морской батальон, выстроенный в каре у палаток.

– Усилия клуба будут учтены в стратегии развития авиации, – заверил великий князь. – Это важно. Так повелось еще со времен

Петра Великого. Карл был тактиком, а Петр – стратегом. Карл умел выигрывать битвы, а Петр войны.

– Контакт! – монтер-механик вручную раскручивает пропеллер.

– Есть контакт! – отвечает с этажерки пилот Хиони и запускает двигатель. От ветра у него трепещут усы.

– Что, еще планируются выступления? – беспокоится Александр Михайлович. – Не будет ли это перебором?

Александр Михайлович моряк и замечает, что погода портится.

– Господин Хиони, эффектно кружась на «Фармане», проводит автомобиль до пятой станции Фонтанской дороги.

– В «Лондонскую», – бросает великий князь шоферу-матросу.

Хиони барражирует слишком рискованно. Александр Михайлович наблюдает кульбиты с опаской. А кадет-наследник, наоборот, восторженно машет пилоту бескозыркой.

Со стороны моря город уже окутан грозовым фронтом, и Хиони все-таки отворачивает, помахав напоследок крыльями. При посадке порывом ветра аэроплан разворачивает, несмотря на то что солдаты его облепили. Шквалом срывает тент ангара.

– Луи Линьяка подпоркой придавило! – кричит штабс-капитан Греков.

Извлекают из-под обломков Линьяка.

– Господа, у меня унесло ветром планшет с чертежами, – говорит пилот-испытатель.

– Не огорчайтесь, – успокаивает Стоматьев. – Пропавшие у меня когда-то чертежи я восстановил по памяти.

– Тем более что у меня, Луи, сохранились оригиналы, – успокаивает раненого де Камп.

«Лондонская». Звонкое утро с птичьим пересвистом. В распахнутое окно эркера доносятся гудки пароходов. Горничная приносит в номер белые астры и почту. Великий князь разворачивает «Южную мысль», читает: «Женихи бросают невест с чаеразвесочной фабрики из-за туберкулеза». Настроение портится.

За окном цоканье копыт. Извозчик сухо кашляет. И Хиони кашлял – может, верховым сквозняком протянуло.

В разделе «Расчеты с жизнью» находит: «Принял смертельную дозу нашатыря, не выдержав поражения от С. Уточкина, циклист

Захар Копейкин. На похоронах на Христианском кладбище были гонщики Луи Першерон и Фридрих Блитц».

«Почему-то не Блитц принял яд, а Копейкин, – думает с раздражением великий князь. – И поделом. Это еще глупее, чем удавиться из-за женщины».

На пороге официант.

– Что там на завтрак? – спрашивает великий князь.

– Седло барашка под беарнским соусом, как заказывали.

Великий князь переворачивает страницу размером с простыню и находит:

«Силой урагана гангар был вырван из земли вместе с аппаратом и отнесен на значительное расстояние в поле. Присутствовавшие от сотрясения попадали на землю. Механик старшего инструктора Хиони Михалькевич попал на подпорку и сильно поранил руки. Легкие ранения получил лейтенант Луи Линьяк. Убытки от потери аппарата составили 3800 руб., от разрушения гангара – 2000 руб.

Жан Жакалино»

Испытания на Стрельбищном поле

Трехэтажную башенку с дачным мотивом венчает веранда, накрытая тентом. Здесь командный пункт управления полетами. На веранде пьют чай из самовара. Жара, пыль из степи, мухи. По ажурной стальной лестнице поднимается штабс-капитан Фарман, с ним поручик Работягова.

– Господин des Camps – главный конструктор «Завода гидропланов и аэропланов Анатра», – представляет офицер для особых поручений. – Г-н де Камп впервые разработал классическую схему самолета с полностью закрытым фюзеляжем и тянущим винтом.

– Лейтенант французской службы призер митинга в Кельне Луи Линьяк.

– Мы встречались в летной школе Mourmelon le Grand, – Фарман улыбается.

– Только вы жили в гостинице для учащихся на монопланах, а я на бипланах.

– Господин штабс-капитан Фарман из шестого казачьего авиаотряда, летчик-охотник. Прибыл прямо с фронта для получения новых машин.

– Из-под станции Ислам-Терек, – дополняет Фарман на французском.

– Можно по-русски, – говорит де Камп. – Я уже восемь лет квартирую на Пантелеймоновской. Кстати, Генри Фарман не ваш родственник?

– Никак нет.

– Тянущий винт уже не конструкции Шовьера, а Григорашвили. Он позволил поднять скорость со 147 верст до 150.

– Со мной летнаб-поручик Работягова. Рекомендую. Воспитанница частной гатчинской авиашколы Щетинина «Гамаюн».

Де Камп порывается поцеловать ручку Работяговой. Она с трудом стягивает одеревеневшую кожаную перчатку, достигающую локтя.

– Из гнезда «Гамаюн» встала на крыло первая русская летчица Лидия Зверева, – де Камп задерживает огрубевшие пальчики Работяговой. – А авиатриссу Любовь Голанчакову не знавали? По сцене она Мили Море, – де Камп выглядывает в окно. – А вот и хозяин пожаловал.

– Вы видели в Мурмелоне трамвай, господин штабс-капитан? А господин Анатра провел на Стрельбищное поле линию парового трамвая. Чтобы там ни говорили. И рабочие получают бесплатное горячее питание.

К заводу, дребезжа и искря, пробирается сквозь виноградники и будяки трамвай дачного вида. За ним несется, облаивая, стая собак. Машинист выпускает из длинной трубы шлейф дыма. Шляпка и кружевной зонтик Фиры в саже. Кондуктор замахивается железной клюкой на собак, но она еще больше злит их.

– Черт знает что, – выговаривает Анатра машинисту. – Какой дрянью вы топите?

– Одна часть кардифа и три антрацита, как обычно, ваш бродь.

Вслед за Артуром из трамвая спускается его младший брат Анжело. Артур Анатра замечает на балконе башни Фармана и опускает глаза. Приехавшие поднимаются на вышку.

– Господин Анатра Артур Антонович, титулярный советник, – представляет офицер.

– Мы знакомы, – обрывает Анатра.

– Анжело Анжелович Анатра, почетный пожизненный командор Черноморского яхт-клуба.

Фира прихлебывает чай из блюдца, оттопырив мизинчик. Де Камп снова подходит к окну. На рулежке стоят свежевыкрашенные аэропланы.

– Вот полетите на новом фронтовом разведчике «Анатра-Декан», – говорит офицер-распорядитель. – Его уже обкатал пилот-испытатель, лейтенант французской службы мсье Луи Линьяк.

– Обкатали или приручили? – спрашивает Фарман у Линьяка по-французски. – Если в ключе, далеком от комплиментарного.

– Укротил, – отвечает Линьяк по-русски, улыбаясь.

Разработаны типы аэропланов-разведчиков, бомбометных и сторожевых. Будем строить и блиндированные аппараты, его не берет разрывная пуля. Это разведчик-авион – глаза сражения. Предназначен для связи, разведки и корректировки артиллерийского огня. Принимает на борт до двух пудов бомб, что в эквиваленте – полпуда меланита.

На тележке бомбы с надписью «Смерть Буденному». Фарман берет одну из них, подбрасывает, раскручивая. Фира закрывает глаза. Фарман легко и артистично ловит страшный груз.

– Как маркируется машина? – переспрашивает Фарман.

– Машина названа в честь изобретателя господина де Кампа, – говорит офицер для поручений. – Заграничную транслитерацию по неистребимой российской традиции неузнаваемо исказили до более привычного созвучия «Декан». Господином де Кампом также был придуман синхронизатор для стрельбы из курсового пулемета «Виккерс» сквозь вращающийся винт. Вы его сейчас можете испытать. Пулемет летнаба на шкворневой подставке.

– А если синхронизатор откажет, и пулемет перемолотит пропеллер?

– Это исключено.

Офицеры спускаются с башенки. Фарман лезет в кабину.

– Можете расстрелять вон ту голубятню, – говорит де Камп. – Я запретил захламлять аэродром, но все равно городят. И еще о второй фазе испытаний…

– Бубочка, не кукситесь, – говорит Анатра Фире. – Повернитесь к гостям en face.

Конструктор де Камп подходит к прибору с лампочкой, установленном на открытом пространстве, что-то проверяет, подкручивает.

– Я хотел бы попросить вас, господин штабс-капитан, пролететь на бреющем над этой системой, причем настолько низко, чтобы зажглась сигнальная лампочка.

– Какую высоту вы имеете в виду?

– Десять сажен над землей. Не скрою, это рискованно, но эволюция важна для оборонных целей. Решаетесь?

– К чему эти фиоритуры красноречия? Я военный человек, а сейчас война.

– Вот именно потому система распознавания «свой-чужой» так актуальна. Все семейство аэропланов «Анатра» выполнено с определенным стандартным профилем плоскостей. Кроме того, на нижней плоскости предусмотрены направляющие ребра сложного профиля, они создают затейливую конфигурацию турбулентных потоков воздуха. Если упрощенно, воздух в этих местах сгущается. Своеобразные «рисунки» потоков фиксируется на этом аппарате, он «узнает», свой самолет или чужой. Пока, к сожалению, датчики могут реагировать на характерные возмущения сгущенного воздуха только на минимальной высоте, система требует доводки.

– Под станцией Владиславовка в Крыму казачий дозор сбил по ошибке из пулемета аэроплан поручика Стааля-второго с летнабом корнетом Пакаридзе, – вспоминает Фарман.

– Они летели на трофейном самолете, опознавательные знаки не успели перекрасить. У вашего изобретения, господин де Камп, думаю, большое будущее.

«Декан» взлетает, снижается и на малой высоте проносится над аппаратом. Лампочка не загорелась. Де Камп что-то налаживает в аппарате и жестами предлагает Фарману повторить рискованный маневр. Фарман круто снижается, да так, что аэроплан

поднимает шлейф пыли со взлетного поля. Лампочка загорается. Публика аплодирует. «Декан» делает боевой разворот и заходит на цель. Работягова поворачивает турель хвостового «Виккерса», наводит пулемет на Фиру. Та закрывает глаза.

– Не, ахайте, мадам, – цедит Работягова. – Вы не у акушера!

Аэроплан пикирует. Фарман стреляет сквозь пропеллер. Голубятня разлетается в щепки. В небо свечами взмывают сизари. Фарман заходит на новый круг, снижается до критической высоты. На приборе де Кампа зажигается контрольная лампочка. Фарман кругами набирает высоту.

– Сейчас «Декан» на высоте 300 метров выключит двигатель и спустится плавным спуском, – объясняет для статских офицер-распорядитель.

Фира едет с Анатрой через виноградники на тарантасе. Он срывает на ходу гроздь, отправляет в рот виноградинку и предлагает угоститься. Она отворачивается.

– Вы боретесь с фигурой? – спрашивает Анатра.

– У меня три дня не было желудка.

– Тем более полезно раскислиться.

– Я думаю, это любовь или сексуальное заблуждение.

– Что-с?

– Вы так увлеклись беседой с этим греком, что ничего не заметили.

– С Хиони? Он изобрел двухфюзеляжную летающую пятиместную лодку. Пулеметчик размещается в гондоле на верхнем крыле. Правда, при испытаниях пулеметчик упал в море на Ланжероне и утонул.

– Опять вы гоните брак.

– Вы думаете, нет нареканий на летательные аппараты заводов Гаккеля, Щетинина или Лебедева? Да и у союзников-французов триплан «Кордон и Вуазен» на шесть душ тоже не доведен. Идет гонка, дерби…

– А погибают авиаторы.

– Каюсь. Машина Хиони сыроватая, но у меня циркулярное письмо Главного инженерного управления. Оборонный комитет заказал эскадру из пятидесяти двухвосток. Можно неплохо заработать.

– А потом они соберут новый съезд и в резолюции напишут, что на этих лодках опасно летать.

– Согласен, не успеваем. Ведь замысел вынашивается определенный срок, как эмбрион, ни днем не меньше. Вроде бы идея блестящая, но дозреть ей не дают, это мучительно. Доведут проект до логического конца уже после нас, я это предусмотрел. Все деньги с собой не заберешь, поэтому я оставлю средства на предъявителя, на беззаветного продолжателя дела…

Артур Антонович срывает гроздь.

– Краденый виноград намного вкуснее. Мой дедушка был бедным рыбаком, ловил барабульку и спал под лодкой. Когда я позарился на чужой виноград, меня избили вожжами. Мне было десять лет.

– За одну гронку?

– Обижаете. Я выгодно продал на Привозе три корзины, пудов шесть-семь. На четвертой ходке меня ждали сторожа из черкесов, – Артур Антонович снова крутит черенок, чтобы сорвать гроздь с куста.

– Сейчас нас тоже арестуют сторожа.

– Тогда я вынужден буду купить этот виноградник.

– Это только даст повод для новых пересудов.

– Я в этой стране так или иначе выгляжу эксплуататором-чужеземцем. Газеты уже раструбили, что первый русский авиатор Михаил Ефимов угодил в кредитную кабалу к Артуру Анатре. А кто такой Ефимов? Обыкновенный рабочий с железной дороги. Но никто почему-то не говорит, что он нажил благодаря моим ссудам 200 тысяч целковых. И отправляется в полеты при плохой погоде, исключительно чтобы умножить состояние. А Уточкин с его гандикапами? Эти два Аякса у меня уже в печенках. Точнее – теперь один. Тринадцатого января Уточкина не стало.

– Боже мой! Разбился?

– Нет, умер от воспаления легких в Петрограде. Последнее время акадэмик воздуха перебивался, играя на биллиарде.

– Кошмар. Но кто мешает вам зарабатывать деньги на полетах?

– Нужно дозировать восторг. Это страна мечтателей, им больше нужна мечта о небе, чем реальный чертеж девятицилинд-

рового двигателя «Испано-Сюиза». Я сильно сомневаюсь, что летающая дама-поручик может починить мотор. И вообще, им нужна мечта о свободе, а не сама свобода, они просто не знают, как ею распорядиться.

– Боже мой, какая пыль! Я представляю, что будет с моим кринолином. Вы даже не заметили, что эта летающая ведьма в галифе навела на меня пулемет.

– Такой афронт? Вам померещилось, бубочка. Хотите на грязи к доктору Ландесману? Или проследим ваше состояние с помощью самописца барабана Морэ.

– Какой еще барабан?

– Это цилиндр. На нем подполковник Стоматьев контролирует здоровье пилотов. Нет, мы поедем в один рай мит фефер.

– Куда, куда?

– Бубочка, вы забываете родной язык. На идише это – райский уголок. Есть такой затерянный мирок Маэ из группы Сейшельских островов. У меня там тайна.

На фронт!

В ялтинском порту казачий авиаотряд грузит на неказистый приземистый пароход аэропланы с желтыми кругами по фюзеляжам, деникинскими опознавательными знаками. Глубокая осень, зябко. Четкий абрис французского миноносца на свинцовом фоне моря отнюдь не обнадеживает – союзники там вне досягаемости, а они, загнанные в угол империи, здесь. Из раскрытого трюма поднимается пар от дыхания лошадей, трюм копит тревогу, каурые притихли. Только когда казак, балансируя по бимсу, насыпает в торбу солому, узловатую струйку от дыхания сопровождает приглушенное накатом фырканье, переходящее в ржание. По шатким сходням на носилках, наспех сварганенных из казачьих пик, вносят раненого, голова забинтована, оставлены только отверстия для дыхания, на бинтах запеклась кровь.

– Ротмистр Змучилло, обустройте раненого, – говорит полковник Малишевский. Раненый невнятно бормочет по-французски.

– Кто это? Офицер французской службы?

– Второй пилот из четырнадцатого авиаотряда Луи Линьяк. Отряд весь истреблен напрочь. Когда появились «Антуанетты» Дыбенко, первый пилот-охотник подпоручик Владимирский немедленно поднял «Декан» в воздух с наблюдателем лейтенантом Линьяком, еще не оправившимся от ранения. Владимирский вступил в бой первым, но был смертельно ранен. Линьяк принял управление на себя, выровнял самолет, но потерял силы, и аппарат упал.

– Это не тот ли Владимирский, который из актеров?

– Так точно. Окончил императорские драматические курсы по классу Давыдова. На Александровской сцене исполнял роль Молчалина в «Горе от ума». Еще Нелькина.

К столбу прикреплен дощатый щит:

«Пароходство «Георгий и Орион» совершает товарно-пассажирские рейсы между Одессой и Херсоном с заходом в Станислав по понедельникам и средам.

Бакалейная набережная в Одессе. Тел. 5-84»

Казаки управляются с помощью грузовой стрелы, лошадиной тяги, ваг, настеленных с причала досок.

– Ваш бродь, вожжи на исходе, канат треба, чтоб аэропланы закрепить! – обращается бородатый в папахе к Фарману. – Ветер свежеет!

– Где капитан? – Фарман метнулся по трапу на мостик. Рубка пуста. На столе брошены штурманские инструменты. – Линейка Вильницкого и круг Пистера, – бормочет.

– Какой круг? – рассеянно переспрашивает убитый бегством полковник.

– Пистера. Так называется угломерный отражательный инструмент, господин полковник. А курс-то на карте протерт штурманской резинкой до дыр. Видать, этот пароход, как электрический трамвай, бегал на Константинополь. Диаграммы Рида… Машинный телеграф «Junction Dox» – привычный антураж.

– Вы понимаете в навигации, штабс-капитан?

– В керченских мореходных классах Крестьянинова дежурным вопросом был: «Какой рукой берут секстант?» – Фарман берет в правую руку секстант.

Малишевский выуживает из ниши для карт брошюрку и читает:

– «Лев Троцкий… – полковник листает, читает: – Чем глубже социальный кризис, тем более напряженный характер получает политика, тем концентрированнее и беспощаднее становится государственная власть и тем откровеннее она сбрасывает с себя покровы морали». Можете благодарить вашего родственника, Бронштейна, господин штабс-капитан. Матросы в нем души не чают. И тут же православный журнал «Лампада» для страховки совести. Истинно русский набор. Вирус большевистской заразы окончательно деморализовал флот. Команда, похоже, саботируя отход, разбежалась. Что будем делать?

– Боцман обнаружен связанным в подшкиперской, – докладывает Змучилло.

– Ведите.

То ли вталкивают, то ли вносят боцмана.

– Сможете привести судно в Стамбул? – спрашивает полковник.

– Пароход старый, дорогу знает…

– Этот ценитель моря загрузился сивухой до комингса! – говорит Фарман.

– Господин полковник! – кричит офицер с берега. – Три гидроплана Хиони и два «Декана» некуда грузить.

– Аэропланы могут повредиться, глядите, море раскатало, сплошь толчея, – невнятно лопочет боцман. – Еще ж не затумбарились, осадка позволяет…

– Осадка? Да ведь места на палубе нет.

– В двух кабельтовых плашкоут-жиган на бочках, – боцман дышит в сторону.

– Можем не успеть…

– Самолеты подготовить к уничтожению! – полковник глядит на далекие хризантемы разрывов в восточной части неба. – Похоже, красные на окраинах Алушты. Есаул Покутной с боцманом – на паровой катер! Привести плашкоут и погрузить самолеты на него. Лишние уничтожить.

Казаки щедро окатывают фюзеляжи керосином, но не поджигают.

– Штабс-капитан Фарман, поведете пароход, – приказывает полковник. – Я вам верю.

– Капитану положено верить в самом крайнем случае. Якоря по-походному! – командует в рупор. И себе: – А дальше что?

– Вы на трубу сначала поглядите, господин полковник, – язвит ротмистр Змучилло. – Дыма-то нет.

– Машина! – кричит в переговорное устройство Фарман. – Когда сможете разжигать котлы!

– Дохлый номер, – говорит боцман. – Главная машина разобрана. Вход блокирован изнутри.

– А как же саботажники вылезли?

– Через капы.

– Поручик Вестфаль, вы произвели визуальный осмотр главного движителя? – спрашивает Фарман и прикладывает ухо к переговорной трубе.

– Две машины со сходящимися поршнями и двумя сходящимися муфтами должны работать на один гребной вал, но не работают. Муфты разобщены.

– Сколько нужно времени, чтоб собрать?

– В условиях неравномерной качки это почти невозможно, господин штабс-капитан. Вы, надеюсь, сами понимаете?

Поручик Работягова ловит в окуляры бинокля проходящий мимо коммерческий пароход «Аркадия» компании Родоканаки. «Купец» выглядит самодельно, деревянная рубка, на гафеле полощется полосатый греческий флаг, на фалах сушится роба. На палубе стоят, мучаются в дощатых загонах коровы.

– Вот этот пиндос может нас притаскать в Новороссийск, – замечает снова проникший на мостик боцман.

– Господин полковник, – подхватывает дерзкую пропозицию поручик Работягова. – разрешите вынудить «Аркадию» взять нас на буксир?

Наводит пулемет на ходовой мостик.

– Стоп мэшин! – командует в рупор Фарман.

Усатый греческий капитан на мостике и бровью не повел.

– Сигнальте ему фонарем Олдиса, – приказывает Фарман.

Казак бежит по причалу с зажженным факелом поджигать гидропланы, которые колышутся на поплавках у берега, нервно дергая швартовы.

– Стоять! Туши факел! – Работягова стреляет из револьвера над головой казака. Тот ошалело озирается, не понимая, в чем дело.

– Приказываю потушить огонь! – кричит в рупор полковник.

Работягова пробирается по сходням, догоняет казака, вырывает факел и бросает его в море.

– Унтер-офицер, к пулемету! – приказывает Работягова.

– Ваш бродь, аэроплан же керосином окатили, сгорим, как кутята!

Унтер все-таки влезает в гондолу на плоскости и расправляет пулеметную ленту «Виккерса». Работягова карабкается к кабине. Запускает двигатель, и гидроплан, подпрыгивая на свежей волне, взлетает. Гидроплан снижается, заходит на боевой разворот, пикирует на «Аркадию». Казак поливает из пулемета предупредительными очередями над головой греков. В стойлах-загонах мечутся перепуганные коровы, трещат доски.

– Вот упрямый пиндос! – цедит боцман.

Греческий капитан что-то лопочет в переговорное устройство, и шлейф за бортом гаснет. «Аркадия» какое-то время движется по инерции, потом на бак выходят матросы-палубники.

– Рассыпал-таки якорь, – с удовлетворением говорит Фарман.

На мачте «Аркадии» поднимают знак «два шара».

– Что это означает? – спрашивает Малишевский.

– «Не могу управлять судном», – объясняет Фарман. – Врет, конечно, тянет время. Пока нас здесь дыбенки не укандохают.

Из переговоров выясняется, что «Аркадия» загружена выше грузовой марки и к причалу подойти не может. Гидроплан Работягова с трудом садится на воду при боковом норд-осте. Ветер уже срывает с волн гребешки. Фарман и полковник лезут в кабины еще двух обреченных и уже облитых керосином гидропланов, запускают моторы. Связка из трех гидропланов, надрываясь, все-таки отрывает пароход от стенки причала, летающие лодки медленно, но упорно тащат судно к греку.

– Анатровская тройка! – говорит ротмистр Змучилло, стоящий на штурвале в рубке. – Одолела-таки наш элпидифор.

– Как вы назвали пароход? – спрашивает полковник.

– Элпидифоры – транспортно-канонерские лодки, вооруженные пушками, появились в пятнадцатом году, – объясняет Фарман. –

Элпидифор – от греческого «носитель надежды». Первое судно было построено в Киле по заказу купца Элпидифора Парамонова.

С берега отчетливее доносится артиллерийская канонада.

– Красные, надо полагать, Алушту взяли, – говорит Змучилло. – Через час-два будут в Ялте.

Казаки высаживаются на борт «Аркадии». Возятся с тросами и цепями-бретелями. Замешкались.

– Брага заводится вокруг корпуса, а усы в клюзы, – кипятится боцман. – Прими конец, борода, через шпринговый клюз. Это тебе не кобылой командовать!

– Боцман, не забывайтесь! – осаждают с мостика.

– Чтоб трос не шел жмаком, в клюзе есть направляющие валы, – протрезвевший на ветру боцман правильно укладывает трос.

На причал выезжает тачанка красных. Устанавливают орудие.

– Картечью, беглым! – командует командир в кожанке, на правом глазу его грязная повязка.

Греческий капитан не на шутку испуган, он понимает, в какую переделку угодил. Три гидроплана, фактически спасших жизнь казачьему авиаотряду, обреченно колышутся на волнах, удаляясь. Худо-бедно, но «Аркадия» движется прочь от берега и еще буксирует элпидифор.

– Зажигательными! – командует Цезарь.

Казак нажимает на гашетку, прошивает не поместившиеся на плашкоут гидропланы, обшивка загорается сразу в нескольких местах, чадя зеленовато-бурым дымом.

– Вот как авиатоль господина Анатры коптит! – говорит Цезарь. – И здесь сэкономил! Может, и на руку нам, с дымовой завесой, даст Бог, уйдем.

– Курс на Новороссийск! – напоминает Фарман греческому капитану.

Капитан протестует.

– Он говорит, что уже дал дату прибытия в Стамбул, – переводит прапорщик Вариус.

– Никаких отмашек быть не может. Он нас буксирует на Новороссийск, получает хороший бонус и потом уплывает к чертовой матери. Или мы его скормим бычкам. Переведите. И спросите, сколько у него бункера.

– Уголь взят греком «под пресс», до Новороссийска должно хватить.

– Тогда full ahead and fair weather! – говорит Фарман.

– Ваше пожелание чудесной погоды выглядит издевкой, – замечает прапорщик с рукой на перевязи. – Хотя судно лежит на створах, волну так раскатало, что на мостике не устоять.

С берега уже пальнули пристрелочным, снаряд разорвался за кормой, брызгами намочило плоскости аэропланов, стоящих на палубе. Второй снаряд лег с недолетом.

– Кажется, ушли, – говорит ротмистр Змучилло.

– Уйдем, когда привяжемся в бухте Золотой Рог, – ворчит боцман. – Валяет по-взрослому, а у нас с аэропланами парусность…

– Господин полковник, лейтенант Луи Линьяк отмучился, – докладывает Змучилло. Рядом с ним стоит сестра милосердия.

– Всех нас хранит Господь, – полковник крестится.

– Только срок хранения разный.

– Цезарь Трояныч, советую, пока есть возможность, отдохнуть, – предлагает Фарман. Полковник на мостике ему надоел. – Боюсь, что по прибытии в Новороссийск спать не придется.

Цезарь пробирается в капитанскую каюту, тесную и захламленную клетушку. По иконе Николы-чудотворца Мирликийского ползет таракан. Фарман достает из корзинки бутылку. Цезарь разглядывает этикетку.

– Самой красивой женщине Нахимов предпочитал бутылку марсалы, – Фарман разливает, жестяные кружки приходится держать в руках. – Согрейтесь, у вас шинель насквозь мокрая.

– Койки короткие и узкие, – замечает полковник, – как будто специально приготовлены для покаяния.

– Нам не в чем каяться! – говорит Фарман. – Смотрите, как беззаветно действовала поручик Работягова. Ведь ее сдобренный керосином гидроплан могли запросто сбить из рогатки, если б пульнули горящим окурком.

– Каяться всегда есть в чем. Крым-то не удержали. Выбросили нас дыбенки, как котят. Горько! Логичнее все-таки марсалу пользовать за здоровье наших отважных дам! Они, в конце концов, наш нравственный камертон.

В каюту стучит вестовой.

– Господин полковник, утопленник в офицерской форме за бортом!

– Сыграйте шлюпочную тревогу, – Фарман идет на мостик. – Второй ялик правого борта на воду! В ялик – ротмистр Змучилло, унтер-офицер Покутной, поручик Вестфаль. И несите в ялик усопшего. Мы на траверзе острова Федониси.

– Змеиного?

– Так точно.

– Тело француза предать земле в монастыре – и сразу назад, – говорит Цезарь.

– Семафорьте на «Аркадию»: отдать оба якоря в ветровой тени острова, – командует Фарман.

Ялик ныряет в волнах. С трудом втаскивают в лодку тело в шинели. Высаживаются на скалистый берег. С утеса за ними наблюдают фигуры в черных сутанах, послушники монастыря. Офицеры поднимаются к монастырю, крестятся. Долбят кирками скальный грунт. Тела торопливо присыпают щебенкой, могилы неглубокие. Салютуют наспех. Погибший – летчик, поручик из 11-го авиаотряда.

– Алексей Ван-дер-Шкруф, – читает мокрые документы Фарман. – Между прочим, воспитанник мурмелонской школы во Франции.

Нагрудную сумку Луи Линьяка с личными письмами и бумагами закапывают вместе с телом. Бегут к открытой всем ветрам бухте. Погода окончательно испортилась. Лодка уже поднята на элпидифор. С мостика семафорят греку, чтоб отходил. Буксирный трос натягивается. Но плашкоут нашел плиту и засел. Видимо, основательно.

– Дергайте враздрай на переменных ходах! – командует Фарман.

Но все напрасно. «Аркадию» саму едва не вынесло на скалы.

– Рубить конец! – приказывает полковник. Застрявшие на плашкоуте в волнах три аэроплана удаляются.

Между тем шторм набирает силу. В корме возня, крики, мощные удары. Неужели груз сместился? Пароход валяет все основательнее. В каюту Цезаря стучится Фарман:

– Господин полковник, с юта два «Декана» смыло.

– Беда. Люди-то не погибли?

– Вроде все на месте, хотя в этой кутерьме перекличка бесполезна.

– Как думаете, дойдем до Новороссийска?

– Думаю, что нет. Инклинограф ведь не соврет, показывая угол крена 35 градусов при критическом 55. В условиях шторма мы получили постоянный крен 35 градусов размахом 53. Это очень душевно.

– Ваши действия?

– Единственный выход – освободиться от лошадей и облегчить пароход.

– Отстрел лошадей может спровоцировать бунт среди казаков.

– Захотят жить – патронов не пожалеют.

– Приступайте.

Казаки выводят лошадей из временных дощатых стойл в трюмах и твиндеках на корму, крестят и стреляют в ухо из коротких карабинов. А потом сквозь слезы и капли лошадиной крови на лице украдкой следят, как трупы кувыркаются в порозовевшей волне.

Судно кренится, полковник едва удержался на ногах. «Езус Кристофоро!» – кричат с греческого парохода. В каюту врывается мокрый, как мышь, боцман и докладывает:

– От игры буксира послабли троса, греки хотят рубить конец.

Воду оживляют мерные спасительные удары винта.

– Неужто поручик Вестфаль вернул к жизни двигатель? – говорит полковник. – Тогда у нас есть шанс.

– Кажется, настало время приступить к штурманской прокладке курса, – говорит Фарман.

Шторм мало-помалу выдыхается. Элпидифор ворочается на волне с постоянным креном. Прямо по курсу взрыв, столб воды.

– Уже не грек ли гавкнулся? – говорит Змучилло.

Через час уже собственного хода с мостика элпидифора замечают ялик. В шлюпке греческий капитан и восемь членов команды. Поднимают потерпевших на борт.

– Что страпылось? – не без удовольствия спрашивает Змучилло.

Прапорщик Вариус переводит, греки отвечают.

– Котел взорвался, – объясняет Вариус, хотя это и так ясно.

– Бог шельму метит.

– Грекам налить виноградного спирта, – командует полковник, – напоить чаем. Капитана в канатный ящик. Старпому двадцать горячих за саботаж. Остальных поместить под стражу в подшкиперскую.

Снова болтает. И конца-края толчее не видно.

– Кажись, за берег зацепились, – говорят на мостике.

Над голыми безрадостными склонами бирюзовая полоска. Мечеть. Тихо. Слышит, как боцман сказал: «Волна в проливе убилась». Полковник спускается в трюм, в потемках перешагивает через крупы пристреленных, но так и не преданных морю лошадей. Осматривает принайтованные к шпациям аэропланы. Слышит, как замирают удары винта. Снова авария – или теперь катастрофа? Поднимается по трапу. Навстречу спускается Фарман.

– Господин полковник, элпидифор рассыпал оба якоря у второго причала Стамбула. В меню русского ресторана «Не робей!» кильки под соусом пикан «tres mantard», а также салат ромен «жели боку». Оркестр исполняет «слоу». В программе участвует цыганский дуэт «Черный жемчуг». Ваше почетное место во главе табльдота забронировано.

Цезарь, расчувствовавшись, целует Фармана.

– Вы лучше пригласите в ресторан даму, поручика Работягову.

Работягова подходит к Фарману, что-то шепчет на ухо.

– А я займусь приемкой бункера. Сколько угля в запасе?

– Тонны две пыли, фактически бункер пустой. Придется продать два аэроплана. Агент уже привел покупателя, крон-принца шейха Аль-Аравийского.

– Для чего ему аппараты?

– Сказал, чтобы летать на хадж. Но, думаю, лукавит. Он попросил не демонтировать пулеметы. Возможно, купил для охоты на кабаргу.

– Не забудьте взять у агента квитанцию о факте продажи.

– Зачем?

– Чтоб избежать кривотолков. Мы не вправе игнорировать общественное мнение.

– Полноте! Общественное мнение – это не маяки.

– Вы во флоте научились делать ударение на «я»?

– Если б не было традиций, не было и флота. А интенданты, думаю, уже в Париже распоряжаются чемоданами наворованного.

К Фарману подходит сестра милосердия. Работягова смотрит на нее ревниво.

– Вы наш добрый ангел! – говорит.

– Ангелы летают, а я плаваю и не знаю, когда полечу.

Поднимаются на мостик. На набережной толпятся казаки. Кое-кто все-таки верхом, на чудом уцелевших лошадях. К фотографу подъезжает хорунжий.

– Вас с лошадью?– спрашивает русскоязычный фотограф.

– Нет, с женой.

– Хорошо бы проходочку сделать «на Полгоры», – провоцирует молодой казак.

– Что он затеял? – спрашивает полковник.

– Полгоры – район красных фонарей, – говорит Фарман. – Когда кочегары с коммерческих пароходов угодят туда, то на пароход возвращаются в кальсонах. Все на месте?

– Полного кавалера «Георгия» унтер-офицера Разувайло нет в наличии…

Ротмистр Змучилло, оседлав кабардинца, скачет на Полгоры. Врывается в номера. Барышня в исподнем сначала притворно визжит, а потом быстро успокаивается.

– Какой же они полные кавалеры? – кокетничает, поправляя резинки на кружевных панталонах. – Они вовсе худенькие.

Унтер-офицер Разувайло сидит в кальсонах на пуфике и пыхтит кальяном. Булькает то ли в кальяне, то ли в животе унтера.

– Разувайло, Вальпургиеву ночь оставить! – приказывает Змучилло. – Хватит дрыстать! Снимаемся.

– Но георгиевским кавалерам же разрешается посещать женские бани, – кривляется унтер.

Ротмистр достает револьвер. Дама визжит. Унтер напяливает шаровары с лампасами.

Пароход стоит под парами.

– Когда догрузят кардиф? – справляется Фарман.

– Кровь из носа, а надо бы управиться до четырех, – подгоняет полковник. – Капитан второго ранга Кисловский высадил десант с миноносца в Одессе на Большом Фонтане.

– Петр Николаевич Врангель всегда искусно выбирает момент. А что генерал д'Ансельм, командующий французскими войсками на Юге России?

– У французов одни разговоры. Их флот деморализован.

– Всем нижним чинам, пока не причастились, на штивку угля! – командуют с юта. – Почему они на берегу?

– После досмотра – свободная практика, – отвечают с берега.

– Знаем мы эту свободную практику. Уже господа офицеры вдохновились абсентом.

– Боцман, голяки в зубы – и драить палубу! – командует Фарман. – Мы теперь на военном корабле.

Казаки босиком снуют по трапам со швабрами и вениками-голяками.

– Три, три, три холеры. Три чумы! – командует в такт боцман.

Котельное отделение. Оголившиеся до пояса казаки штивают лопатами уголь, возят его по сходням тачками-«рикшами», на шеях мотаются крестики. Свет из топок озаряет чумазые лица. Пьют из чайника по-кочегарски, не касаясь губами носика, чтоб не обжечься. Боцман вырывает у одного лопату и объясняет, демонстрируя:

– При замахе ударяй лопатой о топку, чтобы уголь равномерно рассыпался по поду. Понял, борода?

Судно движется Босфором, морща зеркальную поверхность пролива расходящимися от носа «усами». Венчающий нос бушприт опережает «усы» и отражается в воде без искажений. «Деканы» на палубе привлекают внимание посетителей на верандах прибрежных ресторанов. Дамы разглядывают пароход в монокли. Офицеры на элпидифоре, стоя на влажных досках «скатанной» палубы, нацелили на дам шестикратные полевые бинокли.

– Да, как сказал Жюль Ренар, на земле нет рая, но есть его уголки, – замечает полковник Вестфалю.

– Команда «полборта вправо» соответствует 15-ти градусам, – объясняет Фарман казаку за штурвалом. Повтори, Тит.

– А капитан наш, он же штабс-капитан Фарман, на высоте, – говорит полковник. – Как будто родился на мостике и был с морем обручен с младенчества.

– Обручен, но не обвенчан, – поправляет Вестфаль.

Работягова записывает в сафьяновую книжицу: «Чувство должно находиться в движении, иначе оно успокаивается. Утихает, как волна. Если мысли опережают чувства, то они препятствуют развитию движения. Мысли же – волноломы на пути чувств, они не дают им разбиться, вспениться, чтобы на смену пришли другие чувства».

Ротмистр Змучилло листает потрепанный номер журнала «Наука и спорт» и ухмыляется.

– Илона Трифоновна, позвольте прочитать вам любопытное письмо пилота к пилоту о ничтожности.

Змучилло читает:

У нас задумали нули,
Сплотясь ватагою безмерной,
Покрыть простор родной земли.
Ведь не нулям пришлось бы скверно,
Когда б ничтожность в полусне
В ответ на думы, скорби, нужды
Лишь свой левизм твердила: «Мне
Все человеческое чуждо!

Змучилло прячет журнал за обшлаг шинели.

– Не правда ли, не в бровь, а в глаз?

Она рассеянно кивает и глядит на близкий берег. По дебаркадеру пробирается кот с бакенбардами, в пасти – мышь. У кромки набережной автомобиль. На нее смотрит в упор Фира, первая жена Фармана, рядом Артур Антонович Анатра, выкупивший Фиру. С берега они видят выпуклый похожий на ежика пароход, перегруженный аэропланами. На фюзеляже «Декана» написано «На фронт!». Анатра снимает шляпу. Фира крестит уходящее видение. Свою бывшую жену заметил с мостика и Фарман.

– Истеричный пафос и дутый патриотизм, – говорит офицер в казачьей бурке, рука его на черной перевязи.

– Не смейте, они – герои! – взрывается Фира.

Фира вынимает платочек, промакивает слезу, пудрится.

– Артур, зачем они туда возвращаются? – говорит. – Это же безумие!

– В морской практике это называется демонстрация флага. Правда, уже несуществующего государства, поэтому она выглядит вызовом пустоте. Комиссары в Одессе на пятой станции Люстдорфской дороги уже оприходовали «Деканы», я получил письмо от управляющего. Мне не хватало рекламаций от красных в Париже. Луиджи, наверное, вези к «Petrograd Patisserie», – приказывает шоферу. – Надоела баклажанщина. В «Патишери», говорят, срывает аплодисменты московский негр-джазист Федор Федорович Томас. Исполняются чарльстон и фокстрот.

– Какой Чарльстон? – Фира вытирает слезы. – Поимейте совесть!

– В Петрограде обещают и Вертинского, – напоминает шофер Луиджи. – Пароход «Великий Князь Александр Михайлович», где капитаном мой свояк капитан Григорий Кастрояки, доставил из Севастополя труппу Вертинского.

– Кстати, в этом же отеле «Petrograd Patisserie» уже забронированы два этажа для штаба генерала Петра Николаевича Врангеля.

– Нет, номера авансированы в отеле «Бюк Лондра», – поправляет Луиджи.

– Как авансированы? – ахает Фира. – Куда же тогда они плывут? Они погибнут?

– У господина Фармана есть шанс. Если он попадет в плен, то родственник, надеюсь, его помилует и предложит должность, скажем, командира авиадивизиона.

– Какой родственник?

– Наркомвоенмор Лев Давидович Троцкий-Бронштейн. Кстати, Троцкий вчера выступал на Куликовом поле, мне телеграфировали. Успех оглушительный. Особенно у рефлексующих дам.

– И эта летающая ведьма в гимнастерке тут как тут! – Фира заметила соперницу на борту.

Змучилло провожает в бинокль отходящий «Делано-Бельвиль».

– А рядом с Анатрой, между прочим, Фира, первая жена штабс-капитана Фармана, которую Артур Антонович якобы выкупил, – замечает Змучилло.

– Как Ларису Федоровну Уточкину? – с сомнением реагирует Вариус. – Зачем?

– Думаю, это жест для публики, чтобы выглядеть человеком одной идеи. Анатра тоже убежал от красной чумы, а болтали, что оказывал финансовую поддержку большевикам…

– Он помогал красным, когда поставлял нам бракованные аппараты.

– Теперь на бракованных машинах полетит шейх, который их приобрел…

– Мы с тем «лаптем» не столкнемся? – Фарман опустил бинокль и решительно шагнул в рубку. Склонился к переговорной трубе. – Машина, нас течением реверснуло! – кричит в котельное Фарман. – Вестфаль, судно катится вправо! Прямо по курсу миноносец Антанты. Право руля!

– Нет руля, заклинило! – докладывают.

– Отдать оба якоря. Машина, полный назад!

Сергей Шикера

Главы из романа «Выбор натуры»

XXII
Ночной выход

Сараев проснулся и пощелкал выключателем лампы в изголовье – света не было. Темно было и на улице. Он лежал на диване, одетый. Плотный частый стук сердца в тесной груди не предвещал ничего доброго. Вытянув из кармана зажигалку с фонариком, стал искать телефон, чтобы узнать, который час. Синий луч запрыгал по комнате и как только упал на балконное окно, в стекло что-то крепко стукнуло. Подскочив, Сараев погасил фонарик. Лоб покрыла испарина. Что это могло быть? Камень? разбуженный голубь? летучая мышь?.. Спустя минуту он уже сомневался, что слышал удар. Возможно, то был какой-то безотчетный мгновенный испуг, обернувшийся слуховой галлюцинацией. Он сидел, не шелохнувшись, и через какое-то время его внимание привлекли иные звуки, с веранды. И вот это уже не было никакой галлюцинацией или панической фантазией, вроде той, что овладела им в гостях у Убийволков, когда он решил, что пришли по его душу. То были звуки сразу нескольких перемещений – негромкие, но самые явные. Кажется, там, на веранде, перебегали от стены к стене; вот будто кто-то стремительно протерся по двери, что-то с глухим деревянным стуком упало на пол… Господи! да ведь это за ним! Вот только кому и зачем он мог… «Вадим! Вадим! Вадим!» Это по его линии, как пить дать. Что-то, видимо, он успел где-то там натворить. В Киеве? Да какая разница! Сейчас неважно, где и что. Сейчас просто вышибут дверь, и всё! И где он тогда опохмелится?! И как совпало с отсутствием света. Совпало? Ну-ну. Да тут целая операция, захват! Может, кто-то там прячется на балконе?..

С протяжным душераздирающим фанерным скрипом и треском в коридоре вдруг открылась соседская дверь. Метушня в коридоре сразу же закипела с удвоенной силой, и вскочивший на ноги ошалевший Сараев услышал крик Наташи: «Это что здесь такое? Вот я сейчас…». Крик оборвался. «Заломали Наташу». Сараев схватил свитер. Толчок в дверь. Началось. «А ну вон все пошли! Пошли вон! Я кому сказала! Устроили здесь!» – опять закричала Наташа. Хлопки, отрывистое шипенье, удары по полу, торопливый мягкий топот по лестнице вниз. «Устроили здесь…» – повторила Наташа, когда все, наконец, затихло. В наступившей тишине дверь Дерюгиных с обратными треском и скрипом закрылась. Это было необъяснимо.

Со стукающим прямо в центр грудной клетки сердцем Сараев подошел к балкону. Пусто. Внизу из подворотни на улицу тянулась собачья свадьба в десяток собак разной величины.

Наконец он добрался до часов: двадцать пять минут второго. Что?! Двад-цать-пять-вто-ро-го-но-чи?! Он бросился осматривать карманы. Как и следовало ожидать, денег не было. «Виктория» открывалась только в семь. У него подкосились ноги, и он опустился на диван. Вот так попал. Половина второго. Проклятье! Сколько раз он уговаривал себя с этим не шутить, держать где-нибудь постоянную заначку, неприкосновенный запас; сколько раз его бросало в дрожь, едва он только представлял, как оказывается вот так посреди безбрежной глухой ночи один, без копейки, а впереди – целые часы, сотни долгих минут, неисчерпаемые тысячи секунд, которые все до единой придется отсчитать, процедить сквозь себя!.. И вот он оказался в самом начале этого бесконечного ужаса. «А если они вернутся?» Он тут же себя одернул: кто вернется? Собаки? Нет, собаки не вернутся. Собаки это так, первое приветствие, глумливое подмигивание того страшного мира, в который он только-только вступает. Все будет гораздо серьезней. Какие уж тут собаки. Чертова беспечность! Ну что стоило ему хотя бы кивать при входе этим продавщицам в ближайшем круглосуточном магазине, всем этим придурковатым охранникам – за полтора-то года уж можно было бы с ними познакомиться? Сейчас вошел бы, сказал: друзья, вы ведь меня знаете, я тут рядом живу, ваш сосед, постоянный покупатель, не дайте помереть, братцы! Он мог бы опуститься на колени, что тут

такого? в конце-то концов, он видел, как это делали другие, а чем он лучше? пришел, видимо, и его черед…

Что-то надо было делать. От пережитого только что страха кружилась голова и тошнило. Чего бы только он сейчас не отдал за стакан водки, за пару пузырьков боярышника или пустырника…

Телефон работал. Сараев с замиранием сердца приготовился ждать, подбирая самые подобострастные извинения, но Демид бодро отозвался после первого же гудка: «Слушаю!» – «Здравствуйте. Я вас не разбудил?..» – «Нет. Я на закате отлично выспался. Самый питательный сон. Мне, кстати, ваша Наташа снилась. Со всеми вытекающими последствиями. А как вы? Что-то случилось?» – «Да, случилось. Я тут только что проснулся и… В общем, ни денег, ни капли спиртного… просто не знаю что делать…» – «И вам хреново». – «Очень». – «Нервы на пределе и тьма вокруг сгущается, да?» – «Именно так. Буквально». – «То есть если бы я вот сейчас зарычал или завизжал в трубку, вы бы отбросили в ужасе телефон и забились бы в угол? До такой степени?» Сараев молчал. «Алё! Вы слышите меня?» – «Да», – еле слышно ответил Сараев. «Тогда почему не отвечаете?» – «Да», – так же тихо повторил Сараев. «Вы где находитесь?» – «Дома». – «Приходите ко мне, слышите?» – «Да».

Демид сообщил адрес в Сабанском переулке и предложил прислать такси. Сараев сдуру наотрез отказался, и пока одевался и искал ключи, проклинал себя на чем свет стоит.

Слабенькому туману над влажными мостовыми Сараев предпочел бы хоть какую-нибудь непогоду – слишком уж заметным почувствовал он себя на тихих улицах. Совсем рядом, на пересечении Колонтаевской и Старопортофранковской, и дальше, в сторону центра, свет был. Здесь, вблизи от дома, куда не поздно было еще вернуться, он немного постоял, готовясь к долгому опасному переходу. Настроился, собрался с силами. Из старой акации на углу легкий порыв ветра бесшумно выбросил целый ворох зарябившей в воздухе мелкой желтой листвы, и Сараев шагнул на брусчатку. Главное, не привлекать внимания, идти быстро, уверенно. Вокруг, куда ни глянь, не было ни души. Загодя оповещая о своем появлении отчаянным визгом на поворотах, с какой-то устойчивой периодичностью, как по расписанию, проносились одинокие авто. От панических атак Сараев отбивался первыми пришедшими

на ум пяти- или шестизначными числами, сосредоточенно и внятно вышептывая их одно за другим. Поднимая глаза, он видел, как в небе над далекой Аркадией бродят лучи прожекторов из увеселительных заведений, вызывая в памяти одновременно хронику военных лет и помпезную заставку студии «XX век Фокс». Едва заметный в начале пути туман понемногу густел, и время от времени в сырую осеннюю тишину вплетались негромкие, слышные только по ночам шумы – это тянувший год за годом влагу ракушечник, из которого когда-то строился город, нехотя, как рафинад в чае, осыпался и рушился под собственной тяжестью. Редкие, даже возле Привоза, прохожие как будто избегали встречи с ним, и за несколько десятков шагов вдруг сворачивали в переулки (не для того ли, чтобы подкрасться сзади?). Над ярко освещенным подземным переходом на привокзальной площади их стояло аж четверо, каждый со своим уходящим вверх столбом тени, но и они, стоило Сараеву подойти ближе, разошлись в разные стороны. Впрочем, он и сам метнулся бы за ближайший угол, если б кому-то из них вздумалось направиться к нему. Вокруг, без сомнения, что-то готовилось, зрел какой-то зловещий умысел, плелась какая-то губительная интрига. Сердце то частило, то замирало, и несколько раз ему казалось, что вот сейчас оно остановится, и он говорил себе: ну и ладно, упаду, умру, хуже смерти все равно ничего не случится. Но уговоры не помогали, что-то вот-вот должно было произойти. Нечто, что было куда страшнее смерти, пряталось в темной, неотступно сопровождавшей его материи, дышавшей где-то совсем рядом, и готово было в любую секунду – стоило только зазеваться – выскочить из ее ненасытных глубин.

И вот, когда трудное путешествие осталось наконец позади, когда уже рукой было подать до вожделенной цели – под ногами у Сараева качнулся асфальт, и он встал как вкопанный. Цель исчезла. Мало того: ее тут и не было никогда! Перед ним был Мукачевский переулок. Тот самый, куда его однажды для встречи с мнимым близнецом Алексеем привез себе на потеху Демид. Сараев стоял в самом начале переулка, где еще сохранилось несколько старых трехэтажных зданий. По правую руку за воротами тянулся ряд сводчатых уходящих вглубь подворотен. В первую минуту он был настолько ошарашен, что даже вернулся к углу дома,

чтобы прочесть табличку с адресом. Пер. Мукачевский, 5. Вот так: пока его воспаленный слух метался между едва слышными звуками и шорохами, а ставший почти зрячим затылок ловил малейшие движения за спиной, ноги сами несли его сюда. Вот так. Вот так, вот так, вот так!!! До Сабанского переулка, где ждал Демид, отсюда было не столь уж далеко, но Сараеву таким трудом дались эти последние, как он думал, метры, так горячо он молился о том, чтобы беспрепятственно их одолеть, дотянуть, доползти, что тут едва не взвыл от отчаяния. Тем не менее надо было идти. Торчать здесь было опасно. Оказавшись в какой-то сотне шагов от дома Алексея, он даже не углядел в промашке зловещего намека. Обычная патрульная машина с парой скучающих ментов и поездка в участок, где над ним, сходящим с ума от абстиненции, будут измываться до самого утра – вот что пугало его по-настоящему, когда он выходил из переулка. Какой там покойник Алексей. О нем он и не думал. Сараев повернул в сторону Александровского парка. Ну, с Богом! 18456, 27952, 165812, 321197, 2757757… Входить в парк, чтобы срезать угол, он не рискнул и вышел к Сабанскому переулку через Успенскую по Маразлиевской.

XXIII
Отчаяние

– Тут недавно слышал одну историю. Люблю такие истории, – начал Демид к ужасу Сараева. – Если хотите, расскажу. Иногородний, может быть, и не поймет, а для нас самое то. Это в конце 80-х было. Жила-была одна семья в России, где-то под Псковом, кажется. А может, и нет. Точно не помню. В общем: типа поселок городского типа. Такая себе семья советских служащих, мама – бухгалтер, папа мелкий начальник, и у них дочка лет двадцати. Вдруг дочка заболевает. Какая-то душевная хворь. Сначала вроде бы ничего, даже и не очень заметно, а потом все хуже и хуже…

Сараев был готов. Его заливало потом и колотило от озноба; горела голова. Он заподозрил недоброе, как только вошел, и Демид поприветствовал его шутливой фразой: «Тоже люблю иногда прогуляться по ночной Одессе». Такой легкомысленной встречи Сараев

не ожидал. Он надеялся сразу, с порога, получить стакан водки, но вместо этого Демид провел его в необжитую холодную гостиную и стал мучить расспросами, а теперь вот еще взялся рассказывать какую-то историю. Силы, терпение, надежды – ничего из этого уже не было и в помине, и Сараеву самому не понятно было, на чем он еще держится. Хозяин же делал вид, что ничего этого не замечает, и не торопился помочь.

– …Недуг, вообще-то, среди русских девушек во все времена довольно распространенный, – продолжал Демид. – Теряется всякий интерес к окружающей жизни и наступает абсолютнейшая апатия. Я таких навидался, когда в юности по монастырям ездил. В общем, царевна несмеяна в самом чистом виде. И вот, чтобы не дать болезни разгуляться, мать отправляет ее развеяться к отдаленной родственнице в Одессу. Ну, Одесса Таню, естественно, расшевелила. И даже поразила. Сами понимаете, что это такое для девочки из северной глубинки. Огромный шумный город, море, жаркие дни, теплые вечера; веселые молодые люди одесской национальности опять же с интересными предложениями. Ну и пошла Таня на поправку. Загорела, приосанилась, повеселела. Заканчивается вторая неделя, и тут выходит из строя домашний телефон (а других тогда не было), и тетка просит Таню посидеть днем дома, встретить мастера. В назначенное время тот приходит, и пока возится с телефонным аппаратом, Таня, теребя сложенные пополам три рубля, стоит в той же комнате у распахнутого окна во двор. Во дворе в это время пусто – как обычно в жару, – кто не на работе, тот на море. И вот сосед в доме напротив включает магнитофон с записью известного (но Тане тогда совсем не знакомого) юмориста и выходит курить на балкон. Юморист весело, с огоньком, время от времени срываясь в фальцет, рассказывает случай с подрывником и с какой-то баржей. Рассказ то и дело прерывается смехом и аплодисментами зрителей. Увидев нашу Таню в окне, сосед делится с ней впечатлением: «От Мишаня жару дает, да?» – имея в виду магнитофонного рассказчика. Таня не понимает, о чем он и, смущенно улыбаясь, пожимает плечами. «Мишка – красавѐц!» – выкрикивает сосед, показывая большим пальцем за плечо. Таня на всякий случай кивает и вздрагивает от крика над ухом: «Сделай громче!». Обернувшись,

она видит незаметно подошедшего сзади телефонного мастера. «Готово», – говорит ей мастер. Сосед уходит исполнять его просьбу, Таня протягивает мастеру три рубля, а тот, спрятав деньги в карман, крепко хватает Таню одной рукой за талию, второй зажимает ей рот и укладывает на ковер. Тем же вечером Таня собирает вещи и уезжает без всяких объяснений. Домой она возвращается загорелой, посвежевшей, но такой же несмеяной, как и уезжала. И даже более того. Ну а дальше как по писаному. Через какое-то время все замечают, что Таня беременна. На вопросы она не отвечает, да и вообще постоянно молчит. Родители, опасаясь еще больше навредить, отступают, решают повременить – может быть, сама скажет, когда захочет. Так и не открывшись никому, Таня рожает мальчика. Называет она его Мишей, а когда спрашивают, как его записать по отчеству, не долго думая, отвечает: «Михайлович», но никаких объяснений по-прежнему не дает. Родители и тому рады: хоть имя отца стало известно, а уж раз его именем еще и ребенка назвала, ну, значит, все это неспроста, и какая-то любовь между ними наверняка была. Глядишь, рано или поздно и сам заявится. Никто, конечно, не появляется, мальчик себе растет, ну и вот уже в школе окольными путями через школьных товарищей ему становится известна история его появления на свет. Он начинает приставать с расспросами к матери, и та ему рассказывает, что его отец – пропавший без вести в пучинах мирового океана моряк из Одессы. В общем: «Ты одессит, Мишка, а это значит…». И вот мальчик, узнав тайну своего рождения, со страстью увлекается Одессой. Выискивает все, что с ней связано, жадно читает все, что попадается под руку, собирает пластинки, книги, открытки, усиленно штудирует Бабеля, создает на дому чуть ли не музей Одессы и, наконец, долгими упорными стараниями превращается в довольно странного персонажа. Вы только представьте себе паренька из-под Пскова, круглыми сутками изображающего Беню Крика. Ну а на первое апреля Мишка, по примеру нашего одесского плебса, надевает накладные уши и нос, вымазывает губной помадой щеки и в таком богомерзком виде ходит по родному поселку к большому неудовольствию местного батюшки, поскольку первое апреля всегда выпадает на Великий пост. Вот как

вы думаете, что здесь сыграло главную роль: гены или воспитание? ну, в данном случае самовоспитание?..

Демид закончил и встал посреди комнаты, весело глядя на гостя.

Сараев загнанно смотрел на хозяина. Он почти ничего не понимал из того, что тот рассказывал, и уж тем более не мог ничего понять теперь. Какие гены, какое воспитание, когда он умирает на его глазах?.. Он только понял, что угодил в западню и теперь надо бы как-то из нее выбираться. Как же он мог так глупо попасться? И разве промах с переулком не был ему подсказкой? Почему же он ею пренебрег? На что надеялся? Это было так обидно, а главное – ужасно… Он проехал подошвой вниз по хромированной ноге высокого стула, на котором с большим трудом все это время сидел, и, держась за кожаное сиденье, поднялся. А почему Демид среди ночи в форме? Что это за форма? Может, он и не из таможни вовсе, а из какой-нибудь госбезопасности? Пришел только что со службы. Для них ведь ночная работа обычное дело. В конце концов, все, что Сараев о нем знает, он знает с его же слов. Даже Миша Сименс, у которого Демид был частым гостем, не мог сказать о нем ничего внятного. Хотя какое это сейчас имеет значение? И даже если бы это имело какое-то значение, для него теперь это не могло иметь никакого значения. Но обо всем этом Сараев думал как-то урывками, в те краткие мгновения, когда ему удавалось связать две-три мысли. В остальное время его несло каким-то мощным мутным потоком, и единственное, чего он от всей души желал, это ужаться до ничего не чувствующей точки. Казалось, достаточно одного, последнего, сколько-нибудь продолжительного усилия, чтобы сосредоточиться на этом желании – и оно наконец исполнится, но вдруг в самый последний момент с выпуклым треском карточной колоды, вспышкой размноженный Сараев распускался веером, рассыпался по комнате, и с полдюжины его двойников торопились наделать бед: один бросался в окно, другой, запрокинув орущий рот, рвал ломающимися ногтями обои, третий, разметав по комнате стол и стулья, пытался сбросить с себя душившего его четвертого…

Демид вышел.

Сараев решил, что пытка закончилась и сейчас его наконец за нее вознаградят. Он крепко, со скрипом, вытер со лба холодный

пот. Но когда Демид появился опять и встал напротив, в руках у него не было ни бутылки, ни стакана.

– Кстати, о подрывнике, – сказал он и вытащил из кармана предмет, хорошо знакомый Сараеву по съемкам в Коврове, – гранату. – Вот. Настоящая, боевая. Когда с женой разошлись, купил, хотел подорвать ее вместе с любовником. Ходил, выслеживал. Оказалось, что никакого любовника нет. А потом подумал: а что если обратиться с просьбой к богам? Понимаете, о чем я? Совершить жертвоприношение. Гекатомбу. Рвануть кольцо и закинуть, например, в полный трамвай в час пик. Или в кафе. Вдруг подействует, и мне ее вернут? Жену. Ох, и крепкая же такая мысль была – еле отделался! Потом как-нибудь расскажу подробней…

Этого и следовало ожидать, думал Сараев. Как вообще он мог довериться этому человеку? Всегда же замечал в нем какой-то сдвиг – во всех его рассказах, ужимках, странных шуточках… И вот теперь, находясь на волосок от гибели, он еще и оказался во власти этого сумасшедшего, садиста. Что дальше? Демида, если что, ему нипочем не одолеть. Как, впрочем, не одолеть и обратного пути. Да и что такое этот обратный путь? Куда? И Сараев едва не заскулил от безысходности.

– Вам тяжело слушать? – спросил таможенник.

– Очень. Невыносимо, – в сухом сараевском горле еле ворочались слова, и трудно было их выговаривать сведенным от отчаяния ртом.

– Да, вид у вас ужасный, – подтвердил Демид, глядя на гостя с мрачным любопытством

– Вы бы могли дать мне немного денег… – попросил Сараев.

Демид долго молчал, наконец сказал:

– А если я вам сейчас скажу, что денег не дам и не выпущу отсюда, и выпить тоже не дам, и предложу вместо водки вот это? Воспользуетесь?

И он протянул гранату.

Сараев как будто и понимал, что за этим наверняка самым последним испытанием должно последовать вознаграждение (впрочем, Демид был достаточно непредсказуем, чтобы это оказалось не так), но он уже не в силах был производить какие-то самые простые расчеты и действовать, исходя из них. У него было ощущение, что все отпущенное ему время, его личное время, закончилось.

На выбор не оставалось и пары секунд, их просто неоткуда было взять. Времени было ровно столько, чтобы воспользоваться первым попавшимся, чем бы оно ни оказалось – гранатой, водкой, пулей, ядом – только бы быстрей и наверняка со всем этим покончить. Потому что жить за пределами этого личного времени не представлялось возможным, и даже нельзя было и помыслить. Но: может быть, всё – вообще всё! – к этому и шло? Он ведь желал когда-то конца – так вот он. Да, все это представлялось как-то по-другому, но… Сараев медленно накрыл гранату в руке Демида ладонью.

– Что у вас сейчас в голове? – вдруг спросил тот, хватая Сараева за запястье свободной рукой. – Первое попавшееся, быстро!..

Сараев вздрогнул – ему самому стало интересно! – и из кромешного, уже во всю прущего на него и сквозь него хаоса, выхватил первое же более или менее связное, давнишнее, но сейчас почему-то оказавшееся на поверхности.

– Почему Абдулла и Насрулла звучит смешно, а Бред и Скотт нет? – скороговоркой отчитался он. И добавил: – Газовый ветер.

– Отлично, – сказал Демид.

«Это конец», – подумал Сараев. Но как только он обхватил корпус гранаты, таможенник твердыми острыми ногтями больно впился ему между сухожилиями под запястьем, отвел его ослабившую хватку ладонь и спрятал гранату в карман. Прочистив двойным глухим рыком горло, Демид сказал:

– У дочки сегодня был день рождения. Идемте, выпьем чего-нибудь за ее здоровье.

На кухне Демид вытянул из холодильника бутылку водки и, постояв некоторое время в раздумье, неторопливо наполнил стакан и рюмку. Потом, опять же после минуты раздумий, протянул стакан гостю. Обычно в таком состоянии Сараева отпускало при одном виде бутылки, но тут, даже запрокидывая голову и торопливо глотая водку, он ждал от хозяина какого-нибудь подвоха и по-собачьи косил глазами в его сторону: не выкинет ли тот что-нибудь в последнюю секунду.

– Жаль, что у вас нет за душой никакого оригинального философского учения, – сказал Демид, взяв свою рюмку, – а то бы я слушал вас дни напролет и записывал. Помните, как Лао-Цзы свое дао открыл начальнику пограничной заставы? Всегда меня этот факт

почему-то будоражил. Может быть, и мне, скромному одесскому таможеннику, когда-нибудь что-нибудь такое обломится… где-то, может быть, и мой Лао-Цзы бродит, никак не дойдет…

Только поставив стакан на стол, Сараев облегченно вздохнул.

Демид опять налил.

– Выпейте еще, поешьте и ложитесь, – сказал он. – Можете прямо здесь. Вам надо поспать. И советую отключить телефон. Отключите-отключите. (Сараев послушно исполнил.) Завтра будем с вами лечиться.

Уходя, он обернулся в дверях.

– Да, а что значит – «газовый ветер»?

– ?..

– Это вы сказали, когда я попросил первые попавшиеся слова.

– А-а, это. Да так… – Сараев, блаженно улыбаясь, тряхнул плечами. – Просто почему-то иногда представляю, как день и ночь по трубам в темноте шуруют эти газовые потоки… годами.

– И что?

– Ничего. Просто жутко как-то… разве нет?

Утром, когда Сараев проснулся, его ждало обильное застолье. За столом Демид объявил, что после обеда они лягут под капельницы.

– Это не значит, что мы бросим пить, но по пути не мешало бы освежить силы… – многозначительно добавил он.

И после обеда они действительно легли под капельницы. Сараевым в кабинете занимался молчаливый улыбчивый юноша, а Демидом – его пожилой наставник, которого Сараев увидел уже как сквозь туман, заговариваясь и засыпая.

XXIV
У Демида

Сараев согласился погостить у Демида несколько дней – в конце концов, сколько можно безвылазно сидеть дома?

Твердого распорядка дня у Демида не было. Образом жизни он походил более на представителя какой-нибудь свободной профессии, чем на государственного служащего. Впрочем, может быть, Сараев просто попал в такой период. По утрам приходили какие-то

люди, по большей части молодые, некоторые из них были в таких же, как и у Демида, синих мундирах, и запирались с хозяином в кабинете. Вели они себя крайне почтительно. Иногда Демид ненадолго выезжал. Хозяйство вела пожилая домработница с неприветливым бараньим взглядом.

С Демидом они вместе ужинали и иногда обедали, а в остальное время то сходились, то расходились. Кажется, никогда прежде Сараев так вкусно и много не ел, так разнообразно не выпивал и так сладко не спал, как в эти дни. Большую часть времени он проводил в просторном, но довольно уютном кабинете или же на крыше, на оборудованной для посиделок площадке, откуда открывался прекрасный вид на Александровский парк. Тут был небольшой бассейн с расставленными вокруг лежаками, креслами и кадками с деревцами; чуть поодаль стояла накрытая брезентом жаровня. Сараев любил здесь подремать. Как-то, бродя по квартире, он подумал: вот бедность, любая, даже чистенькая и аккуратная, всегда выглядит временной. И чем беднее, тем временней. А от достатка, каким бы он ни был, веет покоем и постоянством.

В кабинете у Демида было большое собрание советского фарфора. Многие десятки статуэток занимали широкую мраморную полку над камином и все свободные поверхности. Сараева поразило, что в этом отчасти пугающем столпотворении не оказалось ни одной незнакомой ему фигурки. Никогда не проявлявший к ним особого интереса – как он ухитрился все их перевидать? Здесь же, у Демида, ему приснилось, будто в день какого-то большого праздника он сидит в гастрономе на въезде в поселок Большевик двадцатилетней давности, каким он вспоминался ему во время недавней поездки с Настей. Перед ним отведенный под кафе темный глухой закуток без окон с несколькими столами и прилавком, а дальше, по правую руку, тянется, собственно, сам гастроном, сияющий чистотой, освещенный бьющим через промытые витрины солнцем. Гастроном тих и пуст, как это обычно бывает перед самым открытием. Однако за его пределами, на улицах что-то происходит. Какие-то приглушенные звуки все чаще долетают до слуха. И это не только музыка и возбужденные людские голоса, но и что-то еще, пока непонятное. Сараеву не терпится встать из-за стола, выйти и окунуться в праздничную тесную суету – там уже

наверняка собрались его друзья, родители, и все, кого бы он хотел видеть, но он, сдерживая себя, ждет, когда торжество радости достигнет наивысшей точки. Жадно прислушиваясь, боясь пропустить кульминацию, он слышит, как кроме бодрой веселой музыки на стены и витрины гастронома напирает плотный мелодичный шум какого-то непрерывного роения. Вслушиваясь в равномерно возрастающий, радующий сердце звук, он постепенно понимает, что эта осаждающая стены мягкая сила сплошь соткана из непрерывного порхания бесчисленного множества каких-то… как сказать: сущностей? образов?.. Словом, это было как-то связано с фарфоровыми статуэтками из кабинета Демида. Словно самые яркие и теплые воспоминания, слетевшись из всех уголков памяти, из разных лет и мест, приобрели вид бесплотных эфирных двойников этих фигурок, или их идей, или их цветных теней, или того, чему и названия нельзя придумать, и теперь всем пестрым множеством налегают на стены…

Демид, к удивлению Сараева, оказался довольно молчаливым сожителем. Но уж если ему приходило в голову поделиться какими-то своими мыслями и услышать ответное мнение, он спешил с этим, не откладывая. Чтобы задать пустяковый вопрос, ему не лень было пройти через всю квартиру или подняться на крышу. Так однажды он растолкал засыпавшего Сараева и спросил:

– А вы знаете, что ваша соседка Наташа была в секте этих обливанцев?

Сараев даже не сообразил поинтересоваться, откуда Демиду это стало известно. Он ответил, что знает, и рассказал, как весной, когда из-за аварии по всей округе на неделю отключили воду, Наташа каждые три-четыре часа бегала обливаться на Староконный рынок.

– Даже так? – удивился Демид и, помолчав, сказал: – Слабоумие и чистоплотность. Что-то есть в этом редком сочетании возбуждающее. Не находите?..

А Сараев подумал: как он обходится, когда остается один?

Жена и дочь Демида жили за городом, в Совиньоне. О них он упоминал редко, но однажды, когда разговор коснулся пятилетней дочери, вдруг не на шутку разволновался и в то же время смутился; глаза его засияли, а лицо пошло красными пятнами. Таким Сараев видел его впервые.

Раз теплым пасмурным днем, когда они сидели на крыше, попивая какой-то чудесный портвейн, Сараев по мимолетной ассоциации, которая тут же без следа растворилась в душистом осеннем воздухе, спросил у Демида:

– А как вы насчет будущей жизни… верите?

– А как же! – бодро, как будто он только и ждал этого вопроса, ответил Демид и откинулся на спинку кресла. – Конечно!

– Я серьезно.

– И я.

– И во что же вы верите?

– Во всё. Как положено. В загробную жизнь. Вы же про нее спрашиваете?

– Верите в рай и ад?

– Разумеется. И в то, и в другое. Ну а как же. Только, я полагаю, там все очень скромно, без аттракционов. Это вообще, может быть, одно и то же. Вот говорят же, что на огонь и текущую воду можно смотреть бесконечно. Никто, правда, почему-то бесконечно не смотрит. А там придется. Представляю себе это примерно так: в одном и том же одни видят бесконечное мучительное повторение, и это ад. А другие – бесконечное, но сладкое разнообразие, и это рай. Все дело будет только в настройке. Содержание несущественно. Зарядят на всю вечность какую-нибудь игру теней на стене, и будем мы с вами сидеть, вытянув шеи, как те галапагосские ящерицы на восходе солнца. Причем сидеть будем бок о бок, и вы при этом будете находиться в раю, ну а я совсем наоборот. Такое вот кино. Вам должно понравиться.

– Сомневаюсь. Хотя это и повеселей бани с пауками… – сказал Сараев и, вспомнив пробуждение в комнате Убийволка под электронным панно с водопадом, подумал, что некоторое представление о том, как выглядит ад, он уже, кажется, имеет.

– Конечно повеселее! – согласился Демид. – Это вы точно подметили. Повеселей. Еще бы! Так и времени-то после бани прошло полтораста лет. Фатальное смягчение нравов постоянно вносит свои коррективы. Вполне возможно, что так мы и до каких-нибудь загробных казино доберемся, где одни гребут лопатой, а другие проигрывают и проигрывают… Причем казино опять же одно на всех. Вот в чем я почему-то точно уверен, так это

в единстве места. Ну, а о времени говорить не приходится – вечность. И вот поди знай – это наши фантазии век от века смягчают картину мук или же мы постепенно приближаемся в своем понимании к истинному положению дел.

А буквально через день, когда они выпивали в библиотеке, Демид говорил так:

– Тут еще такое дело. Вот представьте. Вот уже рай, да? Не налюбуешься – не надышишься. Такая благодать, такое благолепие, такая всякая жизненная, чувственная и в том числе художественная полнота… И вдруг какой-то фальшивый отблеск на водной глади или пятно солнца на дереве – опа! и… И даже не так – а отблеск, показавшийся фальшивым тебе, только тебе. Вот он – раз, зараза! – и выпрыгнул из этого аппарата сравнения, который-то должен быть всегда при тебе, чтобы все это блаженство оценивать… что-то там в этой коробке (он постукал себя пальцем по лбу) на мгновенье закоротило – и всё! Всё! Все пошло прахом. Что-то такое там наверняка должно быть. Если, конечно, присмотреться. Я уж не говорю о том, что когда я окажусь в состоянии более чем газообразного существа – это все живое, дышащее, пульсирующее должно будет, по логике, вызывать у меня ощущение такое же, как у нас сейчас, дышащих, влажных, вызывает какая-нибудь пластмассовая поделка. Если так, то я не согласен, потому что я уже сейчас все так и вижу, заранее. Только кто меня будет спрашивать…

– Вы же говорили, что там будет кино…

Некоторое время Демид молча сосредоточенно смотрел в стакан в своей руке. Наконец, макнув средний палец в вино и стряхнув выловленную соринку на пол, сказал:

– Я рассматриваю разные варианты.

Вообще, эта тема была у Демида одной из любимых, и несколькими днями позже у них случился довольно интересный, хоть и путаный разговор, который таможенник закончил таким пассажем:

– Человека трудно напугать вечностью. Ну, вечность и вечность. Как бояться бесконечного? Научите сначала, а потом пугайте. Другое дело, как в какой-то притче я читал. Парень согрешил с мамашей и сестрой по пьянке и пришел к какому-то старцу

каяться. А тот головешку из костра в землю закопал и говорит: вон там, видишь, за версту отсюда озерцо. Вот ползешь на коленях туда, набираешь там в рот воды, ползешь обратно и поливаешь место сие. И вот таким макаром ползаешь туда-сюда, пока из головешки не вырастет яблоня и ее ветви от тяжести плодов не коснутся земли. Тогда тебе твой грех и простится. Хорошо, да? Аж мурашки по коже!.. Вот такого, я думаю, испугаться можно. Это я понимаю.

Глядя тогда на Демида, Сараев подумал: что удерживает кругом отчаявшегося человека в этой жизни? Одно лишь любопытство к самому себе и ничего больше. Одно лишь любопытство. А это такой крохотный, еле живой огонек, что может погаснуть от любого неловкого движения. Но вот поди ж ты, горит… Это надо было еще обмозговать, и он отложил на потом. Думать о серьезном здесь не хотелось. Дома. Сараеву вообще почему-то казалось, что он вернется домой каким-то другим. У него появится масса энергии, он сразу же доделает недоделанное, возьмется за намеченное или отложенное, и все пойдет по-новому, без этой всегдашней его вялости, рыхлости, неопределенности.

И еще: все эти дни, к некоторому смущению Сараева, вокруг него время от времени начинала бродить какая-то неясная мысль, скорее даже ее робкая тень. Приятно докучая, она кружила и кружила, ходила и ходила, и в конце концов каждый раз неизменно ложилась у ног хозяйки – Насти Убийволк.

Михаил Рабинович

Рассказы

Лодки

Мы подплыли к островку, где спали лягушки, медленно озирались по сторонам дикие черепахи, а еще был черный полиэтилен, натянутый на что-то полезное. С соседних лодок доносились чужие голоса. Три мальчика в красно-желтых спасательных жилетах – из хорошей, видимо, семьи – вежливо разговаривали между собой. Их мама стояла на дальнем берегу, смотрела и слушала. А мы провели эксперимент с веслом и черепахами. Если весло поднести к черепахе, то ничего не происходит, оказывается. Молчаливый дед катал молчаливую внучку в розовом платье. Она уже доставала ногами до дна лодки, гордилась. Потом появилась куча лодок с кричащими подростками. У них прямо на озере обострилось влечение друг к другу, и они стали создавать брызги. Мама с берега замахала рукой, показывая направление движения отсюда. Три мальчика в спасательных жилетах вежливо отказались. Потом мы услышали русскую речь. «Смирись, понимаешь. Смирись, гордый человек, – говорил мужчина в шапочке от солнца, на которой было написано «Я не хочу работать». – Смирись, гордый человек, – помнишь, это откуда? Важно ведь не абсолютное значение, а потенциал, разница между тем, что у тебя есть, и тем, что ты держишь за норму, счастье или, скажем, что требуется твоим разумом». Умный, значительный, наверное, человек. Такие даже в лодках редко встречаются. Его собеседник сидел к нам согнутой спиной. Подростки стали ласково сбрасывать друг друга за борт. С берега спасатель закричал им в микрофон:

«Спокойнее, гады». Проплыла пара молодых хасидов. Он был в костюме, греб. Она держала его шляпу, чтобы не замочить. Одна женщина в спортивной форме была в лодке одна. Можно так сказать? Почему? Потом мы поплыли в такое место, где с берега свисали ветки деревьев и мягко царапали. Три мальчика в красно-желтых жилетах врезались в нас и вежливо извинились. Их мама на берегу размахивала руками, переживала. «Смирись, смирись, – говорил удаляющийся от нас человек. – Потенциал». Его собеседник сидел тихо, с согнутой спиной; получалось, будто тот, в шапочке, все это мне говорил. Хорошо, четко слышны голоса – отражаются, что ли, от воды, от мостов. Мы как раз под мостом оказались, проверили. «Э-э-э, – сказали мы для проверки, – а-а-а. У-у-у». Нам ответили.

Отдых со знаменитостями

Довольно давно уже мы видели единственную в мире оранжевую корову номер восемьдесят четыре. К ее уху была приколота бирка с цифрами, но корове не было больно. Она смотрела на нас внимательно, так же, как мы на нее – может быть, она искала, где у нас номер, но у нас не было номера. У нас зато было яблоко. Корова аккуратно взяла это яблоко ртом, но уронила, и у нее потекла слюна. Номер 84 нагнулась и доела. Номер 84 – это официально, а для друзей она – корова Нюра, решили мы. С другой стороны изгороди, которая отделяет Нюру от остального мира, прошли пешие с лошадьми. Корова, не задумываясь, побежала к ним, смешно отбрасывая в стороны задние ноги, а когда лошади прошли, смотрела им вслед и доброжелательно задумчиво мычала. Но хватит пока о коровах. Мы видели известного Larry H., того самого, с одиннадцатого канала. Мы все вместе жарили на шампурах зефир и пели песню про разных животных и насекомых, которые с каждым куплетом бесконечно прибавлялись, и я пел тоже, но, правда, тихо – потому что не умею, однако Larry услышал и перешел на другую сторону костра. Было темно и красиво. Но вернемся к нашим коровам. Нюра (номер 84) живет отдельно, а на громадном холодном

поле неподалеку – все остальные. Оказывается, на ужин коров загоняют так: им кричат «Эй, коровы! Эй, коровы! (Hey, cows!)», открывают калитку и машут руками. Самые голодные или дальнозоркие коровы, увидев рассыпанный ровной линией вдоль забора питательный корм, идут первыми, а некоторые не доходят и как бы толпятся в дверях. Тогда им говорят теплые слова и подталкивают внутрь дружескими жестами. Когда мы уходили от коров, ветер вдруг стал изгибаться дугой. Незаметно, будто из-за угла, вышел и пошел дождь – хотя какой тут угол? Нет на поле никаких углов. Larry с женой и детьми к коровам не ходил. Наверное, боялся папарацци. Зря – откуда бы они там взялись? Место глухое. Вечером в зал приходил фокусник и заколол свою жену электрическими свечами. Старый фокус, и они немолодые, их тоже жалко. Особенно когда он победно поднимает руки вверх, будто летит под куполом переполненного цирка без страховки, а ведь старый фокус, глухое место.

Лето кончается

Из соседнего дома приходил мальчик, внимательно и осторожно смотрел на окружающих, а потом говорил: «А я уже давно». В бассейн падали мухи, жуки, лепестки цветков, насекомые, вообще живность всякая, мелкие коряги и другие дары лета. Хозяйка вытаскивала их длинным сачком и ворчала. Напротив ее дома – кладбище; там есть могилка и с ее именем-фамилией, с ее годом рождения и с тире. Она точно знает, что произойдет После. С кладбищем граничит ферма. Есть административное строение. Внутри крокодил, змея, экспонат-трактор начала прошлого века и холодильник с напитками. Снаружи можно кормить животных: осла Валтера, овец Ташу и Бэна, молочного поросенка Ипполита – если я не перепутал его имя. Хасиды кормят всех, кроме Ипполита. Зато они и не съедят его никогда. Ночи холодные – на забытом для сушки полотенце выпадает роса. Предсентябрье – и спор с я-уже-давно мальчиком: надо ли читать книги. Мнения расходятся шире, чем это позволяет тема

спора. Да, как и предсказывало большинство обозревателей, лето кончается. Дождливая, однако не минующая Макдональд дорога, медленно растворяется в тумане гор.

Деньги – это еще не все

Бомж в брюках с бахромой от пояса и спаянными по́том волосами дремлет на скамейке. Мимо проходит скромно одетая бомжиха с тележкой. Бомж ей: «Сестра, ты прекрасна». Сдаю рубашки в стирку. – Можно на сегодня? – Можно, но я напишу, что на завтра. – А на сегодня никак? – Можно. Я напишу, что на сегодня – но тогда будет готово завтра. Приемщица по-испански обсуждает сюжет сериала. Лихие, незаконные люди – то ли из Эфиопии, то ли с Нигерии – при помощи смертельных угроз получили наследство в 25 с половиной миллионов и теперь хотят пристроить их в какую-нибудь приличную маленькую страну. Они связываются с милым доверчивым профессором из-под Хельсинки. Тот задает много вопросов, вообще беспокоен – но, кажется, соглашается. – Значит, сегодня никак нельзя, по срочному тарифу? – Хорошо, я напишу, что сегодня. Но лучше заберите завтра.

Любовь и курица

Давно я о парикмахерских ничего не писал. В этот раз я пошел к югославу, который оказался гордым албанцем и сказал, что сильно отличается от югославов (их, в сущности, не бывает), – и намекнул, что отличается в лучшую сторону. Еще он сказал, что сильно влюбился и всегда думает о своей любви, каждую минуту жизни думает, – но все же профессионально добавил, это – любовь-то – не мешает ему в работе. Однако, наполовину щелкнув ножницами, парикмахер вдруг прижал к уху мобильный телефон, набрал номер своей любимой и сказал ей только три слова: «Курица с рисом и овощами», – это пять слов получилось в переводе на русский, пусть пять. Он сказал эти слова любимой

строго и медленно. Это такой ужин у него должен быть сегодня вечером. Еще он, дощелкивая, раскрыл мне тайную подноготную многих мировых правителей.

Птицы

Птиц надо изучать в дождливую ветреную погоду, час езды на школьном автобусе, и чтоб укачало еще. Цель исследователей – отпустить птиц на волю. Ястреб, со скоростью сто миль в час падающий на лесного мышонка, попадает в лобовое стекло машины (60 миль) – авария, – но водитель приносит хищника сюда, где птицу лечат. Не говоря уже об остальных нуждающихся, выпавших из гнезда, налетевших на леску, сломавших крылья. Есть которые как бы состоят из одного только красного рта, такие маленькие.

Дети вышли из школьного автобуса, задают умные вопросы. Цель – отпустить на волю. Маленьких хищников нельзя приучать к рукам. Им же не выжить потом, когда отпустят.

Пришел корреспондент ньюджерсийского радио, записывал. Желающие могут скоро услышать передачу. Там в одном месте напряженное такое сопение. Это наше.

Нью-Йорк

Владимир Тайх

Дженифер

Этот день прочно вошел в мою память. Лагерь для перемещенных лиц, Гамбург, на языке перемещенных – общежитие. Двенадцать бараков на территории, обнесенной забором из штампованной сетки. Вход, выход, проход транзитом через три калитки и ворота для автотранспорта вполне свободные. Кроме бараков корпус администрации с залом для собраний и технический – прачечная, склад мебели, постельных принадлежностей и рабочий кабинет «хаузмастеров».

Нас поселили в «корпусе» № 7. Бараки двухэтажные. На каждом этаже 6 комнат по 15 кв. метров, большая общая кухня, два туалета и один душ. Широкая лестница на 2-й этаж наружная, металлическая, со ступенями, облитыми штампованной резиной.

Вот именно на этой площадке второго этажа наружной лестницы я и встретил ее в солнечный день 13 апреля 2004 года. Я поднимался и увидел ее ясный взгляд и улыбку, поощряющую меня на вступление в разговор.

Я остановился чуть ниже, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Она была прелестна. Милое лицо украшали выразительные умные глаза и сногсшибательная прическа – пробор в центре расходящихся гладко волос, переходящих в волны и кольца и заканчивающихся четкими фестонами, как у героинь Брюллова. На ней изумительно сидело платье, только с первого взгляда кажущееся простым.

Я сказал:

– О, это очень легкомысленно, выйти одной в таком месте. Вас просто могут похитить.

– Я не одна. Вот мои родители. Мы родственники ваших соседей.

Действительно, в метре от нее за открытым окном сидели за столом, гремя посудой и изрыгая сигаретный дым, наши соседи из Петербурга, и незнакомая дама насмешливо поглядывала на меня. Я понял – мама.

– Вы, наверное, хотите познакомиться, – неожиданно спросила моя собеседница, – меня зовут Дженифер.

Я увидел, как мама сжала губы, чтобы не расхохотаться, ее щеки и кадык пульсировали, она делала знаки своим собеседникам, кинула и в меня острый взгляд «что, получил?».

Что ж, я ей отвечу.

И я показал, как я поражен именем прелестной дамы. И я воскликнул:

– Ооо-о!

и

– Ах, как это прекрасно. Дженифер! Дженифер! А мое имя Владимир. Пойдете за меня замуж, Дженифер?

– Может быть. С вами интересно, Владимир. Мне нравится, что вы не спросили: «Кто это вам придумал такое имя?».

– Это глупый вопрос, Дженифер. Зачем надо что-то придумывать? Это ваше имя. ваше, и все!

– Замечательно! Признаюсь, вы первый сделали мне предложение. Вы умны, Владимир. Скажите, вас не смущает значительная разница в нашем возрасте? Сколько вам лет?

– Недавно мне исполнилось 68.

– А мне через две недели исполнится семь. Правда ведь, мы можем до моего совершеннолетия дружить, встречаться, обсуждать прочитанные книги, увиденные кинофильмы?

– Конечно, Дженни! Вы мне позволите так вас называть?

– Если только вам!

– Мне даже кажется, что при вашем уме и красоте разница в наших возрастах не будет так уж бросаться в глаза. Это ответ вам – разница в возрасте меня не смущает. В свою очередь вопрос к вам – вас не смущает то, что я женат?

– Наверное, нет. Я посоветуюсь с мамой.

За окном забубнили, очевидно, считая, что настал момент прийти на помощь девочке.

– Да что вы, – услышал я голос матери, – она еще задаст ему перца! Не он первый.

– Какой вы представляете меня в подвенечном платье?

– О, сногсшибательной! Изящной и высокой, с зеленым светом глаз, пробивающим плотную вуаль опущенной фаты. Прическу менять не будем.

– Мне бы хотелось короткую челку волной. Как вы на это смотрите?

– Думаю, челка простит такое неординарное лицо, воздержимся.

– Понятно. Но вот… у меня не зеленые, простые серые глаза.

– Ну, так до свадьбы еще не день, не два…

– Но, Владимир, не это меня сейчас беспокоит… видите ли… не знаю, как начать. Ну, да вам можно. У меня, знаете, совсем не растет грудь. Вот проведите рукой, проведите, я вас не стесняюсь.

– Зачем рукой, я вижу, у вас с этим полный порядок. И начнется это не раньше, через три года.

– А вам нравится большая грудь?

– Да нет, здесь важнее не количество, качество.

– А как это? Расскажите, расскажите…

– Конечно же, расскажу, у нас впереди целая жизнь.

– Дженифер! – победный баритон мамаши ударил в уши. – Перестань смущать молодого человека, пойди погуляй, поиграй с детьми.

Девочка манерно протянула ручку, как для поцелуя. Секунду я даже колебался, но она мимикой – глазами, носиком, ужимками – показала: «не надо, при них нельзя». И грациозно запрыгала вниз по лестнице.

– Прощай, Дженифер!

– До свидания!

Жена моя Люда смотрела кинофильм по видеомагнитофону.

– Не пора ли обедать?

– Через 25 минут закончится, подожди.

И вот через эти 25 минут, возвращаясь в комнату и вытирая руки, я с удивлением увидел мою прелестную почти невесту, входящую в общий коридор с обратной стороны, с пожарной лестницы.

– О, Дженифер, прошу. Познакомьтесь, это моя жена.

– Людмила.

– Дженифер. Мне ваш муж сделал предложение. Вы не сердитесь?

– Ну что вы! Я рада, что у него такая красивая и умная невеста.

– Я пока не могу претендовать на это звание. Я ведь еще не дала ему ответа.

– Все равно это необходимо отметить. Прошу к столу. Вы любите кизиловое варенье?

– Наверное, да. Ой, а что у вас так вкусно пахнет?

– Это шейка, фаршированная курица.

– Вы знаете, Людочка, это самое вкусное, что я ела в своей жизни. И вот скажите мне, любовь обязательное условие для брака?

– О, в этом вопросе большой специалист ваш Владимир.

– Да, Дженни, это очень желательное обстоятельство.

– А как, как узнать, что меня захватила, околдовала любовь?

– А как вы узнаете, что ботинок натирает вам ножку?

– О, я поняла! Я поняла. Мне кажется, что я очень скоро полюблю вас.

– Тебе не надоело морочить голову ребенку?

Она подсела ко мне вплотную, говорила еле слышно, в ухо:

– Девчонки много болтают о первой брачной ночи, я много об этом слышала, но ничего не понимаю. Что, в сущности, происходит именно в эту ночь? И почему в ночь? Мама говорит «нос не дорос». Но как я стану вашей женой, когда буквально все секрет и тайна? Вы расскажете мне об этом?

– Непременно.

– Вы улыбаетесь? Почему?

– Ты все же задала мне перцу.

Пообедав, она посмотрела несколько выпусков «Ну, погоди». Видела впервые. Бедные эмигрантские дети! И глазки ее стали закрываться. После уговоров повел ее к соседям. На стук никто не ответил. Я завел спящее дитя в их комнату и уложил на койку, стоящую почему-то за шкафом.

Еще через час привлек внимание топот на лестнице, бабий вой, затем в нашу дверь постучали. Я вышел. Соседи-ленинградцы выглядели крайне растерянными, у длинного, как шпала, отца Дженни лица то ли не было вовсе, то ли его перекосило

и увело в сторону спины. Вперед, буквально силой раздвигая тела спутников, вылезла мамаша. Боже! Что с нею? Все лицо в растекшейся туши. Потоки черных слез продолжали стекать, окрашивая морщины. Не лицо, а топографическая карта рельефа горного участка.

– Это ты! Ты! Ты за все ответишь! Уже все… уже полиция!.. о-о-о-о!

– При чем здесь он, Ида?

– Он, он накаркал!.. похитят!.. а-а-а-а-а!

– Вы простите, она не в себе. Мы уже два часа разыскиваем девочку, это просто кошмар! Обошли весь район, кричали, подключили полицию. Никто в общежитии ее не видел. Куда, куда она могла уйти? К сожалению, мы изрядно выпили. Это против нас… В полиции сказали… Ох! Куда, куда она могла пойти?

– По логике, скорее всего, в вашу комнату. Вы там-то искали?

Все бросились туда и онемели, превратились в изваяния. За шкафом мирно посапывала прелестная беглянка.

– Как же мы ее не заметили?

– Пить надо меньше, – сказал сосед, – звоните в полицию.

Когда все вышли в коридор, Дженифер была бодра, улыбалась. Я ей помахал рукой, и она вынырнула из толпы провожавших, быстро подошла и, приложив палец к губкам, проворковала:

– Спасибо, Владимир. У меня сегодня был замечательный день. День зарождения нашей большой дружбы. Уверена, будет продолжение, и еще какое!

– Прощай, бесподобная Дженифер.

И был награжден поцелуем. Воздушным.

А вот продолжения не было. Ей сейчас 14 лет, не исключено, что у нее другой жених. Понимает ли он, какой это клад, какое сокровище?

Но как бы то ни было, я первый сделал ей предложение! И не был отвергнут.

Гамбург

Виталий Кузьмин

Хроники лифта, или Лифт как величайшее достояние Одессы и ее самая большая потеря

Летом 1964 года на живописном участке одесских склонов было заметно необычайное оживление. Десятки рабочих при поддержке машин трудились над возведением сложной и красивой конструкции – высокой башни из стекла и металла. Длинный белый мост, выложенный мозаикой, соединял ее с крутым обрывом. Это был лифт закрытого санатория, предназначенный для высокопоставленных советских деятелей. Для их быстрой и комфортной доставки на берег моря и обратно. Говорят, что

сам Никита Хрущев мягко скользил в этом лифте на пляж и рассекал своим пузом волны Черного моря. В то время как менее известные лица, стоя на площадке белого моста, лениво созерцали окрестный пейзаж. (С этой площадки открывался прекрасный вид на море и склоны.)

Лифт быстро стал (как казалось) неотъемлемой частью здешнего пейзажа, придав ему экзотический, неповторимый вид в любую погоду. Через время советская власть пошла навстречу трудящимся, и закрытый пляж стал открытым. На чудесном лифте могли запросто покататься простые одесситы и гости города-героя.

Сверкающая башня возвышалась над морем зелени, маня и вдохновляя. Потаенные механизмы исправно работали под ее стеклянной оболочкой. Поздней осенью человеки-пауки свисали с ее белого моста на тонких канатах, и это внушало оптимизм. Желтые листья с ближайших деревьев посыпали старую мозаику, и мягкий ветерок уносил их в море. А там уже пенились серые волны, предвестницы зимних штормов.

* * *

Лето. Художник медленно поднимается вверх, волоча с собой тяжелый ящик на ножках (ящик сделан из дерева, ножки из алюминия). Впереди у него глинистый склон, за спиной шевелится море. Сухие травы пахнут жарой. Звенят цикады. Повсюду шуршат ящерицы, невидимые, но прекрасные.

Наконец художник достигает нужного уровня. Здесь можно отдохнуть и оглянуться на море, убедившись в том, что оно никуда не делось.

Подготовка к работе проходит быстро. Тонкие ножки входят в землю. Крышка откинута. Холст закреплен. Краски с треском выдавливаются на палитру. Все готово к созданию картины.

Краткое описание картины, которая должна быть в этом месте создана

На переднем плане – золотистые сухие травы. На заднем – глубокие тенистые деревья. Еще дальше за ними – Черное море. Стеклянная башня лифта вырастает из земли, пробивается сквозь листву и на фоне Черного моря входит в облака. (В Черном море заметны парусные яхты, прогулочные катера, большие и малые суда на рейде.) С невидимых пляжей доносятся радостные крики отдыхающих одесситов и гостей города-героя.

* * *

Желтый тошнотворный «Икарус» с колбасой посередине с невероятной скоростью мчится по Пересыпи. (Пересыпь – это такой длинный коридор с редкими окнами на море.) Среди прочих его пассажиров – маленький пловец с поселка Котовского. Он едет на тренировку.

Бассейн стадиона СКА заполнен водой и людьми. Но сегодня «сухая» тренировка. А это значит, что нужно бежать к лифту. Маленькие пловцы под предводительством тренера выходят через калитку ограды бассейна, оставляя позади его шум, гам и плеск. Дальше они пройдут сквозь тихие потайные дворики на Пироговской и, минуя арку Отрады, погрузятся в зеленую глубину приморского парка. Там тренер скажет им: «Ну что… До лифта и обратно. Вперед!».

(Для некоторых маленьких пловцов «сухая тренировка» считалась отдыхом по сравнению с «мокрой». Человек все же не рыба, как бы хорошо он ни плавал.)

* * *

Стеклянная башня и белый мост парят над морем деревьев. Внизу, в их прохладной глубине, стекает к морю невидимая лестница. По ней дети идут на пляж. Их маленькие ноги в сандалиях стучат по деревянным ступеням. Они тащат с собой надувных акул, лопатки, песочницы и плавучие круги. Эти круги такие большие, что дети обнимают их с трудом. Иногда они вырываются у них из рук и катятся вниз сами… Несмотря на отсутствие некоторых ступеней, лестница вполне безопасна и уютна.

Сегодня вода в море чистая, но в ней плавает много медуз, а некоторые дети их боятся.

* * *

Создание картины в полном разгаре. Место выбрано подходящее. Ящерицы, кузнечики и одуванчики всегда присутствуют рядом. Чайки летают высоко вверху, а также сороки. Там всегда было много сорок. На белом мосту заметно какое-то

движение. Похоже, что человеки-пауки уже разматывают свои тонкие канаты.

Краски растекаются, тряпок не хватает, солнце слепит палитру. Насекомые копошатся вокруг в воздухе и на земле. Это настоящий долгий летний день. Кто хочет стать художником, должен это понимать.

* * *

Путь к лифту нелегок. Особенно его последний отрезок. Это где дорога выходит из тени деревьев и идет прямо под солнцем вверх. Там наконец-то стеклянная башня открывается взору уставших маленьких пловцов. Они, конечно, часто катались на лифтах в своих девятиэтажках на Поскоте. Но лифт в железобетонной оболочке – это одно, а в стеклянной – совсем другое!

Тренировка окончена. Это вызывает чувство тихой радости и умиротворения. И это несмотря на то, что предстоит долгий путь обратно на Поскот, через весь большой и шумный город. А ведь сегодня еще придется идти в школу на вторую смену и там что-то читать и писать. Потом наступит вечер. А утром снова – желтый «Икарус», Пересыпь и бассейн СКА. Снова тренировка, но она уже не «сухая». Пробежки к лифту не будет. Вместо этого, как обычно, придется героически преодолевать сопротивление воды в бассейне. «Сухие» тренировки вообще бывали нечасто, и поэтому маленьким пловцам редко приходилось видеть Стеклянную башню.

* * *

Картина окончена, но что получилось, пока непонятно. Это художник выяснит дома. А пока нужно подготовить картину к долгой дороге на Поскот. Аккуратно упаковать ее так, чтобы драгоценные гениальные мазки не были размазаны об одежду случайных прохожих.

Парашютики одуванчиков и мелкие насекомые кое-где влипли в краску, но это нормально. Жаль только, что нельзя прихватить с собой пару ящериц…

Солнце между тем опускается все ниже. Далекий Поскот сверкает на горизонте стеною белых домов. В одном из них и живет художник.

* * *

Однажды лифт был остановлен по техническим причинам. Как выяснилось впоследствии – навсегда. Стеклянная башня начала постепенно приходить в упадок. Стекол становилось все меньше, а надписей «Опасно для жизни» – все больше. Хотя человеков-пауков эти надписи не испугали, и они все так же продол-

жали оптимистично свисать на своих тонких канатах, было ясно, что дни стеклянной башни сочтены. Многие уже успели мысленно с ней попрощаться. И ждали только окончательного ее падения, которое вскоре и последовало с «указом о сносе аварийного объекта». То есть башня упала не сама, как предполагали многие, а ей любезно помогли.

Какое-то время велосипедисты, проезжающие по «Трассе здоровья», могли видеть ее искореженные обломки. А еще через пару дней это место уже ничем не отличалось от любого другого участка одесских склонов.

P. S.

Известие о падении стеклянной башни взволновало тогда не многих. Была ли она технологическим и архитектурным шедевром? Или просто призраком уходящего времени? Что значила она для человеков-пауков, маленьких пловцов и художника? Трудно сказать.

Но несомненно, что она была частью того «волшебного одесского мира», который, похоже, утрачен для нас навсегда.

Игорь Ефремов

Все в наших руках

Угадайте, кто этот маленький мизантроп и интроверт с машинкой на заднем плане? Да-да, вы не ошиблись, Игорь Борисович собственной персоной! А теперь я поведаю вам немыслимое.

Вы можете мне не поверить, но я далеко не всегда был таким трындоболом, коммуникабельным и общительным человеком, как нынче. В детстве моими лучшими друзьями были книги, с трех лет я предпочитал их общество компании себе подобных. Для меня было реальной мукой обратиться с каким-либо вопросом к незнакомому человеку, более-менее нормально болтать

я мог лишь в своей тусовке, с пацанами, которых давно знал. Было это, правда, так давно, что самому с трудом верится, что этот дикий и застенчивый ребенок – я. Но я очень хорошо помню момент, когда все изменилось в корне.

Было мне тогда лет десять. В детстве каждое лето я гостил у дедушки с бабушкой в поселке Туровец Вологодской области. Про деда своего я писал неоднократно, напомню, что он был мастером на все руки и мог из любого подручного материала смастерить нечто удивительное. Половина поселка, например, плавала по Сухоне на лодках, которые дед изготовил собственноручно, и которые давали сто очков вперед любой алюминиевой казанке.

Была персональная лодка о двух веслах и у меня, легкая, чтоб я мог в одиночку ее спустить на воду, быстрая и маневренная. И для мня не было кайфа больше, когда с утра я уходил на реку, отталкивал лодку от берега и уплывал куда глаза глядят. Я догребал до противоположного берега, исследовал все притоки и островки, я мог спуститься по течению на несколько километров вниз, а там прицепиться к так называемым ершам – плотам из бревен, которые буксиры тащили вверх в город Сокол, на целлюлозно-бумажную фабрику, и таскали тогда довольно часто. Так здорово было пришвартоваться к ершам, вылезти на их горбатые спины и, развалившись на самом удобном бревне, пялиться в небо, обозревать окрестности и думать о разном… И одиночество тогда меня совсем не тяготило, ибо было одиночеством не вынужденным, а добровольным, из которого я в любой момент мог выйти по своему желанию. Вот только желания как-то особо не наблюдалось.

Так вот, возвращаюсь я как-то от пристани, подгребаю к месту причала и вижу на берегу двух друзей деда, которые машут мне приветственно и что-то говорят. И так в лом мне было после целого дня, восхитительно проведенного в одно лицо, впрягаться вновь в вериги социальных отношений, что я тупо отморозился и погреб в обратную сторону, оставив мужиков в глубоком недоумении.

Вечером валяюсь на печке, дро… читаю Колдуэлла (а читал я тогда все, что под руку подвернется, ну вот вообще все, ибо

выбирать не приходилось). Заходят в дом те самые дедовы кореша и, не видя меня, изрекают буквально следующее:

– Слышь, Вась, ты вот такой мужик компанейский, душа компании, балагур и пиз… весельчак, а че ж у тебя внук такой дикий? Просто как звереныш какой-то. Шли сегодня с рыбалки, хотели тебе рыбки передать на уху, а он нас увидел и давай драпать, как заяц. Че за хня?

Лежу я, слушаю, обмерши, сии речи, и так мне стыдно, что просто провалиться до центра Земли хочется. И в этот самый момент я клянусь сам себе, на полном серьезе, самой клятвенной клятвой, что прямо с этого момента все будет по-другому…

И что вы думаете, таки прямо с этого момента я начал общаться со всеми людьми подряд, знакомыми и незнакомыми, приятными и неприятными, общаться через силу, постоянно ломая себя, нарываться на коннекшн специально, там, где этого даже и не требуется. Поначалу было немыслимо трудно, да. Но через какое-то время я поймал себя на мысли, что уже не очень-то себя и заставляю, а еще чуток погодя стал находить в этом помимо неоспоримых плюсов и какой-то определенный кайф, иногда весьма и весьма ощутимый.

Вот так с тех пор и не могу остановиться, даже работу выбрал такую, где без подвешенного языка делать нефиг. Но иногда тот самый маленький интроверт, который где-то глубоко во мне еще сидит, просыпается, и я погружаюсь в себя и свое безлюдное детство. Правда, надолго не получается…

Евгений Гимельфарб

Одесские строфы

В конце лета

Холодный дождь нежданный –
Не осень – час не пробил,
Намокшие платаны
Стоят в солдатской робе,
Кругом густая зелень,
И мухи не уснули,
И птицы не допели,
А эти в карауле.
Покоя сердце просит,
Но дождь нагнал тревогу,
Уже пугает осень
Погоду – недотрогу.
Такая тишь стояла
Еще вчера над морем
Без запаха скандала
И, уж конечно, горя…
Конечно, не допето,
Конечно, дождь некстати,
Но будет бабье лето,
Но будут в легких платьях
Девчонки на бульваре
Прохожим строить глазки,
На всех скамейках пары
Дарить друг другу ласки.
И мы еще дождемся

Природы снисхожденья,
И будет за дождем сим
Покой и вдохновенье.

Январь в Одессе

…Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
А.С. Пушкин. «Зимний вечер»

На кустах сирени почки
Обнажить спешат листочки.
Воробьиная семья
Делит горсточку семян.
На тропинках меж домов
Стынут лужицы следов.
По утрам туман, гудки –
Это в море моряки
Потеряли маяки.
Псов печальные глаза,
Птичек бойких голоса,
На пустынном берегу
Чайки море стерегут,
Яхт унылые стада,
Их баюкает вода.
На причалах скука, спячка…
Вот и ты, моя морячка,
Загрустила у окна
Не под скрип веретена,
А под мерный рокот моря.
Так давай же выпьем с горя!
Кружку шабского вина
Разом осуши до дна.
Изабелла, Изабелла!..
Если бочка опустела –
Это верная примета,
Значит, скоро будет лето.

Виноградная лоза
Сотворяет чудеса.
Жаль котов, собак и чаек –
Тех, что зябнут на причалах
В ожиданье летних дней.
Летом будет веселей.

Ветер в голове

Я гуляю близ вокзала,
Чайки реют над Привозом,
Ветерок четыре бала,
Тетя Соня стала в позу.

Над бульваром чайки реют,
Я стою на парапете,
От морского вида млею,
В голове «Веселый ветер».

Чайки в городе и в поле –
Тут мой дом, тут ветер с моря,
И в степи душе раздолье,
Здесь и радость, здесь и горе.

Здесь и детство, здесь и старость –
Снова на родном пороге.
Всё, что в жизни мне досталось:
Ветер, чайки и дороги.

Молдаванка

Молдаванка, Молдаванка,
Ты парадности изнанка,
На войне ты партизанка,
В буднях – вечная цыганка,

Попрошайка, пьяница,
Жизнь неспешно тянется.
Милый сердцу уголок
Всем укладам поперек.

Белая акация –
Цвет одесской нации.
На разбитых тротуарах
Ловко, как ЗК на нарах,

Проживает гордый люд.
Здесь и пляшут, и поют
И на Пасху, и на Песах
Одинаковые песни.

Носит нежный ветер южный
Жаркий терпкий дух биндюжий,
Этот дух не истребить, –
Он умеет говорить

На своем наречии.
Отдыхая вечером,
На скамейках у ворот
Собирается народ

С ветром на свидание
Обменяться знанием.
Здесь их, Богом данная,
Земля обетованная.

Южная Пальмира

Красавица южанка
Заносчива слегка,
В запросах выше планка
Любого потолка.

Она знавала разных –
Лишь гениям чета,
И только вечный праздник
И крупные счета

Душе ее угодны
И сердце бередят,
Она всегда свободна,
Ей беды не вредят.

От вздора хорошеет
И без вина пьяна.
Там вольный ветер веет,
И там шумит волна,

И там ее свободу
Не сдержит и закон –
Она не знала сроду,
Что существует он.

Своих детей веселых
Она благодарит –
Базаром хлебосольным
Воспитан одессит.

Вот радостная встреча –
Домой прибыл один
Отпраздновать свой вечер,
Ее известный сын,

Герой или повеса,
Да разве в этом суть –
Гуляет вся Одесса,
Сочтемся как-нибудь.

Константин Ильницкий

Из путешествий

На вилле Катулла

Научить бы кто помог.
Много ль истин прописных?
Где красиво – там и бог.
Непременно. Хоть на миг.

Хоть на букву. Хоть на вздох.
И неважно, кто кумир.
Где красиво – там и бог,
невзирая на ранжир.

Но не более, чем вздрог,
промельк, огненная нить.
Это очень больно – бог,
если встречу вдруг продлить.

Если кто-то и найдет
вдохновения родник,
для божественных щедрот
сердце слабый проводник.

Терракотовый ожог –
это как наследье лета.
Здесь оттачивался слог
у великого поэта.
Но сегодня кто знаком
с его мертвым языком?

Память человечьих глин.
Биография скупа.
Мир эстетики руин –
черепки и черепа.

Питание реки

Полноводные реки питаются прямо с небес.
Вот опять моросит, только ветер слегка потеплел.
По-над бровкой канала в испарину бросило лес.
Словно ангел собрался слететь, но еще не слетел.

Между небом и реками столь очевидная связь,
что прозренье – смешно, а предметность явлений – обуза.
Мы, как малые реки, вначале струимся, резвясь,
а потом замираем с тревогой у камеры шлюза.

Перекрыть бы утечку времен, да бессилен каприз.
И к заветным истокам никто никогда не вернется.
А конкретика шлюзов разводит: кто вверх, а кто вниз.
И душа, испаряясь, в какую-то реку прольется.

Но представьте на миг: рыба-сом, рыба-лещ, рыба-сиг
перекрыли течению ход – вода не сдается.
А на помощь плывут рыба-слон, рыба-конь, рыба-спрут…
И река разошлась с берегами. И ангел смеется.

В глубинах слов

В глубинах слов – глубины всех морей,
вся соль, всех смыслов тайные жилища,
накаты волн и лежбища зверей,
морских зверей в обличьях кораблей,
что о песок почесывают днища.
В глубинах слов – глубины всех морей.

А я чуть утро – буду на плаву,
чтоб ощутить эгейскую прохладу.
И серебром осыпав синеву,
согреет солнце Южные Спорады.

Неназванная твердь – как остров голый.
Безжизненные скалы-берега.
Бросается стремглав на всплеск глагола
словесная морская мелюзга.

И рыбаки забрасывают снасти,
и чайки вдруг срываются в пике,
и хвостокол, не избежав напасти,
уже у злого слова на крюке.

И море плещет влагою живою
в барашках междометий и причастий,
уже опознаваемое мною
как чувство, так похожее на счастье.

Это женщину уводят

Тише слышен шум застольный.
Вянет пьяный политес.
Разлюбили? Это больно.
Не улыбка, а надрез.

Как вы холодны вблизи.
«Я прошу – не уходите».
Гильотина жалюзи
режет солнечные нити.

Уговоры бесполезны –
вы уже в пальто одеты.
Маракотовая бездна
вдруг дохнула под паркетом.

С кем забыли о свободе?
Руки с кем переплели?
Это женщину уводят.
Не уводят. Увели.

Человечий удел

Человечий удел –
испытать, как закланье,
одноразовость тел
и безмерность сознанья.

И не веря в писанья,
где бессмертные души,
мы исправно сознание
чем-нибудь глушим.

Нам не жить просветленно.
Лишь нахмурится осень –
мы в сердцах обреченно
Апокалипсис носим.

Он очнется с обходом
в больничной палате –
медсестрой с бутербродом
и в старом халате.

И усталые вены
рвут иголками в клочья.
Тленность целой Вселенной
являют воочью.

И предвестьем беды,
что зрачки успокоит,
свет угасшей звезды
или что-то такое.

Юлия Петрусевичюте

Далекий крик

* * *

я в хороводе призраков ловлю
то бледную ладонь, то слабое дыхание,
то еле слышный шепот у щеки.
покуда кровь стекает по руке
в уста реки, погибшие в бою
проходят налегке.
я вижу их в тумане.

по белому запястью – череда
теней безмолвных выйдет за пределы,
и выцветает в памяти живых.
(как стынут пальцы в ледяной воде)
в полях пустых и белых – ни следа.
повиснет в пустоте
далекий крик.

* * *

так горела полынь на закате девятого неба.
солью ела глаза, и от дыма саднило в груди.
расходилась кругами дорога за ворот. дожди
добирались на ощупь насквозь до сердечного нерва.

время тлело в осеннем костре, время медленно жгло
то ли травы, а то ли печали, и все не сгорало
и по пальцам текло золотое тепло, согревало
и прибрежный песок, и ладони, и было тепло.

* * *

в белом саване ночей
город плавает ничей
там в тумане тает дом
затянуло окна льдом
и не спит полуживой
полумертвый домовой.
на изорванных обоях тень его едва видна
и беззвучным жалким воем заливается луна.
все ушли, и стало пусто, только стены и углы,
зеркала осколок тусклый колет поострей иглы.
все любимые, живые вышли в улицы ночные
за посты сторожевые.

* * *

мне пора.
паутинки над речкой, как мостики в вечность,
так и рвутся вовсю на ветру, и непрошеный вечер
подступает под горло, колючие слезы глотая.
перелетная стая дороге не ведает края.
разорвутся все привязи, руки остынут и губы забудут
эту влажную дрожь, и тепло, и движение сердца в груди.
подожди,
я уже на пороге, в конце и в начале пути.
я хочу тебя видеть до самой последней минуты.

* * *

01.03.14

так ласточек стая летит на весенний призыв
в иные пределы, где гнезда никто не разрушит.
так плоть оборвется со звоном, не слышным снаружи,
и хлынет холодное море в горячий разрыв.

так я захлебнусь темной кровью разорванных звезд,
когда в беззащитное горло зияющий космос
прольется соленым потоком сквозь млечную прорезь
на рыжие гроздья заброшенных глиняных гнезд.

прощай, мое сердце. на птичьем крылатом мосту
мы встретимся снова, сожженные руки сплетая.
летит над молочной рекой обгорелая стая,
с кисельного берега на ледяную звезду.

Владислав Китик

Век сделал круг

Запад есть Запад, Восток есть Восток…
Р. Киплинг

* * *

На ходиках столетия – весна.
Трава взошла, как по сигналу горна.
Все возрасты политике покорны.
Цветенье.
Дождь.
Гражданская война.
Вновь с Западом не сходится Восток.
Стоит дележ в капустном огороде.
Век сделал круг.
Противоречья в моде.
Британский дольник вызывает шок.
Концы с концами не сведет страна.
Не примиряет гири равновесье.
Поют щеглы в зеленом редколесье.
Флаг, как пеленка, свешен из окна.
Недавней бойни остывает след
На тротуаре.
В поле всходят злаки.
Фальшивит горн, взывающий к атаке.
Чернеет кровь на крыльях у побед.

Старый моряк

Ни солнца зенитный вираж,
Ни юность в тельняшке у шлюпки
Ему не идут на уступки,
И флот его списан в тираж,

Он с пенсии горькую пьет,
И ходит, как старая чайка,
И пристальной памяти спайки
Бросают в горячечный пот.

Он сам, как бродяга в балладе,
О родине что-то поет
Украденной, стертой с широт,
Просившей любить Христа ради.

Зачем этой песни «рыжье»
Влечет он сквозь дни и таможни?
Как слушать ее невозможно,
Прервать невозможно ее.

* * *

Сосед бранится, он нетрезв,
Он грузно падает, однако,
Сопя, несет мужицкий крест
На днях распавшегося брака.

Любовь за тридевять земель
Он шлет решительно
и с сердцем
Поет, превозмогая хмель,
О журавленке в стае серой.

Сейчас он, может, в первый раз
Столкнулся с жизнью и буквально
Проникся ритмом дивных фраз
И слезной страстью слов печальных.

А что излечит мир больной?
Нестройно песня выражала
Недоговоренное мной.
Пространство осенью дышало.

Так неуемный листьев шум,
Романс за стенкой поперечной
Наводят много долгих дум
Об исчезающем и вечном.

* * *

Штукатурки рябенький маникюр,
Да шальные песенки хриплых нар,
Да чумной заводика перекур,
Да кофейни утренний перегар.

И гуськом потянется вся страна
Отбивать чечеточку черных шпал.
Но наполнит млечная белизна
Световой музыки отшибный зал.

Горстка зимних домиков
дух жилья
Остаются помнить и сторожить.
Может, вся загадочность бытия
Не сложней простого желанья жить?

Вот и вся провинция без цитат.
Только два окошка – как две слезы,
Только добрый к озими снегопад,
Только поле, полное бирюзы.

* * *

Не спи, не спи.
Преобразилась тьма
Смятенным снегом.
Занавесок фибры
Колышутся.
Воссоздает зима
Тома никем не изданных верлибров.
Прочтеньем смыслов их увлечены
Ряды скрипучих тополей и кленов,
Вошедших вместо хроник тишины
В поток интерпретаций и канонов.
Трезвит полночной ясностью ума
Бессонница. Секрет ее неволи
В ее свободе.
Ежатся дома.
Прямы углы, напряжены консоли.
И правдой сны страшат.
Не объясняй,
Чем эта ночь других прелюдий краше.

В окно метель ворвется невзначай
И простотой своею ошарашит.

* * *

Всхлипом водостока в шуме дня
Улица окликнула меня,
Бочку арестантов наврала.
Выплакалась…
В небыль уплыла.
Мы когда-то здесь влюблялись вместе
В маттиолы дымчатых предместий,
Шли и собирали по пути,
И несли шелковицу в горсти.
Ничего, что время смыло сок
С липких пальцев и со сладких щек.

Было что делить и что терять.
Вот судьбы двукрылая тетрадь,
Высохший сиреневый цветок
Между двух страниц.
А между строк
Перспектива улицы закатной.
Мне надежд застиранные пятна
Не свести.
Да я и не берусь.
Я и сам без просьбы оглянусь:
Где была, шелковица стоит.
То, что отболело, не болит?

* * *

Синих далей контур ломаный
Брезжит сквозь восторги мнимые
Молодостью нецелованной,
Остротой неповторимого.

Поводя вокруг да около,
Чудотворный образ прячется

В гуттаперчевое облако,
В поволоку мать-и-мачехи,
В боль, как паутина, тонкую…
За озерными разлуками
Пахнет яблоком-антоновкой,
Бабьим летом, горем луковым.

Евгения Красноярова

О простом

* * *

Мы курили в подворотне,
жадно втягивая дым.
Двор-квадрат – окошек сотня
или сотня с небольшим –

рыбу чистила еврейка,
сохла краска на стене,
заливалась канарейка
о недавней старине,

тополя цвели июнем…
Было что-то в табачке
несказàнное. И юность
билась
    рыбкой
        на крючке.

* * *

Давай пойдем ходить по Чернышевского,
по остановке имени Багрицкого…

по сизого булыжника буханочкам
несут несуществующие рельсы
людей в несуществующем вагоне,

так бережно и беззаботно, будто
его не ликвидирует война…

собаки уступают нам дорогу
и долго-долго взглядом провожают,
как будто понимают, что́ мы видим,
и тем, другим, случившимся собакам
не смеют прекословить на пути…

Пойдем – идти.

* * *

Навстречу нам – стояли корабли:
дредноут и, похоже, бригантина.

И я сказала:
– Это лишь стена.
Предлог для любованья из окна
соседнего кафе, и волны – мнимы.

А ты ответил:
– Стены проходимы.

И мы сошли с асфальта на картину
и до рассвета по морю брели…

* * *

Ты мог бы остаться.
Ты мог бы остаться – тут.
На части не рваться,
по кругу не гнать минут,
не длить палимпсеста,
не прятать стыдливо глаз –
любить это место,
как любят в последний раз,

всей площадью кожи,
которую я ношу…
Останься. Ты можешь.
Я большего не прошу.

* * *

Все рвется, и рвется где тонко.
Не стоит жалеть ни о чем.
В масштабе Земли мы – подёнки,
взметнувшиеся над ручьем.
Мы жить бесконечно могли бы.
Хватило бы места на всех…

Пустите, голодные рыбы,
навстречу вечерней росе,
где воздух – внутри и снаружи,
где ловят зарю на живца,
где статус бессмертья не нужен
тому, кто идет до конца.

* * *

Я хочу написать о простом,
о таком, что простее простого,
что в меня до рожденья вросло,
но чему не находится слова.

Я бросаю словарь и тетрадь,
я иду к голубям и собакам:
научите меня понимать
простоты потаенные знаки
на свалявшихся за ночь кустах,
на расклеванной за день дороге…

И нехитрый простого состав
проступает изящно и строго

в клинописных легендах судеб
под обложкой небесного свода…
Будет, люди, вам хлеб: ешьте хлеб.
Будет, люди, вода: пейте воду.

* * *

– омой мое тело
прислони меня к груди
не предавай меня земле… –
последние силы собрав,
Хаттусили говорил.

Люди записывали за ним.
Люди голос его глиной опечатывали.

Последние слова
так иногда просты,
так чисты иногда,
что хочется,
чтобы жизнь
начиналась – с них,
длилась – ими…

Омой мое тело.
Прислони меня к груди.
Не предавай меня.

Алена Рычкова-Закаблуковская

Осенние эскизы

Осенние эскизы

Хрупких соцветий не увядание – остекленение,
Сад осиянный – гусь мой хрустальный,
Поступь осенняя.

Горше нет скорби, чем скорбь по невинным.
Ближе к полуночи выйдешь из дома –
Кажется – живы еще георгины,
Но обреченным
Не дотянуть до рассветного солнца.
В ночь тихой казни
Плачет, оставленный любящим отцем,
Горький отказник,
Брошенный в осень, в слякоть и сырость,
На умирание.
Что происходит, Господи, с миром?
– Непокаяние…

*

«Что в имени тебе моем?» что в имени…
Мы все когда-нибудь умрем, Эмилия.
Когда-нибудь, но не теперь. По времени –
Кому метель, кому капель по темени,
Кому летящая листва летальная
И неказистые слова прощальные.

А дальше снова канитель перерождения:
Куда мне, Господи, теперь… куда теперь меня…

*

Шепот водный, гомон птичий,
Благодати под рукой.
Просится легко о личном:
На поляне, на черничной,
Со святыми упокой…

*

Окно из баньки вытекает в сад,
Туда где зреют зерна облепихи.
Какие б мир не сотрясали вихри,
Они висят. Во все глаза глядят…
И ты стоишь пред ними, наг и тих.
Или душа твоя стоит босая?
Оконце в садик, шепот облепих.
Калитка рая.

* * *

Когда бог маленький, он носит валенки,
копает палочкой в сырой проталинке,
а после топает (в руке коробочка)
к сухой завалинке кормить воробушков.
Глядит внимательно, глазами Бога –
кого по матери… кому немного
отсыплет радости. А нам, скорбящим,
все это кажется ненастоящим.
А бог не вредина, и в этом истина!
Он недоеденных козявок выпустит
туда, где мокрая земля кукожится, –
авось да выживут, авось размножатся…

Иркутск

Катерина Арнаут

Евгеша Викторовна

У юной Кати Арнаут редкий дар: она умеет писать как смешные рассказы, так и «серьезные». Одесский читатель с ее творчеством знаком, в основном, по детским альманахам. Насколько мне известно, Катя выиграла практически все литературные конкурсы для детей, в которых принимала участие. У нее хорошая «школа» – пять лет занятий в литературной студии Любови Купцовой, помноженных на собственный талант. Судить о нем, дорогие читатели, вы сможете по этому рассказу.

В этом году Катя Арнаут окончила 11-й класс школы № 50. Пожелаем ей успеха!

Наиль Муратов

Женечка была ребенком умным, но крайне своенравным. Любила во все совать свой маленький носик и высказывать «личную точку зрения». Темы политики, финансов и даже футбола для пятилетней девочки запретными не были. Особенно она любила рассуждать о «мировом кризисе», так широко освещаемом в прессе. «Мама, а ты в курсе, что «зеленый» опять растет?» – озабоченно спрашивала она при очередном падении курса гривни. Литературные предпочтения девочки тоже были необычными: зная наизусть почти все сказки, Женечка объявила, что будет читать только исторические книжки. Отсюда и пошло ее любимое обращение «сударь». Малышке очень хотелось, чтобы и к ней относились по-взрослому. Например, обращались на «вы» и по имени-отчеству. Неудивительно, что главной ее мечтой было повзрослеть, но хотела она отнюдь не прибавить пару сантиметров в росте, а выглядеть взрослой в глазах родственников.

Вот и сегодня за завтраком Женечка вспомнила о своем «несбыточном желании» и решила по-деловому начать разговор:

– Папа, а ты когда уважаешь человека, например, как дядю Сашу, ты говоришь ему «вы»?

– Да.

– Папа, а ты меня любишь?

На миг отец оторопел. По его мнению, никакой логической связи между вопросами не было, и он простодушно ответил:

– Конечно, Женечка. Почему ты спрашиваешь?

– Потому, что никто в этом доме не хочет ко мне обращаться как ко взрослой! Говоришь, что любишь меня, но получается, что не уважаешь. Па-ра-докс, сударь! – новое слово было употреблено как нельзя кстати, что несказанно порадовало девочку.

Папа не нашелся что ответить, и в разговор вмешалась мать:

– Евгеша, но ведь ты еще маленькая!

– Я не маленькая! Не маленькая! – запищала она.

Разговор зашел в тупик. Не найдя других аргументов, малышка пробурчала: – «Я маленькая, но взрослая!» – и скрылась в своей комнате.

В прихожей послышался звонок. Женечка догадалась, что пришла бабушка, по косвенным признакам – радостному «Здравствуй, мама!», не особо веселому «Здравствуйте, Ева Валериевна!» и простодушному лаянью собаки Мартина. Время приводить план в действие! Когда родители начали собираться на работу, оставив дочку на попечение бабушки, Женечка тоже стала одеваться.

– А вы куда, юная леди? – спросил отец.

Женечка сразу поняла, что это ирония, и не очень обрадовалась папиному «вы».

– На работу!

И снова на подмогу папе пришла мама. Взяв дочь за плечи и пообещав, что они обо всем поговорят вечером, она передала Женечку под бдительный контроль бабушки.

Женечка решила, что выберется из дому через окно. Как говорят взрослые: «Работа превыше всего!».

– Бабулечка, хочешь чаю? – поинтересовалась она, заглянув в комнату. – Могу сделать.

Бабушка расплылась от удовольствия.

– Давай, солнышко мое!

Через пару минут Женечка вернулась в комнату с кружкой чая.

– Спасибо, Евгеша!

Бабушка сделала первый глоток. А после четвертого медленно откинулась на спинку кресла, выронив кружку.

У Женечки хватило наглости с чувством ответить: «На здоровье!» – после чего она бросилась одеваться.

– Ну же, Мартин, прыгай! Здесь не высоко! – крикнула Женечка, но собака лишь печально поглядывала на хозяйку через окно первого этажа.

– Все равно вы пойдете со мной, сударь! – потеряв терпение, Женечка бесцеремонно потянула за уши любимого Мартина.

Синяк на руке, чернозем на платье и волосах – в таком виде беглянка отправилась на работу! Мать, случайно выглянувшая из окна, не сразу узнала в перепачканной с ног до головы девочке и в такой же грязной собаке свою дочь и Мартина. Спустя минуту они возникли на пороге кабинета. Мать схватилась за сердце, заранее готовясь к самому худшему.

– А вот и мы! – сердито заявила Женечка, прошествовав в мамин кабинет. – И зачем так реагировать на трудящихся?..

После беседы на повышенных тонах и пары таблеток валерьянки мать с дочерью пришли, как выразилась сама Женечка, к консенсусу.

– Солнышко, пойми, для Евгении Викторовны ты еще слишком мала, да и ходить на работу тебе не обязательно. Но если ты по-прежнему считаешь, что из Женечки ты «давно выросла», мы обсудим этот вопрос. С папой, вечером. А сейчас я позвоню бабушке и предупрежу, что все в порядке, а то она беспокоится.

Но телефон не отвечал. Попытав удачи еще два раза, мать серьезно взглянула на дочь. Женечка сделала вид, что ее очень волнует шов на подлокотнике дивана. Время шло.

– Набираем номер де…

– Я все расскажу! – подскочила Женечка. – Только не надо дедушке!

Тяжело вздохнув, она рассказала о том, о чем сначала умолчала. В конце добавила:

– Не волнуйся, со снотворным я не переборщила. Я видела, что бабушка всегда добавляет в чай по одной таблетке, когда хочет поспать…

С горем пополам с мамой помирились. Но раз пришла на работу – работай! Женечка отправилась отмывать себя и Мартина в служебный туалет. И все бы ничего (собака была уже чистой, и лицо не было таким грязным, как раньше), но откуда-то взялся охранник!

– Лужа воды «по всему полу» и до нас была! – без особой уверенности оправдывалась Женя.

Мать вздохнула.

– Сходи к тете Наташе в соседний кабинет и попроси ее скрепить этот документ. Справишься? – увидев на лице дочери раскаяние, она немного успокоилась.

– Справлюсь! – девочка отправилась на поиски приключений в соседний кабинет.

Тети Наташи на месте не оказалось. Но ведь нельзя возвращаться к человеку, возлагающему на тебя надежды, с невыполненной работой! Все-таки документ! И, порывшись в ящике письменного стола, она извлекла оттуда степлер. «Как же он работает? – подумала Женечка. – Скрепить документ. Значит, поставить скрепочку». Пользоваться степлером оказалось не так-то просто: силы не хватало, чтобы заставить его работать. Но отважная девочка не растерялась! Еще раньше заприметив в том же ящике молоточек, девочка с решительностью его достала. Хороший замах, громкий удар – и скрепка поставлена! Только как-то кривовато… А вдруг листы разлетятся, надо вторую.

Женечка вошла во вкус. Скрепки одна за другой выстраивались на документе ломаной линией, скрепляя листы намертво. Делалось это все под музыку. В такт ударам Женя пела:

– Оранжевые мамы – БАХ! Оранжевым ребятам – БАХ! Оранжевые песни – БАХ! Оранжево поют – БАХ! БАХ!

На пороге маминого кабинета Женечка появилась с гордой улыбкой. Мать, увидев документ, исполосованный вдоль и поперек скрепками, сначала попыталась закричать, потом заплакать, но успокоительное сделало свое дело, и она бессильно обмякла на диване.

– Евгеша, это был годовой отчет, – тихо произнесла она. – Скажи, за что мне такое наказание?!

Женя стояла обиженная. Ну почему взрослые так скептически относятся к творчеству!

Спустя пару часов документ был распечатан заново и в надлежащем виде передан начальству. А если работа закончена, то делать в офисе больше нечего.

– Мама… Я больше не хочу быть взрослой, – призналась Женя по пути домой. – Слишком уж скучно и неинтересно. Лучше я с Мартином гулять буду. Как ты там сидишь целый день с этим вредным охранником?

Уставшая мать лишь улыбнулась.

Дверь открыла бабушка, которая, кажется, совершенно не злилась.

– С первым рабочим днем, Евгеша Викторовна! – торжественно произнесла она.

– Просто Женечка, – смущенно ответила внучка.

Лиза Енгибарян

«Нет для музыки предела...»

Лизе Енгибарян 10 лет. Она учится в 5 классе средней школы № 17 (поселок Котовского). Она умеет фантазировать. У нее уже есть интересные эпитеты, сравнения, метафоры. Маленький поэт творит свой мир. Она пока еще открывает чудеса вокруг себя и закрепляет их в своих строчках.

Игорь Потоцкий

Часы

Часы всегда, везде нужны,
Чтоб время показать.
Когда ты поздно ляжешь спать,
Они помогут встать.
Хороший и надежный друг –
Часы всегда, везде идут.

Телефон

Чем полезен телефон?
Тем, что очень нужен он.
Позвонить кому мы можем?
Маме, папе, другу, всем.
Если телефон имеешь,
Меньше у тебя проблем.

Друзья

Кто такие мои друзья?
Для меня – вторая семья:
Даня, Петя, Ваня, Саша,
Ира, Таня, Вера, Маша.
Друг со мною есть везде –
В чаще, море, на звезде.

Важная профессия

Много профессий на белом есть свете –
Летчик, повар, космонавт.
И давно знакомы детям
Летчик, повар, космонавт.
У станка стоит рабочий,
Улыбается нам он.
И торопится, как гонщик,
Мой знакомый почтальон.
В цирке – клоун, укротитель,
В школе – добрый наш учитель.

Осенний вечер

Листья быстро пожелтели
И с деревьев облетели.
Осень – грустная пора.
Разбежалась детвора,
Потому что на рассвете
Нужно в школу мчаться детям…

Танцы

Танцевать люблю я очень
Утром, вечером и ночью.
Нет для музыки предела.
Как она, порхает тело.

Радуга

Радуга все время удивляет всех.
Если встретил радугу, ждет тебя успех.
Если после дождика солнце вышло вдруг,
Значит, вспыхнет радуга, мой веселый друг.

Лучшие друзья

Книга – самый лучший друг,
Любят книгу все вокруг.
Бабушка Мария, дедушка Иван
Взяли свои книги, сели на диван.
Их сейчас от чтения оторвать нельзя,
Потому что книги – лучшие друзья.

Снежинки

Плывут, летят снежинки –
Красивые пушинки.
Плывут так высоко,
Летят так далеко.
Красивые, прекрасные.
Ну просто чудеса!
Красивые, прекрасные
Плывут по небесам.

Двойка

Получил сегодня я
Двойку жирную, друзья.
Вот сейчас приду домой,
Мама папе громко скажет:
«Ты его дневник открой».
Папа быстро открывает
Мой потрепанный дневник,
Смотрит грустно и вздыхает,
Ищет свой большой ремень.
Я из комнаты бегом.
Вмиг за стол я заскочил,
Прописи я застрочил.
Вот что иногда бывает,
Когда двойку получаешь.

Сергей Седых

Леонид Пастернак – Кириак Костанди: письма из прошлого…

В 2014 году Одесскому художественному музею исполняется 115 лет. Когда я занимался исследованием истории музея при подготовке к празднованию этой даты, среди прочих документов в Государственном архиве Одесской области (ГАОО) привлекли внимание материалы о первых выставках музея в послевоенные годы. Одной из них стала выставка картин 1946 года, посвященная художнику-академику К.К. Костанди.

Страна и город только начали восстанавливаться после войны. Руководство подготовкой выставки курировалось на самом высоком партийном и государственном уровне. Утвержденная смета для ее организации вызывает своими статьями расходов зависть у сегодняшних музейщиков. Выставка прошла с большим успехом. По ее завершении в ОКГ (Одесская картинная галерея – так с 1944 года назывался Одесский художественный музей) поступил запрос из Комитета по делам искусств УССР, в котором говорилось о необходимости «выявить и известить, кто из одесских художников имеет архивные материалы (письма художников, дневники, записи и др.), которые бы отображали историю русского и украинского искусства», а также «снять копии писем Репина к художнику Буковецкому и отослать их зам. начальника ГлавИЗО Управления Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР».

Указание было выполнено. Письма Репина к Буковецкому обнаружить не удалось. Заместитель директора ОКГ М.М. Браун отправил согласно запросу машинописные копии найденных писем, заверенные руководством галереи. Возможно, потому, что все эти письма были адресованы К.К. Костанди, они попали в материалы по подготовке выставки и были сданы вместе с ними в архив. На вопрос об оригиналах директор Одесского художественного музея В.А. Абрамов рассказывает, что архив ТЮРХ вместе со многими документами, имеющими отношение к художествен-

ной жизни в Одессе конца XIX – начала XX веков, был вывезен в Киев историком Товарищества южнорусских художников (ТЮРХ), научным сотрудником ОКГ, а впоследствии известным искусствоведом, доктором наук В.А. Афанасьевым. В настоящее время этот фонд частично находится в архиве Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рыльского НАН Украины. Часть документов, принадлежавших К.К. Костанди, была приобретена в 1955 году у его наследников Государственным музеем украинского искусства (ныне Национальный художественный музей Украины). Большой интерес среди этих писем представляют письма Леонида Осиповича Пастернака к Кириаку Константиновичу Костанди, написанные в период с 1900 по 1915 год.

Афиша выставки картин К.К. Костанди в Одессе. 1946 год (ГАОО ф. Р-5585 оп. 1, ед. хр. 17)

Письмо № 1*

Одесса

Его высокородию

Кириаку Константиновичу Костанди

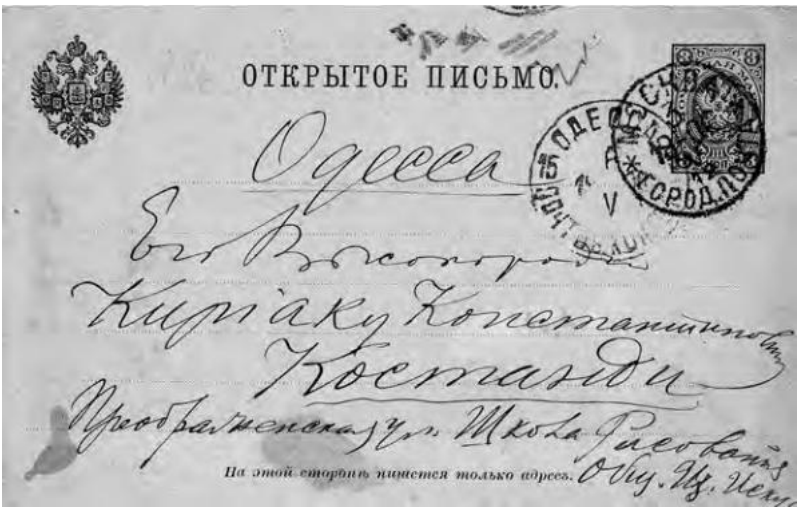
Преображенская ул. Школа Рисования Общ[ества] Из[ящных] Искусств.

Дорогой Кирияк Константинович!

Спасибо за Ваше письмецо и известия. Жаль, что я опоздал до открытия выставки** прислать [работы], но теперь об этом

* Письмо без даты, написано на почтовой открытке «Открытое письмо», имеются штемпеля 12-й московской городской почты, датированные 3 мая 1900 г., и одесской почты, датированный 8 (6?) мая 1900 г.

** Юбилейная выставка Рисовальной школы Общества изящных искусств, проходившая в Одессе с 12 апреля по 15 мая 1900 года.

Открытое письмо Л.О. Пастернака к К.К. Костанди
(документально-архивный фонд Национального художественного музея Украины)

поздно рассуждать. Мы наняли прошлогоднюю дачу* и значит будем соседями** – чему от души рад. Скоро, с Божьей помощью, думаем тронуться в Одессу, а потому мои рисунки фотограф[ировать] оставьте до моего приезда. Когда едете за границу? Я, верно, тоже поеду, и мое искреннее желание было бы с Вами разделить путешествие.***

* Дача греческого консула И.Ю. Вучины находилась на Большом Фонтане на участке «от Монастыря по Люстдорфской дороге». В 1903 г. К.К. Костанди приобретет небольшой участок, расположенный недалеко от земель этой дачи (см. Лазурский В.Ф. Художник Кириак Константинович Костанди // К.К. Костанди. Художественное общество им. К.К. Костанди: каталог выставки / сост. Л.Н. Гурова, Л.А. Еремина. – О.: Астропринт, 2003, с. 65.

** К. Костанди проводил лето на даче на Большом Фонтане, находившейся вблизи от монастыря и дачи Вучины.

*** Речь идет о посещении Всемирной выставки в Париже 1900 г. Газета «Одесские новости» от 6 июня писала: «Сегодня выезжают из Одессы в Париж группа художников, предпринявших совместную поездку для осмотра художественных выставок, музеев и проч., поездка закончится осмотром всемирной выставки. Среди художников находятся гг. Пастернак, Костанди, Нилус, Головков и др. Все поездки рассчитаны на 1,5 месяца, причем художники посетят Вену, Берлин, Лейпциг и др. центры, известные своими художественными галереями. В Париже художников интересуют главным образом художественные отделы,

Всего Вам хорошего, поклон от всех Вашей супруге и Вам. До скорого свидания.

Ваш [подпись Пастернак]

Письмо № 2

Дорогой Кирияк Константинович!

Здравствуйте! К делу!

Я получил очень лестное предложение из Лондона от Кенсингского музея**** выслать свои иллюстрации, что на Парижской выставке***** и вообще принять участие в выставке, которую этот музей (по этому отделу, т. е. иллюстраций и репродукций) устраивает с окт[ября] (по закрытию Парижской выставки). Так как владельца моих оригиналов г. Вострякова******, как я сегодня узнал, нет здесь, и он где-то за границей, и значит, без его согласия не могу дать даже обещания музею да и к тому целая пойдет переписка с Академией нашей – да к тому же надо поскорее выслать, то я и вспомнил про мою коллекцию, оставленную у Вас, которую и прошу Вас немедленно же выслать мне почтою (как я посылал) между двух картонов плотных и т. д., а через 3 месяца по закрытии выставки я получу их обратно и тогда я решу, как мне быть с ними (рисунками) по отношению к Вашему училищу или музею. Мне теперь некогда (я дежурю, черт возьми) заказывать и «прородить» новую коллекцию и потому кстати вспомнил

где собраны произведения искусств всего мира». Участие Костанди в этой поездке описывает В.Ф. Лазурский в биографическом очерке «Художник Кириак Константинович Костанди».

**** Кенсингский музей в Лондоне, выставка 1900 г. В 1899 году музей был переименован в честь королевы и ее мужа в Музей Виктории и Альберта.

***** Парижская выставка – Всемирная выставка в Париже 1900 года. На ней Л.О. Пастернак выставлял, согласно каталогу «Baschet L. Exposition universelle de 1900», картину «Перед экзаменом» и рисунок к роману Л.Н. Толстого «Воскресение». Его работы были отмечены серебряной медалью. Картина «Перед экзаменом» была позже приобретена Люксембургским музеем (см.: Л.А. Еремина. Леонид Пастернак в Люксембургском музее // Дерибасовская – Ришельевская. 2012, кн. 50, с. 228). В Люксембургском музее русское искусство представлено всего четырьмя работами, и две из них принадлежат кисти одесситов.

****** Востряков Дмитрий Родионович (1845-1906) – директор Егорьевской бумагопрядильной фабрики, Норской мануфактуры и Северного страхового общества, член Московского общества любителей художеств, коллекционировал произведения современных художников.

Фрагмент карты «Черноморское побережье. «Швейцария» дача Ковалевского» издания издательства «Одесские новости» составителя К.В. Висковского с обозначением участков дач Костанди и Вучины

про «забытую». – Так пожалуйста, дорогой мой, сейчас же высылайте непременно – на мой счет, конечно!

Беда! Сделался «всемирною» известностью… отовсюду приглашения… и тут вовсе кишки болят, газы, работать некогда, Училище и ничего под рукою…

Лондон, Париж, Вена – ну, словом, все почти «кабинеты» изощряются друг перед другом и рвут на части друг друга из-за меня – мне их жаль, как бы войны не было!..

Как Вы и семья? Приветствую Вас всех. Погоды у нас хороши. Слышал про Ваши погоды. Мы все, слава Богу! Бывает у меня с животом – но я почти на диете.

Моя Екатерина,* оконченная здесь, всем очень понравилась, а под конец и я поверил, что вышла недурно.

Мастерская моя не готова еще – этим сказано все!

Пишу… письма! Целую Вас.

Ваш Пастернак

Училище живописи.

Мясницкая.

24 сент. – 1900.

Письмо № 3

Без даты**

Дорогой Кирияк Константинович!

Здравствуйте! Спасибо, спасибо за Ваше доброе, искреннее, милое письмецо. Собирался все написать Вам, да очень, очень некогда! Как раз сейчас у меня дежурство и надо к выставке работать и т. д. и т. д.

Все это не ново! Спасибо за присланный каталог выставки. Да! Скажите, разве я не член «Товарищества южн[орусских] худ[ожников]», что меня не поместили в списке адресов и т. д.*** И Размарицына**** нет! Что это значит?

Ни черта не продалось – ну и Одесса же, черт возьми!

---

* Катя Маслова – героиня романа Л.Н. Толстого «Воскресение».

** Письмо без даты – его можно датировать концом октября 1902 года на основании упоминания сведений об окончании выставки ТЮРХ. XIII периодическая выставка ТЮРХ проходила с 26 сентября по 28 октября 1902 года.

*** В каталоге XIII периодической выставки ТЮРХ в разделе «Адреса членов Товарищества и экспонентов» указано 23 художника из 42-х, принимавших участие. Вероятно, это произошло из-за ошибки издателей.

**** Размарицын Александр Прокопиевич (1844 – после 1918) – одесский художник, член-учредитель ТЮРХ. Участник Всемирной выставки в Париже 1900 г. С 1910 года – академик Императорской академии художеств.

Одесские художники, 1890-е годы. Слева направо: Н.Д. Кузнецов, неизв., К.К. Костанди, Л.О. Пастернак, Д.Д. Кузнецов, Б.В. Эдуардс, сидит неизв. Фото из собрания С.З. Лущика

Сейчас от Николая Дмитриевича* получил письмо: просит устроить «Казака»** его доброго знакомого – что же де-

* Николай Дмитриевич Кузнецов (1850-1929) – одесский художник, член-учредитель ТЮРХ, академик, профессор Императорской академии художеств. Участник Всемирной выставки в Париже 1900 г.

** На XIII периодической выставке ТЮРХ под № 98 выставлялась работа «Казак» (рисунок). «Одесские новости» 27 октября 1902 года писали: «г-жа В.Л. Кефала приобрела для своей галереи следующие картины с выставки южнорусских художников… «Казак» (рисунок) Пастернака, Д.И. (?. Д.) Кузнецова «Весна». Семья Александрийского уездного предводителя дворянства М.А. Кефала, проживавшая в Одессе, имела художественную коллекцию, часть которой в 1920 году была передана Городскому музею. Среди этих работ был портрет М.А. Кефала 1897 г. с надписью «Дорогому приятелю М.А. Кефала Н. Кузнецов». Позже портрет был передан из ОХМ в Луганский художественный музей. Михаил Александрович дружил с одесским художником Н.Д. Кузнецовым, который помогал многим состоятельным одесситам формировать художественные собрания. «Казак» поступила в музей позже, в 1925 году, из Музейного фонда, под названием «Казак верхом». Б., на к., цв. кар, мел. 46,2×30. Спр. вн.: «Пастернакъ». Спр. вверху: «13 марта 1900». В Письме от 4 ноября 1902 г. из Степановки Н.Д. Кузнецов пишет Л.О. Пастернаку: «Дорогой Леонид Осипович, чуть было

лать, я согласился, ведь от Одессы нельзя требовать тех цен. Жалко «Концерт», не продался, ужасно неудобно его назад отсылать – разобьют, испортят, большая пастель слишком и везти неудобно.*** Да! Выставка, вероятно, если не закрылась, то верно закроется на днях, а потому пожалуйста, сообщите моему брату (Базарная, 66),**** чтобы он прислал за вещами, ибо я боюсь, чтобы от Вас их отправили: опасно со стеклами, и у Вас при массе отправок артельщик не так отнесется, как на свободе это сделает мой брат сам. Но только за отсылку вещей я потребую с Вас, т. е. с товарищества – а то за год много набирается разных «пересылочных расходов» и проч.

Л.О. Пастернак. «Казак»
Одесский художественный музей

Смотрите, Кирияк Константинович, к выставке 36 присылайте Ваши вещи. Имейте в виду, что перед передвижной это вас не обязывает, а выставка обещает быть интересной к тому. Николай

не устроил Вашу пастель «В ложе» за 300 р. Не знаю, к счастью или несчастию, Ваше письмо получил после того, как все Ваши картины были отосланы в Москву. Деньги 100 р. за «Казака» тотчас же по получении вышлю».

*** На XIII периодической выставке ТЮРХ под № 96 выставлялась работа «На музыкальном утре». В ОХМ хранится работа «В ложе театра». 1902. Б., пастель, 74×59, которая находилась ранее в собрании А.П. Руссова (Одесса), после 1920 года поступила из Музейного фонда в Государственный художественный музей (ныне Музей западного и восточного искусства) и в 1938 году была передана в Народный художественный музей (ОХМ) под названием «На концерте». В письме Н.Д. Кузнецова к Л.О. Пастернаку от 4 ноября 1902 г. упоминается пастель «В ложе» (см. предыдущую сноску).

**** Старший брат Л.О. Пастернака – Александр Осипович Пастернак (1860-1928). Проживал в Одессе по улице Базарной в доме № 66. В 2012 году на фасаде этого дома установлена мемориальная доска, посвященная Л.О. Пастернаку.

Л.О. Пастернак. «На концерте»
Одесский художественный музей

Дмитриевич также приглашен и вышлет несколько своих вещей. Размарицыну непременно скажите, чтобы при продаже своих вещей поставил условием на время их отправить на выставку в Москве 36-ти обязательно.* Я напишу ему также – только я его адреса не имею и не знаю, и напишу на Ваш, а Вы, голубчик, перешлите уж ему. Ну-с, будьте здоровы, здоровы, здоровы и счастливы! Целую Вас.

Целую. Л. Пастернак

Некогда! А что-то еще хотел сказать!

Сердечный привет от жены Вам и всей Вашей семье

Письмо № 4

10 фев. 1902. Москва.

Дорогой Кирияк Костантинович!

Податель сего – способный, по-моему, юноша из самого захолустья, из «черты оседлости», прислан был сюда ко мне в Москву, чтобы определить, что с ним предпринять, т. е. стоит ли его вывести из «мрака к свету» и т. д. Естественно, что ко мне теперь направляют, как «к своему» т. е. к еврею… все, что имеет какое-либо отношение к искусству, и ввиду того, что в Москве ни за что нельзя получить права жительства «сим отверженным», а следовательно, совсем закрыт доступ в Училище живописи и ваяния – мне приходится направлять их в Одессу к вам, Варшаву,

* II-я Выставка работ 36-ти художников была открыта с 27 декабря 1902 года по 2 февраля 1903 года в Москве в помещении Строгановского училища. В ней принимали участие одесские художники Л.О. Пастернак, К.К. Костанди, Н.Д. Кузнецов, А.П. Размарицын, О.Э. Браз, Е.И. Столица.

куда же больше? Он, податель сего (зовут его Х. Герман)**, пробыл здесь несколько дней и должен был «внезапно» уехать от «бдительного ока» полиции, как бесправный и т. д.

Я полагаю – сколько я успел заметить – у него способности несомненные, и ему надо бы учиться. Я обращаюсь к вам с просьбою нижеслед.

М.А. Врубель. Афиша II выставки 36-ти художников. Москва. 1902

Ведь поступить теперь в вашу Школу рисования – до августа едва ли можно по правилам? Если же нет, то до августа – не будете ли вы так добры – найти ему или указать на руководителя из старших Ваших учеников, который бы с ним позанялся систематично. Мальчик он, конечно, без средств, и я и другие кое-как ему помогли и письмами снабдили, авось в Одессе найдутся благотворители из единоверцев, понятно, котор[ые] помогут ему. Я хотел было к Ренгбальту*** или Кишиневскому**** его отправить – да не хочется что-то – не лежит душа к ним. Как Вы думаете? Нет ли у Вас среди евреев – учеников, что ли, а может и не еврей, который бы немного поруководил или сказал, что ему нужно для поступления в Ваше училище, по рисованию что пройти, по наукам и пр.

** В списках учеников Одесской рисовальной школы числится только Герман Шлиома-Зальман Хаймович (18.03.1882 – ?). (ГАОО, ф. 368, оп. 1, д. 262)

*** Ренгбальт – Рейнгбальд Владимир Абрамович (1861-1941). Художник-педагог. Жил и работал в Одессе. С 1890-х гг. держал частную школу рисования и черчения.

**** Кишиневский Соломон Яковлевич (1862-1941) – живописец, учился вместе с Л.О. Пастернаком в ОРШ, а затем в Мюнхенской АХ. В Одессе помимо живописи занимался преподаванием.

Летом я буду, Бог даст, может быть, в Одессе, тогда будет легче на месте устроить его, а пока-то он страшно скучает и рвется работать что-нибудь. Я Вашего директора своевременно буду просить о принятии его, как и всякое лето приходится просить о «протежееях».

Посоветуйте, голубчик, как быть? А теперь – как поживаете, здоровье? Что поделываете?

Читали и слышали об успехе выставки нашей «36-ти»?! А знаете, чем это пахнет и что впереди?! Конечно, обществом! Из «передвижной» – участники ее, конечно, выходят, у нас идут собрания, выработали в общ. самый свободный устав: учредители лучш. силы молодые из передвижной, от «Мира искусства» и т. д. Кроме участников «36-ти», т. е. и Вы, милый мой, в том числе получите приглашение войти в состав учредителей и подписаться, а затем, не говоря о полном сочувствии всякого истинного художника и т. д., будут привлечены (и пойдут несомненно) Репин, Васнецов, Поленов, Суриков, а также Ник[олай]. Димит[риевич]. Кузнецов. Ну да впереди – много интересного! Бог даст, увидим. Я слава Богу и семья. Работаю, почти кончаю одну вещь. У меня ее видел и бывал сей юноша, и виденное расскажет. Вы видели набросок, кажется? (Л.Н. Толстой среди семьи.) Некогда – во как! Дел посторонних больше, чем личных. Целую Вас. Семье Вашей всего и Вам лучшего.

Из передвижной выходят Ап. Васнецов, Архипов, Виноградов, Иванов, Нестеров, Остроухов, Степанов и др., вот так фунт! Кое-кто из них еще в этом году будет выставлять, пока у нас официально не утвержд. устав.

Николаю Дмитр.[иевичу] поклон – увидите, передайте ему новости, а я ему еще напишу. Всем приятелям привет. Кому, конечно, обидно будет, не рассказывайте новостей, к чему огорчать?

Письмо № 5*

Моск. Кур. ж. д. ст. Столбовая 12 июля 1915
им. Бородина

Дорогой Кириак Константинович!

* В книге « Леонид Пастернак. Заметки об искусстве, статьи, переписка» (сост. Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак) опубликован ответ К.К. Костанди на это письмо. Текст и ссылки (1-5) приводятся по этому изданию (курсивом обозначены дополнительные комментарии).

Стоит адская жара вот уже с неделю, такая, можно сказать, одесская летняя, для этих мест непривычная, что ничего ни делать, ни думать даже не хочется, и только вспоминая Одессу – вспоминая друзей и Вас в первую голову, дорогой Кириак Константинович.

А вспомнив, стало совестно, что до сих пор не писал Вам, а собираюсь, если бы вы знали с каких пор. Поверьте, дорогой, что обстоятельства складывались так, что писать невозможно. В городе занят до лета так сумасшедше много, что думаешь только: «а вот скоро в деревню, на дачу – там на отдыхе спокойно, соберешься и напишешь»… А приехал в деревню, здесь так хорошо (живем N-й год под Москвою по Курской дороге в имении старинном)** – природа так настраивает, что ничего не хочется от городского, ни газет не хочется читать, ни письма писать в особенности и т. п. А совесть меж тем гложет меня и хочется хоть о себе знать дать Вам. Простите же, дорогой мой, и верьте моим неизменным чувствам, как и встарь! Как же Вы поживаете, как семья, дети? Поди – повырастали все, пожалуй, повыпархивали кое-кто и т. д.

– вот еще несколько дней и целый кошмарный год!!*** Ваш протеже г. Волокидин**** был у меня – симпатичный, милый такой, скромный – не нонешний… значит, верно, толковый (из разговора вынес хорошее впечатление). Я ему сообщил все, о чем он просил, и направил его – куда надо было. Вообще я душевно рад служить всякому, кто только заикнется и скажет «от Кирияк Констант[иновича]» (рекомендовал или только назовет Вас). Но оказывается, что по телефону просят разрешения зайти «показать и передать от Кир[ияка] Конст[иновича]», а потом оказывается уже у меня дома – что он был вашим учеником – 10-12 лет назад…

** Имение «Молоди» под Москвой (ныне Чеховский район Московской области) на станции Столбовая Курской железной дороги, в котором Л.О. Пастернак с семьей проводил каждое лето с 1913 до 1917 года. Воспоминания о нем оставили Б.Л. Пастернак в биографическом очерке «Люди и положения» и Л.О. Пастернак в книге «Записи разных лет».

*** «А и годик же вышел для всех – ни приведи Бог» – имеется в виду, что уже почти год идет первая мировая война, которая началась 28 июля 1914 года.

**** Волокидин Павел Гаврилович (1877-1936). В 1898-1905 учился в Одесской рисовальной школе (у К. Костанди и Г. Ладыженского), в 1905-1906 – в Петербургской академии художеств. Член ТЮРХ с 1907. В 1922-1934 годах был профессором Одесского художественного института. Один из основателей о-ва им. К. Костанди.

Леонид Осипович и Розалия Исидоровна на фоне *цельной* картины «Поздравление»
Фотография опубликована в книге R. Salys. Leonid Pasternak. The Russian Years, 1875-1921

Словом, уже уловили мою слабую струнку, и меня поддевают на этом, а потому я решил лишь письмам Вашим собственноручным давать веру. Вот через месяц, два, к приему посыпятся. Так и знайте, дорогой Кирияк Константинович, что я только Вашим строкам буду верить. Начал писать групповой портрет в 4 арш[ина] на 3!.. Вообще в последнее время пишу и увлекаюсь портретами и в строго фресковых идеалах черного симпатии.* Много ли работаете? А хорошо сейчас в Одессе? Товарищам всем сердечный привет! Ну – и не оставил места подписаться. Обнимаю крепко Вас и целую.

Всей семье Вашей от нас так же!

Ваш Л. Пастернак.

К.К. Костанди – Л.О. Пастернаку

30 сентября 1902 г. Одесса

Дорогой Леонид Осипович!

Получил Ваше письмо и не ответил сейчас же, откладывая до открытия нашей выставки**, теперь – когда выставка уже открыта – то спешу сказать Вам пару слов. Ваш Толстой лучшая вещь на выставке, всем художникам он очень нравится, и особенно нравится Ладыженскому***. Повесил Ваши обе картины на одном экране, рисунки же повешены отдельно от картин, так как сосед-

* «Начал писать групповой портрет в 4 арш. на 3!...» Старорусская единица измерения длины. 1 аршин = 0,7112 м; возможно, речь идет о картине «Поздравление», история создания картины описана Л.О. Пастернаком в «Записях разных лет». Картина была разрезана автором на две части. Одна из них, «*Автопортрет художника с женой*» (204×75 см) находится в экспозиции Отдела личных коллекций Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Вторая, «*Поздравление*», выставлявшаяся на XIII выставке картин Союза русских художников (1915-1916), находится в Государственной Третьяковской галерее (196×189 см). Можно предположить, что изначально размеры холста были примерно 266×203 см, что соответствует размеру 3 на 4 аршина (285×214 см).

** Речь идет об открытии в Одессе очередной выставки Товарищества южнорусских художников, куда Пастернак переслал свои картины, в том числе «Граф Толстой в кругу семьи» и наброски к ней. *На XIII выставку ТЮРХ Л.О. Пастернак прислал: «Семья Л.Н. Толстого, эскиз» (пастель), «На музыкальном утре», «Браконьер XVIII века» (исполнено для издания «Царская охота» Н.И. Кутепова), «Казак» (рисунок)*.

*** Геннадий Александрович Ладыженский (1853-1916) – живописец и акварелист, один из создателей Товарищества южнорусских художников.

ство белых паспарту было невыгодно для картин. Выставка наша в этом году вышла большая и разнообразная: очень недурную картинку и акварель дал Розмарицын*; несколько картинок хороших Похитонова, жанры Нилуса и Ганского** и много картин молодых художников, бывших учеников Училища. Очень любопытные вещи выставил Кандинский***, он, несомненно, – в этом направлении – в этом году – сделал успех. К сожалению, помещение Музея тесно и приходится тесниться. Браз**** обещал прислать нам одиннадцать вещей, но почему-то не исполнил своего обещания. Я выставил своего монаха, которого после выставки думаю еще работать. Относительно цен Ваших картин нахожу их совсем небольшими.

Просьбу Вашу относительно Эрмана***** с удовольствием исполню, но в этом году сделать что-либо будет невозможно, так как по правилам – учащиеся первых двух классов, то есть испытательных, освобождаемы от платы не могут быть, когда он перейдет в 3-й класс, тогда я буду стоять в совете за освобождение его от платы, а теперь надо ему как-нибудь перебиться.

Все мы, слава Богу, пока здоровы, но время, переживаемое для нас, одесситов, очень тяжелое. Шлю Вам искренние лучшие пожелания. Передайте мой и жены моей сердечный привет Вашей жене. Жму Вашу руку.

Уважающий Вас К. Костанди

---

* А.П. Размарицын – см. примеч. 2 к письму В.Н. Третьяковой Л.О. Пастернаку (август 1889 г.). *На XIII выставке ТЮРХ А.П. Размарицын выставил работы «Художник», «Собачка».*

** Петр Павлович Ганский (1867-1942) – художник-импрессионист, член Товарищества южнорусских художников, писал пейзажи, портреты, жанровые композиции. После эмиграции во Францию принял священнический сан кардинала Римско-католической церкви.

*** Василий Васильевич Кандинский с 1888 по 1910 гг. регулярно участвовал в выставках Товарищества южнорусских художников. Одной из работ, показанных на выставке 1902 г., была «Зима в Мюнхене» (Одесса, частное собрание). *На XIII выставке ТЮРХ В.В. Кандинский выставлял «Прощание» (темпера), «Зима в Мюнхене», «Осенний день» (масло) и 10 этюдов.*

**** *Браз Осип (Иосиф) Эммануилович (1873-1936) – живописец, график, родился в Одессе, окончил ОРШ, учился в Мюнхене, Париже, Голландии. Учился в ИАХ в мастерской Репина. В 1902-1904 гг. преподавал в рисовальной школе в ОПХ в Петербурге. Член ТЮРХ с 1893 г.*

***** *Эрман Хайм-Лейба Меерович (1884 – ?) учился в 1902-1908 годах в Одесской рисовальной школе (ГАОО, ф. 368, оп. 1, д. 1160).*

Валентина Голубовская

Время, назад! или Волшебный рог памяти

О разбитой жизни Валентин Катаев написал на полвека раньше, чем книгу с таким названием, в рассказе «Отец», который он начал писать вскоре после смерти Петра Васильевича Катаева в 1921 году. Тогда, в самом начале 20-х, горькое ощущение рухнувшего мира, привычного уклада после всех перипетий гражданской войны, осколки прежней, разбитой жизни превращались в жестокие и мучительные напоминания о недавнем прошлом и вызывали отвращение к настоящему.

«Громадные пласты прошлого откалывались и грохотали, сползая вниз по ступеням и заряжая лестницу громом четырехэтажного эха. Ящики пустели, как жизнь. Голоса, уже ничем не спираемые, летали по комнате, воя и оглушая. Шаги гремели, как брошенные штанги, пистолетными выстрелами. Клочья писем и карточек устилали пустой пол. На полу лежали иконы. Все было кончено. Петр Иванович спрятал деньги в карман, повесил на дверь замок, отдал ключ в домком и через неделю уехал на север».

«Отец» – трагический пролог к солнечной книге, которую он напишет полвека спустя, книге, полной любви, светлого юмора, прозрачной печали, к одной из лучших в писательском наследии блестящего мастера слова, каким и был Валентин Катаев.

В этой книге не только много героев, главных, любимых, но и мелькнувших на миг, но так ярко написанных несколькими мазками, что остаются они в памяти надолго. Из Волшебного рога памяти возникают мельчайшие подробности Разбитой жизни, бесконечное, удивительное множество драгоценных свидетельств, красноречивых описаний, беглых упоминаний, но от этого не менее интересных, о вещах, не просто окружавших автора

в детстве, а ставших наряду с реальными людьми не менее яркими и запоминающимися героями этой повести. И не только вещи, но игры и развлечения, праздники, детские проказы, краски, цвета, оттенки, запахи, звуки… И у всего этого есть свое имя, свое название. Что-то из этих названий сохранилось до наших дней, что-то уже нуждается в уточнении, в комментарии.

Однажды на сайте fantlab.ru (Лаборатория фантастики) я обнаружила лингвистический анализ текста «Разбитой жизни…». Из множества статистических данных мне особенно интересными показались эти:

Слов в произведении – 144569, использовано уникальных слов – 16066. Как я поняла, имена собственные не учитывались.

Действительно, у В. Катаева множество слов можно назвать уникальными. Среди наиболее меня поразивших оказалось слово «десть». «Так как эти тетради были сделаны из бумаги, а бумага – как мне уже было известно из разговоров взрослых – мерилась на дести, то кипа этих тетрадок представлялась мне дестью». Я посмотрела в поисковике, что значит это слово, и частоту его употребления.

Оказалось, что десть – это «единица счета писчей бумаги. Русская десть (равная 24 листам, употреблявшаяся до введения метрической дести). Метрическая десть (равная 50 листам), а частота употребления слова «десть» составляет 13 раз на 300 млн слов! Лингвистический антиквариат! И еще итог моего любопытства: «Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот» (Н.В. Гоголь. «Шинель»).

Одно только описание на нескольких страницах содержимого «папиного комода» читается с затаенным восхищением этим волшебным миром вещей, почти исчезнувших из современной жизни. Но нужно отдать и в этом случае должное писателю, понимавшему, в какую эпоху он пишет, и что среди его читателей уже не много сверстников. Он с такой любовью и нежностью описывает подробно почти каждую вещь в ящиках комода (хоть

по описанию катаевский комод скорее похож на секретер), что они в комментариях не нуждаются.

И все-таки среди «лингвистического антиквариата» «Разбитой жизни...» кроме «дести» есть слова, которые заслуживают, на мой взгляд, не меньшего внимания.

Вот некоторые из этих слов и, главное, понятий, которые ими были обозначены, мне бы и хотелось упомянуть.

...Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели...

«…разрешил поместить Лимончика в тесном купе второго класса, заваленном пледами и шляпными коробками…»

И через несколько строк уже упоминается вагон-микст:

«…солнечный свет с непрерывной медлительностью перемещался по качающемуся на рессорах вагону-микст…»

Здесь нет никакого противоречия.

С быстрым развитием железных дорог в России появилась острая необходимость в экономном и прибыльном использовании вагонов. Вагоны первого класса обычно из-за слишком дорогих билетов заполнялись не полностью. В начале 60-х годов XIX века на железных дорогах появились так называемые вагоны-микст, смешанные вагоны, преимущественно первого и второго классов, несколько позже в вагоне-микст были места второго и третьего классов. Причем входы в соответствующий класс такого вагона были отдельными. И внутри места каждого класса были отделены друг от друга тесным тамбуром. С конца 70-х годов XIX века пассажирские вагоны первого класса окрашивались в синий цвет, второго класса – в желтый, третьего класса – в темно-зеленый. Это был международный стандарт. Его требования переносились и на вагоны-микст. Половина вагона с местами 1-го класса окрашивалась в синий цвет, и в темно-желтый – вторая половина. Вагон-микст 2-го и 3-го классов имел соответственно темно-желтый и зеленый цвет. Зеленый цвет третьего класса и стал доминирующим на вагонах после 1917 года.

И еще одна деталь. В картине Леонида Пастернака «К родным» (1891) в тесном купе второго класса с «корзинами и картонками»

молодая дама в черном траурном платье и шляпе и кормилица с грудным ребенком на руках. Над мягким диваном на стенке купе – бронзовая табличка «Для некурящих»…

Кресла и стулья

«…еле держался на неудобном высоком стуле с резной спинкой, украшенной двумя точеными шишечками. Передо мной простирался большой обеденный стол мореного дуба».

Такие стулья в эпоху эклектизма, или историзма, во второй половине XIX века, отдаленно напоминали формы мебели барокко – высокими резными спинками, увенчанными сложными фронтонами, похожими на фронтоны доходных домов этой эпохи. Иногда они украшались еще и витиеватыми колонками по сторонам спинки и такими же проножками, соединявшими для устойчивости ножки стульев и массивных столов. И были они символом незыблемости и солидности в почтенных семействах.

Там же, в екатеринославском доме, впервые упоминается качалка: «Боялся… его качалки, в которой он с трудом покачивался…»

Венское, или тонетовское кресло-качалка, и венский стул – характерная примета времени. И у В. Катаева их можно встретить в разных произведениях. Но в «Разбитой жизни…» кресло-качалка, а особенно венский стул, присутствуют в самых разных интерьерах и ситуациях.

В одесских съемных квартирах, куда были вынуждены время от времени переезжать Катаевы, пока не приобрели собственное жилье на Пироговской, венские стулья, недорогие, без труда перевозимые с квартиры на квартиру, были незаменимы.

«…возле кровати на венском стуле стакан малины…»

«…я же про себя подумал, что не худо было бы выиграть также эту декадентскую зеленую мебель и заменить ею наш скучный буфет рыночной работы и венские потертые стулья с плетеными сиденьями, кое-где уже дырявыми».

«…покрывало вместе с венским стулом полетело прочь» – японец в цирке.

И у модистки Фани Марковны с Малой Арнаутской «…гнутый венский стул черного еврейского цвета…», то есть покрытый черным лаком.

Венский стул появился на свет чуть более 150 лет тому назад в аристократической столице Австро-Венгерской империи и оказался одним из самых демократических изобретений XIX века. Он пережил несколько художественных направлений – и австрийский бидермейер, и венский сецессион, в который он своими гнутыми линиями достаточно легко вписался, и императора Франца-Иосифа, и саму Австро-Венгерскую империю, и все катастрофы XX века.

«Отцом» венского стула, а также кресел, качалок, туалетных столиков, канапе, теннисных ракеток и многого другого был Михаэль Тонет. Он родился в 1796 году в маленьком прусском городке Боппарде в лесистой долине Рейна, там обучился искусству краснодеревщика. И уже в 1819 году Михаэль Тонет открыл в Боппарде свою мебельную мастерскую. Он представляет свои изделия на различных выставках, но самым удачным, как оказалось, было участие в выставке в Кобленце, где судьба свела его с могущественным князем Меттернихом (уроженцем этого города), канцлером Австрии. Именно Меттерних пригласил Тонета в Вену, где с 1841 года начался его путь к головокружительной славе.

Уже через 12 лет свою мастерскую Михаэль перевел на пятерых сыновей и назвал фирму «Братья Тонет» («Gebrüder Thonet»), она существует до сих пор…

Гнутое дерево применялось испокон веков – бочки, лыжи, сани, дуга с колокольчиком в русских тройках… Но именно Михаэль Тонет изобрел способ с помощью пара и горячей воды превращать древесину в пластичный материал для производства различных видов мебели. В 1859 году был создан стул, модель которого имела номер 14. Именно эта модель и принесла Тонету и его сыновьям мировую славу. Это стул, спинка которого сделана из двух концентрично гнутых деревянных дуг, состоит из шести деталей и собирается с помощью винтиков.

Можно с уверенностью сказать, что венский стул завоевал мир, стал одним из первых предметов массового потребления из-за простоты производства и, что очень существенно, продуманности, удобства перевозок. В ящик объемом в один кубический

метр помещалось в разобранном виде 36 стульев, а собрать их с помощью шурупов не составляло большого труда.

Прочность венского стула, как сообщает современный альбом-каталог «Принцип Тонета», была однажды продемонстрирована эффектным рекламным трюком: он был сброшен с Эйфелевой башни и не разбился!

Рестораны, кафе, конторы и, конечно же, доходные дома с квартирами, сдававшимися внаем, стали главными потребителями этого, на первый взгляд, незамысловатого предмета мебели.

Ле Корбюзье признавал: «До сих пор не создано ничего столь элегантного по форме, столь качественного по разработке и столь целесообразного по конструкции».

Венскому стулу отдали должное мастера Баухауза, освоив принцип гнутой древесины. Только благородный бук заменили стальной трубкой. В 1925 году в Баухаузе был создан клубный стул из стальной трубки, и назвали его в честь Кандинского «Василием».

Легкость и подвижность венских стульев была сродни венской оперетте и венскому вальсу!

После 1917 года новые венские стулья перестали приходить в Россию, а старые постепенно стали напоминать вятскую бабушку-попадью, жившую за ширмой. Колченогий тонетовский стул можно было уже чаще увидеть «в изгнании» – на балконе, в кухне, в кладовке, на лестничной площадке… Но большинство из сохранившихся еще верой и правдой служили своим заботливым хозяевам.

«…качалка с ее желтым плетеным сиденьем и такой же спинкой, с ее выгнутыми ручками, с ее полозьями, на которых она так легко покачивалась, была в одно и то же время и качелями, и частью какой-то упругой деревянной машины, и лодкой, и даже беседкой, если ее перевернуть вверх полозьями».

И на венском стуле – сидя задом наперед, держась за дуги его спинки, можно было думать, что управляешь авто или мчишься в русской тройке!

Кто хоть однажды не раскачивался в венской качалке, зачастую уже с заплатками на спинке из плетеной соломки, и редко кому из нас в детстве, сидящему на венском стуле, не говорили:

«Не вертись!»… Как же не вертеться на этом чуть вогнутом круглом сиденье!

«…сидел у себя в Полтаве… в вольтеровском кресле…»

В знаменитой скульптурной композиции Ж.-А. Гудона Вольтер сидит в кресле, совершенно не похожем на то, которое в России со времен Екатерины Второй стали называть вольтеровским. Не случайно такой тип мягкого кресла с высокой спинкой и изогнутыми боковинами, плавно переходящими в глухие цельные подлокотники, в европейских странах называли «дедушкиными». Действительно, в таком уютном, словно обнимающем тебя с обеих сторон кресле пожилым людям можно было подремать, не боясь свалиться на пол.

«Тут же мы заметили целый столовый гарнитур из светло-зеленого крашеного дерева с декадентским, довольно уродливым буфетом и чрезмерно высокими и даже на вид неудобными стульями…»

В эпоху модерна широко распространилось протравливание, тонировка древесины, чаще естественными, растительного происхождения, красителями. Скорее всего, этот гарнитур был оливкового цвета. Модерн предпочитал чуть приглушенные, «вялые» оттенки.

«…шелковые драпри…»

Драпри (фр.– draperie) занавески со складками, расположенные в дверях или служившие перегородками вместо ширм. Обычно подвешивались на карнизах с кольцами, часто делались из бархата или тонкого сукна в цвет обоев либо по контрасту с ними. По бокам подхватывались лентами. Уже в советские времена при жилищной тесноте, особенно в коммунальных квартирах, драпри были незаменимы.

И веют древними поверьями ее упругие шелка…

По страницам книги «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» проносится шелест, а точнее, шуршание женских платьев и юбок. Казалось бы, не самая важная, но безукоризненно точная примета эпохи, одна из выразительных ее подробностей.

Это шуршание слышал Александр Блок:

«Вздыхая древними поверьями, шелками черными шумна…»

«Зашептались тревожно шелка…».

«Неужели и жизнь отшумела, отшумела, как платье твое?»

О том же через несколько десятилетий вспомнит Анна Ахматова: «Шуршанье юбок, клетчатые пледы, ореховые рамы у зеркал…».

Запомнилось это шуршание и Валентину Катаеву.

В Екатеринославе у бабушки-генеральши: «…я прижимался к ее шелковому платью, как бы погружаясь в его шорох».

«…Нарядно одетая тетя… грациозно подбегала, шумя шелковой юбкой, к прохожим…»

«…тревожный шорох маминой юбки».

«…Я тебе это категорически запрещаю. Ты слышишь? Категорически, – и она удалилась, зашумев юбкой».

«…Ксенькина мама… одевалась шикарно, шумела шелковым платьем, скрипела корсетом…»

«…раздувались и трещали накрахмаленные юбки Амалии…»

Это «шуршанье юбок» получило название «фру-фру» от французского звукоподражательного термина frou-frou. Вероятно, эти звуки – фру-фру, похожие на лошадиное фырканье, дали имя лошади Льва Толстого, а потом он «подарил» это имя Фру-Фру – лошади Вронского. Характерный шелест или шуршанье достигались с помощью не только дорогих шелков платья, но и нижних юбок, и были признаком роскоши и элегантности. Чаще всего носили две юбки – одну, плотно прилегавшую к телу, чаще белого цвета, украшенную кружевами, прошвами, вышивкой белой гладью, обшитую внизу, почти до пола, воланами. Поверх нее надевалась вторая юбка, она могла быть накрахмаленной, как у Амалии, бонны Вали Катаева, а чаще шилась из недорогой шелковой ткани под цвет основной, верхней, юбки или платья, как на примерке у Фани Марковны «нижней юбки из шуршащего сиреневого канауса». Канаус – из таких недорогих шелковых тканей. Катаев упоминает еще и красную канаусовую салфетку, которой священник вытирал губы причащавшемуся гимназисту.

В книге Катаева, кажется, представлены все слои населения Одессы начала XX века. И у всех – свой костюм, своя одежда.

«…мама в своем сером саке с большими перламутровыми пуговицами…»

Сак – несколько мешковатое (отсюда и название) пальто прямого кроя, могло застегиваться на пуговицы, заходить одной полой на другую, быть однобортным и двубортным, носиться с поясом. И на протяжении столетия не раз возвращалось в повседневную одежду.

Тальма и ротонда

«Ваше платье изысканно, ваша тальма лазорева»
(Игорь Северянин).

«Амалия брала папин завтрак в руки, уже одетая в тальму и шляпку».

Часто путали тальму и ротонду, несмотря на то, что различия все-таки были. «Зинаида Эммануиловна в клетчатой шотландской тальме». И через две страницы еще одно появление Зинаиды Эммануиловны «в ее клетчатой потертой ротонде с треугольным капюшоном».

Ротонда вошла в моду в 70-е годы XIX века и продержалась до начала XX века. Это была длинная безрукавная накидка без застежек, с прорезями для рук, с мягкими вертикальными складками, что и вызывало сходство со столь популярными в «дворянских гнездах» садовыми и парковыми беседками с их колоннами. Известны и летние ротонды со стоячими воротничками, и утепленные, с меховой опушкой вокруг шеи.

Тальма же обязана своим названием знаменитому французскому актеру Франсуа-Жозефу Тальма. После смерти Тальма в 1826 году в мужском костюме появилась шерстяная, иногда сшитая из сукна накидка без рукавов, которую называли тальма. Это слово в России склонялось.

Как и ротонда, в 70-е годы XIX века тальма появилась уже только в женском гардеробе и продержалась до начала XX века. Были и летние тальмы, даже кружевные, были меховые – зимние. По силуэту тальма скорее напоминала колокол, расширяясь

и ниспадая с плеч ниже талии. Как и ротонда, не имела рукавов, летняя у шеи завязывалась лентами.

У Марины Цветаевой есть строки в известном стихотворении о Наталье Гончаровой:

…В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теребить в руках,
И прослыть в веках – Длиннобровой,
Ни к кому не суровой – Гончаровой…

Наталья Николаевна никак не могла катать в тальме, бывшей в ее время мужской одеждой, тем более бобровой. Бобровый мех был мехом «мужским». Об этом дальше.

В пушкинские же времена светские дамы и барышни предпочитали мех соболиный. «Когда под соболем, согрета и свежа, она вам руку жмет, пылая и дрожа!». И его друг Петр Вяземский о том же:

Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболь на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы.

Эту же ошибку с тальмой повторил Николай Агнивцев, популярный поэт начала XX века, в ироническом стихотворении «Князь Павел» о юных шалостях будущего императора Павла Первого:

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года.
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь – никогда!

И, прикрывши ножки тальмой,
Затряслась статс-дама: – «Ой,
Сколь вы прытки, государь мой,
И – сколь дерзостны со мной!»…

Но великий французский актер Тальма родился через два года после смерти русской императрицы…

«…чемпионы с полинявшими усами, в егеровских фуфайках с короткими рукавами…»

Егеровская фуфайка – тонкое шерстяное белье, по типу современной майки или футболки, с длинными рукавами, названное по имени Отто Егера, немецкого теоретика гимнастики.

«…обер-кондуктор в круглой барашковой шапочке и широких шароварах, напущенных на низкие сапожки, как у императора Александра III…» – заставляет вспомнить знаменитый конный памятник этому императору работы Паоло Трубецкого.

«…Курсистки… в маленьких суконных шапочках, бурнусах и козловых башмаках…»

Бурнус, верхняя одежда, во второй половине XIX – начале XX веков был короток, значительно короче платья, он заканчивался чуть ниже талии, обычно имел ватную подкладку и рукава. Носили его обычно женщины и девушки скромного достатка.

Козловые башмаки (из козьей кожи) – женская обувь, которую тоже носили простолюдинки или девушки из семей разночинцев, в частности курсистки.

Мельчайшие детали одежды не только близких людей, но и почти случайных, как квартиросъемщики-молодожены, – она «белорозовая, с ямочками на щеках и на ручках, с волосами, уложенными в красивую прическу, во всем нарядном, с бантиками, прошивочками, кружевцами, в ажурных чулках и башмачках на французских каблуках», словно сошедшая со слащавой открытки начала XX века.

Или совсем другой тип женщин – жилички, вовремя улизнувшие от околоточного.

«…пенсне в черной оправе. Она была в батистовой кофточке, подпоясанной широким ременным поясом, и в длинной потертой суконной юбке, обшитой по подолу так называемой «лентой-щеточкой», из-под которой выглядывали поношенные ботинки со скошенными каблуками…»

Здесь звуки «фру-фру» не были слышны. Весь внешний облик жиличек отсылает к социал-демократкам, возможно, к эсеркам… Кофточка или блузка с напуском, с мелкими вертикальными

складочками-защипами на груди, с длинными рукавами на манжетах и длинная юбка, облегающая фигуру от талии и к низу расширяющаяся, создавали с помощью корсета так называемый S-образный силуэт начала XX века – выдающуюся вперед грудь и подчеркнутый изгиб спины.

И совсем не похожи они на епархиалок, чаще всего дочерей небогатых сельских священников, одетых в «плохо скроенную и грубо сшитую форму из голубого шевиота».

Шевиот – мягкая плотная слегка ворсистая ткань из шерсти особой породы шотландских овец. Мужские дорогие костюмы из шевиота были признаком благосостояния, благополучия. Но был шевиот «для бедных» из смешанной пряжи, чаще всего с растительным волокном, вот из него и были формы епархиалок.

Шевиот, как и другая ткань – бостон, сохранялись в довоенные и послевоенные годы, сохраняя все тот же статус благосостояния.

…И все это отрада – встают, поют заводы,
и дед в большой артели народу тапки шьет,
А ну, еще полгода, ну, крайний срок – два года –
и все у нас наденут бостон и шевиот.
Но в темном коридоре, в пустынном дортуаре
сжимает Николаев московский револьвер,
и Киров на подходе, и ГПУ в угаре,
и пишет Немезида графу «СССР»…

Евгений Рейн

Пепиньерки – выпускницы епархиального училища (вообще закрытых учебных заведений для девочек), которых оставляли в учебном заведении уже в качестве наставниц.

У И.А. Гончарова есть ранний очерк «Пепиньерка». Никто до него и после не написал о них так остроумно, весело и точно. «Нельзя определить с точностью лет пепиньерки. Можно так, неопределенно, сказать, что пепиньеркой ни в сорок, ни в двенадцать лет быть нельзя, хоть будь себе раздевица. Обыкновенно она бывает от шестнадцати до двадцати лет. Если она зайдет далеко за последнюю границу, то ее делают дамой, то есть или классной дамой, или просто дамой, выдавая замуж…»

Среди различных тканей В. Катаев упоминает и коломянку: «…не прилечь где-нибудь на полянке, на травке, в зарослях молодой дикой петрушки, пачкавшей коломянковые летние штаны на коленях своим остро пахнущим зеленым соком…»

Коломянка – вид дорогой льняной ткани. Из этой плотной гладкой ткани, в частности, шили повседневную летнюю форму для морских офицеров. Как и в случае с шевиотом, коломянка была и более дешевая, нередко с добавлением пеньки. Вот в летних штанах, именно из дешевой коломянки, можно было и на травке поваляться…

Пикейное платьице. Пике – в прежние времена обычно белая ткань в мелкий рубчик, из натурального хлопка. Прежде всего, ее прославили «пикейные жилеты». Если маленьких девочек одевали чаще всего в батистовые с кружевами платьица, то мальчики, как маленький Валя Катаев, носили платьица лет до трех из более плотной ткани, типа пике, часто без всяких кружев.

«…ноги в длинных фильдекосовых чулках на резиновых подвязках, пристегнутых к лифчику». Фильдекосовые чулки из плотной хлопчатобумажной нити – «шотландской» – fil d'Ecosse. Лифчик – безрукавка из байки, фланели, плотного льна, похожая на жилетик, обычно на белых костяных пуговицах, деталь нижнего белья, которое носили и девочки, и мальчики в холодную пору с пристегнутыми к чулкам резинками-пажиками.

Под шлемом с траурными перьями…

Даму начала прошлого века невозможно представить без шляпы, перчаток, шелкового, бархатного, муарового мешочка: «мама… плакала, вынимая из муарового мешочка носовой платок и прикладывая его к покрасневшим глазам…».

Ридикюль, так чаще назывался украшенный бисером, стеклярусом или вышивкой шелковый, муаровый, атласный, бархатный мешочек, в котором помещался носовой платочек, крошечный кошелек, иногда средство от мигрени или другое лекарство, словом, что-то из дамских необходимых вещиц. Начиная с XVIII века,

со времен мадам Помпадур, ридикюль входил в моду и становился необходимостью в годы, когда в женском костюме исчезали карманы.

Все аксессуары дамского туалета очень точно и сочно описаны Валентином Катаевым и, пожалуй, прежде всего шляпы, украшенные по моде начала XX века перьями. А уж выбор шляпы и перьев часто зависел от вкуса.

«маме приходилось то и дело наклонять голову, чтобы орлиное перо на ее шляпе не сломалось, наткнувшись на какое-нибудь препятствие…».

«мама, в шляпе с орлиным пером, в темной вуали».

Лишившись матери в пятилетнем возрасте, Катаев запомнил на всю жизнь ее облик, особенно часто – в шляпе с орлиным пером, Судя по описаниям, Евгения Ивановна Катаева (Бачей) предпочитала небольшие шляпы с круглой тульей, небольшими полями, украшенные орлиным пером (перьями), вертикально укрепленными с помощью броши. Такие украшения назывались эгретами, или в обыденной речи – эгретками.

«…Ах, бог любви, загадочный поэт,
Вас наградил совсем особой меткой,
И нет таких, как вы…» Она в ответ
Задумчиво кивала мне эгреткой.

Николай Гумилев

«кассирша – нарядная дама в громадной шляпе со страусовыми перьями»

«мадам Козлова… в большой парижской шляпе».

Эти «громадные» шляпы из-за их широких полей не случайно называли «вагонными колесами» (пришло из немецкого – Wagenrad). Можно вспомнить знаменитый портрет княгини Орловой в такой шляпе. Дочери Валентина Серова вспоминали, как наблюдали, свесившись из окна, приезд княгини на сеанс к отцу. Она выходила из экипажа, но сверху была видна только огромная шляпа. Княгиня Орлова была знаменитой светской львицей. Чаще всего «перья страуса склоненные» украшали именно такие шляпы.

«Девочка-гимназистка лукаво посмотрела на меня из-под полей своей форменной касторовой шляпы с салатно-зеленым бантом…»

«…Свою форменную черную касторовую шляпу с салатным бантом и круглым гербом она сняла…»

Катаев в своем полотне под названием «Разбитая жизнь…» делает один дополнительный мазок – бант на черной шляпе не просто зеленый, а салатно-зеленый. И быстроногие девочки на улицах Отрады становятся похожими на легкокрылых стрекоз, которых так много было на отрадненских склонах.

Касторовая шляпа – скромная родственница и онегинского бобрового воротника, того, что «морозной пылью серебрится», и бобровой шубы Шаляпина («Портрет Федора Шаляпина в шубе» работы Б. Кустодиева).

Слово «касторовый» вызывает в память мерзкую касторку, которую отказывался пить Буратино в «Золотом ключике». Касторовое масло для медицинских целей изготавливалось из бобрового жира. В переводе с латыни кастор – бобр (Castor).

Но кастор в XIX веке – это еще и тончайшей выработки сукно самых разных цветов. Касторовая шляпа изготавливалась из шерсти с примесью бобрового пуха, с ворсом только на изнаночной стороне, непременно с полями. Мех бобра с высоким ворсом шел на мужские шубы, воротники, шапки: «студент-белоподкладочник, подкативший к подъезду цирка на собственном рысаке, выскочил на ходу из лакированной пролетки и, придерживая на груди накинутую на плечи николаевскую шинель с бобровым воротником…».

У Осипа Мандельштама:

> С важностью глупой, насупившись, в митре бобровой
> Я не стоял под египетским портиком банка…

Словом, «мужской» мех.

Но, как и в случае с шевиотом, с коломянкой, были и касторовые шляпы «для бедных» – не из бобрового, а из козьего пуха.

«…Извозчики в своих клеенчатых или касторовых шляпах с пряжкой…»

«Мне выписывали детский журнал «Игрушечка»…

…«в одном из «толстых» журналов, кажется, это была «Нева», мы наткнулись на статью об Александре Толиверовой, и я теперь совсем иначе отношусь к этому скромному пособию о скоромном и постном столе. Александра Толиверова, оказалось, в шестидесятые годы девятнадцатого века жила в Италии, была ближайшей сподвижницей Гарибальди. Даже жила в его доме, под видом невесты проникла в тюрьму, где томился друг и адъютант Гарибальди, чтобы предупредить его о готовящемся побеге… Потом вернулась в Россию, издавала женские и детские журналы, запомнилось название одного из них – «Игрушечка». Кулинарная книга была ею написана в то время, на сломе веков, когда все больше женщин, не только «бестужевки», посвящали себя работе – просвещению, медицине, социальным движениям»… («Мама купила книгу». – **В. Г.**).

Мельчайшие детали детства – вещи, цвета и их оттенки, даже запахи хранит волшебная память писателя.

Бибабо

«Девочка-гимназистка лукаво посмотрела на меня из-под полей своей форменной касторовой шляпы с салатно-зеленым бантом, из-под своей русой челочки, затем, таинственно отвернувшись, порылась в своей клеенчатой книгоноске, что-то сделала и вдруг быстро обернулась, протянув ко мне руку, кисть которой превратилась в какое-то странное, забавное и очень милое существо с целлулоидной узколобой, щекастой головкой и глупыми большими глазами. Это существо, одетое в пестрый фланелевый балахончик, имело две фланелевые ручки, которые уморительно двигались, в то время как головка качалась, как у китайского болванчика, и, казалось, делала мне гримасы…

…Девочка посмотрела на меня лисьими глазками, прозрачными, как леденцы, и захохотала.

– Видел? – сказала она, заставляя пустую головку своей игрушки кланяться мне. – Последняя новость. Называется бибабо. Мне подарили на именины.

Затем бибабо сделал мне прощальный жест обеими фланелевыми ручками, а девочка произнесла скороговоркой:

– Жили-были три китайца: Як, Як-цидрак, Як-цидрак-цидрони; жили-были три китайки: Ципи, Ципи-дрипи, Ципи-дрипи-лям-помпони…»

Очень популярный в начале XX века поэт Николай Агнивцев в 1917 году вместе с режиссером К. Марджановым и актером Ф. Курихиным создал в Петрограде театр-кабаре «Би-ба-бо».

И еще одна игра, упомянутая Катаевым, – в бильбоке. У того же Николая Агнивцева есть стихотворение

Бильбоке

К дофину Франции в печали
Скользнув тайком из-за угла,
Однажды дама под вуалью
На аудиенцию пришла.
Перед пажом склонила взоры:
– Молю, дофина позови!
Скажи ему, я та, которой
Признался в вечной он любви!

– Что вас так всех к дофину тянет?
Прошу – присядьте в уголке!
Дофин устал! Дофин так занят!
Дофин играет в бильбоке!

К дофину Франции в покои,
Примчав коня во весь опор,
С окровавленной головою
Ворвался бледный мушкетер.
– Эй, паж! Беги скорей к дофину!
Приходит Франции конец!

О, горе нам! Кинжалом в спину
Убит король, его отец!

– Что вас так всех к дофину тянет?
Прошу – присядьте в уголке!
Дофин устал! Дофин так занят!
Дофин играет в бильбоке!..

Скетинг-ринг

«В один прекрасный день в нашем городе появились роликовые коньки – заграничная новинка, – о которых мы до сих пор не имели понятия.

Превосходная штука!»

Как все в «Разбитой жизни…», и глава о скетинг-ринге написана так ярко и выпукло, что и добавить нечего. И все же мне хочется привести небольшой текст, прочитанный в Фейсбуке, блестящего знатока Одессы, собирателя и хранителя ее памяти Олега Губаря:

«…Наткнулся в своем архиве на очень редкую открытку 1900-х. На ней – роликовый каток в нынешнем Русском театре. Едва ли кому известно, что эпоха этого средства передвижения началась у нас в далеком 1876 году. Счастливый случай: частный одесский чугунолитейный завод получил тогда колоссальный заказ от одной британской фирмы на изготовление роликовых коньков – разумеется, ради выгоды. Ситуация способствовала рекламе, и в городе стали возникать специальные временные катки. В начале прошлого столетия функционировало уже и два стационарных: «Роль-Палас» на Херсонской в «Гранд-Отеле» (где теперь общежитие Холодильного ин-та) и в Русском театре. Это были платные катки, на которых устраивались всякие шоу – шествия с китайскими фонариками, маскарады, танцы, игра в «летучую почту» (переродилась в детскую «игру в почту», в ходе которой каждый участник получал номерок, а почтальон разносил записки). В 1990-х роллеры изрядно расплодились, а теперь, похоже, мода пошла на спад».

Мелочи жизни

Одессу часто, наверное, не очень справедливо, сравнивали с Марселем. Но что действительно в Одессе напоминало о средиземноморском городе – это черепица, которую называли марсельской, даже если на ней стояли клейма не французских мастеров.

И марсельские одеяла. Махровые простыни и полотенца у нас в широком обиходе появились гораздо позже, а марсельские одеяла были спасением в летнюю жару. Из натурального хлопка, безукоризненно белые, с вытканным рельефным, чаще геометрическим узором, в жаркие летние ночи они давали прохладу, спасали от комаров. И были такого высокого качества, что дожили во многих одесских семьях до послевоенных лет. Когда на смену им пришли советские «марсельские» одеяла грубой выделки с цветочным рисунком тусклого синего цвета, то ни в какое сравнение с теми, белыми, даже обветшавшими, сохранившимися еще с дореволюционных лет, идти не могли.

«…потом мы терли друг другу спины распаренной мочалкой, так вкусно пахнущей хорошим аптекарским магазином Лэммэ, где она была папой куплена».

«Старинное «Одесское общество торговли аптекарскими товарами «Ю. Лемме и К°» помещалось в собственном доме на улице Жуковского, имело в городе два розничных магазина, поставляло больницам и продавало отдельным покупателям аптекарские и химические товары, аптечную же и лабораторную посуду, минеральные воды, перевязочные материалы, хирургические инструменты, средства дезинфекции…» (Ростислав Александров. «Торг обильный». – Одесса: Оптимум, 2002).

Юлиус Христианович Лемме был не только владельцем аптекарских магазинов, гораздо большую известность принесла ему его страсть к коллекционированию произведений искусства. Больше всего его влекли античные резные камни – инталии и камеи, то влечение, которое Екатерина Великая называла «камейной болезнью».

Уже в конце XIX века Ю. Лемме, возможно, не всю, коллекцию глиптики продает. В Эрмитаже хранятся шедевры камнерезного искусства, и среди них – из коллекции Ю.Х. Лемме.

В книге «Античные камеи» (1971 г.) О.Я. Неверов писал, что собрание эрмитажной глиптики во многом пополнялось из частных коллекций «…герцога Луи-Филиппа Орлеанского (1787 г.), герцога Сен-Мориса, директора Дрезденской академии художеств Ж.-Б. Казановы (1792 г.)… одесского собирателя Ю.Х. Лемме…». А в книге, посвященной античным инталиям, О. Неверов поместил фотографию одной из старейших инталий, относящуюся к середине 2-го тысячелетия до н. э., – «Бык» из собрания Ю.Х. Лемме. Причем год поступления гемм из коллекции Ю.Х. Лемме в Эрмитаж – 1893-й.

Не могу сейчас указать источник, давно читала, что основную часть своего собрания гемм Ю.Х. Лемме продал Лувру, тогда же, в конце XIX века…

«…сам Карлик или мадам Карлик в виде премии с любезной улыбкой вручали мне какую-нибудь приятную вещицу: синее стальное перо с курчавой головой Пушкина посередине, резинку с белым слоном».

Еще в 60-х – начале 70-х у моей свекрови были пациенты с фамилией Карлик, может, потомки владельцев канцелярского магазина, где маленький Валя получал, как теперь бы сказали, бонус в виде пера «Пушкин» и резинку с белым слоном. Такие резинки пережили надолго стальные перья с головкой Пушкина. Как и знаменитые карандаши, эти резинки или ластики «со слоном» из натурального каучука были изделием фирмы «Koh-i-Noor» , основанной еще в 1790 году. Многие поколения детей и взрослых оценили их по достоинству. В 1914 году вышла книга стихов для детей «Апельсинные корки» Марии Моравской, поэтессы Серебряного века с удивительной судьбой. Между прочим, как раз в начале XX века М. Моравская жила в Одессе.

В стихотворении «Жалоба слона» упоминается резинка «со слоном» от «Koh-i-Noor» :

…Но лишь хлебца ему дали
И спросили о печали,
Он Гришутке дал ответ:
– Не хочу, чтоб рисовали
На резинках мой портрет…

И стальное перо с головкой Пушкина, и ластик со слоном, и другие милые мелочи былой «разбитой» жизни вспоминает В. Катаев: севрская чашка, которой не случайно дорожила тетя, – не только подарок от былого жениха, но и достаточная редкость и ценность. «Хорошего севрского фарфора не существует – есть только великий», – такова была его оценка.

«…старушка Языкова, внучка известного поэта, друга Пушкина… так мирно и одиноко жила – во всем черном, как монашка, – среди своих гарднеровских и поповских чашек, портретов, дагерротипов, икон и лампадок».

Фарфор завода А. Попова был одним из самых известных в России первой половины XIX века. По художественному уровню его изделия не уступали и ценились наравне со знаменитым фарфором Гарднера, изделиями петербургского завода братьев Корниловых и Императорского фарфорового завода.

Любопытно, что, вспоминая чайные стаканы, севрскую, поповские и гарднеровские чашки, В. Катаев ни разу не упоминает изделия заводов М. Кузнецова, выпускавших продукцию «на поток». Красноречивое молчание.

И чувств изнеженных отрада…

Аткинсоновские духи.

«…где жил ее двоюродный брат, богатый помещик и земский деятель Евгений Петрович Ганько… голова с римским носом, на котором как-то особенно внушительно, сановно сидело золотое пенсне, весьма соответствующее его сенаторским бакенбардам и просторной пиджачной паре от лучшего лондонского портного, источавшей тонкий запах специальных мужских аткинсоновских духов…»

Джеймс Аткинсон открыл парфюмерный магазин в Лондоне в 1799 году. В 1826 году он стал личным парфюмером королевской семьи. Затем и другие коронованные семьи оценили достоинства этой парфюмерии. И не только они.

В волнах летаю котильона,
Вдыхая запах «poudre Simon»,
Влюбляясь в розы Аткинсона…
Андрей Белый. Поэма «Первое свидание».

«Слезы катились по тетиным напудренным щекам, и она все время вытирала нос комочком маленького кружевного платка, тонко пахнущего французскими духами «кёр дё Жаннет», и почему-то это еще больше усиливало мое горе при виде гибели «Петропавловска».

Панорама «Гибель Петропавловска» появилась вскоре после морской трагедии – в 1904 году.

Возможно, с годом Катаева подвела здесь память.

…С 1775 года существует французский парфюмерный дом Убиган, духами которого пользовались монархи Европы от Марии-Антуанетты и Наполеона до вдовствующей российской императрицы Марии Федоровны. Но и европейские художники и писатели любили эти мужские и дамские парфюмы. В 1880 году парфюмер Поль Парке стал совладельцем фирмы Убиган и создавал все новые духи с изысканными ароматами. Так в 1908 году появилась очередная новинка от Поля Парке – «Coeur de Jeanette» («Сердце Жаннетт»).

То, что Катаев вспоминает эти духи в связи с панорамой «Гибель «Петропавловска» (скорее всего, это был 1904 год), меня не смущает. В разговоре о детских воспоминаниях с литературоведом Борисом Галановым, также родившимся в Одессе, Катаев признавался: «Я могу побрёхивать как беллетрист, но в подробностях всегда точен».

И то, что именно запах тетиных духов «кер де Жаннетт», и их название маленький Валя запомнил и вспомнил о них через 60 с лишним лет, сомнения не вызывает, и неважно, душилась ли Елизавета Ивановна ими в 1908 г. или даже несколько позже.

Духи появились позже, но их запах, флакончик с ними на тетином туалетном столике он, несомненно, помнил, хоть несколько смещенными во времени…

И в заключение этих беглых заметок еще два отрывка из «Разбитой жизни…» – о Елизавете Ивановне Бачей:

«…Ей не было и тридцати, когда она приехала к нам заменить покойную маму. Тогда я еще не понимал, что она совершила подвиг, в цвете лет отказавшись от личной жизни, от свободы, независимости ради того, чтобы воспитать нас – меня и крошечного Женьку, детей ее любимой старшей сестры, которой она однажды дала слово в случае ее смерти заменить нам мать».

«…Тетя хорошо одевалась, душилась духами, носила модные шляпы, вызывавшие у папы иронические улыбки. Даже в епархиальное училище на уроки тетя надевала синее шелковое платье с кружевами на шее и на рукавах. В противоположность покойной маме, всегда гладко причесывавшей свои черные, как воронье крыло, волосы, тетя – светлая шатенка, почти блондинка – устраивала себе модные прически с валиком впереди а-ля Вяльцева, знаменитая исполнительница цыганских романсов.

Тетя часто садилась на вертящуюся табуретку с плетеным сиденьем, открывала крышку пианино и с блеском, со щегольством начинала играть один за другим вальсы Шопена, причем ее тонкие пальцы так и летали туда и назад вдоль пожелтевших клавишей, сверкая кольцами с маленькими, но настоящими разноцветными драгоценными камешками».

«…кажется, она даже втайне от нас курила, так как я однажды обнаружил в ее комнате тоненькую дамскую папироску и легкий запах табачного дыма…»

Если в детстве любимыми героями в «Белеет парус одинокий» были Петя и Гаврик, то в иные годы, в другом возрасте самой любимой книгой Валентина Катаева стала «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», а в ней любимой героиней – Елизавета Ивановна Бачей, тетя Лиля. Тетя.

Феликс Кохрихт

Одесса, XXI век: семейное гнездо

Так сложилось, что я с молодости дружил и дружу с одесскими художниками, и на моих глазах подрастали их дети, многие из которых пошли по стопам родителей. Это тема особого разговора, заслуживающего не только журнальной статьи, но и книги: ведь уже сложились целые династии, состоящие из трех, а то и более поколений.

Не скрою, первоначально хотел перечислить тех, кто из малышей, игравших отцовскими-материнскими кистями и красками, стал сегодня живописцем, графиком, скульптором, но вовремя остановился, представив себе, как далеко бы увели меня воспоминания и желание не упустить никого… Вот и решил: в номере

Степан Рябченко на фоне своих работ в PinchukArtcentre. Проект «Герои»

альманаха, посвященном 220-летию Одессы, рассказать о том, кто, на мой взгляд, не только сложился как мастер, работающий в самой современной манере и с самыми «продвинутыми» технологиями, но и обладает ярко выраженным гражданским отношением к городу, в котором родился.

Степан Рябченко – третий в «клане». Дед – Сергей Васильевич – автор графических работ, в которых Одесса и море середины XX века, отец Василий Сергеевич (впервые называю товарища по имени-отчеству) – один из фундаторов отечественного постнового искусства, пришедшего вслед за шести-, семидесятниками.

Ни на отца, ни на деда Степан в своих работах не похож, но унаследовал от них, пожалуй, основное свойство – отношение к делу, которым занимаешься. Ни у Сергея Васильевича, ни у Васи не сыщешь суеты, торопливости, коммерческого подтекста. Звучит пафосно и, полагаю, что найдутся и те, кто воспримет это предположение с иронией, присущей нашему окружению. Будет время и место – можно будет и поспорить, а пока позволю себе заметить, что кроме семейной Степа продолжает еще и линию Валентна Хруща, которого знал с детства: Василий Рябченко – один из апологетов нашего классика.

Степа. Одесса, 1993 год

Разумеется, ни Василий, ни тем более его сын не были учениками Хрущика: он, как и Григорий Сорока, и Винсент Ван Гог, и Нико Пиросмани, не преподавал, не проповедовал, не создавал школ…

Чему можно было научиться у Хруща, кроме искусства заваривания чая? Ощущению себя как части Ойкумены – пространства в ареале Средиземного и Черного морей, которое, по верованию эллинов, населяли разумные и толерантные люди. А еще – уважительному и совестливому умению искусно работать с материалом и инструментом, непреходящему интересу не только к привычным кистям и стамескам, но и к технике, к старым приемникам («Телефункен»), фотоаппаратам высшей пробы. И сегодня Василий снимает только легендарной немецкой «Лейкой» – и классической, и самой современной.

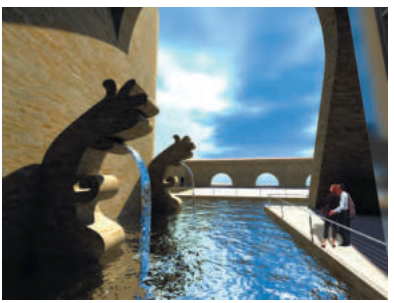
Степан, рисовавший с младенчества, окончивший Одесскую академию строительства и архитектуры, член Национального Союза художников Украины, несомненно, владеет традиционными приемами живописи и графики. Но в свои 26 лет уже признан как мастер цифрового искусства, скульптор и автор инсталляций, художник. Он удостоен главных и иных премий и лауреатств самых престижных смотров современного искусства в Украине и за рубежом, его работы – в музеях и частных коллекциях Европы.

Мне бы хотелось порассуждать о природе и смысле композиций Рябченко – камерного и монументального, создающего на компьютере разнообразные тематические серии, среди которых и особый мир, населенный компьютерными же вирусами. При одном упоминании об этих «тварях» не только у меня, «чайника», но и у продвинутых пользователей сразу возникает паника и желание вызвать мастера – ликвидатора вражеского вторжения, но Степан уверен, что виртуальный мир необъятен и разнообразен, его населяют и герои, и монстры (это я пытаюсь своими словами передать его теорию), и этот мир достоин быть воссоздан средствами искусства, разумеется, компьютерного… У этих работ уже множество поклонников, и они востребованы.

Но в канун юбилея Одессы мы говорили о его архитектурных проектах, в большинстве своем высоко оцененных коллегами и общественностью, премированных на смотрах и конкурсах.

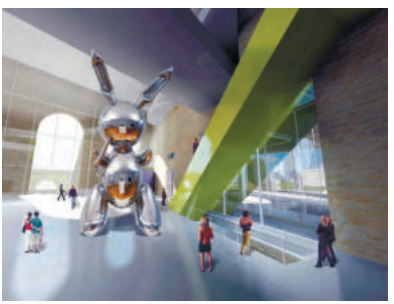
Опять же – за недостатком места лишь представлю эти работы нашим читателям, снабдив краткими пояснениями.

Музей актуального искусства

Сельский клуб. 2007 г.

Работы Степана Рябченко в PinchukArtCentre. Проект «Герои». 2011 г.

Сразу же замечу: далеко не все из объектов, предназначенных для городской среды, можно себе представить в контексте традиционной застройки Одессы. И тем не менее, понимаю: это – архитектура будущего, а оно, как говорили великие фантасты, начинается сегодня.

Есть и проекты, которые созданы для нашего региона – для городков и сел области, расположенных вблизи рек, лиманов, морского побережья, – их можно было бы возводить хоть завтра. Были бы у меня деньги – вложил бы, и с выгодой.

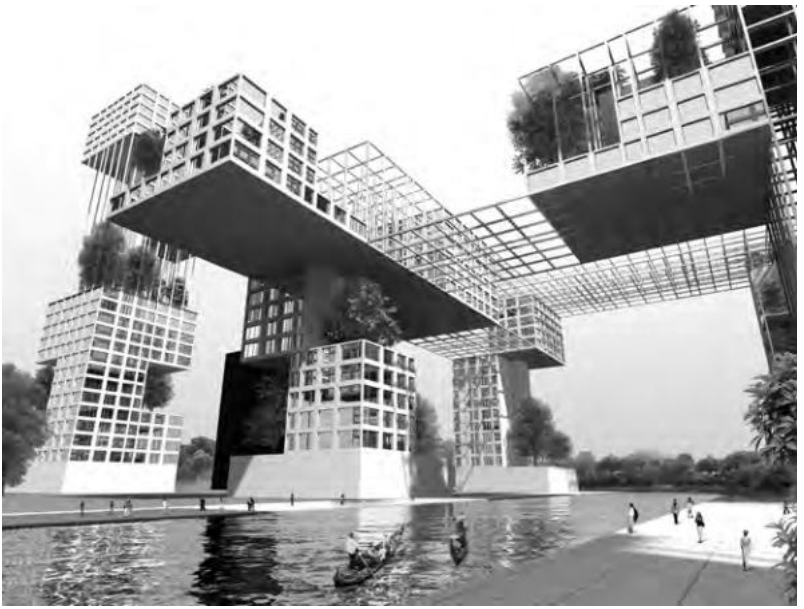
Музей актуального искусства

Он, как уверен автор, органично вписался бы в пространство парка культуры имени Т. Шевченко, в прошлом – Александровского. В начале XX века здесь проводились грандиозные промышленные выставки, известные во всем мире. Они сопровождались гуляниями, аттракционами, концертами, экспозициями не только продукции фабрик и заводов, но и произведений искусства – в том числе и мирового.

Проект привязан в старинной стене Карантинной гавани и призван объединить историю нашего города и новации – не только сегодняшнего времени, но и будущего. Мы поместили этот проект на обложке и на цветной вкладке, чтобы показать многофункциональность сооружения и оригинальность архитектурного решения. Степан Рябченко определил свой проект как «Бастион искусств».

«Октанты»

Эти термином из геометрии архитектор объединил концепцию и принципы застройки отдельных городских кварталов, в основе которых лежит идея трансформации строительных конструкций и их мобильности. Следует сказать, что Степан – поклонник и ценитель старой одесской архитектуры и остро переживает немотивированное, а то и чисто коммерческое

Градостроительный проект «Октанты»

вмешательство в городскую среду центра и легендарных бывших окраин Одессы. Его проект – альтернатива и серым массивам недавнего прошлого, и помпезным лжеклассическим сооружениям, созданным на потребу нуворишам. Разумеется, проект «Октанты» предполагает реализацию на свободных пространствах или должен заменить резко устаревшие и аварийные постройки.

Гольф-клуб

По замыслу С. Рябченко, он может возникнуть в Беляевском районе – между райцентром и селом Яськи. Комплекс состоит из полей для игры, нескольких зданий, гостиницы и призван внести и спортивное, и деловое, и светское, и культурное оживление в этот уголок нашей живописной области.

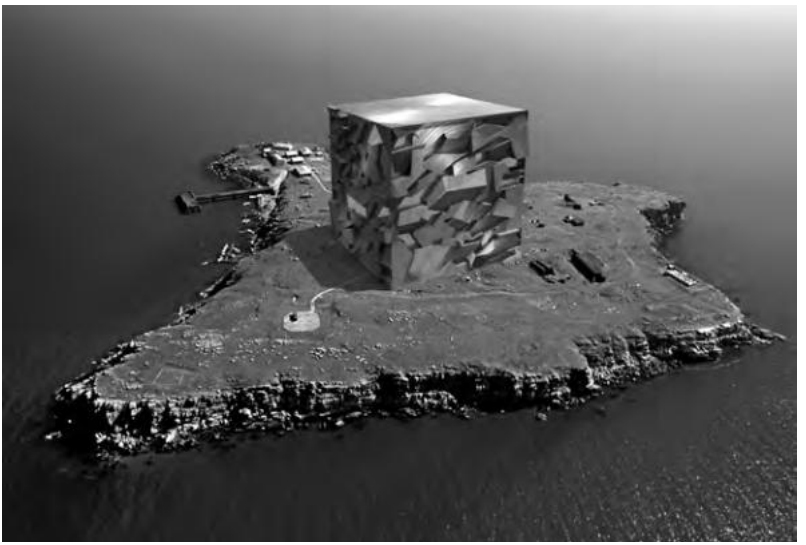
«Гольф-клуб», Украина, Беляевский район Одесской области. 2011

Куб Ахилла

Меня поразил этот замысел архитектора – он удивительно точно и нестандартно выразил символ острова Змеиного, где, по преданию, бывал герой великого гомеровского эпоса «Илиада» – непобедимый Ахилл. За этот каменистый клочок суши, возвышающийся над волнами Черного моря, на протяжении веков шла ожесточенная борьба, да и сегодня он в центре споров…

Античная монументальность – в основе проекта, согласно которому все структуры и службы, расположенные на острове (от электростанции и жилья до погранпоста и базы научных исследований, а также – вертолетная площадка), будут собраны в огромном величественным кубе.

Если этому замыслу нашего земляка суждено осуществиться, он, уверен, войдет в число самых заметных рукотворных артефактов XXI века.

Многофункциональный комплекс «Куб Ахилла», Украина, остров Змеиный. 2010

Семейное гнездо

Так называется один из самых камерных, но, на мой взгляд, самых знаковых его проектов.

Представьте себе овеществленную мечту дружной семьи, состоящей из родителей и детей – поменьше и вполне взрослых, вроде Степана. Сегодня они живут вместе в стандартной городской квартире, но всегда мечтали о доме у моря – недалеко от города, но все же на природе.

Помню, как много лет назад, когда не только деревья были молодыми, мы с Таней приезжали в гости к Васе и Лене Рябченко… Весной, летом и ранней осенью они обитали в старом фонтанском доме (за 16-й станцией), на его верхотуре, где находились и мастерская, и жилье. Степа и сегодня вспоминает это время как лучшие дни своего детства.

Он вообще привязан не только к городским кварталам одесской классики, но и к ландшафтам и краевидам, водоемам и небесам вокруг города и за ним…

«Семейное гнездо». 2010

Для себя, своей будущей семьи, родителей, сестры и брата он придумал дом-складень, дом-трасформер, который легко собрать и перенести на другое место. Есть одно условие – это «другое» место обязательно должно быть в Одессе. Иначе – не срастутся конструкции.

Такова моя версия, и Степа ее принял.

Список премий и призов, завоеванных одесситом Степаном Рябченко, можно найти в Интернете.

Олег Кудрин

Русский Биг-Бен и две его любви

Грустно и больно. Умер Бенедикт Михайлович Сарнов.

Называть его учителем было бы наглостью. Но все же…

Его статьи читал и перечитывал с юности. И даже с детства. Потому что Бенедикт Михайлович умел писать очень просто, понятно и увлекательно о самых сложных вещах (чего я, например, совсем не умею). Человек удивительной честности и толерантности. Критикуя мои статьи и категорически не соглашаясь с какими-то из их положений, он тем не менее делал все, чтобы

В кабинете Б. Сарнова

их улучшить. Или, как он говорил с легкой улыбкой, «Не хочу, чтобы вы выглядели глупее, чем вы есть».

Работа-учеба началась у него благодаря тому, что в «Вопросах литературы» были запланированы мои статьи об авторах одесской школы. Сарнов входил в редколлегию журнала. А его соседка, Нина Николаевна Юргенева (кто не знает, она – вдова Георгия Мунблита, соавтора Евгения Петрова после смерти Ильфа), в свои 90 лет была редактором отдела (в этом журнале ННЮ работала со дня его основания – 1957 года, и лишь недавно ушла на пенсию). Споры наши были, прежде всего, по поводу Катаева и Бабеля-Багрицкого. Творчество неотделимо от жизни, человеческих качеств. Так вот, литературные качества этих трех авторов, несомненно, равно высоки, спорить нечего. А вот что до человеческих, то, упрощенно говоря, Сарнов Бабеля с Багрицким любил, а Катаева – нет. Я же – наоборот. Споры были довольно горячие. Жаль, я тогда не знал об «одесском следе» в истории сарновской семьи.

Феликс Бенедиктович Сарнов:

«Мои бабушки и дедушки родом с Украины. Папин отец Михаил Владимирович Сарнов родился в многодетной семье – пять братьев. Жили они в Златополе, городок на Черкасчине (в последнее время – Кировоградская область. – ***О. К.****). Он поехал учиться в Одесскую консерваторию. Вечерами подрабатывал – играл в кабаке. По окончании учебы, длившейся четыре года, получил грамоту «Почетного потомственного гражданина Российской империи», дававшую право ему и его наследникам проживать вне черты оседлости».*

Вообще-то, я давно мечтал познакомиться с Бенедиктом Михайловичем, поработать с ним. И вот после какой-то из презентаций подошел, сказал, что сейчас работаю над книгой «Фон Кихот Готический. Рыцарство и романтизм в нацистской идеологии». Это, по сути, «Гитлер и писатели», а у него многотомник «Сталин и писатели». Если ему интересно, рад был бы дать на прочтение первую главу. Он согласился. Так я впервые оказался в его доме. Место классическое: м. Аэропорт, ул. Черняховского, 4. Тут очень многие писатели живут. Тогда я не знал о том, как Сарновы решали свой квартирный вопрос.

Феликс Сарнов:

«С бабушкой дедушка познакомился уже в Москве. Он сначала работал в Большом театре. Но там хорошо платили только первой, второй скрипке, а ему надо было кормить семью. Дедушка пошел работать настройщиком. Потом-то Сталин зарплаты в Большом театре сильно повысил, но возвращаться было уже поздно. Они жили в Козицком переулке. Шестикомнатная квартира стала коммуналкой. В каждой комнате обитало по 3-5 человек. У папы с родителями комната была целых 20 квадратных метров, окна, правда, во двор-колодец. Но это еще хорошо. У других – и того меньше было.

Когда папа привел жену, стало уже четверо, комнату перегородили шкафом, стали так жить. Потом в доме появился номер пять – это я. А в 1958 году отец получил квартиру от «Литературной газеты», это уже была двухкомнатная квартира на Беговой улице, в одной комнате была наша семья из трех человек, в другой – четыре человека. (Позже в этом доме был знаменитый комиссионный магазин, рядом всегда крутилась фарца.) Там жили до 1962 года. Тогда начал строиться писательский кооператив. Денег у отца хватало только на один первый взнос. А свою комнату на Беговой он сдал государству. Хотя ему говорили, что можно было как-то оставить ее за собой, переписать бабушке. Но он не стал этого делать. Так мы переехали в этот район – метро Аэропорт, но тогда жили не в этом доме, где сейчас с вами. Этот писательский дом Черняховского, 4, – кооператив «Московский писатель». У нас был дом поскромней – ул. Красноармейская, 27, кооператива «Советский писатель». В этом случае получалось, что «Московский писатель» важней «Советского»…»

В первый же приход хозяйка дома Слава Петровна заготовила чая и печенюшек на большом подносе. Но тогда посиделки были не особенно долгие… А вот в следующий раз, когда собрались по поводу одесской школы, и уже втроем с Юргеневой под добродушное ворчание мужа («ну, что ты, зачем столько») хозяйка накрыла целый стол в духе кустодиевских чаепитий. У Юргеневой, кстати, недавно было 90-летие. Потому я принес 10 роз: 9 – имениннице, одну – хозяйке. Все бросили в ванную

с холодной водой. Когда гости уходили, Юргенева наотрез отказалась брать розы. В конце концов, общими усилиями уговорили ее взять одну, оставив 9 хозяйке. Слава Петровна была немного смущена, но все же счастлива – цветы, розы…

Тогда и подумалось, что для Нины Николаевны, при всем ее женском обаянии, соразмерном уму и скорости реакции, главное – работа, спор, истина. А для Славы Петровны – самоощущение супруги, женщины.

Шуточный коллаж: Сталин и Сарнов

Феликс Сарнов:

«Папа с мамой жили и учились, по московским меркам, по соседству. Но познакомились в эвакуации – на Урале, в городе Серове. Моя мама жила тоже в центре – в Воротниковском переулке, вместе со своей мамой. Там сделали квартиры, комнаты на месте графских конюшен. Отец бросил их, когда ей исполнилось семь лет. У них была очень своеобразная семья. Отец – неуравновешенный милиционер. Он заставил ее маму выйти замуж с пистолетом в руках. Сказал: «Или выходишь за меня, или убью и тебя, и себя». Мама родилась в местечке Веркиевка, позже переехали в более крупный город – Нежин. Муж там стал начальником милиции. А уж потом они перебрались в Москву. Отец очень хотел сына. Был уверен, что родится сын, и даже имя придумал – Слава. Не Вячеслав, не Святослав, не Изяслав, а именно Слава. А когда родилась дочь, решение менять не стал. Так маму и записали – Слава Петровна Еремко.

Училась она на Литфаке педагогического института. Это тот, что был им. Ленина, а сейчас МГПУ. Интересная история произошла с ней на распределении. Так получилось, что ее подружки были еврейки, лингвистически одаренные, мечтавшие о науке,

об аспирантуре. А их отправляли работать подальше, в том числе и на Камчатку… Мама страшно заволновалась. Она в науку не хотела, но очень боялась куда-то уезжать, говорила: «Здесь Бен, я от него – никуда!». И вот пришла ее очередь. Преподаватели смотрят ее бумаги, говорят: «Хм-м, замечательно. Да это – аспирантура!». А мама сказала, что не хочет в аспирантуру, ей бы просто в школе поработать. «Да? Замечательно. А где вы живете? Какая у вас там ближайшая школа?..»

И вот мама вышла из комнаты. Подружки – к ней: «Ну что? Ну как? Куда?». Мама ничего им не ответила, просто расплакалась. Конечно, такая разница в отношении объяснялась «борьбой с космополитизмом», которая тогда велась. После этого, кстати, мама устроилась работать на радио. Да, с такой фамилией, если иметь мозги, тогда можно было найти очень неплохую работу.

Когда дружба папы и мамы перешла в роман, то начались проблемы. Слишком уж разные были у них семьи, в том числе и по национальности. Папина семья – еврейская. И не сказать, чтобы ортодоксальные или хотя бы религиозные евреи. Но мамины родители – украинцы. А межнациональные недоразумения в Москве, в стране тогда были довольно сильны. Для бабушки слово «украинец» являлось синонимом слов «махновец», «петлюровец». Мария Филипповна в гражданскую войну «повидала пару пустяков», чудом жива осталась, а многие подружки, родственники погибли. Это уже потом я узнал, что тот же Махно был интернационалистом, и знаменитый Лева Задов у него служил. Да и Петлюра – не антисемит, просто не имел сил, возможностей прекратить погромы… Но тогда обе семьи таким выбором своих чад были недовольны».

Феликс Бенедиктович не избегает сложных тем. Не терпит приукрашательства и самолюбования. Это у него от отца, не боявшегося честно рассуждать на любую тему…

Я подписывал у Сарнова все его вновь выходящие книги. И спрашивал, какая работа будет следующей. Это уже превратилось в ритуал. Соответственно и подписи были традиционные – «Дружески…», «В продолжение разговора…», «Еще в продолжение разговора…», «С благодарностью за интерес к моей работе…».

Но вот на книге, которую он считал главной в своей жизни («Сталин и писатели» в 4-х томах, последний четвертый том, там, где Бабель, и подписал), он сделал надпись, которая для меня дорога, как медаль или орден: «Талантливому человеку – автору текстов, которые я читал с увлечением, даже не соглашаясь с ними. Дружески».

Увлекаться, не соглашаясь; помогать, горячо споря. Вот достойная, истинно вольтеровская позиция, на которую не многие способны! При этом главным для него было ощущение, что собеседник не лукавит, а просто хочет разобраться. Если это честно, то позволительно любое мнение. Ведь разность мнений и составляет источник научной энергии.

Как это ни пафосно звучит, для Сарнова литературоведение действительно было служением литературе. И так – с самой юности.

Феликс Сарнов:

«Папе очень повезло не только с мамой, но и с профессией, делом жизни. Он счастлив был пойти в Литературный институт. Но и там случился скандал, настоящее персональное дело. Папа сдавал зачет по марксизму-ленинизму. Вышел из аудитории, посмотрел на стенку с портретами классиков и сказал: «Вот понаписали, а ты теперь сдавай…». Его, конечно, заложили. И после этого выгнали из комсомола, из института.

*А у отца уже лежала статья в «Новом мире», вот-вот должна была выйти. И тут такая история. Сотрудник журнала Борис Яковлев сказал отцу: «Сам понимаешь, так издавать нельзя. Но я скажу Константину Михайловичу (Симонову. – **О. К.**), может, удастся выпустить под псевдонимом». А через какое-то время опять предлагает встретиться. Говорит: «Поздравляю! Статья пойдет так, под настоящим именем».*

Что произошло? Яковлев пришел к Симонову, объяснил ситуацию. Тот посмотрел работу, говорит: «Давай так!». Для него это была мелочь, без особого риска. Если бы начали приставать с расспросами, он мог просто ответить: «Мне тут товарищ Сталин поручил срочную работу, а вы пристаете со своими глупостями!». Вообще, надо сказать, если это не было сопряжено с большим риском, Симонов не упускал возможности сделать доброе дело, помочь кому-то.

После выхода статьи апелляцию отца приняли к рассмотрению. Восстановили в комсомоле. Он тогда сказал: «Я сниму с себя этот выговор». Но руководство опять оказалось недовольно: «Знаете что – вы идите, учитесь. А мы уж сами решим, когда снять с вас этот выговор. И снимать ли вообще!». Пойти на дневное отделение уже не получалось, и отца восстановили на заочном.

А уже разворачивалась борьба с космополитизмом. Работу после института искать было нелегко. И с такой фамилией, и со скандальным пятнышком в биографии. Хоть бери фамилию супруги. Хотя кто надо, все равно все знал – так что бессмысленно. И вдруг отца сами пригласили. Очень вежливо, даже, пожалуй, робко спросили, не согласится ли он пойти в отдел писем журнала «Пионер», с перспективой в скором времени стать завотделом. Это было незадолго до моего рождением (как говорил дедушка, «пополнения семейства»).

От той работы у отца остались юмористические рассказы о письмах «с мест». И как раз когда его уже назначили завотделом литературы, поступило приглашение из «Литературной газеты». Папе трудно было уходить из «Пионера», все же они его поддержали, пригласили в такие непростые времена. Да и карьерный рост. Но «Литературка» – это «Литературка», и она все же перевесила, хотя туда отец пошел простым сотрудником».

Поразительно, но даже в строгие советские времена в статьях, обзорах и очерках его часто называли Бен Сарнов. Вроде и фамильярно, и так не по-советски. Но это казалось нормальным, правильным. Исключительно потому что писавшие искренне чувствовали, что писать следует никак иначе, а именно так, по-свойски, по-дружески.

Феликс Сарнов:

«У папы всегда было много друзей. Когда мы жили на Беговой, были частые застолья. Тут я сидел (потом спал), а тут спорили, выпивали, закусывали. Очень близкими друзьями отца были Лазарь Лазарев, Станислав Рассадин, они вместе выпустили книгу пародий «Липовые аллеи». С Лазарем дружили до самой смерти, а со Стасиком, увы, в какой-то момент раздружились. Был близок

с Володей Корниловым, Александром Бориным. Вообще, с кем работал в «Литературной», с тем и дружил.

Да, всегда старался дать работу Науму Коржавину. Когда тот заходил в редакцию, ему срочно освобождали кабинет, чуть ли не главного редактора газеты. И Коржавин там работал. Еще папа приятельствовал с Юзом Алешковским. Тот всегда был резковат. В 1968 году после известного выхода на Красную площадь Юз сказал фразу, за которую его осуждали: «М…вошек всегда тянуло на Лобковое место!». Алешковский всегда был таким – ради красного словца, шуточки никого не пожалеет. Все эпатажное сразу выплюнет! Хорошим другом отца был Владимир Войнович. Мне кажется, у Войновича папа вообще оставался последним близким другом из их старой компании.

Во время перестройки отец очень сдружился с Аксеновым. До того они были знакомы и даже на «ты», но не друзья. Почему? По разным причинам. Разница в возрасте в пять лет что-то значила. Вкусы во многом расходились. Аксенов – авангардист, как говорили, «левый», отец – более традиционных, консервативных вкусов. И когда за какую-то новую вещь все Аксенова обос…ли, папа заступился. Писатель удивлялся: «Бен Сарнов – правый (в эстетическом смысле. – ***О. К.****), а заступается». К перестройке многое изменилось. Эстетические взгляды сблизились, а уж политические были очень схожи. В Америке Вася очень тепло принимал родителей. И позже я был поражен, как трогательно он представляет отца: «Мой друг Бен Сарнов…». А в Одессе, сыгравшей такую роль в жизни нашего деда, самым близким другом отца был капитан знаменитой команды КВН, а теперь главный редактор журнала «Фонтан» Валерий Хаит».*

Когда я говорил Сарнову о его последних книгах (о Солженицыне, об Окуджаве) строго следил, чтобы похвала не показалась чрезмерной, напирал, в основном, на своевременность. Сарнов оценивал эту умеренность – говорил с легкой иронией и самоиронией: «Ну, что ж, спасибо. Постараюсь и впредь соответствовать вашим ожиданиям». Примерно такую подпись он сделал на книге об Александре Исаевиче, на мой взгляд, недооцененной. И именно сегодня чрезвычайно важной, актуальной.

Феликс Сарнов:

«Феномен Солженицына» обсуждали, но не так широко, как он того заслуживал. Что поделать, клан Солженицына нынче очень силен. Да он и всегда был силен. Не зря же, когда Александр Исаевич жил в эмиграции, сидел в Вермонте, его поместье называли Вермонтский обком.

А потом отец взялся за «Красные бокалы», книгу об Окуджаве, их общем круге друзей и знакомых. Она начиналась как ответвление от очередного тома мемуаров «Скучно не было». Но потом эта тема как-то разрослась. К тому же отца сильно раздразнила быковская книга об Окуджаве в серии ЖЗЛ. Там слишком много субъективного, тенденциозного. А то и просто встречается открытое вранье.

Но я, признаться, эту папину книгу принял настороженно. Почему? Странное ощущение. Просто вспомнил, как Аксенов незадолго до инсульта, от которого он так и не отошел, издал книгу о Роберте Рождественском. Она была такая… немного заказная – семья очень попросила написать. И в ней было только хорошее (очевидно, имеется в виду роман «Таинственная страсть». – ***О. К.****). А я опасаюсь таких книг, которые пишутся «под занавес».*

Нет, в «Красных бокалах» нет отхождений от правды, просто местами отец обошел сложности. А ведь у них с Окуджавой временами отношения были очень холодные. Тогда люди определялись, делали свой выбор. Но Окуджава не хотел конфронтации, пытался быть и там, и там. А книга в итоге получилась апологетическая. Интересно, что когда я сказал отцу об этом, он засомневался, но, в общем-то, не согласился…»

Все казалось неизменным. Вот и в очередной раз Бенедикт Михайлович сказал (по телефону): «Да вот, решил опять заняться воспоминаниями. Третью книгу готовлю…». Однако на этот раз сам доработать не успел.

На гражданской панихиде Елена Шубина (крупное и – интеллектуально – главное подразделение в издательстве АСТ так и называется: «Редакция Елены Шубиной») сказала, что рукопись готова. По указаниям «Бена» ее дорабатывал сын.

Но вступление «от автора», предоставленное нам Феликсом Бенедиктовичем, – выверено авторское.

Бенедикт Сарнов

Скуки не было

Третья книга воспоминаний

От автора

Закончив вторую книгу своих воспоминаний, в которой довел повествование до наших дней, я на первых порах испытал естественное чувство освобождения. Но вскоре меня стала мучить какая-то неясная неудовлетворенность, постепенно вылившаяся в отчетливое сознание, что дело не кончено – работа не завершена.

Сознание это было рождено тем, что я целиком пропустил огромный по значению кусок своей жизни – время перестройки, распада Советского Союза, начала нынешнего, уже постсоветского периода нашей истории.

Материала тут хватило бы еще на один – третий том. И я стал задумываться о том, что, пожалуй, надо бы мне эту третью книгу моих воспоминаний все-таки написать.

И вдруг меня осенило, что такая книга мною, в сущности, уже написана. Это – статьи, очерки, фельетоны и полемические заметки 80-х и 90-х годов. Те, что я писал и печатал в те годы в «Огоньке», «Московских новостях», с которыми выступал по радио.

То было время надежд, многим из которых, – если глядеть из сегодняшнего дня, – не суждено было сбыться. И хотя я никогда не считал, что выход из того чудовищного исторического тупика, в который завели Россию большевики, может быть простым и безболезненным, стремительный крах ненавистной мне советской системы кружил голову, пьянил, заражал никогда прежде мне не свойственным историческим оптимизмом.

Что греха таить! За минувшие годы тот мой исторический оптимизм сильно поблек. Но ведь это значит, что те, как мне казалось, совсем недавние годы тоже уже ***стали историей****. И если я соберу и сложу в книгу свои статьи, очерки и фельетоны 80-х и 90-х годов, – это тоже будет по сути своей* ***книга воспоминаний****.*

Вот, скажем, мой журнальный отклик на приезд Солженицына. Или мой рассказ о том, как я был наблюдателем во время референдума, который должен был решить, кого поддержит народ, – президента или добивающихся его отставки коммунистов, составлявших тогда большинство в Верховном совете.

И не придется ломать голову над заглавием этой моей новой книги. Название ее может остаться прежним. Ведь СКУКИ, как и в сороковые, пятидесятые, шестидесятые, НЕ БЫЛО и в эти, совсем недавние, но уже успевшие стать историей, 80-е и 90-е годы.

Итак, дорогой читатель, перед вами еще одна, уже третья книга моих воспоминаний – под тем же заглавием: «Скуки не было». А перед первыми двумя у нее даже есть одно важное преимущество: ее можно читать, и не зная тех двух. Являясь в некотором смысле их продолжением, она в то же время никак от них не зависит: существует сама по себе.

…На гражданской панихиде Игорь Иртеньев почему-то посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом. Это показалось странным, поскольку мы не знакомы. Но во время его выступления все разъяснилось. Игорь Моисеевич сказал, что не нужно обольщаться издательским успехом последних книг Сарнова. Ведь вот тут в малом зале ЦДЛ находятся только старые знакомые. И совсем нет молодежи…

Вот в чем дело! В свой почти «полтинник» я оказался здесь самым молодым. И после этого показалось, что тут происходит не только прощание с Бенедиктом Михайловичем Сарновым, но и похороны либеральной идеи в России («исторический оптимизм сильно поблек»).

А если уж идеи умирают, то после ухода человека остается спрашивать: «Дети, внуки есть?». Тяжесть от потери облегчается ощущением непрерывности цепочки. Так вот – в нашем случае «дети-внуки» есть. Правда, Феликс Бенедиктович, по-отцовски доброжелательно-ироничный, о себе говорить не любит.

Феликс Сарнов:

«О себе рассказывать мне как-то не очень интересно. Ну разве что в приложении к отцу, к маме… С именем мне, конечно, повезло. Постоянно приходилось слышать шутки: «А, так это

Феликса Эдмундовича в честь тебя назвали?». У отца в рассказе «Трудная весна» описана история, как он, когда был в эвакуации, то в школе зачем-то сказал, будто его зовут Феликс. Так и записали. А когда надо было готовить документы об окончании восьмилетки, оказалось, что по документам имя у него совсем другое… К тому же моего прадеда звали Фишель. По иудейской религии в честь умерших родственников называть можно. Вот папа и выбирал из русских аналогов: Федор, Федот… Феликс ближе всего.

Сын Б. Сарнова Феликс

Когда я был в пятом классе, родители решили перевести меня в английскую школу. И вот тогда я стал «трудным ребенком». Дело в том, что английскую школу сделали из обычной за № 49. Она была в том районе, где сейчас Театр наций. В школе заправляла центровая уличная шпана. Когда отца в очередной раз вызывали в школу, он говорил: «Что, опять к директору? Да не пойду я…». У меня там был приятель Юра Красиков, с которым у нас все время что-то происходило. Это было так часто, что в какой-то момент отца переклинило, он написал детскую фантастическую повесть «Юра Красиков творит чудеса», которая печаталась с продолжением в «Пионере».

На мой выбор профессии отец никак не влиял. Лишь бы чем-то хотелось заниматься. Но мне не особенно хотелось. (Да и сейчас, признаться, тоже…) У меня никогда не было комплекса «сына большого человека». Что вот отец писал, и я непременно должен тоже что-то написать, чтобы ему соответствовать. Однако я двенадцать лет проработал переводчиком (потом еще сам написал несколько романов). Но беда в том, что я начал заниматься

этим делом, когда оно перестало быть уважаемым. И престиж, и деньги исчезли. Жить с такого занятия можно было еле-еле. А у меня – жена, сын (его зовут Михаил, сейчас он живет в Америке, занимается компьютерами). Поэтому пришлось бросить это дело. Правда, в последнее время вроде бы опять что-то налаживается, но мне возвращаться в эту профессию уже поздно. Получается, в чем-то повторил судьбу дедушки скрипача с его работой в Большом театре.

Моим любимым писателем, которого переводил с наибольшим удовольствием, был Стивен Кинг. У него из всех этих пугалок часто пробивается что-то сильное, настоящее. Отец к моему выбору относился с дружеским любопытством. Но не более того.

Говорят, всю жизнь у отца было две больших любви – мама и русская литература. Причем мама иногда, смеясь, добавляла, что если бы папе пришлось выбирать из них двоих, то он бы выбрал литературу».

17 апреля 2014 года мир покинул великий литератор Маркес. Через три дня – великий литературовед Сарнов. О втором, о его работах, об общении с ним хочется сказать словами первого: «Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было».

Хотя какие красивые слова ни говори, а все равно хочется плакать.

Алена Яворская

«Но был отравлен мой бокал холодным ядом размышлений...»

Порой поэты одесской школы двадцатых становились персонажами рассказов и повестей раньше, чем стать известными. Или, наоборот, впасть в безвестность. В 1925 году В. Катаев в рассказе «Бездельник Эдуард» описывает Эдуарда Багрицкого и Юрия Олешу. В том же году Георгий Шенгели начинает свой роман-хронику «Черный погон» (увы, полностью до сегодняшнего дня не опубликованную). Он использует почти тот же прием, что спустя полвека и Катаев в «Алмазном венце», – но не клички, а скорее, анаграммы. Так описывает Шенгели появление в его одесском жилище в 1919 двух одесских поэтов – Кардана (Багрицкого) и Красовского (Александра Соколовского):

«Стук в дверь. Кого это черт несет? Хозяйка? Войдите.

Входят двое парней. Один в хорошо пригнанном костюме туриста, чистенький и подтянутый, со сверкающим пенсне на ироническом носу. Другой в матросских штанах, в пиджаке с чужого плеча, из слишком коротких рукавов торчат большие красные пятерни, нечесаные патлы лезут в умные серые глаза.

– Простите: здесь такой-то?

– Такой-то здесь, но с кем он имеет удовольствие говорить?

Мой тон приспособлен для обоих: первому он сигнализирует: «мы люди общества», второму: «будь корректнее». Мне почему-то кажется, что второй обязательно будет некорректен. А в глубине души мне жутко: как «эти» меня нашли? И кто они? Агенты разведки?

– Позвольте представиться, – иронически водит носом первый, – поэты: Александр Красовский и Эдуард Кардан.

Он делает жест в сторону второго…

Я не вру, говоря, что мне «очень приятно».

– Но как вы меня нашли?

– А мы проследили за вами, – хриплым басом говорит Кардан. – Фимка Танцфельд описал вашу бороду, мы вас повстречали час назад со свертками, пошли по пятам, увидели, куда вы вползли, навели справки, оказалось, что «какой-то бородач» снял здесь комнату. Сашка пожелал сначала побриться. От этого и запоздали. Как поживаете?

– А отчего вы просто не подошли на улице?

– Я ж говорю, что Сашка был небрит.

Усаживаю гостей на диван, расспрашиваю. Кардан весело сыплет именами, захлебываясь, читает стихи, свои и чужие, головокружительно острит и хрипло хохочет, когда Красовский вставляет коротенькие ядовитые характеристики.

Через час я уже в курсе всех местных дел, знаю, кто что пишет, кто с кем живет, какой с кем случился скандал, как кого можно позлить. У меня колет в боку от смеха. Что за чудесные парни. Сколько у них чисто пушкинской щедрости в слове, сколько темперамента и остроумия. Мне, привыкшему к петербургской литературной диете, к важности поэтов, к аптекарскому взвешиванию стихов, кажется, что я приехал в деревню и играю в горелки.

Решительно, мы будем друзьями. Я категорически обещаю в ближайшее время поместить об обоих хвалебную статью в «Черноморских новостях» или в «Обновленной России» у Шевелева.

– А вы и там и там напишите, – хладнокровно советует Красовский, – тогда Эдьку в обеих газетах печатать станут.

– Что слава? Яркая зарплата на бедном рубище певца, – вожделенно комментирует Кардан.

И, очевидно, уверовав в мою дружбу, заявляет, что ему хочется перекусить.

Однако – чего же перекусить? Я живу бобылем, у меня даже стакана нет.

Ничего: Кардан сбегает в лавочку, купит лимон, хлеба, камсы, брынзы, – и мы будем есть как короли! Я несколько неуверенно достаю бумажку; Кардан подхватывает ее, и его уже нет в комнате. Красовский, поводя носом, говорит:

– Вы не очень кормите Эдьку, а то он заленится и стихи забросит. Я ему всегда гонорар выплачиваю в половинном размере с условием доплатить, когда принесет второе стихотворение.

Эдя является со свертками и кладет передо мной сдачу. Правда, он вышел из объявленной программы: здесь и коробка хороших папирос, и кус халвы, и еще что-то; но все же сдачи должно быть втрое больше. Это меня раздражает: денег мне не жаль, но почему просто не попросить, зачем непременно надеяться на то, что я из любезности (не по глупости же) «не замечу»?

Спрашиваю, почем сыр, почем камса. Кардан называет несусветные цены.

– Вас бессовестно надули, – холодно говорю я, – почуяли в вас поэта, с которого можно слупить втрое.

– Эдька, отдай, – хладнокровно цедит Красовский.

Кардан, шморгнув носом, сует руку в карман, потом, с мужеством отчаяния, выпаливает:

– Я буду вам должен.

Красовский немедленно снимает пенки:

– Я удержу из его гонорара.

И мне угодил, и Кардана пришпандорил: будет вынужден лишнее стихотворение написать.

Кардан рычит по его адресу крупное ругательство и, достав из кармана ржавый ножик, «кортик, который ему достался от одного турецкого пирата», начинает чистить на куске газеты камсу. Потом поливает крошево лимонным соком и, предусмотрительно держа локоть на пол-аршина от снеди, – чтобы не присоединился Красовский или я, – молниеносно съедает все, запихивая в рот потрясающие комья хлеба. Столь же молниеносно пожирает брынзу, заглатывает халву и, закурив папиросу, удовлетворенно усаживается на диван. Глаза его полузакрыты от неги.

…Наконец гости выкатываются, отняв у меня четыре часа, но обогатив меня ценными наблюдениями. Совсем иной мирок: иной колорит, иной темперамент. Люди много более здоровые, чем мы: без предрассудков. И, пожалуй, Красовский сделает-таки карьеру… руками Кардана. Если только…»

Александр Саулович Соколовский – поэт, основательно забытый. Эмигрировал он в 1920, дальнейшие сведения о его судьбе противоречивы, много путаницы и несоответствий. Как ни странно, больше знают о нем историки, нежели литературоведы. Как же – один из последних одесских дуэлянтов. В аннотации к книге, изданной в 2009 году, «Дуэли, оружие,

мастера. Факты», сообщают о российских дуэлях: «Первая из них относится к 1633 г., а последняя – к 1917 г., причем именно она имеет прямое отношение к литературе – в Одессе на пистолетах стрелялись Валентин Петрович Катаев и поэт А. Соколовский. При третьем обмене выстрелами Катаев был легко ранен». Ну, насчет того, что дуэль эта была последней в Одессе, автор погорячился – по крайней мере и в начале января 1918 сообщалось о вызове на дуэль в Одессе, правда, противники вроде бы примирились. Но дуэль двух поэтов «за честь дамы», оставшейся неизвестной, шума наделала. Стрелялись поэты в обстановке подчеркнуто романтической – у моря, на Ланжероне. Увы, маленькую заметку в «Одесских новостях» заметить трудно, но сатирический журнал «Бомба» отозвался несколькими развернутыми описаниями. Итак, Леонид Нежданов.

Дуэль

Героическая поэма из современной жизни 2 поэтов

Посв. Ал. С. и Вал. К.

Глава 1

Ранним утром,
Блеклым утром,
Сошлись у моря, как враги.
Забыли утром,
Осенним утром,
Что всей России «дороги».

Глава 11

И пистолетом
Двум поэтам
Пришлось решать свою судьбу!
И плачут ветры,
Что мерят метром
Их жизнь – условностей рабу.

Эпилог

И только услышали жуткое «пли»,
Как два дуэлянта, обнявшись… ушли.

Эпитафия.

Лежит Поэт, уплывший в Вечность в шесть утра.
Он пал за «честь» от раны… ниже третьего ребра.

Бомба № 31, 1918

В том же номере и еще один взгляд на произошедшее:

Герострaты

«Од. новости», сообщая о дуэли 2 молодых поэтов, добавляют, что поэты очень просили напечатать их фамилии полностью. Один из поэтов был ранен в верхнюю часть бедра.

Некий вдохновленный этим событием читатель прислал нам следующее четверостишие:

Как измельчали скучно нравы.
Жгли древле храмы Геростраты.
А ныне «Герострат» для славы
Лишь… получает пулю… в зад.

Роберт Херсонский

В Одессе в одном доме долгие годы хранился протокол дуэли, подписанный обоими участниками. Хозяин изредка его демонстрировал, не выпуская из рук. А потом, говорят, уничтожил.

Итак, кто же он, поэт и дуэлянт?

Александр Саулович Соколовский родился 4 февраля 1895 года в семье кременчугского мещанина, одесского 2-й гильдии купца. Поступил в Новороссийский университет на медицинский факультет, был зачислен в 10% норму. Судя по всему, был зеленоглазым – по крайней мере первая его книга, вышедшая в 1916 году, называлась «Зеленые глаза» (типография С.О. Розенштрауха, 240 экземпляров). И во многих эпиграммах обыгрывается то ли название книги, то ли цвет глаз автора. Сегодня известен всего один экземпляр – в российской Государственной библиотеке, с автографом автора В. Брюсову: «Валерию Яковлевичу Брюсову, maitr'у русской поэзии, от бесконеч-

но восхищенного автора. Одесса, 19 (28) марта 916». Будь благословенна привычка метров не выбрасывать книги, подаренные навязчивыми восхищенными авторами!

Стихи там слабенькие, есть посвящения двум загадочным дамам: одна – некая И. Гинзбург.

«Ваше сердце мой стих обовьет, как змея,
Беспощадною лаской колдующих слов»

Вторая скрыта за инициалами Э. Г., и стихи более лирические.

«Сонная мгла обещает так много обманчивых сказок…
Не уходи, подожди, помечтай хоть немного со мной,
С моря надвинулся вечер, и небо зарделось топазом.
День умирает покорно и гаснет в прохладе ночной.
…
Синие дали туманно прячутся в серые пятна,
Ветер застенчиво шепчет о чарах несбывшихся снов».

Из «Дружеских характеристик одесских поэтов» Бориса Бобовича: «Если вы встретите на улице юношу с утонченно-красным лицом и с темно-зелеными глазами, знайте – это Александр Соколовский. Разница между ним и Пушкиным в том, что первого зовут Александр Саулович, а второго Александр Сергеевич. Но разве это так уж важно?» (Театр и кино, № 5, январь 1917).

Страницы одесских газет и журналов пестрят фамилией Соколовского, начиная с 1917. «Поэт Александр Соколовский выступит в Литературном клубе с докладом, посвященным французской поэзии 14 и 15 веков» (Театр и кино, № 10, март 1917). Объявление в «Южной мысли» 23 марта 1917: «Среди поэтов. Просят товарищей поэтов, желающих принять участие в Интернациональном вечере молодых поэтов, обращаться к члену комиссии Ал. Соколовскому, Степовая, 12».

Соколовский страстно увлечен французской историей и поэзией, что отмечают и одесские остроумцы. Одним из первых прошелся по особенностям стиля меценат одесских альманахов Петр Сторицын.

Из альбома пародий

Наши поэты. Александр Соколовский

Когда во Франции кровавой
Гром революции гремел,
Марат венчался горней славой
И падать в бездну не хотел.
В огне тревоги и страданья
Дрожал он от напора сил.
Но я французские преданья
Одесским языком убил.

Бомба № 34, 1918

И действительно, одно четверостишие в «Зеленых глазах», посвященное прекрасной даме, стопроцентно одесское:

Мои стихи печальны и бледны,
Как лепестки влюбленного левкоя,
Мои стихи тоскуют за тобой,
Мои стихи – тебе обречены.

Да, как говорил классик, в Одессе «скучают за театром». Впрочем, в стихах более поздних таких оговорок Соколовский уже не допускал.

Не особо талантливый поэт, глава также не очень интересного, в отличие от «Зеленой лампы» или Студенческого литературно-художественного кружка, Леонид Ласк также брызжет огнем эпиграмм. Памятуя о недавней дуэли, он вызывает «на «бескровный поединок» всех захватчиков одесского Парнаса.

Особый вызов Валентину Катаеву (он же Бунин) и Ал. Соколовскому как «зарекомендованным любителям бескровных дуэлей и наиболее огнеупорным моим противникам». Соколовскому адресовано следующее четверостишие:

Твой хилый дух лукавый бес замучит.
Протри глаза и тщетным снам не верь…
С таким стихом ты столь Верлен певучий,
Насколько ты с таким умом – Вольтер.

Яблочко, № 2, апрель-май 1918

И из «Венка эпиграмм»

Ал. Соколовскому

Ты скромен. Ты умен. Ты чтишь советы мамины.
И скупо отдаешь досуг твой ты стихам.
Но полулекарские только сдашь экзамены
И бросишь мир к своим ногам.

Бомба, № 32, 1918

Но Ласк – поэт второго, а то и третьего ряда в тогдашней компании. А место Соколовского рядом с небожителями тех дней – Багрицким, Фиолетовым. Багрицкий посвящает Соколовскому два стихотворения – «Кошки» и «Февральский волчий день торжественен и тих…». После гибели Фиолетова Соколовский напишет один из самых трогательных некрологов. «…Фиолетов был немного авантюристом. Авантюрист в высоком смысле этого слова, знаменующем любовь к ярким приключениям и непримиренность с тусклой повседневностью. Помню, как он мечтал о странствии в Индию – пешком! Не это ли стремление к неизведанному толкнуло его на опасную службу в милиции и заставило брать на себя самые рискованные поручения?

Четыре года тому назад он сказал в одном из альманахов:

– Знаешь, я уезжаю,
Закономерно, что ты со мной расстаешься.
Но тонкий, как палец, понял, что я рыдаю,
И спросил нахмуренно: чего ты смеешься?

Мы не смеемся. Нам больно, нам страшно… Закономерность!.. Разве такая смерть – закономерна?»

Соколовский активен и многолик. Он и поэт, и прозаик, автор пьесок и статей о цирке. Он опубликовал два проникнутых мистическими событиями рассказа «Воскрешение бакалавра Луки Гиннарта», в котором посягнувшего на покрывало статуи девы Марии настигает кара, и «Случай с пани Роженьской», в котором мальчик, помогающий женщине найти работу и вернуть мужа, оказывается призраком умершего. Соколовский входит в редакции журналов «Южные огоньки» и «Фигаро», а в ноябре 1919 планирует совместно с Багрицким и Шенгели издавать журнал (очевидно,

именно там планировал он удержать из гонорара Кардана-Багрицкого деньги). 23 ноября 1919 журнал «Театр» сообщал: «В Одессе народился новый журнал искусств. На днях выйдет первый номер журнала поэзии и графики «Аониды», во главе которого стоят поэты. Ал. Соколовский, Эд. Багрицкий и Г. Шенгели. Журнал будет богато иллюстрирован рисунками художников С. Олесевича, Н. Соболя, Ф. Слуцкого и др. Издает журнал С.С. Глускин». Впрочем, «Аониды» – журнал настолько же мифический, как и «Синдетикон», который будто бы издавал Ильф. Никто и никогда его не видел – то ли так и не вышел, то ли не сохранился.

Если попытаться отследить хронику выступлений Соколовского в те годы и отзывы рецензентов, складывается примерно такая картина:

17 (30) декабря 1917

Выставка независимых художников

Общество «независимых» художников кроме лекций устраивает на своей выставке ряд утренников. Сегодня в 1 часу дня на выставке состоится «поэтический утренник». Молодые поэты будут читать свои новые произведения. Участвуют: А. Биск, А. Горностаев, Б. Бобович, В. Катаев, А. Соколовский, А. Фиолетов. (Одесский листок)

1918, 28 марта (10 апреля)

С Р-ский Вечер кружка одесских поэтов

Поэтов, которые читали свои стихи, было семеро…

Ал. Соколовский устремлен в прошлое. Создать изящную гравюру, на которой бы пировали слуги доброго короля Генриха или спорили бы бакалавры из Болоньи, – вот основное стремление его стиха. (Одесский листок)

1918, 2 (15) апреля в зале консерватории состоится вечер французского искусства, посвященный живописи, музыке и поэзии. В вечере принимают участие: М.К. Гершенфельд – лекция о французском искусстве… поэты А. Биск, А. Соколовский, И. Бобович, А. Фиолетов, которые прочтут свои неизданные переводы французских поэтов. (Одесский листок)

1918, 6 (19) октября

Театром Гротеск приняты к постановке пьесы поэта Ал. Соколовского «Так было» – гротеск и шутка в стихах «Тайна исповеди» – из эпохи 18 века. Обе пьесы пойдут в ближайшем будущем. (Театральный день, № 144)

1918, 16 декабря

В малом зале литературно-артистического общества состоится вечер поэтов памяти трагически погибшего поэта Анатолия Фиолетова. Вступительное слово сделает Л.П. Гроссман; сообщение о творчестве Фиолетова сделает Г.О. Гершенкройн. Поэты Эд. Багрицкий, Исидор Бобович, Ал. Соколовский, С. Кесельман, Елена Кранцфельд, Вера Инбер, Вл. Фон-Дитрихштейн и мн. друг. прочтут свои стихи. (Одесский листок)

1918, 14 (27) декабря

Стани. (С. Радзинский) Венок поэтов (Вечер памяти Ан. Фиолетова)

…Особо поставлю Эд. Багрицкого и Ал. Соколовского. Это настоящие поэты. Стихи первого как удар топора: он резок, подчеркнут, пламенен и груб, этот поэт кровавых зорь и первобытных степей Востока. Соколовский же культивирует размеры Запада и достиг в них значительных успехов. Иные из его стихотворений о старой Франции времен христианнейшего короля и лилий бурбонских напоминают старинные гравюры и положительно прекрасны… (Одесский листок)

1918, 15 (28) декабря

Вечер памяти поэта Ан. Фиолетова. Дружная семья молодых одесских поэтов устроила в лит.-арт. обществе вечер, посвященный произведениям трагически погибшего поэта Анатолия Фиолетова, память которого была почтена вставанием. Г. Леон[ид] Гроссман во вступительном слове и г. Гершенкройн в небольшом докладе отметили своеобразие творчества Фиолетова, свободного от влияния богов поэзии наших дней. В программу вечера вошло чтение собственных стихов нашими поэтами, стихов светлых, молодых и в большинстве талантливых. Заслуживают быть отмеченными стихи В. Инбер, А. Биска, Ел. Кранцфельд, Э. Багрицкого, Ю. Олеши, А. Соколовского. (Огоньки, № 33)

1918, 28 декабря

Просперо. Вечер памяти Анатолия Фиолетова… Стихи, прочитанные Ал. Соколовским, поэтом, уже установившимся, со своим «ликом творчества», еще раз подчеркнули его уже знакомый нам «лик». (Мельпомена, № 38-39)

1919, 17 (30) сентября

Студенческий Литературно-художественный кружок. На последнем заседании.

…по просьбе публики выступили поэты Ал. Соколовский с рядом отдельных стихов и Елена Кранцфельд. (Одесский листок)

1919, 1 (14) октября. Второй вечер студенческого кружка.

Александр Соколовский читал, по обыкновению, средневековые стихи, переполненные «королями» и «императорами», благодаря чему публика отнеслась к ним довольно холодно, несмотря на все достоинства их. (Одесский листок)

1919, 8 (21) октября

Третий вечер студенческого Литературно-художественного кружка.

Определившимися поэтами можно считать Эд. Багрицкого и Ал. Соколовского. Обдуманны и отшлифованы средневековые эскизы Соколовского. Некоторый перелом в сторону мимики (так в тексте, возможно – мистики. – **А. Я.**) замечен, впрочем, у него теперь. (Одесский листок)

1919, 15 (28) ноября

Вечер литературно-студенческого кружка.

…Благородным тоном проникнуты стихи Ал. Соколовского. (Одесский листок)

1919, 2 декабря в Лит-Арт. клубе состоится вечер памяти покойного поэта Ан. Фиолетова. Слово о творчестве Фиолетова скажет Л.Р. Коган. Затем будут прочитаны неизданные стихи Фиолетова. Свои стихи прочтут поэты: Адалис, Э. Багрицкий, Ис. Бобович, Ал. Биск, А. Горностаев, Вл. Ф.-Дитрихштейн, Вал. Горянский, Вера Инбер, С. Кесельман, Елена Кранцфельд, Ал. Соколовский, Г. Шенгели, З. Шишова и др. Нач. в 7 ½ час. (Одесский листок)

1919, 3-4 декабря. Прошел вечер «Веселые сумерки» с участием Багрицкого, Соколовского, Е. Кранцфельд (Театр, № 18)

1919, 5-6 декабря

Вечер поэтов. Молодые поэты собрались в Литературно-артистическом обществе на вечер в память Фиолетова…

Во втором отделении поэты читали свои стихи. Соколовский интересный и оригинальный поэт. (Театр, № 19)

1919, 7 декабря в журнале «Театр», № 20, очерк Соколовского «В цирке. Разговоры»

1919, 10-11 декабря

В. С. Веселые сумерки (Воскресная чашка чая в Доме артистов)

Вторая чашка чая, устроенная редакцией журнала «Театр» в декабре.

Талантливый Ал. Соколовский воскресил культ забытого искусства, блестяще и мгновенно импровизируя стихи на заданные публикой темы под прекрасный аккомпанемент Макса Рабиновича. (Театр, № 22)

12-13 декабря вышел 23-й номер журнала «Театр» с очерком «На вечере поэтов. Разговоры». Соколовский грустно замечает: «раньше поэт печатался, чтобы выступать, теперь он выступает, чтобы печататься»

1919, 15 декабря

Только для приглашенных. «Третьи сумерки». Поэт Соколовский, читающий свои стихотворные мысли на волнующую поэтическую злобу. (Театр, № 26)

1919, 4 (17) декабря

Вечер памяти Фиолетова. …По-юношески оригинален Ал. Соколовский, но чувствуется и у него «изюминка». (Одесский листок)

25 декабря – 7 января. Судя по всему, последнее опубликованное в Одессе стихотворение Соколовского – «Гомер» в «Одесском листке», № 218.

Участник литературных кружков Вадим Долинов вспоминал, что у Соколовского была невеста, тоже поэтесса. Имени ее он не запомнил, в памяти осталась лишь строчка из стихов: «Мой будуар обит зеленой кожей».

Соколовский бежал из Одессы в Крым, где тоже успел активно поучаствовать в литературной жизни. Если верить справочникам, в 1920-м в Симферополе он издал свою вторую книгу стихов «Покойник с гитарой». Но, как и в случае с «Аонидами», никто из исследователей книгу

эту не видел. Участвовал он и в двух поэтических сборниках – «Пьяные вишни» и «Ковчег». Если первый доступен лишь исследователям, то второй был переиздан в Одессе в 2002 г. Е. Голубовским под названием «Возвращение Ковчега». В нем семь стихотворений Соколовского. О феодосийском периоде и издании «Ковчега» оставил замечательные воспоминания Эмилий Миндлин.

«В этом «ноевом ковчеге» (имеется в виду ФЛАК – литературное объединение. – **А. Я.**) и родился альманах поэтов «Ковчег», который одессит Александр Соколовский и я издали в 1920 году.

Александр Саулович Соколовский был года на три старше меня и появился в Феодосии на несколько месяцев позднее, чем я. Приехал он из Одессы вместе с родителями. Отец его – ученый-экономист – был заместителем министра торговли в правительстве гетмана Скоропадского. Во ФЛАКе старик Соколовский, елейно седобородый, выступал с какими-то лекциями.

С Александром мы сошлись относительно близко как самые молодые в литературном обществе ФЛАКа, возглавленном Максимилианом Волошиным. В Одессе Александр учился на медицинском факультете Новороссийского университета, но закончить его не успел – писал и уже печатал стихи, был поклонником Ронсара и «брюсовианцем». Феодосийцев он потешал очень забавными рыжими бачками, демонстративно «под Пушкина», стихи читал нараспев, любил нравоучить и щеголял хорошим знанием французской поэзии. От него впервые я узнал об одесских поэтах и писателях, впоследствии широко прославившихся, – об Эдуарде Багрицком, Валентине Катаеве, Леониде Гроссмане и других. Избалованное дитя богатых родителей, он был для своих лет хорошо образован, неглуп, но так манерничал и кривлялся, что всякое его выступление во ФЛАКе вызывало насмешливые улыбки слушателей.

Не помню, кто из нас предложил назвать наш альманах «Ковчег». Мысль о двусмысленности этого названия пришла в голову не нам, а редакции петроградской черносотенной газеты «Вечернее время», принадлежавшей Борису Суворину. Издавалась эта газета в ту пору уже не в Петрограде, откуда Суворины бежали, а в Феодосии. Тут была у них своя дача. «Вечернее время» писала, что, в отличие от библейского ковчега, в «Ковчеге» феодосийских поэтов собрались одни нечистые.

Верно, что в альманахе было немало плохих стихов (в том числе и моих). Но были и очень хорошие: Максимилиана Волошина,

Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Ильи Эренбурга, Софьи Парнок, стихи Эдуарда Багрицкого, которые Соколовский привез из Одессы. Видимо, это первый случай напечатания Багрицкого за пределами его родного города. Мы напечатали также стихи одесситов Вениамина Бабаджана, Анатолия Фиолетова и Елены Кранцфельд, стихи тогда уже небезызвестного на Юге России Георгия Шенгели, и Майи Кудашевой, и некоторых других поэтов, дружески связанных с Коктебелем…

Откуда мы взяли деньги на издание?

Группа поэтов во главе с Осипом Мандельштамом устроила во ФЛАКе вечер «Богема». В нем участвовали все лучшие силы, собравшиеся тогда в Феодосии, – Волошин, Мандельштам, скрипач Борис Сибор, пианистка Лифшиц-Турина. После этого «Крымская мысль» опубликовала письмо, подписанное Осипом Мандельштамом, Бабаджаном, Полуэктовой и другими. Поэты ФЛАКа поручили Э. Миндлину и А. Соколовскому на вырученные с вечера 13718 рублей издать литературно-художественный альманах. На эти-то деньги мы с Соколовским и выпустили феодосийский «Ковчег».

…На этом издательская деятельность «Феодосийской группы поэтов» закончилась. Соколовский с родителями в дни разгрома Врангеля бежал за границу. ФЛАК закрылся еще до освобождения Крыма».

Во ФЛАКе Соколовский выступал 22 января 1920 на вечере Э. Мандельштама – «со словом о Мандельштаме», 25 января А. Цигальский сделал доклад о творчестве самого Соколовского, а 5 февраля состоялся его творческий вечер. На вечере автор читал из книги «Роман», поэму «Мадлена», сделал сообщение «Средневековая лирика mademoiselle d'Orlean».

Сведения о последующем периоде отрывочны. Он попал в Константинополь, затем в Румынию. Известно, что в 1921 издал повесть в стихах «Роман благословенный», в 1921 печатался в «Сполохах» и «Русской мысли».

Он попал в словарь русских зарубежных писателей, составленный Валентином Булгаковым в Праге в 1940: «…Соколовский Ал-р Са-ч (Бухарест). Поэт, бывший председатель «кружка поэтов» и редактор журнала «Аониды», автор сборника стихов «Покойник с гитарой» (Симф., 1920). Совместно с А. Каменским и И. Сургучевым организовал в Константинополе общество А.П. Чехова».

Из письма Р. Тименчика С.З. Лущику 13 марта 1995:

«Какой-то А. Соколовский, бывший редактор «Аонид» (разве они вышли?), жил в Бухаресте в 1920-30-е, он же печатался в кишиневском «Нашем слове» в 1922 г., какой-то печатал стихи в Русской мысли (1922, № 5, подписано Генуя) Не знаю, он ли деятель Одесского клуба в Нью-Йорке 1941 г. A. Sokolovsky».

Считалось, что Соколовский позднее осел в Америке, что у него были публикации в «Накануне». Точно ли так?

Судьба порой преподносит удивительные подарки. Пытаясь найти в фондах Российской государственной библиотеки рисунки Э. Багрицкого, я наткнулась в картотеке на письмо, подписанное «А. Соколовский» и присланное из Америки. И вот, читаю внимательно.

«Нью-Йорк, май 10.1924.

Здравствуйте, тов. Кузнецов!

Ваше письмо получил и рад вступить в переписку с вами. Итак – я начинаю. Вначале познакомлю вас со здешними пролетарскими писателями. Здешних писателей организовал я. Сперва работали споро и дружно, но потом из-за некоторых политиканов в кружке пошли дрязги и споры, так же, как и в организациях, о которых вы писали.

Лично я много рассказов напечатал в здешних газетах (около 60-ти) и роман «В чужой стране». О нем доклад был сделан в 1923 году в Москве во Всерос. Союзе крестьянских писателей. Печатался и в Германии («Накануне»), и в Аргентине. В общем, о моих рассказах было много лестных отзывов».

Что ж, люди меняются, и взгляды у них меняются, и выживать надо. Но каков кульбит – от белоэмигранта до вхожего в Союз крестьянских писателей! Поражаясь этому повороту событий и сомневаясь, как же мог утонченный эстет стать своим для пролетариата и крестьян, читаю дальше: «Теперь о себе. Я одессит». Ну, точно он, Александр Соколовский. Но следующая фраза опровергает все построения: «В Америке восемь с половиной лет. Был здесь и «под конем, и на коне», но больше всего «под конем». Работал, когда была работа, а во время безработицы мрачно шагал по улицам и мечтал… о революции. Помню: восемь лет тому назад, как только сошел с парохода, – потянуло назад, в Россию. С тех пор стремлюсь туда. Надеюсь зимой или к весне быть там». Еще не желая расстаться с надеждой найти того, моего Соколовского, думаю о возможности запутать советского собеседника, сместив дату приезда.

Но дальнейшее письмо явно доказывает – было в Одессе два А. Соколовских. И оба писали. И оба эмигрировали. Бывают же такие невероятные совпадения! А американский Соколовский не советует ехать в Америку, впрочем, и не отговаривает особо: «Если уж поехать – то на некоторое время, заработать деньгу (если удастся, а потом обратно в Россию). Я думаю, что вам после интересной, полной жизни в Москве здесь не понравится». Автор письма просит узнать о судьбе своего сборника рассказов, переданного во Всероссийский союз крестьянских писателей, просит адреса журналов и издательств, чтобы опубликовать рассказы из жизни русских в Америке, и в завершение выражает желание вступить в «Кузницу».

Увы, это не тот Соколовский. Надежда найти еще одну рукопись поэта и узнать о его судьбе не оправдалась. И сегодня единственный автограф Соколовского – на книге, подаренной Брюсову, – немного манерный, с намеком на завитушки. Судьба его после 1940-го года неизвестна. Как писал он в одном из ранних стихотворений в 1914:

И я один по злым путям былого
С мучительной тревогою бреду.

Впрочем, возможно, точнее стихи более зрелого поэта, написанные в 1918:

Мне весело бродить по переулкам
И отдаваться длительным прогулкам,
Прислушиваясь к спутанным речам.

Из сборника «Зеленые глаза»

Зеленые глаза

Сонет

Зеленые глаза – загадочны и странны,
Как призраки немой, незримой глубины.
Порой в них светятся мистические сны,
Порою грезятся безумные обманы.

Они таинственны, как бледный свет Луны,
Они безжалостны, как волны Океана.
В них чудится мечта неведомой страны,
Где небо зелено, как пальма Индостана.

Зеленые глаза – живые талисманы.
И тот, кто раз познал спокойствие Нирваны,
Кому безволие и мука суждены –
Тот знает, что глаза загадочной волны
Влекут к себе сердца, как вещие туманы,
Рожденные на дне зеленой глубины…

915

* * *

Зажженные светы погаснут в гробницах,
И гордые мысли сотрутся веками.
Зачем же мы верим, что чудо свершится,
Зачем поднимаем великое знамя?
Мы ищем прозрения в книгах поэтов,
Мы жадно читаем великие строки –
Но время сотрет роковые обеты,
В тумане исчезнут певцы и пророки.
Творенья поэта, безумства героя,
Бессмертные факелы вещих исканий
Растопчутся пьяной и грязной толпою,
навеки исчезнут в бесследном тумане.
Умрут мудрецы и уйдут поколенья,
останутся книги… Проклятые книги!
Далекий потомок улыбкой презренья
Спокойно отметит великие миги.
Зачем же мы ищем нетленного света,
Сметая безумье в певучие нити?
Молчите, пророки, молчите, поэты,
Герои и маги – молчите, молчите!

Май 915

Портрет г-на N

Напудренный, изящный и нескромный,
Ты покорял желанья и сердца,
Когда пронзал своей улыбкой томной
Глухие тени встречного лица.
Накрашенными алыми губами
Ты говорил красивые слова –
И тайны открывались перед нами,
И в смутных снах кружилась голова.
Ты подводил изогнутые брови
Над томным взглядом изумрудных глаз,
И ты горел поэтом в каждом слове,
И в каждом слове – зажигал экстаз.
Порой, склонясь уверенным пробором
Над чьей-то обезумевшей рукой,
Ты говорил, что страсть проходит скоро,
И прибавлял: «Я более не твой».
И прикоснувшись алыми губами
К холодным пальцам трепетной руки,
Ты уходил спокойными шагами
И дома сочинял свои стихи.
Ты их писал на палевой бумаге,
Надушенной лукавым Loréas,
И выводя узорные зигзаги,
Ты как рубины подбирал слова.
Но вдруг – случайно вспомнив чье-то имя,
Ты становился нежным и простым,
Ты забывал, что ты доступен многим,
Как забывал о пудре и духах –
И умирая на *ее*…
Ты все печали отражал в стихах.
И так всю жизнь тебя слова водили,
Как водят дети мудрого слепца,
И все восторги пред тобой открылись,
Как пред твоей улыбкой все сердца.
А ты играл лукавыми огнями

Проборчатых надушенных волос
И говорил красивыми словами
О том, что «жизнь – безумье тайных грез».
И вышивая золотым узором
Своей мечты ласкающий сонет –
Ты женщин обводил спокойным взором –
И в каждом взоре находил ответ.

Февр. 916

О принцессе Ирис

Кто-то тихий и влюбленный приподнял на миг завесу,
Кто-то ласково шепнул мне: «С неизбежным примирись…»
Повтори мне, сердце, сказку про лукавую принцессу,
Про лукавую принцессу, темнокудрую Ирис!
…Это было… Помнишь, сердце? Это было так недавно…
Кто-то бросил ей сонату, где безумия сплелись.
Но принцесса – беспощадна! Но принцесса – своенравна.
И поэту отказала темнокудрая Ирис.
И принцесса – равнодушна. Беспощадна. Непреклонна.
Он ушел – она молчала. Ах, поэт так ждал… Вернись.
Он любил – она забыла. Неизбежная развязка –
Если хочешь – порыдаешь, если хочешь – улыбнись…
Сердце, сердце – ты рыдаешь? Это сказка, только сказка
Про лукавую принцессу, темнокудрую Ирис.

Февраль 916

Избраннику

Валерию Брюсову

Над жадной бездной исступленности,
Над стрелами враждебных глаз
Всплывают отклики влюбленности,
Царит чувствительный экстаз.

Душой уверенной и гибкою
Ты чью-то тайну подстерег,
И с равнодушною улыбкою
Венчаешь доблесть и порок.

Безумно-алыми рубинами
Бросая беспощадный стих,
Ты дышишь сказками старинными
В извивах улиц городских.

Равно прекрасному и злому ты
Сплетаешь радостный венок
И смотришь зорко в злые омуты
Страстей, желаний и тревог.

Ты грезишь смутными намеками,
Но в каждом слове – твой экстаз.
Какими злыми и далекими
Ты видишь нас, ты видишь нас.

Изнежен грезами весенними,
Безумец, гений и мудрец,
Ты равнодушными хотеньями
Бросаешь сердце в бой сердец.

И если песни вдохновеннее
Придумает иной поэт –
Ты будешь помнить все мгновения
Твоих уверенных побед.

И все безумия и нежности
Сплетутся в пламенный венец,
Венчая тайной неизбежности
Тебя – восторженный певец!

Май 916

Жрец Ваала

Сонет

И. Н.

Когда-то в древности я был певцом Ваала –
Вся Вавилония была подвластна мне.
Когда я в храм входил при грохоте кимвала
И тихо исчезал в таинственном окне –
Смущенная толпа безмолвно трепетала,
И даже грозный царь на вороном коне
Испуганно внимал, как я у пьедестала
Молил богов послать могущество стране.
Вокруг торжественно кадильницы курили,
И к синеве вздымался фимиам.
И боги грозные к нам милостивы были,
Наш меч повсюду нес позор и смерть врагам.
…С тех пор прошли века. И люди позабыли
Богов страны моей и пышный, гордый храм…

915

Город

Я люблю тебя, о город, царство камня и улыбок,
Ты таишь в своих извивах тонкой страсти острый яд.
Воздух твой – такой влюбленный – вечно пылок, вечно зыбок,
Ты сдавил печаль и горе гнетом каменных громад.
В час урочный, в час вечерний я хожу по тротуару,
Я любуюсь пестрой смесью бесконечных верениц,
Ты зажег в своих витринах беспрерывные пожары,
Окна пламя отражают миллиардами зарниц.
А толпа волною бурной заливает переулки
И на улицах широких вечно бьется и кипит.
И шаги прохожих встречных в этот час так странно гулки,
Каждый шаг в себе как будто тайну странную хранит.

Я ищу, и мне навстречу мчатся ласковые взоры,
Извиваются улыбки, словно в танце дикарей.
Гибко воздух рассекают окрыленные моторы,
Ударяя в сумрак ночи взглядом ярких фонарей.
Все прекрасно, все ликует, все сверкает, утопая
В ослепительном сиянье электрических свечей.
И в глазах у встречных женщин блещет дымка золотая –
Эта дымка скажет больше тьмы волнующих речей.
Взоры счастье обещают: «Посмотри, как мы красивы!
Помани – пойдем с тобою. Нашей страстью опьянись».
Их улыбки – так тревожны, так влюблено шаловливы,
В их лице печаль и радость в пляске бешеной слились.
Сколько тут сердец разбитых, робких вздохов, нежных ласок.
Сколько злобы, сколько страсти и капризно-странных сцен!
Сколько ты, волшебный город, сплел лукаво-нежных сказок,
Сколько ты в себе скрываешь водевилей и измен!
Каждый миг – за тайной тайна. Каждый миг – за бездной бездна.
Ты – великий и подменный – все печали победил.
Я люблю тебя, о город, я люблю тебя, железный! –
Смелый, дерзкий и безумный, царство пьяных, диких сил!

914

Курильня опиума

Я. Г-ну

На грязных нарах брошены небрежно
Облезлые персидские ковры.
В стене окно. Стучится полночь нежно,
И видно небо, полночь и обрыв.

Над потолком, игриво прячась в тенях,
Висит фонарь и льет неверный свет
На всех, застывших в темных опьяненьях
Горящим зноем призрачных побед.

Сквозь сон вздыхают пьяные матросы,
Привычно сжав узорчатый чубук.
Горячий хмель тела на камень бросил
И тесно сплел объятья цепких рук.

Скользят минуты в голубом дурмане
И каждый миг – безумней и наглей.
Мальчишка-негр в малиновом тюрбане
Сквозит неслышно в гибкой полумгле.

В отравленной, рассудочной Европе
Я воскрешаю сказочные дни…
Топазной каплей темно рдеет опий
Под углями китайской жаровни.

Из сжатых губ не вырвется ни слова,
Усталый взор скользит в глухом бреду,
И я один по злым путям былого
С мучительной тревогою бреду.

Март 914

Из одесских журналов 1917-1918 годов

Маскарад

Она пляшет в цыганском таборе
И у нее глаза проститутки

Сегодня ночью – мой сплин излечен,
  Оркестр, безумствуй, играй, зови!
Рукою потной хватай за плечи
  Изнемогающих от любви!
Я буду долго актрисам хлопать,
  Касаться дерзко горячих рук –
И в душном зале спустится копоть
  Над пьяным смехом моих подруг.

О, эта музыка так похожа
  На умирающую любовь!…
Еще безжизненней тлеет кожа.
  Еще страшнее оскал зубов…
И груди женщин в лиловом рюше,
  Устало пахнущие вином,
Твердят все тише, твердят все глуше
  Незабываемо – об одном:
И что все доступны и все продажны,
  И зацелованы все давно –
И эта леди с осанкой важной,
  И это черное домино.
Огни струятся рекой хрустальной,
  Целуя щеки ночных принцесс.
О, как мучительно, как печально
  Свою любимую встретить здесь!
Мне страшно, страшно! Мой голос тусклый
  Вдруг надломился и задрожал…
И мне не странно, что там – под люстрой
  Пьеро ощупывает кинжал.

Театр и кино, № 7, суббота, 11 февраля 1917

Апрель

M-lle K.

Весна любовница пришла незваная,
  Сверкнула стрелами невинных глаз,
Слегка наивная, слегка жеманная,
  Свернулась кошечкой – и улеглась.

Меня холодного, меня капризного,
  Боятся женщины, не любят сны.
Весна улыбкою мне в сердце брызнула,
  Целую пальчики моей весны.

Лучи хрустальные певуче-палевы,
  Играют в бархате ночных гардин,
Весна-проказница! Ну, как узнали вы,
  Ну, как узнали вы, что я один?

Рукою тонкою коснетесь ласково
  Прозрачной зелени усталых глаз.
Пусть все растрачено, пусть все истаскано –
  Весна воздушная – я верю в вас.

Висков седеющих вы не заметите:
  – Не все равно ли вам, моя весна?
Пусть радость скомкана в продажном трепете –
  Душа спокойная теперь ясна.

Она не спутает и не обманется –
  Такою радостью пронизан стих!
О, смейтесь, милая Весна-жеманница,
  Свернувшись кошечкой у ног моих!

Кончаю в золоте мой путь скитальческий:
  Какие яркие я вижу сны!
И я признательно целую пальчики,
  Целую пальчики моей весны.

Театр и кино, № 11, 18 марта 1917

Баллада без посвящения

Donne-moi la rose – je donnerai ma ballade.

Мальчишка, пьяница, поэт –
Вся жизнь моя – арлекинада.
Влюбляюсь в каждый силуэт,
От каждого пьянею взгляда.
Сильнее смерти, слаще яда
Дурманит кружево стихов;

Кому стихи мои – услада,
– Тому дарю мою любовь!

Любимее любимой – нет.
Очаровательней – не надо.
Рондо, терцина иль сонет
За нежность лучшая награда.
Певуче рушится преграда,
Упруго пламенеет кровь…
Чье сердце этим строкам радо
– Тому дарю мою любовь!

Я знаю клад. На нем запрет –
Он зачарован флейтой ада,
Но все ж не раз в стихах воспет
Влюбленный шорох маскарада.
Любовь, как нежная наяда,
Играет жемчугами слов,
И – кто откроет тайну клада,
– Тому дарю мою любовь!

Посылка

Моя баллада – как лампада,
Она вас выведет на зов –
– Кого поет моя баллада,
– Тому дарю мою любовь!

Театр и кино, № 12, 25 марта 1917

Sonnet d'impression

R. Rosenberg

На сером платье розовая роза
Запахла запахом Régent de France.
Старинный и мечтательный романс
О девушке, чье имя – Долороза.

Темно. У вас изысканная поза.
У вас лицо – как розовый фаянс.
Сгущается неуловимый транс,
Дыша духами душного наркоза.

О, вечер кружевных очарований!
Во мраке смех наивней и желанней,
Рука доверчивей лежит в руке.

И я храню цветок воспоминаний
И думаю о вашем талисмане –
О шелковом душистом лепестке.

Театр и кино, № 15, 15 апреля 1917

Еретик

Посв. Р. Розенберг

Семь наук с отменным прилежаньем
Изучив в аббатстве до конца,
Был и я благословлен собраньем
На высокий подвиг мудреца.

Снаряженный приором в дорогу,
Я припал с мольбой к его рукам
И поклялся в вечной службе Богу
И в святой вражде к еретикам.

Став студентом славной Саламанки,
Я вникал в ученье мудрецов,
Презирая пестрые приманки,
Привлекательные для глупцов.

Я читал и слеп от книжной пыли,
И тогда высокий факультет
Предложил мне кафедру в Севилье
И вручил магистерский берет.

Я читал легко и благосклонно
Пред толпой веселых школяров,
Тонко имитируя Платона
На священном языке богов.

Стал мне близок мудрый Аверроэс
И спокойствие ученых книг,
Но однажды, в рукописях роясь,
Я прозрел внезапно и постиг…

И тогда огнем нежданно резким
Был я просветлен от мудрецов
И отважился с сомненьем дерзким
Подойти к делам святых отцов.

Я отверг Триаду дерзновенно,
Господу Единому служа,
И лиценциаты вдохновенно
Раздували пламя мятежа.

Был я проклят папою и Римом,
Но святой огонь грядущих дней
Вспыхнул пламенем необоримым
На священной мантии моей.

Южный огонек, № 1, 8 (21) апреля 1918

Светлое воскресенье

Глухая ночь все мертвенней и гуще;
Мне бок пронзило острое копье
Но ты не страшен, мудро стерегущий
Святое Воскресение мое.

Колокола над сонною долиной
Поют всю ночь. И я один в гробу.

Уже давно Мария с Магдалиной
До слез оплакали мою судьбу.

Я слышу крики радости и песни –
Но это – ложь. И ты напрасно ждешь.
И если люди скажут Мне – Воскреси!
Воскресну Я – и ты падешь.

Южный огонек, 9 (22) апреля 1918, пасхальный номер

Сирены

Nemo postquam sirenas viserit de feminis mortalibus putabit
Theophilus Campaniensis Errata

Кто слышал томный глас Сирены,
Тот не прельститься песней жен.
И я, поникший и смиренный,
Неведомым заворожен.
О тени сладостные, где вы?
Я говорю мечте: зови!
Меня страшат земные девы
И яд испытанной любви.

О, если б мог вернуть опять я
Былые громкие дела!
А здесь – неищущие объятья
И утолимые тела.

И те ж не жаждущие груди,
И стрелы не томящих глаз.
И тщетно я молю о чуде,
И к небесам подъемлю глас.

И тщетно руки я в смущеньи
Подъемлю на закате дня,

Моля богов о возвращеньи
Похищенного у меня.

Скользят спокойные созвездья,
Верша суровую судьбу.
И слышу горестную весть я,
Ответствующую рабу:

Что край палящего циклона
Удел богов, а не рабов,
Что воля Мудрых – непреклонна,
И смертным – смертная любовь.

Южный огонек, № 3, 6 (19) мая 1918

Spleen

Как медленный дракон, глухая ночь ползет,
Чтоб горло перегрызть не верующим в чудо.
Какая новая жестокая причуда
Опять обрушится на жалкий небосвод?
Слепая муть лежит на дне зеленых глаз,
И губы бледные прокушены до боли,
И близится конец. И не самой Судьбой ли
Для мудрого конца назначен строгий час?

За окнами – тоска. Сквозь бешеную твердь
Янтарный щит луны ползет, как черепаха,
И где-то далеко играют фуги Баха,
Тяжелые, как медь, и близкие, как смерть.
Я повернулся вдруг. И скрипнула кровать.
За ставней брызнул свет с оттенком изумруда.

О, малодушные, не верящие в чудо!
Глухая ночь близка – а чуду не бывать!

Южный огонек, № 6, 27 мая (9 июня) 1918

* * *

Опять возвращены глухие вечера,
И красный щит луны, и крепкий чай, и скука.
И то, что нравилось-то все еще вчера –
Сегодня кажется непревзойденной мукой.
И скучны Ливия забытые листки,
Не нравится вино, и дым табачный горек.
И утомительной отравленной тоски
Не в силах победить излюбленный историк.
Но все же сохранен пленительный уют
Давно забытого покинутого лона:
Ночные улицы, как встарь, меня зовут,
И ночь глубокая, как прежде, благосклонна.
И вот возвращены, возвращены, как встарь,
Часы излюбленные холостых прогулок,
И страстная луна наводит свой фонарь
На губы юноши, чей шаг ленив и гулок.

Южный огонек, № 8, 30 июня (13 июля) 1918

Чехов

Туманный день, пустынный и глухой,
Исполнен ядом сладкого бессилья.
По вашей коже, гладкой и сухой
Предсмертный зной свои развеял крылья.
Вы смотрите в открытое окно
И видите листву кустов осенних,
И кажется, что все обречено
Застыть навеки в сумеречных тенях.
Закат не виден. Тучи тяжелы.
И тополя под ними низко гнутся –
А где-то там, под сводом темной мглы,
Еще лучи сияющие льются.
И все ясней становится душе,
Что к вам в окно прощальный луч не брызнет,
И сумерки не радуют уже
Глаза, померкшие для этой жизни.

О, бледный Чехов! Строгая судьба
Уже сочла последние минуты:
И тонкая прокушена губа,
И легкие предсмертной болью вздуты.

Южный огонек, № 10, июль 1918

Карл 2-й Испанский

Отец погиб, империю расстроив.
Отец сгорел на травах и шелках.
Священное наследие героев
Лежит в моих опущенных руках.
В мои поты стремятся каравеллы,
Неся мне мускус, жемчуг и парчу,
И всех границ Всемирной Королевы
На карте я пером не очерчу.
Моя земля – от сонного Памира
До Мексики, лежащей в серебре.
Но тяжко быть владыкой полумира
И молча умереть в монастыре.
Я околдован. Здесь, в убогой келье, –
Распятия, монахи, образа…
Меня сожгло отравленное зелье,
И молча смерть глядит в мои глаза.
Мой стол неприхотлив и не обилен:
Стакан вина и получерствый хлеб,
По вечерам же я совсем бессилен,
Когда спускаюсь в мой старинный склеп.
Два факела. На полустертых плитах
К глазам испуганным прижав ладонь,
Читаю предков имена убитых,
Отравленных и брошенных в огонь.
Да, все мое – и тропики, и полюс!
Но вот – гробница. Ужас затая,
Читаю: Hic sepultus est Carolus
Secundus Imperator. Это – я.

Вдоль стен медлительно проходят тени,
Холодный пот уже скользит по лбу…
Одни лишь имена моих владений
Не уместились бы в моем гробу!
Проходят мимо предков вереницы,
И, как актер влюблен в свою игру,
Я вдруг целую прах своей гробницы –
И все-таки не верю, что умру!

Южный огонек, № 11, июль 1918

Автору пьесы

Пастелью ласковых грехов
Вы пьесу томную раскрасьте:
Немного слез, немного страсти,
Немного пудры и духов.

Холодной злобы взвесьте яд:
Кинжал, любовь и запах серный –
Пусть рифмы прыгают, как серны,
И очаруют весь театр.

Для героини – матинэ,
И поцелуй – у самой рампы.
И в этот миг пусть светят лампы
Чуть-чуть печальней и темней.
Сплетая тонких слов вуаль
Вы прикажите jeune prener'у
Чтоб он последовал примеру,
Который дал ему Уайльд:

Монокль, гардения и «тон» –
Наивный зритель очарован.
Обворожен игрою он,
Ошеломлен и побежден.

И ваши очи, мой поэт,
Вдруг станут ярче и моложе,
И дама из соседней ложи
Вам бросит розовый букет.
И вы, цветок в петлицу вдев,
Уйдете в зареве огнистом,
Чтоб рассказать фельетонистам,
Как создавался ваш шедевр.

Фигаро, № 1, 8 (26) мая 1918

Бал разочарованных

Мотив для арлекинады

Сияют звезды. Небо, спрячь их!
К изведанному не зови!
Сегодня вечер пьян, как мальчик,
Вкусивший в первый раз любви.
Мы пьем вино, как вальс старинный.
Скользят мечты. И я – не с ней.
Пьеро грустны, но Арлекины
Еще печальней и грустней.
И ласковые кавалеры
Не говорят, что мир высок, –
Им снятся низкие галеры
И выстрел, брошенный в висок.
Мы – рыцари нежданной встречи
И неисполненной весны.
Мне странно слушать наши речи,
Развенчивающие сны.
Но ночь плывет, плывет и тает,
И люстра красная зажглась,
И Коломбина прикрывает
Ресницами жесткость глаз.
Что снится ей, рыжеволосой?

Не изумрудные края ль?
Пьеро с потухшей папиросой
Садится молча за рояль.
И ночь плывет. В глазах бессонных
Раскрыт глубокий водоем…
О, бал печальных прокаженных,
Разочарованных во всем!
Два лиловатые рубина
Упали с лампы. Миг изжит –
И плачущая Коломбина
Ломает пальцы и дрожит.

Фигаро, № 3, 9 (22) июня 1918

В кафе

За столиком в табачном дыме
  Зову и жду, кого хочу.
Но кажется, что нет любимей,
  Чем та, чье имя я черчу.

И нежность лживою рукою
  Неверный водит карандаш…
Ты завтра вновь меня предашь
  И насмеешься надо мною.

Зачем любовь моя срывает
  Цветы, взращенные в тиши?
Из тихих омутов души
  Уже нежданное всплывает.

Я вспоминаю, что она
  Умеет тонко красит губы,
Что сны ее – легки и грубы,
  А речь – пуста и холодна.

Я вспоминаю красный рот.
  И вот – любовь моя сгорает,
И отвращение растет,
  И нежность взоры потупляет.

Уже сомненье надо мной
  Проводит медленно рукою –
И вензель, вычерченный мною,
  Залит кофейною струей.

Фигаро, № 4, 16 (29) июня 1918

Моя смерть

Я был любим, я был влюблен
  И ничего не знал о смерти,
Когда склонился мертвый сон
  Каймою черной на конверте.
Когда веселые друзья
  Сказали мне, что я – безумен,
Тогда порвалась жизнь моя,
  И я закрыл глаза – и умер.
Я был положен в душный гроб
  При криках звонких и веселых,
И помню, как на черный лоб
  Упала прядь волос тяжелых.
И было сладко мне, что я
  Уже закончил день последний,
И я не слушал, как друзья
  Поспешно сочиняли сплетни.
Когда ж, наполнив кабинет,
  Они заговорили громче,
Я вдруг услышал:
                – Вот сонет,
  Который он не мог закончить.

Тогда незрячие глаза
Сверкнули зеленью презренья,
И я, поднявшись, дописал
Посмертное стихотворенье.

Фигаро, № 6, 30 июня (13 июля) 1918

Сонет

Я смуглый принц в незримых кружевах,
Овеянный невидимым муаром.
Я прохожу по гулким тротуарам,
Мечтая о несозданных словах,
Я думаю о тайных божествах,
О том, что я пришел сюда недаром,
Покинув храм, отделанный каррарaом,
На сказочных далеких островах.
Мне весело бродить по переулкам
И отдаваться длительным прогулкам,
Прислушиваясь к спутанным речам,
Указывая взоры и улыбки…
Но иногда я плачу по ночам
И думаю о сделанной ошибке.

Фигаро, № 11, 4 (17) августа 1918

Над вселенной

Белы колонны Эллады. Римские тоги кровавы.
Желты рисунки Египта, и скифские земли черны.
В быстром потоке столетий, в лучах немеркнущей славы
Вижу: в закатном свете четыре щита взнесены.

Белы колонны Эллады. Я вижу царственный мрамор,
Твердые мышцы атлетов, высокие лбы мудрецов…

Вижу я девушек стройных, идущих медленно к храмам,
Вижу богов спокойных в сиянии белых цветов.

Римские тоги кровавы. Закаты багряны и алы.
Злые безумья Нерона. Золото, пурпур и кровь…
Цезари пьяны от крови. Воины точат кинжалы.
Музыка в пламенном слове и в остром звоне клинков.

Желты рисунки Египта. Вонзились в лазурь обелиски.
Золото иероглифов, желтые звезды пустынь…
Странно изломаны тени, но сердцу мучительно близки
Очи закатных видений в залах мемфисских святынь.

Скифские земли черны, как черны грозовые туманы,
Что утомленно повисли над черною влагой морей.
Черно оружие скифов и черны глубокие раны,
Глуби нерадостных мифов ночи безлунной черней.

Злобная Лета бессильна сорвать роковые преграды,
Над изумленной вселенной четыре щита взнесены.
Римская алая тога, белое солнце Эллады,
Золото нильских чертогов и сумрачность скифской страны.

Публикуется впервые.

Рукопись сохранилась в архиве С. Кесельмана

Воскрешение бакалавра Луки Гинарта

In nomeni Patri, et Fili, et Spiritu Santi

Здесь я, в миру бакалавр Лука Гиннарта, а ныне смиренный из смиренных слуг Господа, начинаю правдивую и нелицемерную повесть о чудесном обращении моем и предаю душу в руки патрона моего, св. Антония Падуанского. Да отвратит он лицо свое от меня, если хоть одно слово лишь вырвется из уст моих!

Небогат был отец мой, но, памятуя, что сказано в Св. Евангелии от Матфея «Царство небесное силой берется», решил он,

во всем отказывая себе, трудами рук своих дать мне образование, достойное моего происхождения, дабы мог я занять в жизни положение, мне подобающее. Легко и усердно учился я, избегая дурных товарищей, и часто заглядывая в Simulas Вильонандо, нежели в пустые стихи Джакомо Саннасаро. Скоро сбросил я с себя одежду св. Петра, присвоенную всем студентам, и, окончив университет в Барселоне, удостоился отличия быть записанным красными чернилами в длинном списке бакалавров.

Решивши подготовиться к испытанию за степень магистра логики, усердным занятиям предался я. Многим полезен был мне благочестивый отец Сульниций, библиотекарь монастыря св. Иоанна. Благодаря его помощи и благосклонности имел я возможность пользоваться редкими списками и рукописями монастыря, содержавшими как творения отцов Св. Церкви, так и светские писания авторов римских и эллинских.

Часто сходились мы с ним в библиотеке у статуи Св. Марии Каппадокийской, покрытой пурпуровой золотом вышитой мантией, и поучительные вели и назидательные беседы. О деяниях св. епископа Гурпина рассуждали мы, о 12 пэрах, им описанных, о мучениях св. Себастьяна. И ничего не было для меня драгоценнее бесед этих, которым не мешали скрип пера благочестивых монахов, прилежно переписывавших книги в уединенной тишине монастырской библиотеки.

Но силен враг человеческий, и часто внушает он нам искушения непреодолимые. Однажды, в день св. Эрмандады, устав после усиленных занятий, тело и душу изнуряющих, решил я прогуляться по шумным улицам города Барцелоны. Медленно идя и размышляя о скрытом смысле стиха Овидия Est Deus in nobis, agitante calescimus illo (Есть ли в нас Бог, которым мы горим. – Ovidius, Faiti VI), не заметил я, как сильный порыв ветра сорвал берет с моей головы. И лишь услыхав чей-то звонкий смех над собой, очнулся и, подняв голову, увидел на балконе, увитом цветами, девушку красоты необычайной, игравшей с обезьяной, привязанной к решетке, как это было в обычае у богатых граждан Барцелоны. С презрением взглянув на нее, решил я продолжать путь мой, но дуэнья, неожиданно подошедшая ко мне и посланная незнакомкой, прервала размышления мои и пригласила

подняться наверх, заявив, что госпожа ее жаждет познакомиться со мной и излить на меня неутоленный трепет любви своей. Будучи юным и неопытным, без особенных колебаний последовал я приглашению.

Вблизи Лела Делагос (как позже узнал я, отец ее был мавр) еще прекраснее казалась. Скоро уже, уйдя с балкона в комнаты, лежали мы с ней рядом на ковре, и она, обнажив тело мое, осторожными прикосновениями с искусством, от дьявола внушенным, разжигала страстные желания во мне, еще не знавшем женщины.

Но каждый раз, когда пытался я неумело овладеть ею, ловко уклонялась она, и звенели золотые подвески, поддерживающие ее груди, ибо к тому времени она сбросила шаль и осталась полуобнаженной, к вящему соблазну моего еще неопытного духа. Наконец, видя, что я в отчаянии и готов заплакать от невозможности утолить желание мое, сказала она:

– Если ты хочешь меня – принеси мне покрывало Св. Марии Каппадокийской из монастыря св. Иоанна. А теперь – уходи.

Послушно вышел я, и, придя домой, сел за книги. Но не мог заниматься я, ибо чудесный образ красавицы не выходил из головы моей. А сказал Гиппократ: Quando caput dolet – caetera membra dolet – когда болит голова, и остальные члены болят. Тщетно твердил я: Fugite partes adversae – мысль о похищении покрывала все более и более овладевала мною, ибо тело мое было молодо и здорово и требовало женщины, а прекраснее Лелы не видал я никого.

И когда решился я, и избрал для этого ночь перед Св. Воскресением Христовым, зная, что все братья будут на заутрени, и о преступлении, мною совершенном, никто не узнает. Слишком рано пришел я в библиотеку и решил скоротать время за чтением. Наугад раскрыл я Библию и прочел там из книги Иова: Post tenebras spero lucem. Долго размышлял я над этим изречением и не постиг, нечестивый, тайных желаний Господа, от святотатства меня удерживавшего. Между тем все монахи сошлись в капелле, и я остался один. Тогда, сразу решившись, дерзко протянул я руку к святому покрывалу. Но внезапно резкий и отвратительный запах проник в мои ноздри и наполнил всего меня содроганием и омерзением. Поднял глаза – ибо прежде отвер-

нул я голову, в лицо Св. Марии глядеть не смея, – увидел я, что кощунственная рука моя покрылась смрадными язвами и струпьями, сильное зловоние издававшими. И гневно было лицо Св. Марии. И слыша издалека радостное пение братьев, славивших Св. Христово Воскресение, раскаявшись, упал я без сил к подножию статуи.

Но милостив был Бог ко мне, и помиловал Он меня, и слугою Своим быть допустил. И ныне я, смиренный Антоний из монастыря св. Иоанна, кончаю мой правдивый и нелицеприятный рассказ о чудесном воскресении моем.

Dixi et animam levavi.

Да будет мир над тобою, прочитавшем повесть мою!

Южный огонек, № 22, (9) апреля 1918, пасхальный номер

Публикация Алены Яворской

Из сборника «Зеленые глаза»

Зеленые глаза

Сонет

Зеленые глаза – загадочны и странны,
Как призраки немой, незримой глубины.
Порой в них светятся мистические сны,
Порою грезятся безумные обманы.

Они таинственны, как бледный свет Луны,
Они безжалостны, как волны Океана.
В них чудится мечта неведомой страны,
Где небо зелено, как пальма Индостана.

Зеленые глаза – живые талисманы.
И тот, кто раз познал спокойствие Нирваны,
Кому безволие и мука суждены –
Тот знает, что глаза загадочной волны
Влекут к себе сердца, как вещие туманы,
Рожденные на дне зеленой глубины…

915

* * *

Зажженные светы погаснут в гробницах,
И гордые мысли сотрутся веками.
Зачем же мы верим, что чудо свершится,
Зачем поднимаем великое знамя?
Мы ищем прозрения в книгах поэтов,
Мы жадно читаем великие строки –
Но время сотрет роковые обеты,
В тумане исчезнут певцы и пророки.
Творенья поэта, безумства героя,
Бессмертные факелы вещих исканий
Растопчутся пьяной и грязной толпою,
навеки исчезнут в бесследном тумане.
Умрут мудрецы и уйдут поколенья,
останутся книги… Проклятые книги!
Далекий потомок улыбкой презренья
Спокойно отметит великие миги.
Зачем же мы ищем нетленного света,
Сметая безумье в певучие нити?
Молчите, пророки, молчите, поэты,
Герои и маги – молчите, молчите!

Май 915

Портрет г-на N

Напудренный, изящный и нескромный,
Ты покорял желанья и сердца,
Когда пронзал своей улыбкой томной
Глухие тени встречного лица.
Накрашенными алыми губами
Ты говорил красивые слова –
И тайны открывались перед нами,
И в смутных снах кружилась голова.
Ты подводил изогнутые брови
Над томным взглядом изумрудных глаз,
И ты горел поэтом в каждом слове,
И в каждом слове – зажигал экстаз.
Порой, склонясь уверенным пробором
Над чьей-то обезумевшей рукой,
Ты говорил, что страсть проходит скоро,
И прибавлял: «Я более не твой».
И прикоснувшись алыми губами
К холодным пальцам трепетной руки,
Ты уходил спокойными шагами
И дома сочинял свои стихи.
Ты их писал на палевой бумаге,
Надушенной лукавым Loréas,
И выводя узорные зигзаги,
Ты как рубины подбирал слова.
Но вдруг – случайно вспомнив чье-то имя,
Ты становился нежным и простым,
Ты забывал, что ты доступен многим,
Как забывал о пудре и духах –
И умирая на *ее*…
Ты все печали отражал в стихах.
И так всю жизнь тебя слова водили,
Как водят дети мудрого слепца,
И все восторги пред тобой открылись,
Как пред твоей улыбкой все сердца.
А ты играл лукавыми огнями

Проборчатых надушенных волос
И говорил красивыми словами
О том, что «жизнь – безумье тайных грез».
И вышивая золотым узором
Своей мечты ласкающий сонет –
Ты женщин обводил спокойным взором –
И в каждом взоре находил ответ.

Февр. 916

О принцессе Ирис

Кто-то тихий и влюбленный приподнял на миг завесу,
Кто-то ласково шепнул мне: «С неизбежным примирись…»
Повтори мне, сердце, сказку про лукавую принцессу,
Про лукавую принцессу, темнокудрую Ирис!
…Это было… Помнишь, сердце? Это было так недавно…
Кто-то бросил ей сонату, где безумия сплелись.
Но принцесса – беспощадна! Но принцесса – своенравна.
И поэту отказала темнокудрая Ирис.
И принцесса – равнодушна. Беспощадна. Непреклонна.
Он ушел – она молчала. Ах, поэт так ждал… Вернись.
Он любил – она забыла. Неизбежная развязка –
Если хочешь – порыдаешь, если хочешь – улыбнись…
Сердце, сердце – ты рыдаешь? Это сказка, только сказка
Про лукавую принцессу, темнокудрую Ирис.

Февраль 916

Избраннику

Валерию Брюсову

Над жадной бездной исступленности,
Над стрелами враждебных глаз
Всплывают отклики влюбленности,
Царит чувствительный экстаз.

Душой уверенной и гибкою
Ты чью-то тайну подстерег,
И с равнодушною улыбкою
Венчаешь доблесть и порок.

Безумно-алыми рубинами
Бросая беспощадный стих,
Ты дышишь сказками старинными
В извивах улиц городских.

Равно прекрасному и злому ты
Сплетаешь радостный венок
И смотришь зорко в злые омуты
Страстей, желаний и тревог.

Ты грезишь смутными намеками,
Но в каждом слове – твой экстаз.
Какими злыми и далекими
Ты видишь нас, ты видишь нас.

Изнежен грезами весенними,
Безумец, гений и мудрец,
Ты равнодушными хотеньями
Бросаешь сердце в бой сердец.

И если песни вдохновеннее
Придумает иной поэт –
Ты будешь помнить все мгновения
Твоих уверенных побед.

И все безумия и нежности
Сплетутся в пламенный венец,
Венчая тайной неизбежности
Тебя – восторженный певец!

Май 916

Жрец Ваала

Сонет

И. Н.

Когда-то в древности я был певцом Ваала –
Вся Вавилония была подвластна мне.
Когда я в храм входил при грохоте кимвала
И тихо исчезал в таинственном окне –
Смущенная толпа безмолвно трепетала,
И даже грозный царь на вороном коне
Испуганно внимал, как я у пьедестала
Молил богов послать могущество стране.
Вокруг торжественно кадильницы курили,
И к синеве вздымался фимиам.
И боги грозные к нам милостивы были,
Наш меч повсюду нес позор и смерть врагам.
…С тех пор прошли века. И люди позабыли
Богов страны моей и пышный, гордый храм…

915

Город

Я люблю тебя, о город, царство камня и улыбок,
Ты таишь в своих извивах тонкой страсти острый яд.
Воздух твой – такой влюбленный – вечно пылок, вечно зыбок,
Ты сдавил печаль и горе гнетом каменных громад.
В час урочный, в час вечерний я хожу по тротуару,
Я любуюсь пестрой смесью бесконечных верениц,
Ты зажег в своих витринах беспрерывные пожары,
Окна пламя отражают миллиардами зарниц.
А толпа волною бурной заливает переулки
И на улицах широких вечно бьется и кипит.
И шаги прохожих встречных в этот час так странно гулки,
Каждый шаг в себе как будто тайну странную хранит.

Я ищу, и мне навстречу мчатся ласковые взоры,
Извиваются улыбки, словно в танце дикарей.
Гибко воздух рассекают окрыленные моторы,
Ударяя в сумрак ночи взглядом ярких фонарей.
Все прекрасно, все ликует, все сверкает, утопая
В ослепительном сиянье электрических свечей.
И в глазах у встречных женщин блещет дымка золотая –
Эта дымка скажет больше тьмы волнующих речей.
Взоры счастье обещают: «Посмотри, как мы красивы!
Помани – пойдем с тобою. Нашей страстью опьянись».
Их улыбки – так тревожны, так влюблено шаловливы,
В их лице печаль и радость в пляске бешеной слились.
Сколько тут сердец разбитых, робких вздохов, нежных ласок.
Сколько злобы, сколько страсти и капризно-странных сцен!
Сколько ты, волшебный город, сплел лукаво-нежных сказок,
Сколько ты в себе скрываешь водевилей и измен!
Каждый миг – за тайной тайна. Каждый миг – за бездной бездна.
Ты – великий и подменный – все печали победил.
Я люблю тебя, о город, я люблю тебя, железный! –
Смелый, дерзкий и безумный, царство пьяных, диких сил!

914

Курильня опиума

Я. Г-ну

На грязных нарах брошены небрежно
Облезлые персидские ковры.
В стене окно. Стучится полночь нежно,
И видно небо, полночь и обрыв.

Над потолком, игриво прячась в тенях,
Висит фонарь и льет неверный свет
На всех, застывших в темных опьяненьях
Горящим зноем призрачных побед.

Сквозь сон вздыхают пьяные матросы,
Привычно сжав узорчатый чубук.
Горячий хмель тела на камень бросил
И тесно сплел объятья цепких рук.

Скользят минуты в голубом дурмане
И каждый миг – безумней и наглей.
Мальчишка-негр в малиновом тюрбане
Сквозит неслышно в гибкой полумгле.

В отравленной, рассудочной Европе
Я воскрешаю сказочные дни…
Топазной каплей темно рдеет опий
Под углями китайской жаровни.

Из сжатых губ не вырвется ни слова,
Усталый взор скользит в глухом бреду,
И я один по злым путям былого
С мучительной тревогою бреду.

Март 914

Из одесских журналов 1917-1918 годов

Маскарад

Она пляшет в цыганском таборе
И у нее глаза проститутки

Сегодня ночью – мой сплин излечен,
  Оркестр, безумствуй, играй, зови!
Рукою потной хватай за плечи
  Изнемогающих от любви!
Я буду долго актрисам хлопать,
  Касаться дерзко горячих рук –
И в душном зале спустится копоть
  Над пьяным смехом моих подруг.

О, эта музыка так похожа
  На умирающую любовь!…
Еще безжизненней тлеет кожа.
  Еще страшнее оскал зубов…
И груди женщин в лиловом рюше,
  Устало пахнущие вином,
Твердят все тише, твердят все глуше
  Незабываемо – об одном:
И что все доступны и все продажны,
  И зацелованы все давно –
И эта леди с осанкой важной,
  И это черное домино.
Огни струятся рекой хрустальной,
  Целуя щеки ночных принцесс.
О, как мучительно, как печально
  Свою любимую встретить здесь!
Мне страшно, страшно! Мой голос тусклый
  Вдруг надломился и задрожал…
И мне не странно, что там – под люстрой
  Пьеро ощупывает кинжал.

Театр и кино, № 7, суббота, 11 февраля 1917

Апрель

M-lle K.

Весна любовница пришла незваная,
  Сверкнула стрелами невинных глаз,
Слегка наивная, слегка жеманная,
  Свернулась кошечкой – и улеглась.

Меня холодного, меня капризного,
  Боятся женщины, не любят сны.
Весна улыбкою мне в сердце брызнула,
  Целую пальчики моей весны.

Лучи хрустальные певуче-палевы,
  Играют в бархате ночных гардин,
Весна-проказница! Ну, как узнали вы,
  Ну, как узнали вы, что я один?

Рукою тонкою коснетесь ласково
  Прозрачной зелени усталых глаз.
Пусть все растрачено, пусть все истаскано –
  Весна воздушная – я верю в вас.

Висков седеющих вы не заметите:
  – Не все равно ли вам, моя весна?
Пусть радость скомкана в продажном трепете –
  Душа спокойная теперь ясна.

Она не спутает и не обманется –
  Такою радостью пронизан стих!
О, смейтесь, милая Весна-жеманница,
  Свернувшись кошечкой у ног моих!

Кончаю в золоте мой путь скитальческий:
  Какие яркие я вижу сны!
И я признательно целую пальчики,
  Целую пальчики моей весны.

Театр и кино, № 11, 18 марта 1917

Баллада без посвящения

Donne-moi la rose – je donnerai ma ballade.

Мальчишка, пьяница, поэт –
Вся жизнь моя – арлекинада.
Влюбляюсь в каждый силуэт,
От каждого пьянею взгляда.
Сильнее смерти, слаще яда
Дурманит кружево стихов;

Кому стихи мои – услада,
– Тому дарю мою любовь!

Любимее любимой – нет.
Очаровательней – не надо.
Рондо, терцина иль сонет
За нежность лучшая награда.
Певуче рушится преграда,
Упруго пламенеет кровь…
Чье сердце этим строкам радо
– Тому дарю мою любовь!

Я знаю клад. На нем запрет –
Он зачарован флейтой ада,
Но все ж не раз в стихах воспет
Влюбленный шорох маскарада.
Любовь, как нежная наяда,
Играет жемчугами слов,
И – кто откроет тайну клада,
– Тому дарю мою любовь!

Посылка

Моя баллада – как лампада,
Она вас выведет на зов –
– Кого поет моя баллада,
– Тому дарю мою любовь!

Театр и кино, № 12, 25 марта 1917

Sonnet d'impression

R. Rosenberg

На сером платье розовая роза
Запахла запахом Régent de France.
Старинный и мечтательный романс
О девушке, чье имя – Долороза.

Темно. У вас изысканная поза.
У вас лицо – как розовый фаянс.
Сгущается неуловимый транс,
Дыша духами душного наркоза.

О, вечер кружевных очарований!
Во мраке смех наивней и желанней,
Рука доверчивей лежит в руке.

И я храню цветок воспоминаний
И думаю о вашем талисмане –
О шелковом душистом лепестке.

Театр и кино, № 15, 15 апреля 1917

Еретик

Посв. Р. Розенберг

Семь наук с отменным прилежаньем
Изучив в аббатстве до конца,
Был и я благословлен собраньем
На высокий подвиг мудреца.

Снаряженный приором в дорогу,
Я припал с мольбой к его рукам
И поклялся в вечной службе Богу
И в святой вражде к еретикам.

Став студентом славной Саламанки,
Я вникал в ученье мудрецов,
Презирая пестрые приманки,
Привлекательные для глупцов.

Я читал и слеп от книжной пыли,
И тогда высокий факультет
Предложил мне кафедру в Севилье
И вручил магистерский берет.

Я читал легко и благосклонно
Пред толпой веселых школяров,
Тонко имитируя Платона
На священном языке богов.

Стал мне близок мудрый Аверроэс
И спокойствие ученых книг,
Но однажды, в рукописях роясь,
Я прозрел внезапно и постиг…

И тогда огнем нежданно резким
Был я просветлен от мудрецов
И отважился с сомненьем дерзким
Подойти к делам святых отцов.

Я отверг Триаду дерзновенно,
Господу Единому служа,
И лиценциаты вдохновенно
Раздували пламя мятежа.

Был я проклят папою и Римом,
Но святой огонь грядущих дней
Вспыхнул пламенем необоримым
На священной мантии моей.

Южный огонек, № 1, 8 (21) апреля 1918

Светлое воскресенье

Глухая ночь все мертвенней и гуще;
Мне бок пронзило острое копье
Но ты не страшен, мудро стерегущий
Святое Воскресение мое.

Колокола над сонною долиной
Поют всю ночь. И я один в гробу.

Уже давно Мария с Магдалиной
До слез оплакали мою судьбу.

Я слышу крики радости и песни –
Но это – ложь. И ты напрасно ждешь.
И если люди скажут Мне – Воскреси!
Воскресну Я – и ты падешь.

Южный огонек, 9 (22) апреля 1918, пасхальный номер

Сирены

Nemo postquam sirenas viserit de feminis mortalibus putabit
Theophilus Campaniensis Errata

Кто слышал томный глас Сирены,
Тот не прельститься песней жен.
И я, поникший и смиренный,
Неведомым заворожен.
О тени сладостные, где вы?
Я говорю мечте: зови!
Меня страшат земные девы
И яд испытанной любви.

О, если б мог вернуть опять я
Былые громкие дела!
А здесь – неищущие объятья
И утолимые тела.

И те ж не жаждущие груди,
И стрелы не томящих глаз.
И тщетно я молю о чуде,
И к небесам подъемлю глас.

И тщетно руки я в смущеньи
Подъемлю на закате дня,

Моля богов о возвращеньи
Похищенного у меня.

Скользят спокойные созвездья,
Верша суровую судьбу.
И слышу горестную весть я,
Ответствующую рабу:

Что край палящего циклона
Удел богов, а не рабов,
Что воля Мудрых – непреклонна,
И смертным – смертная любовь.

Южный огонек, № 3, 6 (19) мая 1918

Spleen

Как медленный дракон, глухая ночь ползет,
Чтоб горло перегрызть не верующим в чудо.
Какая новая жестокая причуда
Опять обрушится на жалкий небосвод?
Слепая муть лежит на дне зеленых глаз,
И губы бледные прокушены до боли,
И близится конец. И не самой Судьбой ли
Для мудрого конца назначен строгий час?

За окнами – тоска. Сквозь бешеную твердь
Янтарный щит луны ползет, как черепаха,
И где-то далеко играют фуги Баха,
Тяжелые, как медь, и близкие, как смерть.
Я повернулся вдруг. И скрипнула кровать.
За ставней брызнул свет с оттенком изумруда.

О, малодушные, не верящие в чудо!
Глухая ночь близка – а чуду не бывать!

Южный огонек, № 6, 27 мая (9 июня) 1918

* * *

Опять возвращены глухие вечера,
И красный щит луны, и крепкий чай, и скука.
И то, что нравилось-то все еще вчера –
Сегодня кажется непревзойденной мукой.
И скучны Ливия забытые листки,
Не нравится вино, и дым табачный горек.
И утомительной отравленной тоски
Не в силах победить излюбленный историк.
Но все же сохранен пленительный уют
Давно забытого покинутого лона:
Ночные улицы, как встарь, меня зовут,
И ночь глубокая, как прежде, благосклонна.
И вот возвращены, возвращены, как встарь,
Часы излюбленные холостых прогулок,
И страстная луна наводит свой фонарь
На губы юноши, чей шаг ленив и гулок.

Южный огонек, № 8, 30 июня (13 июля) 1918

Чехов

Туманный день, пустынный и глухой,
Исполнен ядом сладкого бессилья.
По вашей коже, гладкой и сухой
Предсмертный зной свои развеял крылья.
Вы смотрите в открытое окно
И видите листву кустов осенних,
И кажется, что все обречено
Застыть навеки в сумеречных тенях.
Закат не виден. Тучи тяжелы.
И тополя под ними низко гнутся –
А где-то там, под сводом темной мглы,
Еще лучи сияющие льются.
И все ясней становится душе,
Что к вам в окно прощальный луч не брызнет,
И сумерки не радуют уже
Глаза, померкшие для этой жизни.

О, бледный Чехов! Строгая судьба
Уже сочла последние минуты:
И тонкая прокушена губа,
И легкие предсмертной болью вздуты.

Южный огонек, № 10, июль 1918

Карл 2-й Испанский

Отец погиб, империю расстроив.
Отец сгорел на травах и шелках.
Священное наследие героев
Лежит в моих опущенных руках.
В мои поты стремятся каравеллы,
Неся мне мускус, жемчуг и парчу,
И всех границ Всемирной Королевы
На карте я пером не очерчу.
Моя земля – от сонного Памира
До Мексики, лежащей в серебре.
Но тяжко быть владыкой полумира
И молча умереть в монастыре.
Я околдован. Здесь, в убогой келье, –
Распятия, монахи, образа…
Меня сожгло отравленное зелье,
И молча смерть глядит в мои глаза.
Мой стол неприхотлив и не обилен:
Стакан вина и получерствый хлеб,
По вечерам же я совсем бессилен,
Когда спускаюсь в мой старинный склеп.
Два факела. На полустертых плитах
К глазам испуганным прижав ладонь,
Читаю предков имена убитых,
Отравленных и брошенных в огонь.
Да, все мое – и тропики, и полюс!
Но вот – гробница. Ужас затая,
Читаю: Hic sepultus est Carolus
Secundus Imperator. Это – я.

Вдоль стен медлительно проходят тени,
Холодный пот уже скользит по лбу…
Одни лишь имена моих владений
Не уместились бы в моем гробу!
Проходят мимо предков вереницы,
И, как актер влюблен в свою игру,
Я вдруг целую прах своей гробницы –
И все-таки не верю, что умру!

Южный огонек, № 11, июль 1918

Автору пьесы

Пастелью ласковых грехов
Вы пьесу томную раскрасьте:
Немного слез, немного страсти,
Немного пудры и духов.

Холодной злобы взвесьте яд:
Кинжал, любовь и запах серный –
Пусть рифмы прыгают, как серны,
И очаруют весь театр.

Для героини – матинэ,
И поцелуй – у самой рампы.
И в этот миг пусть светят лампы
Чуть-чуть печальней и темней.
Сплетая тонких слов вуаль
Вы прикажите jeune prener'у
Чтоб он последовал примеру,
Который дал ему Уайльд:

Монокль, гардения и «тон» –
Наивный зритель очарован.
Обворожен игрою он,
Ошеломлен и побежден.

И ваши очи, мой поэт,
Вдруг станут ярче и моложе,
И дама из соседней ложи
Вам бросит розовый букет.
И вы, цветок в петлицу вдев,
Уйдете в зареве огнистом,
Чтоб рассказать фельетонистам,
Как создавался ваш шедевр.

Фигаро, № 1, 8 (26) мая 1918

Бал разочарованных

Мотив для арлекинады

Сияют звезды. Небо, спрячь их!
К изведанному не зови!
Сегодня вечер пьян, как мальчик,
Вкусивший в первый раз любви.
Мы пьем вино, как вальс старинный.
Скользят мечты. И я – не с ней.
Пьеро грустны, но Арлекины
Еще печальней и грустней.
И ласковые кавалеры
Не говорят, что мир высок, –
Им снятся низкие галеры
И выстрел, брошенный в висок.
Мы – рыцари нежданной встречи
И неисполненной весны.
Мне странно слушать наши речи,
Развенчивающие сны.
Но ночь плывет, плывет и тает,
И люстра красная зажглась,
И Коломбина прикрывает
Ресницами жесткость глаз.
Что снится ей, рыжеволосой?

Не изумрудные края ль?
Пьеро с потухшей папиросой
Садится молча за рояль.
И ночь плывет. В глазах бессонных
Раскрыт глубокий водоем…
О, бал печальных прокаженных,
Разочарованных во всем!
Два лиловатые рубина
Упали с лампы. Миг изжит –
И плачущая Коломбина
Ломает пальцы и дрожит.

Фигаро, № 3, 9 (22) июня 1918

В кафе

За столиком в табачном дыме
  Зову и жду, кого хочу.
Но кажется, что нет любимей,
  Чем та, чье имя я черчу.

И нежность лживою рукою
  Неверный водит карандаш…
Ты завтра вновь меня предашь
  И насмеешься надо мною.

Зачем любовь моя срывает
  Цветы, взращенные в тиши?
Из тихих омутов души
  Уже нежданное всплывает.

Я вспоминаю, что она
  Умеет тонко красит губы,
Что сны ее – легки и грубы,
  А речь – пуста и холодна.

Я вспоминаю красный рот.
  И вот – любовь моя сгорает,
И отвращение растет,
  И нежность взоры потупляет.

Уже сомненье надо мной
  Проводит медленно рукою –
И вензель, вычерченный мною,
  Залит кофейною струей.

Фигаро, № 4, 16 (29) июня 1918

Моя смерть

Я был любим, я был влюблен
  И ничего не знал о смерти,
Когда склонился мертвый сон
  Каймою черной на конверте.
Когда веселые друзья
  Сказали мне, что я – безумен,
Тогда порвалась жизнь моя,
  И я закрыл глаза – и умер.
Я был положен в душный гроб
  При криках звонких и веселых,
И помню, как на черный лоб
  Упала прядь волос тяжелых.
И было сладко мне, что я
  Уже закончил день последний,
И я не слушал, как друзья
  Поспешно сочиняли сплетни.
Когда ж, наполнив кабинет,
  Они заговорили громче,
Я вдруг услышал:
                – Вот сонет,
  Который он не мог закончить.

Тогда незрячие глаза
Сверкнули зеленью презренья,
И я, поднявшись, дописал
Посмертное стихотворенье.

Фигаро, № 6, 30 июня (13 июля) 1918

Сонет

Я смуглый принц в незримых кружевах,
Овеянный невидимым муаром.
Я прохожу по гулким тротуарам,
Мечтая о несозданных словах,
Я думаю о тайных божествах,
О том, что я пришел сюда недаром,
Покинув храм, отделанный каррарaом,
На сказочных далеких островах.
Мне весело бродить по переулкам
И отдаваться длительным прогулкам,
Прислушиваясь к спутанным речам,
Указывая взоры и улыбки…
Но иногда я плачу по ночам
И думаю о сделанной ошибке.

Фигаро, № 11, 4 (17) августа 1918

Над вселенной

Белы колонны Эллады. Римские тоги кровавы.
Желты рисунки Египта, и скифские земли черны.
В быстром потоке столетий, в лучах немеркнущей славы
Вижу: в закатном свете четыре щита взнесены.

Белы колонны Эллады. Я вижу царственный мрамор,
Твердые мышцы атлетов, высокие лбы мудрецов…

Вижу я девушек стройных, идущих медленно к храмам,
Вижу богов спокойных в сиянии белых цветов.

Римские тоги кровавы. Закаты багряны и алы.
Злые безумья Нерона. Золото, пурпур и кровь…
Цезари пьяны от крови. Воины точат кинжалы.
Музыка в пламенном слове и в остром звоне клинков.

Желты рисунки Египта. Вонзились в лазурь обелиски.
Золото иероглифов, желтые звезды пустынь…
Странно изломаны тени, но сердцу мучительно близки
Очи закатных видений в залах мемфисских святынь.

Скифские земли черны, как черны грозовые туманы,
Что утомленно повисли над черною влагой морей.
Черно оружие скифов и черны глубокие раны,
Глуби нерадостных мифов ночи безлунной черней.

Злобная Лета бессильна сорвать роковые преграды,
Над изумленной вселенной четыре щита взнесены.
Римская алая тога, белое солнце Эллады,
Золото нильских чертогов и сумрачность скифской страны.

Публикуется впервые.

Рукопись сохранилась в архиве С. Кесельмана

Воскрешение бакалавра Луки Гинарта

In nomeni Patri, et Fili, et Spiritu Santi

Здесь я, в миру бакалавр Лука Гиннарта, а ныне смиренный из смиренных слуг Господа, начинаю правдивую и нелицемерную повесть о чудесном обращении моем и предаю душу в руки патрона моего, св. Антония Падуанского. Да отвратит он лицо свое от меня, если хоть одно слово лишь вырвется из уст моих!

Небогат был отец мой, но, памятуя, что сказано в Св. Евангелии от Матфея «Царство небесное силой берется», решил он,

во всем отказывая себе, трудами рук своих дать мне образование, достойное моего происхождения, дабы мог я занять в жизни положение, мне подобающее. Легко и усердно учился я, избегая дурных товарищей, и часто заглядывая в Simulas Вильонандо, нежели в пустые стихи Джакомо Саннасаро. Скоро сбросил я с себя одежду св. Петра, присвоенную всем студентам, и, окончив университет в Барселоне, удостоился отличия быть записанным красными чернилами в длинном списке бакалавров.

Решивши подготовиться к испытанию за степень магистра логики, усердным занятиям предался я. Многим полезен был мне благочестивый отец Сульниций, библиотекарь монастыря св. Иоанна. Благодаря его помощи и благосклонности имел я возможность пользоваться редкими списками и рукописями монастыря, содержавшими как творения отцов Св. Церкви, так и светские писания авторов римских и эллинских.

Часто сходились мы с ним в библиотеке у статуи Св. Марии Каппадокийской, покрытой пурпуровой золотом вышитой мантией, и поучительные вели и назидательные беседы. О деяниях св. епископа Гурпина рассуждали мы, о 12 пэрах, им описанных, о мучениях св. Себастьяна. И ничего не было для меня драгоценнее бесед этих, которым не мешали скрип пера благочестивых монахов, прилежно переписывавших книги в уединенной тишине монастырской библиотеки.

Но силен враг человеческий, и часто внушает он нам искушения непреодолимые. Однажды, в день св. Эрмандады, устав после усиленных занятий, тело и душу изнуряющих, решил я прогуляться по шумным улицам города Барцелоны. Медленно идя и размышляя о скрытом смысле стиха Овидия Est Deus in nobis, agitante calescimus illo (Есть ли в нас Бог, которым мы горим. – Ovidius, Faiti VI), не заметил я, как сильный порыв ветра сорвал берет с моей головы. И лишь услыхав чей-то звонкий смех над собой, очнулся и, подняв голову, увидел на балконе, увитом цветами, девушку красоты необычайной, игравшей с обезьяной, привязанной к решетке, как это было в обычае у богатых граждан Барцелоны. С презрением взглянув на нее, решил я продолжать путь мой, но дуэнья, неожиданно подошедшая ко мне и посланная незнакомкой, прервала размышления мои и пригласила

подняться наверх, заявив, что госпожа ее жаждет познакомиться со мной и излить на меня неутоленный трепет любви своей. Будучи юным и неопытным, без особенных колебаний последовал я приглашению.

Вблизи Лела Делагос (как позже узнал я, отец ее был мавр) еще прекраснее казалась. Скоро уже, уйдя с балкона в комнаты, лежали мы с ней рядом на ковре, и она, обнажив тело мое, осторожными прикосновениями с искусством, от дьявола внушенным, разжигала страстные желания во мне, еще не знавшем женщины.

Но каждый раз, когда пытался я неумело овладеть ею, ловко уклонялась она, и звенели золотые подвески, поддерживающие ее груди, ибо к тому времени она сбросила шаль и осталась полуобнаженной, к вящему соблазну моего еще неопытного духа. Наконец, видя, что я в отчаянии и готов заплакать от невозможности утолить желание мое, сказала она:

– Если ты хочешь меня – принеси мне покрывало Св. Марии Каппадокийской из монастыря св. Иоанна. А теперь – уходи.

Послушно вышел я, и, придя домой, сел за книги. Но не мог заниматься я, ибо чудесный образ красавицы не выходил из головы моей. А сказал Гиппократ: Quando caput dolet – caetera membra dolet – когда болит голова, и остальные члены болят. Тщетно твердил я: Fugite partes adversae – мысль о похищении покрывала все более и более овладевала мною, ибо тело мое было молодо и здорово и требовало женщины, а прекраснее Лелы не видал я никого.

И когда решился я, и избрал для этого ночь перед Св. Воскресением Христовым, зная, что все братья будут на заутрени, и о преступлении, мною совершенном, никто не узнает. Слишком рано пришел я в библиотеку и решил скоротать время за чтением. Наугад раскрыл я Библию и прочел там из книги Иова: Post tenebras spero lucem. Долго размышлял я над этим изречением и не постиг, нечестивый, тайных желаний Господа, от святотатства меня удерживавшего. Между тем все монахи сошлись в капелле, и я остался один. Тогда, сразу решившись, дерзко протянул я руку к святому покрывалу. Но внезапно резкий и отвратительный запах проник в мои ноздри и наполнил всего меня содроганием и омерзением. Поднял глаза – ибо прежде отвер-

нул я голову, в лицо Св. Марии глядеть не смея, – увидел я, что кощунственная рука моя покрылась смрадными язвами и струпьями, сильное зловоние издававшими. И гневно было лицо Св. Марии. И слыша издалека радостное пение братьев, славивших Св. Христово Воскресение, раскаявшись, упал я без сил к подножию статуи.

Но милостив был Бог ко мне, и помиловал Он меня, и слугою Своим быть допустил. И ныне я, смиренный Антоний из монастыря св. Иоанна, кончаю мой правдивый и нелицеприятный рассказ о чудесном воскресении моем.

Dixi et animam levavi.

Да будет мир над тобою, прочитавшем повесть мою!

Южный огонек, № 22, (9) апреля 1918, пасхальный номер

Публикация Алены Яворской

Татьяна Щурова

«Большой талант и просвещенный ум…»

В коллекции Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького среди изданий конца XIX – начала XX вв. сохранилось несколько книг, автором которых является Константин Аполлонович Скальковский. Обычно эта фамилия ассоциируется у нас, прежде всего, с именем Аполлона Александровича Скальковского (1808-1898), «Геродота Новороссийского края», как его называли. Он действительно оставил огромный научный след как историк, археолог, статистик.

Не менее важно, что в семье Скальковских серьезно относились к воспитанию детей, прививали им трудолюбие, готовили к «полезной деятельности». Результаты оказались превосходными. Старший сын Александр (1841-1893) сделал многое для развития связи в России, младший сын Павел (1849-1912) успешно трудился на высоких должностях в железнодорожном ведомстве, дочь Ольга (1850-1941) была солисткой оперы в Мариинском театре.

Особенно интересной личностью оказался средний сын Скальковского Константин (1843-1906). После окончания Ришельевской гимназии он уехал в Петербург и окончил там Институт

корпуса горных инженеров. Энциклопедии представляют его не только горным инженером, но и историком горного дела, административным деятелем и экономистом, писателем-публицистом и театральным критиком, знатоком балета. Он награждался орденами и медалями за свою деятельность, ему объявлялось высочайшее благоволение за подготовку международных выставок и экономических проектов. Современники отмечали его энциклопедическую образованность, живой ум, остроумие. Конечно, эта активная творческая натура и ее столь разносторонние занятия вызывали разные толки, продиктованные, думается, завистью посредственностей – так бывает во все времена. Известна, в частности, эпиграмма некоего П.К. Мартьянова на Скальковского:

К. СКАЛЬКОВСКІЙ

ВОСПОМИНАНІЯ МОЛОДОСТИ

(ПО МОРЮ ЖИТЕЙСКОМУ)

1843—1869

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., 13

1906

Решал сплеча вопросы жизни, как титан.
Писал «О женщинах» – как горный инженер,
О приисках и шахтах – как балетоман,
О путешествиях – как светский кавалер,
И «О балете» – как турист в стране хитан.

Кривотолки не помешали Константину Аполлоновичу Скальковскому остаться в истории классиком русской историографии, талантливым директором Горного департамента, заядлым путешественником и одним из самых компетентных балетных критиков. Он также четверть века работал в редакции иностранного отдела «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Нового времени», где создал раздел «Среди книг и журналов». Его

научные изыскания, путевые заметки, театральные очерки потом становились книгами. Они были, судя по откликам, популярны среди современников. Достаточно активно они переиздаются и в наши дни. В Интернете вы найдете много ссылок на работы этого автора, перепечатанные уже в нынешнем столетии: «Мнения русских о самих себе» (2001), «Наши государственные и общественные деятели» (2011), «Статьи о балете» (2012), «О женщинах: мысли старые и новые» (2012) и др.

Читая книги К.А. Скальковского, убеждаешься, что он действительно прекрасно владел словом, был эрудированным и ироничным. Это придает его текстам особый блеск, и они не потеряли со временем своей художественной ценности.

Книга «В театральном мире» (1899) посвящена не только детским театральным впечатлениям юного одессита, он серьезно и со знанием дела касается вопросов реформы театрального дела, отличительных особенностей столичного и провинциального театров, формирования репертуара, труппы и т. д. Отдельная глава называется:

Mme Жанлисъ.

Мери Эджеворт.

Mme Сталь.

Куплен. 18 г.
№ 321.

ЖЕНЩИНЫ-ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

XIX СТОЛѢТІЯ.

К. СКАЛЬКОВСКІЙ.

ТОМЪ I.

ФРАНЦУЗСКІЯ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ.

[Съ портретами.]

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Рейнмана.
1865.

«О нравственности на сцене и за кулисами». Автор показывает себя знатоком не только истории театра, но и состояния современного ему этого вида искусства.

Любопытно его исследование «Женщины-писательницы XIX столетия» (1865). Не претендуя на полноту освещения данного вопроса, Скальковский выбрал несколько ярких фигур и постарался определить их значение и место в истории литературы. С интересом читаются описания жизненного пути г-жи Сталь, Жорж Санд и менее известных широкому кругу читателей Дельфины Ге де Жирарден, Герцогини Дюра, Клемансы Августины Ройе. Безусловно, эти очерки – отличный материал для исследователей художественной литературы позапрошлого столетия.

Думается, недооценена одесситами последняя книга К. Скальковского «Воспоминания молодости (по морю житейскому)», 1843-1867 (1906). Она вполне может поспорить с очерками А.М. Дерибаса. Субъективно, с пристрастием, но с отличным знанием реалий, он описывает быт старой Одессы, состояние улиц (с пресловутой грязью), особенности состава населения города, театральные пристрастия одесситов. Конечно, море, дачи, одесские постройки. Трезво, без сиропа и елея он показывает Одессу «городом резких противоположностей».

Многие страницы из его книги «Сатирические очерки и воспоминания» (1902) сегодня представляются по-прежнему актуальными. Жизненные ситуации другие, а суть не меняется, увы…

О правѣ плескать руками, вызывать и двигаться въ театрѣ.

Въ числѣ многочисленныхъ реформъ, предпринятыхъ въ послѣднее время, вышло распоряжение дирекціи, приглашавшее публику не аплодировать во время дѣйствія и воспрещавшее артистамъ выходить на аплодисменты. Такъ какъ театры наши просуществовали болѣе столѣтія безъ такого воспрещенія, то мы сочли долгомъ протестовать отъ имени публики въ «Новомъ Времени», которое одобряло распоряженіе дирекціи. Мы писали слѣдующее:

«Мы никакъ не можемъ согласиться съ однимъ изъ театральныхъ хроникеровъ «Новаго Времени», одобряющимъ анонсы, наклеенные въ казенныхъ театрахъ и приглашающее публику не аплодировать во время дѣйствія и не вызывать артистовъ, чтобы «не нарушать цѣлостности драматическаго впечатлѣнія и сценической иллюзіи» и увѣряющимъ даже, будто бы это распоряженіе «благотворно повліяетъ на драматическую литературу». Въ данномъ случаѣ восхищаться вовсе нечѣмъ и вотъ почему:

1). Рукоплесканіе есть движеніе рефлекторное, которое человѣкъ дѣлаетъ безсознательно и настолько часто, насколько онъ живо чувствуетъ; поэтому разные народы рукоплещутъ различно. Запрещать же аплодировать такъ же наивно, какъ запрещать чихать, зѣвать или мигать.

2). Рукоплескания какъ выраженіе восторга, не относятся только до театра и артистовъ; аплодируютъ въ парламентахъ, на юбилейныхъ торжествахъ, на обѣдахъ во время застольныхъ рѣчей, на скачкахъ, на судѣ; древніе греки аплодировали Геродоту, читавшему свою исторію, въ Италіи аплодируютъ при появленіи короля, во Франціи – на лекціяхъ профессорамъ. Войска аплодировали Наполеону, въ Испаніи аплодируютъ быкамъ. При этомъ всѣ аплодируютъ

въ моментъ испытаннаго впечатлѣнія, а не получасомъ позже. Для запоздалыхъ аплодисментовъ требуется наемная клака.

3). Если рукоплесканія заслуженны, если они вырываются во время дѣйствія невольно (а мы и говоримъ именно о таковыхъ, а не о подготовленной клакѣ), то это лучшая награда для уважающихъ свое искусство артистовъ и лучшее мѣрило ихъ достоинства. Сколько разъ случалось видѣть, что восторгамъ публики не было конца, и артистъ, тронутый искренностью ихъ проявленія, непритворно плакалъ. Возможно ли эти неподдельные восторги откладывать на 20 минуть, въ ожиданіи антракта?

4). Регламентировать аплодисменты вовсе не новое дѣло. Тутъ дирекція наша ничего не выдумала. Въ Римѣ публика, какъ и вообще на югѣ (теперь, напр., въ Италіи), очень любила аплодировать и кричать (почему во Франціи клакеровъ и зовутъ les romains); поэтому со временъ императора Августа театральные чиновники того времени старались «упорядочить» аплодисменты, въ особенности во время лирическихъ представленій. Послѣдній изъ артистовъ, оканчивавшихъ дѣйствіе, говорилъ: «Vedete et applaudite!». Одинъ изъ музыкантовъ давалъ тонъ, и публика, раздѣлившись на два хора, кричала въ тактъ формулу восторга.

5). Неронъ пошелъ еще далѣе въ смыслѣ регламентаціи. Когда онъ игралъ на сценѣ, Сенека и Вурръ давали сигналь аплодисментовъ словами: «Plaudite, cives!». Молодые всадники поддерживали ихъ, а солдаты, разставленные въ толпѣ, способствовали единодушію и своевременности рукоплесканій. Этотъ порядокъ сохранялся до царствованія Теодориха. Спрашивается, что Неронъ за указка для дирекціи? Да и примѣръ мудраго Сенеки не служить оправданіемъ.*

---

* Такъ какъ Неронъ, благодаря Рубинштейну, вошелъ было въ моду, то мы слегка займемся и Нерономъ. Если Рубинштейна можно было назвать царемъ артистовъ, то Неронъ представляетъ рѣдкое явленіе артиста-царя.

Историки реформу клаки приписываютъ именно Нерону. Послѣдній любилъ по цѣлымъ часамъ въ циркѣ распѣвать въ носъ и фальшиво. Публика и тогда, какъ и теперь, не любила этой «музыки будущаго» и засыпала. Чтобы подбодрить публику, Бурръ и Сенека, бывшіе воспитатели императора, стоя около сцены, давали сигналы аплодисментовъ клакерамъ – Augustani – криками: «Plaudite, cives!». Эта формула стала въ Римѣ традиціонною.

Мы говорили, что Неронъ пѣлъ фальшиво; горе тѣмъ, кто рѣшился бы пѣть при немъ вѣрно. Одинъ виртуозъ изъ Коринѳа попытался было это сдѣлать и вызвалъ аплодисменты публики. По знаку Нерона прочіе артисты бросились на несчастнаго, прижали его къ колоннѣ и пронзили горло кинжаломъ. Такимъ образомъ г. Сильва, который, изображая въ оперѣ Рубинштейна Нерона, пѣлъ вѣрно, совершалъ въ сущности историческій подлогъ.

6). Въ прошломъ столѣтіи горячія театральныя войны изъ-за актрисъ возбудили вновь вопросъ о злоупотребленіи аплодисментами. Въ пользу рукоплесканій высказались, однако, Дорать, Вольтеръ, а ранѣе Мольеръ и друг. писатели. Вотъ ужъ подлинно можно повторить теперь слова Сумарокова: «неужели Москва повѣрить скорѣе частному приставу, нежели господину Вольтеру».

«Самое курьезное, что недавно еще приказано было считать число вызововъ для артистовъ и представлять о томъ рапортичку по начальству, какъ мѣрило того, насколько артисты нравятся публикѣ. Послѣдняя ожидала, что скоро учредятъ «контору рукоплесканій» для веденія точной статистики и отчетности съ контролерами мужского пола и помощницами женскаго, и вдругъ «какой съ помощью Божьею неожиданный оборотъ» – рукоплесканія воспрещены и, хотя косвенно, воспрещается артистамъ раскланиваться и выходить на вызовы, т. е., короче говоря, быть вѣжливыми.

«Мы не отрицаемъ, впрочемъ, что рукоплесканія и вызовы иногда скучны, особенно когда переходять въ такъ называемые «телячьи восторги», и безтолковы. Еще Жанъ-Жакъ Руссо замѣтилъ, что пѣвицамъ аплодируютъ только за фокусы, какъ шарлатанамъ на ярмаркѣ. Но спектакли безъ аплодисментовъ еще скучнѣе и мертвенно холодны. Это можно наблюдать на парадныхъ спектакляхъ, гдѣ не аплодируютъ изъ весьма понятной деликатности. Но уменьшить телячьи восторги нельзя, не измѣняя темперамента и воспитанія публики. Для этого регламенты совершенно безсильны. И много еще пройдетъ времени, пока человѣчество согласится съ поэтомъ, что «молчаніе есть аплодисментъ истинныхъ и прочныхъ впечатлѣній».

Неронъ быль не только пѣвцомъ, но и мимомъ, атлетомъ, танцовщиком и актеромъ. Огромное брюхо на жидкихъ ногахъ не мѣшало ему, танцуя, получить въ Греціи 1,800 вѣнковъ – это побольше того, что собираютъ наши балерины.

Ничто не оскорбило такъ Нерона, какъ когда Виндексъ – у насъ воплощавшійся г. Котони, – возмутивъ галльскіе легіоны, назвалъ въ своей прокламаціи Нерона «сквернымъ музыкантомъ». Тогда еще, видно, не считалось честью принадлежать къ «могучей кучкѣ». Обиженный Неронъ обратился въ сенатъ съ письмомъ, взывая къ его мнѣнію въ пользу своего музыкальнаго таланта и обѣщая богамъ въ случаѣ успѣха играть на публичномъ празднествѣ на гидравлическомъ органѣ и танцовать пляску Турнуса.

Противъ возмутившихся легіоновъ Гальбы Неронъ думалъ действовать мимикою. именно – выйти на встрѣчу бунтовщикамъ и слезами растрогать ихъ. Даже заслыша звуки всадниковъ, посланныхъ убить его, въ то время, когда онъ уже скрывался, бросивъ Римъ, Неронъ продекламировать изъ Иліады стихъ: «Топотъ коней поразилъ мой слухъ!». Послѣднія слова его были послѣ того, что онъ неловко хотѣлъ лишить себя жизни: «Какого артиста теряетъ міръ!».

7). Во Франціи всегда аплодировали среди дѣйствія; знаменитыя слова Тальмы въ «Manlius» «Qu'en dis-tu?» прерывались обыкновенно безконечными аплодисментами, и хроникеръ «Новаго Времени» совершенно не правъ, утверждая, что въ настоящее время во Франціи не аплодируютъ среди дѣйствія. Напротивъ, для этого уже болѣе какъ 60 лѣтъ, по примѣру итальянцевъ, и заведена клака (les chevaliers du lustre – отъ обычая сажать клакеровъ въ партерѣ подъ люстрою). Англичане – на что совершенные идолы, и тѣ отлично хлопаютъ артистамъ и заставляютъ ихъ повторять то, что нравится.

8). До сихъ поръ цензура была только для выраженія неодобренія и критики. Но и право свистать въ театрахъ многими писателями считалось правомъ, «покупаемымъ публикою при входѣ»; но никто никогда не оспаривалъ еще права приходить въ восторгъ. Неужели и этимъ правомъ нельзя пользоваться у насъ иначе, какъ по концессіи?

9). Въ доказательство необходимости воспрещенія аплодировать, хроникеръ приводилъ случай въ балетѣ съ г-жею Бріанцой, но не говоря о томъ, что случай, весьма маловаженъ*, о воспрещеніи аплодировать въ балетѣ не можетъ быть и рѣчи; энергію танцовщицъ и танцовщиковъ необходимо подбадривать, для этого и служатъ рукоплесканія. Испанскіе, напр., національные танцовщики и танцовать не могутъ, если въ это время нѣтъ ударовъ въ ладоши. Объясненіе этого можно найти въ каждомъ учебникѣ физіологіи.

«Въ балетѣ аплодируютъ, какъ извѣстно, не такъ, какъ въ другихъ театрахъ. Тутъ глазки артистокъ невидимыми электрическими нитями соединяются съ руками первыхъ рядовъ партера, и эти руки хлопаютъ въ тактъ, сообразно съ темпомъ танца, причемъ хлопаютъ въ кредитъ, не дожидаясь окончанія танца, а преимущественно въ началѣ его. Это объясняется отчасти тѣмъ, что танцы идутъ непрерывно, а если бы хлопать по окончаніи исполненія, то аплодисменты доставались бы слѣдующей за отличившейся артисткѣ, а не по адресу.

«По поводу воспрещенія хлопать во время представленій въ нѣкоторыхъ газетахъ быль указанъ еще на прекрасный будто бы примѣръ въ этомъ случаѣ парижскихъ театровъ. Писавшіе очевидно не имѣли понятія, какъ это дѣло ведется въ Парижѣ. На тамошнихъ театрахъ генеральныя репетиціи происходятъ при полномъ театрѣ и съ участіемъ критики. Тутъ аплодируетъ по своему вдохновенію публика. Эти аплодисменты тщательно отмѣчаются, записываются и затѣмъ клакою въ послѣдующія представленія тщательно воспроизводятся. Публика это знаетъ, а потому и вовсе отучилась хлопать (кромѣ немногихъ наивныхъ

* Будто бы Бріанца, въ одной изъ драматическигъ сценъ, услышавъ аплодисменты, вдругъ просіяла и стала улыбаться.

иностранцевъ), чтобы не быть смѣшанною съ клакерами. Насколько такой порядокъ разуменъ, оцѣнить не трудно. А почему онъ упорно держится, подробно разбирать не стоить; главнымъ образомъ тутъ замѣшана сторона финансовая. По части же рутины французы, какъ извѣстно, превосходять въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣ другія націи».

За дирекцію вступился и г. Суворинъ; онъ отвѣчалъ намъ слѣдующее:

«Авторъ этого письма, очевидно, человѣкъ очень остроумный и весьма начитанный. Все, что онъ говорить относительно рукоплесканій среди дѣйствія, вполнѣ справедливо, и просьба дирекціи къ публикѣ «воздерживаться оть рукоплесканій» останется безъ результата. Тутъ никакія просьбы и никакія регламентаціи невозможны, и никакая полиція не остановить рукоплесканій. Право публики выражать свое одобреніе, свой восторгъ останется во всей силѣ. Но мы совершенно сочувствуемъ распоряженію дирекціи, которымъ «воспрещается артистамъ, среди дѣйствія, раскланиваться и выходить на вызовы». Авторъ прибавляетъ: «т. е., короче говоря, быть вѣжливыми» (воспрещается). Въ томъ-то и дѣло, что артисты ужъ стали слишкомъ вѣжливы: стоитъ публикѣ, среди дѣйствія, когда актеръ уходить, наградить его рукоплесканіями, какъ артистъ начинаетъ многократно выказывать свою вѣжливость, прерывая дѣйствіе и ставя своихъ товарищей, остающихся на сценѣ, въ довольно глупое положение. Это слѣдуетъ устранить, какъ устранено это на французскихъ театрахъ повсюду. Артисты выходятъ раскланиваться съ публикой только послѣ паденія занавѣса, и это нисколько не вліяло вредно на французскихъ артистовъ. Извѣстно, что Франція остается страною, гдѣ актерское искусство развито наиболѣе. Мы думаемъ, что это распоряженіе дирекціи такъ справедливо, что его нельзя уязвить и безспорнымъ остроуміемъ автора письма.

Что касается балета, то на него незачѣмъ, по нашему мнѣнію, распространять это правило. Если бы танцовщицы не только раскланивались среди дѣйствія на сценѣ, но если бы онѣ даже спускались въ партеръ и пожимали руки своимъ обожателямъ, мы въ этомъ никакого вреда и неудобства для сущности балета не видимъ».

Дирекція послѣдовала совѣту г. Суворина и разрѣшила выходы на вызовъ только въ балетѣ. Въ другихъ театрахъ публика все-таки настойчиво вызываетъ, хотя артисты и не выходятъ; несомнѣнно, что публика портила часто весь эфектъ сценъ неумѣстными ревами, вызовами и встрѣчами аплодисментами, но это дѣло воспитанія публики. Артисты впрочемъ поощряютъ дикость публики. На судѣ Таманьо съ его импресаріо въ Буэносъ-Айресѣ выяснилось, что знаменитый теноръ всегда возить съ собою 8 клакеровъ, для которыхъ требуетъ даровыя кресла.

Войдя во вкусъ запрещеній, дирекція думала было принять еще болѣе радикальную мѣру противъ опаздывающей публики входящей, – и даже противъ выходящей, – въ театральный залъ во время дѣйствія. Предполагалось входы въ залъ закрывать въ моментъ поднятія занавѣса и предоставить незанявшимъ своевременно своихъ мѣстъ дожидаться антракта въ коридорѣ.

«Новости» поспѣшили одобрить этотъ проектъ, но «Новое Время» на этотъ разъ оказалось благоразумнѣе. Ея музыкальный критикъ писалъ, что пропустить какую-нибудь музыкальную пьесу, длящуюся пять-десять, самое большое – пятнадцать или двадцать минутъ, еще можно безъ протеста, но нельзя никого, заплатившаго деньги, заставлять потерять актъ пьесы или оперы, часто длящійся по часу.

Что касается намѣренія не выпускать публику изъ зала до окончанія дѣйствія, то это уже было совсѣмъ смѣшно. Мало ли какіе случаи физическаго недомоганія могутъ сейчасъ же заставить нарушить такое распоряженіе, если бы оно и состоялось.

По этому поводу замѣтимъ, что воспрещеніе входить и выходить существуетъ въ Байретѣ, гдѣ царить какое-то полоумное колѣнопреклоненіе передъ музыкою Вагнера. Подобное же распоряженіе сдѣлано въ Монте-Карло, когда дирижируетъ Лара, ничтожный оперный композиторишка, но покровительствуемый княгиней Монако. Распоряженіе вызываетъ постоянные протесты и грубости публики. Было также сдѣлано распоряженіе въ Вѣнѣ въ оперѣ не впускать никого въ залу, пока играютъ увертюру. Вѣнскія газеты нашли это распоряженіе «драконовскимъ». «Все нынче уничтожено», писала одна изъ нихъ, «уничтожили клаку, въ Буда-Пештѣ уничтожили суфлеровъ, на театрѣ въ Каленбергѣ воспрещена игра актеровъ, допускаются однѣ любители. Неужели думаютъ наконецъ упразднить зрителей?»

Манія юбилеевъ.

Манія праздновать юбилеи все у насъ усиливается, и Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ празднуетъ юбилей Цицерона, родившагося двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Этакъ мы скоро дойдемъ, пожалуй, и до еще болѣе древнихъ юбилеевъ: департаментъ земледѣлія можетъ праздновать, напримѣръ, юбилей Авеля, перваго овцевода, военное вѣдомство – Каина, перваго воина, морское – Ноя; кстати, къ тому же, русское судостроеніе, по крайней мѣрѣ, торговое, никакихъ успѣховъ сравнительно съ сооруженіемъ ковчега не сдѣлало.

Цицерона, по имени, по нѣсколькимъ строкамъ его риторической прозы, почитаемой образцовою, у насъ знаютъ всѣ сколько-нибудь учившіеся, но, конечно, для огромнаго большинства, и для настоящихъ и для бывшихъ гимназистовъ Цицеронъ остается пустымъ звукомъ, воспоминаніемъ о нѣсколькихъ часахъ школьной скуки.

Дѣйствительно, праздновать юбилей Цицерона должны адвокаты и тѣ государственные люди изъ адвокатовъ, которые заполонили теперь западноевропейскіе парламенты.

У насъ таланты этого сорта адвокатовъ остаются безъ примѣненія, почему государственную деятельность Цицерона, разнообразную, но въ общемъ мало похвальную, мы оставляемъ безъ вниманія, и остановимся только на чисто-адвокатской.

И въ древности, какъ и теперь, были адвокаты толпы – завистливые, крикливые, грязные, и адвокаты буржуазіи, капиталистовъ, крупныхъ собственниковъ – изящные, ловкіе и со столь же гибкою совѣстью. Цицеронъ принадлежитъ къ числу послѣднихъ адвокатовъ. Вся сила его была въ языкѣ, и недаромъ уже мертвому Цицерону Антоній проткнулъ языкъ иголкой.

Совѣтамъ Цицерона и теперь свято слѣдуютъ современные «прелюбодѣи мысли». «Риторика, говорилъ этотъ ученикъ Демосѳена, имѣетъ цѣлью увѣрить, что ораторъ правъ». «Нѣтъ надобности бояться иногда и пріукрасить истину, будетъ ли основаніе разсужденія вѣрно или ложно». «Ораторское искусство не можетъ существовать безъ нѣкотораго нахальства». Принципы, по мнѣнію Цицерона, не нужны, «потому что дѣло оратора говорить пространно обо всемъ и съ одинаковою силою за и противъ». Наоборотъ, умная декламація очень нужна, «дабы думали, что ораторъ убѣжденъ въ томъ. что говорить»...

Читая сочиненія этого создателя латинской прозы, «просто приходишь въ ужасъ, говорить одинъ историкъ, отъ сознанія, какой силы можетъ

достигнуть человѣкъ, лишенный идей, шаткій, безъ принциповъ и безъ опредѣленныхъ задачъ, если только природа одарила его замѣчательнымъ даромъ слова». Мирабо, Гамбетта и многіе другіе совершенно подтверждаютъ эту характеристику Цицерона.

Неудивительно, что когда Августъ, бывшій соперникъ Цицерона, сдѣлался императоромъ, то однимъ изъ первыхъ указовъ его было сокращеніе длины адвокатскихъ рѣчей, ограниченіе ихъ исключительно интересами подсудимыхъ и воспрещеніе вступаться въ общую политику. Этотъ указъ не худо бы и теперь включить въ кодексы.

Кромѣ адвокатовъ, юбилей Цицерона должны еще праздновать жиды. Онъ предвидѣлъ ихъ великую будущность, мало того, ихъ чрезвычайная наглость уже въ древнемъ Римѣ такъ поразила великаго оратора, что онъ удивлялся, какъ можно ей сопротивляться! Что бы сказалъ Цицеронъ, почитавъ современныя еврейскія газеты или послушавъ еврейскихъ артистовъ, финансистовъ и депутатовъ?

Кстати прибавить, что, собираясь праздновать юбилей Цицерона, у насъ не знаютъ даже, какъ произносить правильно его имя. Профессоръ Модестовъ увѣряетъ, что нужно произносить Кикеро. Малозвучно и похоже на Кикимору.

Манія протестовъ.

Одинъ изъ членовъ англійскаго клуба въ Екатеринославѣ поднялъ недавно вопросъ о томъ, достойно ли и прилично ли въ настоящее время, принимая во вниманіе образъ дѣйствій Англіи въ Трансваалѣ, именоваться клубу «англійскимъ»? Общее собраніе, на которомъ участвовало болѣе ста человѣкъ, весьма сочувственно отнеслось къ поднятому вопросу и, находя, что именоваться «англійскимъ» весьма зазорно (sic), постановило просить старшинъ клуба на будущее время въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ учрежденіями и лицами избѣгать слова «англійскій»...

Читаешь и руками разводишь! Что какому-нибудь единичному члену могла прійти подобная нелѣпость въ голову, весьма возможно, но непостижимо, какъ эту нелѣпость поддержали сто человѣкъ и не въ какомъ-нибудь жалкомъ захолустьѣ, а въ городѣ, гдѣ полтораста тысячъ жителей, богатое дворянство, высшее учебное заведеніе, много инженеровъ, техниковъ и т. д.

Начнемъ съ того, что многіе наши клубы называются англійскими или англійскими собраніями вовсе не въ честь Англіи или англичанъ, а потому, что

первые клубы были учреждены въ Англіи, и подъ словами «англійское собраніе» подразумѣвалось извѣстное понятіе.

Затѣмъ, если бы означенныя названія были установлены не какъ слова нарицательныя, а дѣйствительно въ честь англійской націи, то не понятно, почему Трансваальская война, которая не болѣе какъ эпизодъ въ длинной исторіи англійскаго народа и не одобряется значительною его частью, можетъ служить предлогомъ къ перемѣнѣ названія клубовъ.

Мало ли какіе народы вели несправедливыя или неудачныя войны. Съ нашей точки зрѣнія участіе Англіи въ Крымской войнѣ было еще несправедливѣе, чѣмъ желаніе господствовать въ Южной Африкѣ, но едва ли кому въ голову приходила тогда дикая мысль мѣнять названіе клубовъ.

Для насъ Англія, разъ ея имя произносится съ почетомъ, вовсе не страна Чемберлэновъ, Родсовъ или Китченеровъ, а страна, которая шла и идетъ во главѣ европейской цивилизаціи; страна, родившая Шекспира, Ньютона, Бэкона, Байрона, не теряетъ своего значенія отъ той или другой колоніальной войны. За послѣднія сто лѣтъ англійскій народъ, давшій Джемса Уатта, Стефенсона, Фарадея, Дарвина и Герберта Спенсера, имѣетъ право на первое мѣсто въ кругу цивилизованныхъ людей и на общее уваженіе, и конечно, не екатеринославскимъ чудакамъ весьма зазорно «принадлежать къ такой» компаніи.

Что такое счастье?

Редакція «Петербургской Газеты» проситъ меня опредѣлить, что такое счастье? Для меня «счастье» состояло-бы въ томъ, чтобы не отвѣчать на такой мудреный вопросъ, о которомъ новое могъ-бы сказать развѣ великій философъ.

Величайшій изъ философовъ Эммануилъ Кантъ опредѣлилъ счастье такимъ образомъ: «идеалъ, который представляетъ полное и продолжительное удовлетвореніе всѣхъ потребностей нашей натуры, идеалъ, который мы преслѣдуемъ, но никогда не достигаемъ». Тонкія мысли о счастьѣ высказалъ Сенека.

Точнѣе опредѣлили его Шатобріанъ и Дидро. По мнѣнію перваго, раздѣляемому Пушкинымъ, счастье – это привычка. Дидро не менѣе скептически, но болѣе цинично опредѣлилъ счастье человѣка исправнымъ дѣйствіемъ желудка по утрамъ. Пушкинъ согласился съ этимъ опредѣленіемъ и изложилъ его извѣстными стихами, не попавшими, конечно, въ полное собраніе сочиненій.

Искусство быть счастливымъ лучше всѣхъ опредѣлилъ греческій философъ Эпиктетъ: «Не требуй, – говоритъ онъ, – чтобы событія шли согласно твоимъ желаніямъ, но соображай твои желанія согласно событіямъ, и ты будешь счастливъ». Это мораль, которою руководятся оппортунисты всѣхъ временъ и народовъ, и повсюду имъ принадлежатъ и власть, и деньги, о коихъ остроумно было замѣчено, что «если деньги не дѣлаютъ людей счастливыми, то очень содѣйствуютъ ихъ счастью»; при этомъ – замѣчу уже отъ себя, – все равно, какія деньги, кредитныя или металлическія, съ курсомъ фиксированнымъ или колеблющимся.

Феликс Кохрихт

Антиб, позолоченный солнцем…

Таким увидел это город на Лазурном Берегу Франции, пожалуй, самый тонкий мастер света и тени – Клод Моне. Один из его знаменитых пейзажей, «Антиб, вид с мыса Мистраль» написан именно здесь и был с огромным успехом показан на Парижской выставке 1889 года. (Мистраль – особый ветер, тревожащий и нервирующий многих из нас.) Полагают, что именно импрессионисты открыли для мира этот дивный уголок Прованса, а ведь Антиб был основан эллинами еще в IV веке до н. э.

В переводе с греческого Антиб (Антиполис) – город напротив. Чего? Ниццы. Он был удобным портом, защищенным с моря крепостными укреплениями и во времена римлян, и после прихода французских королей. Но настоящую известность приобрел лишь в конце XIX века благодаря художникам и писателям, за которыми сюда хлынули и поклонники их таланта, и любители природы, и светская публика, а в наши дни – и путешественники со всего мира.

Многое привлекает в Антибе. Тех, кто баснословно богат, – знаменитый яхт-клуб, где швартуются многопалубные «лодки», более всего похожие на космические корабли пришельцев

…Бесценных яхт счастливые владельцы…
Здесь был замечен юный Ельцин.
Здесь респектабельный Потанин
средь бандюков, однако, странен.
ГАИ почти что офицеры, политбюро пенсионеры.
Навалом, как везде, чеченцев, но скоро ожидают ненцев.
Не путать – «Н», не «М» – не немцев.
Английские сюда заходят лорды –
у них бывает боцман гордый…
И экзотические орды заезжих прынцев нефтяных
и шейхов – малых и больших.
Под псевдонимом Рабинович гуляет с Дашей Абрамович,
И Березовского витает дух…
Здесь «шлепнули» никак не меньше двух…
И порт приписки здесь – Бикини, и девушки как на картине.
Мистраль – на лодках уже подняли якоря.
Готов стишок, а это значит, что мы приехали не зря.

Нас привело сюда желание увидеть места, где создавали свои работы Ренуар, Моне, Роден, где родились рассказы Мопассана и Бунина. Где снимались фильмы режиссеров «Новой волны»…

Живописцев привлекали, завораживали здешний свет и особое состояние небес, которое Моне определил так: «Здесь все такое прозрачное, розовые и голубые тона такие чистые…». Пабло Пикассо, уже пережившего свои розовый и голубой период, в отличие от мэтра Клода, в Антибе привлекали не краски восхода и заката, а присущие этому полису на берегу Средиземного моря монументальность портовых сооружений, мощь Квадратного форта… Кстати, Антиб – единственный приморский город Прованса с сохранившимися старинными укреплениями.

Он бывал здесь еще в двадцатые годы, увлекся улочками старого города, лабиринтами знаменитого Провансальского рынка, где писал с натуры торговок и рыбачек – мощных, тяжеловесных. Среди шедевров того времени – изображения обнаженных женщин, выходящих из моря, – серия работ «Купальщицы». Тогда он увлекся искусством античных ваятелей и архитекторов, смело применил их эстетику и приемы в своих живописных и графических

полотнах, керамике и скульптуре. Именно в Антибе начался короткий, но яркий период его разнообразного творчества, который искусствоведы назвали неоклассическим.

Но одно дело увидеть работы в картинных галереях, скажем, Парижа или Мюнхена, а другое – там, где они были написаны. История создания в Антибе музея Пикассо отсылает нас в 1946 год. Недавно закончилась вторая мировая война, и художник возвращается в очаровавший его город с юной подругой Франсуазой, он окружен друзьями, его любят, ценят и поклонники творчества, и городские власти. В распоряжении Пабло Пикассо – часть старинного замка князей Гримальди…

Послевоенная эйфория, близость подруги, всеобщее обожание и, разумеется, позолоченный солнцем Антиб – все это рождает редкое для Пикассо ощущение покоя и счастья. Он много работает, его не смущает даже то, что в послевоенном Антибе, да что там – во всей Франции – не сыскать ни холстов, ни красок. Ему разрешают использовать старые картины неизвестных художников, сваленные грудой в подвалах дворца…

Клод Моне. Антиб, вид с мыса. Мистраль

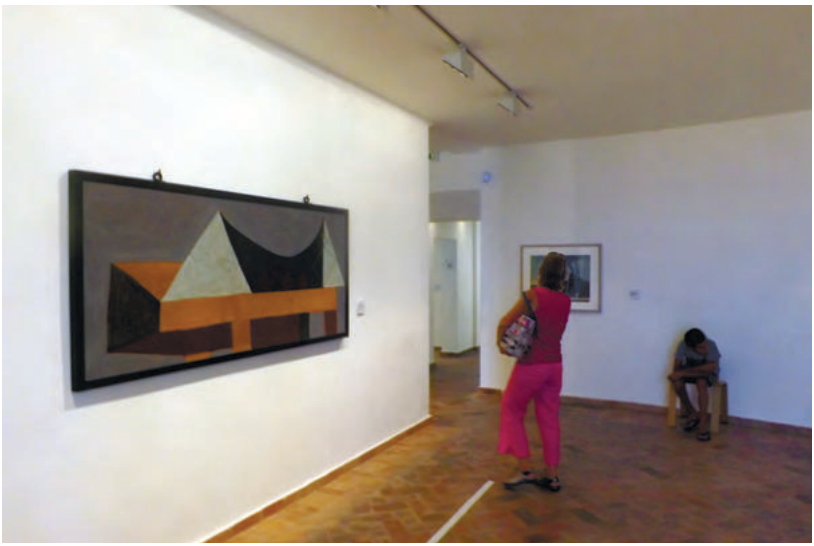
Пабло Пикассо. Купальщицы, глядящие на самолет

Антиб. В замке Гримальди – античный период

Гавань Монако. Взгляд сверху

В музее Пикассо – прохлада…

Мастер пишет на них свою веселую подругу – такой, какой видит в этот момент. А видел он натуру зачастую весьма своеобразно.

Прошли годы, и эти антибские картины разошлись по музеям мира, но часть осталась в залах, которые помнят Пабло и Франсуазу…

…Разумеется мы побывали и на старом Провансальском рынке, и в знойный полдень пили в кафе холодное местное вино, и заглянули в сувенирные магазины.

На следующий день – улетать в Одессу.

Ах, если бы мне умудритца в Антибе бы вновь возродитца…
Тудою-сюдою пройтитца, где мельница, вижу, вертитца.
И кофе с пастисом напитца, и Тане огромный купить круассан –
пускай от души насладитца…
Но время уходит, но время подходит –
постыла прованская пицца.
Пора нам домой возвратитца.
И все же вернуться на Берег Лазурный,
быть может, и нам захотитца.

P. S.

В первой части этих заметок я обещал рассказать вам, уважаемые читатели, еще и о Монте-Карло, в частности, о том, что же находится перед пышным зданием тамошнего казино.

Всю площадь занимает виноградник, который был здесь всегда. Так отцы города ненавязчиво призывают своих земляков не бросать занятий сельскохозяйственным трудом, справедливо полагая, что однажды кто-то таки сорвет банк и пустит игорное заведение по миру, а с ним – и все княжество Монако А вот доброе прованское вино – надежное вложение и труда, и капитала.

Какие выводы сделал я?

1. Не для славы, не для денег люди ходят в казино.
Оно для счастья нам дано.
2. Чтобы взглянуть на Монте-Карло, я пахал, как папа Карло.

Виноградник перед казино Монте-Карло

Заметки на полях

Каждый путешественник так или иначе второпях записывает то, что обрадовало, огорчило, удивило, рассмешило его в пути. Особенно когда всего этого много, как было в наших странствиях по Провансу.

Заметки на полях. Чего? А всего, что попадалось под руку: записных книжек, путеводителей, карт, рекламных проспектов, наконец – соломенных шляп, защищавших нас от палящего прованского солнца. А если вспомнить, что мы во Франции, стране, славящейся любовью к каламбурам, то и на полях лаванды – ароматного растения, без которого не обходятся ни парфюмерия, ни кулинария, ни куртуазная поэзия этого романтичного края.

*

Есть такая заграница – лукавая кокетливая Ницца.
И всяк мужик туда стремится.
Ведь знает: дорого, грешно…
А мать грозит ему в окно.

*

Расцветали яблони и груши, но французы налегли на суши.

*

Хоть в Провансе этот Кань, здесь полно и Тань, и Вань,
А бывают и субъекты – не поймешь, где Инь, где Янь…

*

Здесь обходительный Матисс писал хорошеньких актрис.
И в этой сказочной стране понес убыток Клод Моне:
Зашел в кафе напиться чаю – и вмиг лишился портмоне.

*

Язык французский здесь грохочет, а твой никто и знать не хочет,
Руками просто разведет, а то – вослед хохочет…

*

«Ты забыл Прованс родной…»
Стакан вина, шматок хамона – французы, слушайте Жермона!
За умеренную плату исполняю «Травиату»!

*

Эти барышни в Монако статуарные, однако.

*

Не позволяйте фармазонам и всякой мелкой шантрапе
Ходить ногами по газонам и портить облик Сан-Тропе!

*

В июле пафосные Канны преисполнены нирваны.
Карнавальный дух пропал, караул вконец устал.
На красную дорожку туристка пыльной ножкой
Становится на шару.
Под сенью пальм вповалку спят беспечные клошары…

*

Может быть, жениться на вдовушке из Ниццы?

*

Не нужен нам Берег Лазурный, а нужен нам
отдых культурный!

(Написано в крайнем раздражении – после ознакомления со счетом за легкий ужин в прибрежном ресторане.)

*

Лазурный Берег: пожар в крови. И далее – везде.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Юрий Овтин

Лицо одесской национальности

Внукам моим, Льву и Софье,
родившимся в год 220-летия Одессы, посвящается

Одесса волею судеб стала мне Родиной в десятилетнем возрасте в далеком 1958 году, когда наша семья перебралась в этот прекрасный цветущий город на берегу Черного моря по месту новой службы отца. В этот город я влюбился с первого взгляда, раз и навсегда. С годами любовь моя крепла, становясь все сильнее, поскольку я мог уже сравнить красавицу Одессу с десятками других красивейших городов мира из сорока двух стран, в которых мне посчастливилось побывать…

И Одесса все эти годы отвечала мне взаимностью. Я стал для нее в доску свой, и мало кто знает о том, что я не являюсь коренным одесситом…

…Как-то на Дерибасовской ко мне подошли знакомые ребята с одного из городских телеканалов. Они снимали какой-то сюжет о нашем городе и попросили меня назвать трех наиболее выдающихся одесситов. Я задумался…

– Жванецкий, Бабель, Ойстрах, Утесов, – со всех сторон подсказывали мои друзья и подошедшие к нам праздношатающиеся одесситы…

Собравшись с мыслями, я сказал, что город наш, уже не знаю в силу каких причин и обстоятельств, является альма-матерью для многих талантливых людей, но гений, живший в Одессе и тем самым прославивший ее, – один, и имя гению – Александр Сергеевич Пушкин. Ну а второе и третье места, недолго думая, я поделил между двумя лауреатами Нобелевской премии, работавшими

в Одессе и оставившими здесь свой глубокий след: Иваном Буниным и Ильей Мечниковым.

Ответ мой, по-видимому, был настолько неожиданным, что в воздухе повисла небольшая пауза – все на мгновенье замолчали, переваривая сказанное.

– Но ведь все они не коренные одесситы! – воскликнул кто-то из местных знатоков!

– Да, но все они лица одесский национальности, – весомо возразил мой товарищ, одессит в шестом колене Виля Новицкий, и ответ его устроил всех. Отснятый сюжет пошел в эфир.

…Одессит! Слово это хоть и звучит гордо, но применимо, увы, далеко не к каждому одесситу, даже родившемуся в Одессе.

За 220 лет своего существования Одесса находилась как бы на пересечении украинских, русских, еврейских, греческих, молдавских, французских и итальянских национальных потоков, создав свой автономный микроэтнос в восточноевропейском плавильном котле племен и народов. Апофеозом гордости одесситов был даже свой одесский язык! Увы, сегодня «жемчужина у моря», некогда всемирно известная столица юмора, постепенно приобретает репутацию заштатного областного центра, забывшего своих богов, кумиров и муз…

…Мой новый сосед, симпатичный молодой человек, предприниматель, после того как вселился в квартиру, первым делом навесил здоровенные замки на электрический шкаф со счетчиками, позабыв раздать соседям ключи и сэкономив на этом пару копеек…

На мой вопрос, как я смогу открыть в случае необходимости этот шкаф, он, мило улыбнувшись, ответил, что в любое время суток готов дать мне вожделенные ключи.

– Так что же это получается, – не отставал я от него, – каждый раз в случае нужды я должен буду просить у вас ключи, как шолохмунес?

– А что такое шолохмунес? – с интересом переспросил он меня.

– Вы что, не одессит? – искренне удивился я.

Оказалось, что он коренной одессит, родился в роддоме № 4 и всю жизнь прожил на Пересыпи, но слово «шолохмунес» слышал впервые.

Да что там молодежь! В парилке бани на улице Провиантской знакомые пенсионеры, паря друг друга дубовыми вениками, рассказывают в тему анекдот:

«Подходит в парилке один мужик к другому и спрашивает:

– Скажите, вы случайно не из Бердичева?

– Да, – отвечает тот, – а как вы об этом догадались?

– Ой, вы знаете, только в Бердичеве местный ребе так безобразно делает обрезание!»

Вся компания весело смеется.

– Одно уточнение, – пытается блеснуть своей «эрудицией» один из седовласых знатоков, – ребе обрезание не делает, для этих целей есть резник.

– Какой еще резник? – кричит его товарищ. – Резники на Привозе и Новом рынке резали птицу.

И компания начинает хохотать снова.

И никому невдомек, что обрезание делает специалист, который называется моэль.

А ведь для этого даже не надо быть немножечко евреем…

Увы, традиции одесского языка теряются безвозвратно.

Не так давно в Одессе был увековечен в бронзе талантливый одесский писатель Исаак Бабель.

Вместе с тем сегодня у нас мало говорится о том, что истинным «пионером» одесской, или так называемой русско-еврейской литературы, был Осип Аронович Рабинович. В трехтомное собрание его сочинений входят роман «Калейдоскоп», повести «Наследственный подсвечник», «Штрафной» и др. Однако наибольшую известность получила его повесть «История о том, как реб Хаим-Шулим Фейгис путешествовал из Кишинева в Одессу, и что с ним случилось». Осип Рабинович работал в Одессе адвокатом коммерческого суда и публичным нотариусом. Он был создателем первого русско-еврейского журнала «Рассвет», призванного отстаивать гражданские и национальные интересы евреев, и был его редактором до закрытия издательства, вел активную общественную деятельность: был гласным Одесской городской думы, участвовал в подготовке проекта нового городского уложения.

Произведения Осипа Ароновича Рабиновича печатались не только в столичных журналах «Современник», «Библиотека для чтения», но и в элитном московском «Русском вестнике».

И благодаря его редакторским пояснениям читатели всей огромной империи узнавали, что означает «мешурес», «паскудняк»,

«шлимазальница», «маганизер», «кельня» и иные словечки одесского производства. Рабинович даже ввел само понятие «одесский язык» – язык одесский, плавный и скользкий, как прованское масло, с легким букетом померанцевой корки.

Из-за огромной популярности Осипа Ароновича Рабиновича другой всемирно известный писатель и его однофамилец Шломо Нохумович Рабинович вынужден был взять себе псевдоним Шолом-Алейхем.

Ну чем не бренд для Одессы?

Загвоздка лишь в том, что хоть и прожил всю свою сознательную жизнь Осип Аронович Рабинович в Одессе и прославил город своим трудом и творчеством, коренным одесситом он не был, потому как родился в с. Кобеляки Полтавской губернии.

Словом, лицо одесской национальности!

Или, скажем, народный артист Украины Петр Соломонович Столярский, основавший в Одессе первую в СССР специальную музыкальную школу-десятилетку для одаренных детей. Маэстро Столярский любил одесский язык и слыл весьма остроумным человеком, настоящим одесситом.

Чего только стоит его крылатая фраза:

– Ваш мальчик – обыкновенный гениальный ребенок.

А родился Петр Соломонович в уездном городке Липовце.

Тоже лицо одесской национальности!

И таким примерам несть числа! Ощущение такое, что двухсотдвадцатилетнюю историю Одессы писали не столько коренные одесситы, сколько немножко украинцы, немножко евреи, немножко молдаване, немножко русские, словом, та многонациональная палитра, заселившая город и пустившая здесь корни, – лица одесской национальности.

Решил разобраться в своей родословной и я сам, что сегодня сравнительно несложно сделать, имея доступ во всемирную паутину Интернет.

…Мой дедушка по материнской линии Георгий Климентьевич Кузнецов родился в многодетной семье на Херсонщине в городе Геническе. Окончив юнкерское училище, он пошел служить в царскую армию и дослужился до штабс-капитана.

Воевал с немцами в первую мировую войну.

Когда началась революция, дед снял погоны и осел в Белоруссии, женившись на местной девушке Нине Аркадьевне, белоруске с польскими корнями. Оба работали в школе: дедушка преподавал математику, а бабушка немецкий язык. Жили они дружно, завели двоих детей: сына Аркадия и дочь Зою, мою будущую мать. Деда назначили директором школы. И все бы ничего, но в 1937 году на него написали донос, и «загремел» дед решением «тройки» на десять лет в исправительно-трудовые лагеря за «контрреволюционную деятельность».

Смириться с этим бабушка никак не могла, и поехала она на прием к председателю Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Ивановичу Калинину, что по тем временам тянуло на подвиг. Как ей удалось попасть к самому «старосте всея Руси», документальных свидетельств в архивах нет, но благодаря именно Калинину дедушка был вчистую реабилитирован в 1939 году. Во время Великой Отечественной войны семья, спасаясь от оккупации, переехала в Уфу (их сын и мой родной дядя Аркадий пошел воевать и погиб, сгорев в подбитом танке), а после освобождения Белоруссии вернулась на родину. В 1946 году их дочь Зоя (моя будущая мать) вышла замуж за боевого офицера Петра Степановича Овтина (моего будущего отца). И вот тут-то начинается самое интересное, чуть ли не полумистическое. Моя бабушка по отцовской линии Овтина Клавдия Петровна (в девичестве Калинина) оказывается племянницей, да-да, того самого Михаила Ивановича Калинина, благодаря усилиям которого дедушка Георгий Климентьевич Кузнецов был реабилитирован.

Отец мой Овтин Петр Степанович родился на Южном Урале, в местах, где компактно проживают так называемые малые народы, относящиеся к финно-угорскому этносу: удмурты, эрзи, мокши-мордвины и марийцы. Собственно говоря, фамилия наша – Овтин – в переводе с эрзийского языка, имеющего глубокие финно-угорские корни, означает Медведев. Отец мой вместе со своими братьями Николаем и Сергеем и их отцом и моим дедом Степаном победно прошли по фронтовым дорогам Великой Отечественной войны. Не дожил до Победы лишь Сергей, который погиб на берегу Волги, прикрывая товарищей. А их мать и моя бабушка Клавдия Петровна с двумя дочерьми, Анной

и Риммой, работали в колхозе. Разобраться с ее родословной я попробовал, прочитав биографию Михаила Ивановича Калинина. И когда узнал, что женат он был на эстонке Лемберг (эстонцы также относятся к финно-угорской группе), понял, что финская кровь в мои жилы попадала дважды.

Вот это коктейль! Сразу и не поймешь, какая нация в твоей крови титульная.

Да тут еще пришла на ум одесская поговорка, что бьют не по паспорту а, пардон, по морде, и я вспомнил еще одну забавную историю…

…Как-то мне позвонил мой хороший знакомый Григорий, известный в городе адвокат. Он сказал, что хочет зайти ко мне на работу с ребе, которому надо помочь отпечатать некую рукопись.

В назначенное время я ждал их у себя в издательстве. Надо сказать, что ребе произвел на меня неизгладимое впечатление. Высокий, под два метра, плотного телосложения, с крупными чертами лица и шапкой густых черных волос, с большой окладистой бородой, усами и пейсами, облаченный в долгополый черный сюртук, с кипой на макушке, он как бы заполнил все пространство моего кабинета.

Я предложил своим гостям кофе и достал из сейфа по такому случаю бутылку хорошего коньяка.

Ребе вынул из кейса рукопись и приступил к делу. Держался он весьма непринужденно и сразу перешел на ты.

– Юрий, – обратился он ко мне, – прошу тебя как еврей еврея: отпечатай мне эту книгу быстро, качественно и, самое главное, недорого.

Я не был евреем, однако такая постановка вопроса мне понравилась, и я решил подыграть ребе.

– Хорошо, – сказал я – как еврей еврею обещаю, что сделаю все возможное.

И попросил подчиненных быстро составить смету, сведя до минимума все накладные расходы.

Как ни старались наши сметчики, но сумма получилась довольно внушительная. Ребе выглядел огорченным и настаивал на снижении суммы, однако печатать убыточную продукцию мы позволить себе не могли.

– Понимаешь, – убеждал я его, – мы и так скалькулировали твою монографию практически по себестоимости. Если бы я был частным издателем, то, может быть, вынул бы деньги из своего кармана и оказал бы тебе благотворительность. Но издательство наше государственное, и ты, образно говоря, подталкиваешь меня залезть в карман государству, чего я себе категорически позволить не могу.

Ни выпитый коньяк, ни мои аргументированные убеждения растопить прагматичного ребе не могли. Ушел он весьма и весьма недовольным.

Прощаясь, он задержал в своей руке мою руку и, глядя мне прямо в глаза, сказал:

– Ты только не обижайся, Юрий, но как еврей еврею я должен тебе сказать, что из-за таких, как ты, нас, евреев, называют жидами…

Как это ни странно, но на ребе я нисколько не обиделся, отнюдь. Данная им характеристика запомнилась мне на всю жизнь как своеобразный знак качества…

…Одесса и сегодня в центре пересечения миграционных потоков. Благодаря строительному буму в городе интенсивно скупают квартиры киевляне и москвичи. А за последние несколько лет, в основном из-за кадровой политики бывшей правящей партии, в Одессу перекочевала чуть ли не половина Донецкой области. Продолжается естественный процесс ассимиляции из пограничных с городом районов и Приднестровья. И в этом нет ничего плохого. Приток свежей крови всегда шел на пользу. И Одесса всегда славилась своим интернационализмом. Поэтому последние события, которые потрясли наш мирный город, кажутся какой-то дикостью, чем-то из ряда вон выходящим. Политикам, стравливающим людей, пора понять одну непреложную истину: люди хотят жить хорошо и мирно.

И пример далеко не за горами, а в соседней Италии, Греции, Испании, где побывали, наверное, чуть ли ни все одесситы.

А для того чтобы хорошо жить, надо работать и прекращать заниматься болтовней. Пора ту же Одессу сделать наконец-то своеобразной офшорной зоной (ведь не дураки же были наши далекие предки, давшие два века назад молодому портовому городу статус порто-франко!). И потекут тогда к нам инвестиции

бурным потоком, поскольку капитал выбирает места, приносящие наибольшую прибыль.

А если к тому же предложить крупномасштабные проекты? Скажем, построить через Одесский залив автомобильный мост, соединив центр города с поселком Котовского? И это не страшно, если проезд по мосту будет платным. Ведь ему всегда будет альтернатива бесплатной объездной дороги. Или намыть в том же заливе искусственный остров? (Благодаря сегодняшним строительным технологиям это делается элементарно.) И расположить на нем своеобразную игорную Мекку, создав свой одесский Лас-Вегас (в котором, как известно, на два миллиона жителей приходится 100 казино, приносящих городу 10 миллионов долларов каждый день (!).

Или, скажем, построить в области одесский Диснейленд? И ведь это не утопия, а вполне реальные вещи! Для их осуществления нужна самая малость – любить свой город, любить свой народ, а не заниматься мордобоем и самолюбованием в сенате…

И, наконец, немного о топонимике. Не знаю, как вас, читатель, а меня шокируют названия наших спальных районов, в каждом из которых проживает более 300 тысяч жителей: поселок Таирова и поселок Котовского (поскот). Предлагаю дать им новые имена, в честь итальянских и французских архитекторов, строивших Одессу: Совиньон и Палермо. Почему-то мне кажется, что одесситы это будут приветствовать.

…В тот день, когда я заканчивал свой рассказ, в том самом роддоме № 4, что на Пересыпи, у меня родилась внучка Сонечка. Прекрасный доктор Владимир Леонидович Кузьмичев, принимавший роды, сказал, что в этот день он принял роды у девятерых мам. И все родившиеся детки – девочки! А по старинному преданию, если рождается больше девочек, то это к миру. Будем надеяться и верить и мы в то, что этот год, год 220-летнего юбилея Одессы, станет годом долгожданного примирения и сплочения нации и всего народа Украины.

Олег Школьник

Бабушка

Каждый из нас, действительно любой человек, непременно хоть однажды попадал в сказку. Некоторые живут в ней всю жизнь, но это единицы, и я им совсем не завидую. В первую очередь, я думаю, сказкой становится наше детство, особенно по мере удаления от него. Конечно, сказки бывают разные, впрочем, как и люди. Но у каждого ведь своя сказка, и какая бы она ни была – она наша, и очень дорога нам и близка.

Моя сказка началась с того, как я помню, что я с первых дней пребывания на этой планете, да еще в таком изумительном городе, как наш, обожал музыку. В комнате коммунальной квартиры, где мы жили с мамой, папой и бабушкой, жил еще чудесный ящик – старый ламповый приемник «ВЭФ-Аккорд» с проигрывателем для пластинок под крышкой. Он был главным нашим богатством, и по этому я и думать не мог до него дотронуться. Его включал папа, и эта штука загоралась огонечками, слева внизу у него был волшебный зеленый глаз, реагирующий на силу звука и смену радиостанций. По светящейся шкале этого, как мне тогда казалось, живого существа, я учился читать. Там были названия городов всего мира. И по их именам я узнавал от папы про разные страны, о людях, что живут там, мечтая хотя бы один раз очутиться в какой-нибудь из них. Но самым главным впечатлением от этой машины была – музыка!

Когда я еще не совсем чисто разговаривал, я называл ее «мукой»… И сейчас, мне кажется, в этом что-то есть. Потому что музыка – это величайшее из искусств, а без мук, не только творческих, но и, безусловно, жизненных, она существовать не может. Каждое утро, не успев проснуться, я просил включить «муку». Главное –

успеть встать до папиного ухода на работу. Он включал и уходил. А я и бабушка целый день слушали. У меня были любимые исполнители. Самым любимым из них был Георг Отс. Уникальный тембр его голоса потрясал мое воображение. Особенно когда он исполнял арии Демона из одноименной оперы Рубинштейна. А как он пел оперетту, а песни… Но кроме Отса были и Бернес, и Утесов, Шульженко и Великанова, и Рашид Бейбутов с таким не похожим на другие высоким голосом и очень своеобразной манерой пения. Он пел веселые и душещипательные, как говорила бабушка, песни, одна из которых запала мне в душу и стала первой в моем репертуаре.

«Я встретил девушку, полумесяцем бровь. На щечке родинка, а в глазах – любовь…» В те годы эта песня, как сейчас бы сказали, была лидером хит-парадов. Крутили ее постоянно, и не мудрено, что я подхватил ее с лету. Я пел ее дома, на прогулке, где угодно.

Но в один прекрасный день я решил, что исполняю эту вещь вовсе не хуже заслуженного артиста республики. Мне не хватало только аудитории. И она нашлась. Рядом с нашим домом с одной стороны была строительная контора, от которой работал мой папа, с другой – артель, где на зиму засаливали овощи. От этой артели до мостовой шел высокий деревянный помост, по которому бочки с продукцией закатывали прямо в кузов грузовика. Вот именно этот помост стал моей первой сценой. А первой публикой – служащие папиной конторы, знавшие меня еще с пеленок. Был осенний солнечный теплый денек. В обеденный перерыв вся бухгалтерия и плановый отдел высыпали на улицу погреться в лучах уходящего солнца. А в это время я с бабушкой как раз возвращался с прогулки. Меня обступили тети. Стали со мной разговаривать. Дарить конфетки. И я решил, что просто обязан доставить им удовольствие. Я залез на помост, пригласил всех подойти поближе… и начал концерт! С самого начала я себя должен был представить, как положено. Я торжественно вышел к публике и громко произнес: «Выступает заслуженный артист республики Олег Львович Школьник!».

Надо сказать, что в те годы и в том возрасте, а мне в те дни было аж два с хвостиком, я абсолютно ничего не понимал во всяких званиях. А в бубликах понимал. Совсем недалеко от места

моего первого в жизни публичного выступления находилась пекарня, где пекли самые вкусные на свете бублики. Мой внешний вид до сих пор подтверждает мою приверженность к этому лакомству. В моем детском воображении «бублики» и «республики» казались мне чем-то очень близким и похожими. Я был искренне убежден, что чем лучше артист – тем больше у него вкусных бубликов: почему же об этом не сказать людям, если эти бублики он честно заслужил?

Концерт, скажу без ложной скромности, прошел с шумным успехом. Я не только пел, а окрыленный теплым приемом, продекламировал все стихи, которые знал. Но этого показалось мне недостаточно. Я еще танцевал под собственный аккомпанемент. После выступления меня все благодарили и громко аплодировали. Я был счастлив и все время косился на бабушку, а она улыбалась и весело мне подмигивала. Этот день стал одним из важнейших в моей жизни. Он и определил мою судьбу. Именно в этот сказочный день я решил стать артистом. И не только потому, что вам уже известно, а главное в том, что мое, по сути, младенческое решение поддержала бабушка. Я как-то сразу понял, что она относится ко мне как ко взрослому сознательному человеку и уважает мое мнение. Как это важно для ребенка, я понимаю только сейчас. Всю мою жизнь – от самого рождения до ее ухода, а ушла она, не дожив двух дней до ста лет, бабушка была моим самым верным другом и советчиком. Я благодарен ей за все, что со мной случилось, и в первую очередь за то, что когда я был еще совсем маленьким, она не выключала приемник.

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

Из архива «Городка»

Городок по заслугам

Пожилой мужчина интеллигентного вида (Хозяин) устраивается в кресле читать газету с вечерним чаем, явно наслаждаясь тихим домашним уютом. Вдруг из-за стены слышится пьяное разгульное пение. Хозяин недовольно морщится и привычно стучит кулаком в стену. Шум затихает, он возвращается к чтению, но почти тут же раздается звонок в дверь. Хозяин открывает. На пороге выпивший Сосед с большой хозяйственной сумкой.

Сосед. Альбертыч, ты звал? Я пришел!

Хозяин. Я вас не звал. Я просто хотел вам напомнить, что всю жизнь работал, и сейчас, между прочим, нахожусь на заслуженном отдыхе.

Сосед. Альбертыч, а я, между прочим, хочу поделиться своим счастьем.

Хозяин. Каким еще счастьем?

Сосед. Заслуженным. Тоже…

Хозяин. Выпить и горлопанить – вот и все ваше счастье! Люди всю жизнь трудятся, зарабатывают свою копеечку в поте лица, а вы… Но жизнь такая штука, что раньше или позже все получат по заслугам.

Сосед. Точно – все получат по заслугам! Я как раз сегодня уже получил. Во! (*Открывает сумку, она забита пачками денег, Хозяин ахает.*) Это ты верно сказал, что зарабатывают в поте лица. Я когда в лотерейной карточке крестики ставил, от волненья аж вспотел…

Хозяин. Вы выиграли в лотерею?!

Сосед. Ага. И видал сколько? Причем с первого раза. Значит, есть в жизни справедливость, есть! М-да… Так вот, хочу, значит, поделиться…

Хозяин. Со мной?! Поделиться?! (*Неотрывно смотрит на деньги.*)

Сосед. Да! (*Замечая взгляд Хозяина, забирает сумку за спину.*) Поделиться… мыслями, что с ними делать?

Хозяин. Ну… Что обычно делают приличные люди с незаслуж… ой… с неожиданными деньгами? Что обычно делают? Обычно отдают их детям.

Сосед. Не, ну ты скажешь тоже… Если сделать как обычно, то даже я столько не выпью. А уж дети так тем более…

Хозяин. М-да… Послушайте, я не знаю, чем помочь вашей беде… То есть я хотел сказать, вашему счастью. Дайте мне газету почитать спокойно!

Сосед забирает у Хозяина газету и садится в его кресло.

Сосед. О! Кстати о газетах. Альбертыч, ко мне же теперь из газет наверняка припрутся, брать интервью и все такое: о политике мое мнение спрашивать. Давай порепетируем, а то вдруг я еще не то ляпну. Спрашивай.

Хозяин. Ну я не знаю… Что мне у вас спрашивать?

Сосед. Ну… Спроси о международном положении, о моем отношении к расширению НАТО.

Хозяин. При чем тут НАТО? Вас спросят о вашей жизни, например про жену.

Сосед. Думаешь? Жалко. Про НАТО я как раз могу сказать два слова… А вот про жену только одно. Но его вряд ли напечатают… Не знаю! (*Хватается за голову.*) Не знаю! Голова идет кругом!

Хозяин. Может, вы все-таки пойдете домой, отдохнете, подумаете о том, что произошло…

Сосед (*грустно*)**.** Вот-вот, произошло… Ты знаешь, я сегодня начал задумываться.

Хозяин. О чем?

Сосед. Просто начал задумываться. Раньше никогда ни о чем не задумывался, а тут вдруг начал… (*Трет виски.*) И это ужасно!

Сосед начинает петь дурным голосом что-то народное. Хозяин по инерции стучит в стенку, потом спохватывается.

Хозяин. Ой, вы же здесь… Тихо! Я вас очень прошу!

Сосед. Скучный ты человек, нет в тебе настоящей жизни! Вот смотри, как в природе все продумано, все по заслугам, все по справедливости.

Хозяин. По заслугам? Это в каком смысле?

Сосед. В смысле мне вот в жизни повезло, а тебе нет. М-да… Теперь куплю себе дом в теплых краях и уеду далеко-далеко…

Хозяин. Правда, вы уедете отсюда? Так значит, мне еще больше повезло!..

Сосед. Погоди радоваться, я же по себе хочу добрую память оставить. Как думаешь, на что лучше дать деньги, чтобы имя свое обессмертить? Хочу, чтоб на нашем доме была мраморная доска, а на ней золотом: «В этом доме жил замечательный человек Александр Иванович Кобелев»! Вот такая мечта.

Хозяин. На что лучше?.. Чтобы на нашем доме появилась мемориальная доска? Я думаю, лучше всего на благотворительность. Можно на больных, можно на престарелых, можно на бедных… Можно дать деньги на культуру, на здравоохранение… Тогда люди это оценят, и у вас появится хороший шанс…

Сосед (*перебивает*)**.** А лучше дать деньги на мрамор, на золотую краску, ну, и за работу, конечно… Тогда у меня появится хорошая доска.

Хозяин. Может, вы и правы… Вы бы лучше не со мной, а со своими друзьями посоветовались, они лучше современную жизнь понимают.

Сосед. О! Кстати, компанию теперь придется поменять. Какие они мне теперь дружки? Сплошная пьянь и бескультурье.

Хозяин. Правда? Так, может, и эти непрерывные пьянки у вас прекратятся?

Сосед. Действительно, сплошная пьянь и бескультурье. К тебе тоже заходить уже вряд ли смогу. Извини, конечно.

Хозяин. Пожалуйста-пожалуйста, я не обижусь.

Сосед. Нет, с такими деньгами я себе приличных друзей заведу, буду заслуженных людей в гости звать – писателей, художников, артистов…

Хозяин. Ясно… Значит, опять сплошная пьянка…

Сосед встает и идет к двери.

Сосед. Ладно, пойду я… Ничего, чтобы увековечить мою фамилию, мы с тобой так и не придумали. Соразмерного (*кивает на сумку*) моим заслугам… Придется пропить и потратить на баб.

Хозяин. Ха! На баб – это как раз будет соответствовать вашей фамилии. Вы же Кобелёв!

Сосед. Я не Кобелёв, сколько можно говорить! Это мой дед был Кобелёв. А уже папа стал Кобелев, ясно? Кобелев я! (*Осекается.*) Опа… Я придумал! Точно! Я премию оснуй.. или оснýю… или учрежу… Короче, международную!

Хозяин. Для кого?

Сосед. Для кого – это неважно. Важно, что называться она будет по моей фамилии – Кобелевская! Кобелевская премия! Звучит? Всё! Пошел звонить!

Хозяин. Кому?

Сосед. Как кому?! Королю Швеции! Я другим вот это вот дело… (*Тычет в сумку.*) доверить не могу. А этот – человек уже проверенный… Ну, вроде бы… (*Исчезает в дверях.*)

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Владимир Селиванов
Анна Ахматова в графике
и экслибрисе
Одесса, 2014

Известный коллекционер малой графики и экслибриса Владимир Ильич Селиванов выпустил своеобразную антологию экслибрисов, посвященных 125-летию со дня рождения Анны Ахматовой. Кто только не писал и не рисовал портреты Ахматовой – Амедео Модильяни, Натан Альтман, Юрий Анненков, Кузьма Петров-Водкин… Идут годы, но художники и сегодня пытаются передать и лик, и душу Ахматовой.

Из одесских графиков Давид Беккер выгравировал экслибрис с портретом Ахматовой для книжного собрания Е. Голубовского.

Исследование В.И. Селиванова будет представлено на конференции в Петербурге, посвященной юбилею поэта, попадет в Му-

зей Ахматовой и основные библиотеки Одессы, где родилась Аня Горенко, Киева, где она училась, Петербурга и Царского Села, где она состоялась как великий русский поэт.

Анатолий Мазуренко
Потенин и зеркала
Одесса, Пресс-курьер, 2014

Анатолия Мазуренко одесский читатель, во всяком случае читатель газет, многие годы знает как хорошего спортивного журналиста. Но увлечения А. Мазуренко, давняя влюбленность в творчество Фолкнера как бы предвещали, что только статьями о футболе, о психологии спортсменов, его творчество не ограничится.

И вот первая – художественная книга. Повесть «Увлекающийся Потенин» и два рассказа, которые можно скорее воспринимать как цикл мини-рассказов, объединенных одной темой.

Нет, не Фолкнер, как мне кажется, оказал влияние на творческую манеру А. Мазуренко, скорее – С. Довлатов. Выдергивая по нитке из собственной судьбы, как пишет автор в предуведомлении, он стремился сделать свои тексты занимательными, ироническими и, как сейчас принято говорить, позитивными.

Первая небольшая книга представляется мне разбегом к следующим. Главное, Анатолий Мазуренко избежал фальстарта, и ему не придется, как Гоголю, бегать по книжным лавкам, чтобы скупить и уничтожить свою первую книгу – поэму «Ганц Кюхельгартен».

Майя Димерли
Формула величия
Одесса, ТЭС, 2014

Это говорит о смелости и раскованности автора, которая в первом сборнике стихов определяет формулу величия своего творчества и своих героев. Или о чувстве юмора, самоиронии, которой так часто не хватает молодым поэтам.

А книга и впрямь неплохая. Она состоит из двух сборничков под одной обложкой – «По эту сторону Солнца» и «Формула величия». Если первая часть – это лирические стихи, порой философские, драматические, то вторая книга посвящений друзьям, друзьям друзей и т. д.

Мне представляется, что все эти «поздравлялки», столь приятные адресатам, могли остаться в архиве автора, а широкому читателю следовало представиться лишь как автор стихов-размышлений.

И Федра опасалась, протыкая
Зеленый мирт, что угодила в плен…
Что жизнь необратимо утекает…
Сквозь пальцы. Навсегда! А что взамен?
К ней строгости скупой полна судьба,
Других – сверх меры одарила щедро
У этого позорного столба,
Где плачешь ты… тогда рыдала Федра.

Лада Прокопович
Натюрморт
Одесса, Астропринт, 2013

Это уже пятая книга в серии, придуманной Ладой Прокопович, – «Артефакт-детектив». Это не приключенческий роман, скорее попытка культуролога заинтересовать обыденными вещами, доказать, что обыденных вещей не бывает, в каждой могут таиться загадки, вопросы, которые так хочется грамотно и убедительно решить.

Взяв эпиграфом строки поэта Кайсына Кулиева «Рождаются великие творения не потому ли, что порою где-то обычным удивляются явлениям ученые, художники, поэты», Лада Прокопович берет в «героини» выброшенную в мусорную кучу картину. Все приключения, начинающиеся после того, что картину реставрируют, и составляют сюжет маленького романа.

Издано в Москве

Егор Гайдар
Дни поражений и побед
Москва, Альпино паблишер, 2014

Признаюсь, что эта книга выдающегося экономиста и политика Егора Тимуровича Гайдара, хоть написана она искренно, взволнованно, неординарно, скорее всего, не попала бы в наш «Книжный развал». Эта книга не об Одессе, не об одесситах, а серьезных умных книг в наши дни, к счастью, выходит немало.

Но… Предисловие к воспоминаниям Егора Гайдара написал Михаил Жванецкий. Написал столь же страстно и искренне, как этого требовала книга.

«Под этой обложкой человек, – пишет Михаил Жванецкий, – который впервые в СССР не обманул, дал каждому то, что тому смертельно недоставало – человеческое существование.

Он сделал наш язык переводимым, книги понятными, нас – гражданами мира.

Заплатил очень дорого.

Заплатил атмосферой ненависти, непонимания вокруг себя.

Сегодня идет очень результативная борьба за возвращение прошлого.

За возвращение женщин в литейные цеха.

Хороших новостей в программу «Время».

И в оборону…

Видимо, низы сошлись с верхами».

Это только несколько строк из предисловия. Думаю, уже ради того, чтобы прочитать его, одесситам следует достать книгу. И они не разочаруются. Егор Гайдар, внук Аркадия Гайдара, сын журналиста и писателя, контр-адмирала Тимура Гайдара показал, что сколь бы сложным ни было время, прагматичнее всего, выгодней всего быть честным человеком.

«Одесса – Москва – Одесса.
Юго-западный ветер в русской литературе»
Сост. В. Калмыкова, В. Перельмутер
Москва, Издательский дом «Вече»,
ООО «Русский импульс», 2014

Аннотация к книге:

«В 1933 году Виктор Шкловский предсказывал, что зародившаяся в Одессе «южнорусская школа» заметно повлияет на дальнейшую судьбу русской литературы. Восемьдесят лет спустя составители книги «Одесса – Москва – Одесса...» с помощью многочисленных прозаиков, поэтов, литературоведов, мемуаристов, вышедших из этой «школы», пытались проследить и показать, насколько полно и многообразно осуществилось в XX веке пророчество гениального теоретика литературы, плодотворно растворенное ныне».

Книга замечательная – и статьи Вадима Перельмутера и Веры Калмыковой, и прекрасные иллюстрации – старые фотографии и открытки, репродукции картин дивного художника Ефима Ладыженского, который писал по памяти старую любимую Одессу и в Москве, и в Израиле...

И, конечно, тексты. Не стану перечислять имена, много знаменитых. Некоторые почти забыты и возвращены в эту книгу. Хоть в книге 624 страницы, но и в этот солидный объем не поместить весь «одесский текст»... Но то, что поместилось, из лучшего.

Галя Маркелова

Трио поэтов, или Песни с границы веков, спетые на три голоса

Эта весна была щедра для любителей поэзии Одессы и не только.

Вышли три книги трех поэтов, судьбы которых так или иначе связаны с нашим городом.

В издательстве «Порты Украины» вышла книжка Ольги Ильницкой (Одесса – Москва) «Идет по улице война».

В издательстве «Optimum» вышла книжка Юлии Петрусевичюте (Одесса) «Археология перекрестка».

Анна Стреминская (Одесса) подарила нам книжку «Умение говорить шепотом».

Естественно, что каждая из вышедших книг требует свою серьезную критику, ибо без критического анализа не может быть развития литературного процесса, но это сейчас не моя задача, оставим ее академистам, которые почему-то всегда молчат. Я же хочу рассказать о том общем, что поразило меня в этих книгах. Три поэта, три женские судьбы, пожалуй, и три возраста, но какое

одинаковое ощущение времени, какое поразительное предчувствие происходящего сегодня! К сожалению, не все проставили даты под стихами, но я-то знаю, я-то помню эти стихи намного раньше. Только послушайте: «А дни идут потоком черной крови, и сердце не справляется взахлеб. Белеет лоб. Между бровей вразлет чернеет лед. И коченеет в слове» – это Юля Петрусевичюте (в дальнейшем будем обозначать Ю. П.). «Когда расколот на части мир, расколот весь шар земной на два полушария, и вампир желает крови иной… И темные ветры шумят да волчьи клыки растут у братьев… кто прав, а кто виноват, уже не выяснит суд!» – наблюдение Анны Стреминской (в дальнейшем будем обозначать А. С.). А вот уже и сентенция Ольги Ильницкой: «…А пуще нет у нас неволи в большом отечестве, чем жить у памяти в крутой горсти и поперек себя расти». Трагическое восприятие времени, пропускание событий (зачастую предвиденных, предслышанных, грядущих) через собственное сердце, душу, дабы найти звуковой образ ощущению, запечатлев его в ритме стиха, вот та общая задача, которую решают эти поэты… Свидетельство троих считается верным свидетельством, абсолютным доказательством (во всяком случае, исламом)…

Итак, читая наших поэтов, слышим, видим, ощущаем, как картина мира на сломе двух тысячелетий слагается в панораму,

по силе мысли и эмоции созвучную древнегреческой трагедии, где сочетаются в изумительную мозаику и причитания («выпусти ласточку, милый, в голову веку – время больших перелетов, чистого поля, в синей воде колосья глаза кололи, в тесном колодце лодка плыла за реку» – Ю. П.), и притчи («Мы ждем перемен счастливых – мы сами себе верны, но будущее приходит всегда с другой стороны!» – А. С.), и плач («Мир, как пашня, пахнет сыро. Завтра узнаю, как пахнет могила. А пока предчувствую…» – О. И.) Проживая смену времен, поэт приходит к выводу: «Разорвана цепь, каждый день существует особо, вне связи событий, меж смыслов теряется слово, но капает кровь, насыщая иссохшую землю, и травы слепые встают, ритму пламени внемля» (Ю. П.). Ее размышления подхватывает другая: «Все же зачем-то нужны наши судьбы и встречи, жизни нужны, даже если лишь миг мы прожили здесь на Земле. Здесь нужны наши души и речи, наши тела – крепость мускулов и сухожилий!» (А. С.). Третья же приходит к заключению: «Не ведая надежды… воссоздаю… иллюзию порядка… как проживают глубину порока… осваиваю жар проникновений в копилку тайную ушедших поколений… нанизываю бусину протеста за бусиной угаданного текста… еще не понимая, что пространство не сохраняет нитей постоянства… меж вещью и освоенным простором… прощеньем и скрываемым укором… сквозь зов и тесноту былых объятий… не постигая тяжести утрат… и бьется сердце смерти невпопад!» (О. И.).

Но не думайте, что все так трагично… Наши поэты умеют видеть и светлую, обнадеживающую сторону бытия. «Я только стебель, лишь стебель, от ветра дрожащий. Провод гудящий меж небом и хмурой землею. Мне на ладони стихи прилетают все чаще: ливнем, листвою, небесною теплой золою!» – восклицает Анна Стреминская. А Ольга Ильницкая констатирует вслед за ней: «Я живу не надеясь, не плача… Пережив и любовь, и удачу. В глубину… где таят глубину… Я молчание слову верну». Знала бы Оля тогда, в 1976, какими пророческим станут для нее эти слова! Но такова доля поэта – переживать и чувствовать наперед и свою судьбу, и судьбы других, и судьбы планеты, ибо биение сердца поэта, любящей женщины, матери соизмеримы с ритмами Космоса. Вот как видит это единение Юля Петрусевичюте: «так

горела полынь на закате девятого неба. солью ела глаза и от дыма саднило в груди. расходилась кругами дорога за ворот. дожди добирались на ощупь насквозь до сердечного нерва».

При всей схожести реакции на вызовы времени наши поэты имеют свои индивидуальные голоса, свое интимное видение мира, свое личное умение найти ритмы, мелодии, слова… На то оно и трио… «Естественно, голос Стреминской в поэзии – чисто женский голос. Особенность его – в тихой, внятной, сдержанной интонации: вот уж чего, но страстных эскапад нет в этих стихах, а есть смиренное женское достоинство, проглядывает натура сродни тургеневским героиням: тихо любит, скрытно страдает, а вдруг возьмет да и уйдет в монастырь», – так написала поэт Тина Арсеньева в статье «Скрытный голос», что была опубликована в газете «Вечерняя Одесса». Четкий ритм и желание «дослушаться» до первозданных смыслов и организованная система образов отличает поэзию Юлии Петрусевичюте, голос которой узнаваем, на каком бы языке она не говорила, будь то русский или украинский. Ведь ее книжка в принципе билингва. Ольга Ильницкая – поэт-публицист. Даже в самых интимных переживаниях она умеет найти социальную ноту, поднимающую ее личные волнения, «пока дрожит струна сердечной боли», до высоты античных трагедий. Но ничего странного в этом нет – это органично для Оли, она и журналист, и историк, и правозащитница!

И еще одна особенность этих книг. У всех трех поэтов есть эксперимент – соединение в одном стихе русских и украинских фраз. А Оля Ильницкая соединила даже звучание иврита с потоком сознания русской речи. Как относиться к этим опытам, каждый для себя решает сам. Можно вслед за Марией Петровых повторять: «Язык Пушкина забыт, в полном небрежении. Что творится с языком русским!». Но можно и вспомнить, что язык – живой организм, что сегодня уже минуло двести пятнадцать лет со дня рождения Александра Сергеевича, что мы живем в особой языковой среде, но это уже совершенно другой разговор.

Феликс Кохрихт

Заметки университетского человека

Издано в Одессе

Геннадий Гребенник
Записки университетского человека
Одесса, Печатный двор, 2014

В будущем году нашему университету исполнится 150 лет. Родившийся как императорский Новороссийский, нынче он – Одесский национальный имени И.И. Мечникова…

Конечно, есть университеты постарше – иным уже несколько веков, но, согласитесь, если городу 220, то и полтора века выглядят внушительно. Конечно, есть университеты, давшие миру плеяды великих ученых, но и наш представляют достойнейшие личности. Уж если один лауреат Нобелевской премии – то Илья Мечников, создавший теорию иммунитета и пропагандировавший кефир, что не утратило актуальности и сегодня. Если недооцененный гений – то Георгий Гамов, который, по убеждению авторитетов, не получил как минимум три заслуженных Нобелевских премии. Если врач – то святой, Владимир Хавкин, которого почитают

сотни миллионов граждан Индии: в XIX веке он спас их предков от чумы и холеры. Если государственный деятель – то Сергей Витте, премьер-министр Российской империи…

Этот список мировых величин можно продолжить, но у меня есть и свой – в него вошли если не великие, то колоритные и яркие личности. Назову лишь некоторых. Профессор Р. Прендель, инициировавший более ста лет назад закон, согласно которому все метеориты, болиды и их осколки в обязательном порядке должны поступать в распоряжение ученых. Примеру России последовали все государства мира. Гидролог, академик П. Ширшов, один из папанинцев, покоривший Северный полюс. Директор Института физики ОГУ профессор А. Глауберман, снявшийся ребенком в лучшем фильме всех времен – «Броненосце «Потемкине» С. Эйзенштейна: помните мальчика с огромными глазами, гибнущего на ступенях Потемкинской лестницы? Чемпион Олимпийских игр в десятиборье Николай Авилов…

Все они – питомцы Одесского университета.

Разумеется, каждый из них достоин книг и многочисленных ссылок в Интернете – и они есть. Но сегодня мы вспомним тех, кто, не достигнув мировой известности, внес значительный вклад в формирование особой, исключительной и самодостаточной общности – людей с университетским мышлением. Поводом для разговора, для размышлений и раздумий, для написания этих заметок стала книга Геннадия Гребенника «Записки университетского человека». Она посвящена памяти профессоров ОНУ: международника Семена Иосифовича Аппатова, лингвиста Владимира Львовича Скалкина, социолога Ирины Марковны Поповой. Они ушли из жизни сравнительно недавно, на кафедрах работают их ученики, продолжающие и развивающие традиции научных школ своих учителей. Профессор Института социальных наук ОНУ Гребенник – питомец С.И. Аппатова, как и ректор университета, профессор И.Н. Коваль, и другие международники и политологи, работающие в нашем вузе. Некоторые из них, а также ученики В.Л. Скалкина, приняли участие в моей онлайн-программе «Диалоги на Нежинской», посвященной предстоящему юбилею университета. И хотя разговор длился полтора часа, многое осталось недоговоренным.

Дело в том, что Геннадий Гребенник вышел далеко за границы жанра научной биографии. Признаюсь, открывая его книгу, я ожидал увидеть жизнеописания ученых и педагогов, основанные на личных воспоминаниях автора и беседах с людьми, знавшими их. В процессе работы Геннадий взял интервью у многих людей разных профессий, которые так или иначе сталкивались с героями его книги на протяжении их жизни. Беседовал он и со мной – Семен Иосифович не раз был моим собеседником в телепрограммах, а с Владимиром Львовичем мы были в дружеских отношениях.

Но эти беседы стали лишь составляющей многопланового труда, в котором профессионализм ученого-историка сочетается с гражданственностью публициста и глубоким уважением к своим героям, стремлением показать их во всем многообразии неординарных и во много неоднозначных личностей, заявивших о себе в шестидесятые годы XX века. Аппатов, Скалкин и Попова, по убеждению их биографа, если не типичные, то заметные представители «шестидесятников» – советских людей, чья молодость пришлась на период надежд, зрелость – разочарований, а научая состоятельность – на годы застоя…

Впрочем, это лишь мое определение, основанное на собственных воспоминаниях и одесских реалиях. Гребенник же подходит к этой теме с основательностью политолога и приводит немало интереснейших ведений о «шестидесятниках», начиная с московских знаменитостей и кончая нашими земляками.

Важная составляющая книги – размышления о природе и сути университетского мышления, о выборе ученым принципа мировоззрения, одного из двух сформулированных Вольтером и Руссо, великими мыслителями эпохи европейского Просвещения. Первый полагал, что лишь разум приведет человечество к свободе, второй же был уверен, что мир может быть преобразован на основах справедливости. Автор считает, что в этом споре участвовали и его герои…

Предваряют это многоплановое сочинение «Зарисовки по памяти и размышления по поводу» – воспоминания Геннадия Гребенника о годах учебы на истфаке, о педагогах, соучениках, о выборе пути и жизненной позиции. Втянув нас в размышления,

требующие не праздного чтения, а вдумчивого погружения в реалии и мифы, в споры с автором и самим собой, он приступает к историям жизни своих героев – наших современников и земляков. Каждый – и предмет исследования, и объект уважения, сопереживания, сочувствия.

Профессоров Аппатова, Скалкина и Попову знали многие, и отношения у них (у нас) складывались разные. Да и люди это были сложные – судьба каждого состоялась в разной степени непросто, порой и драматически… Может быть, иной читатель и не согласится с автором их жизнеописаний – пусть поспорит с ним, а то и напишет свою книгу. Я же, выпускник филфака ОГУ (60-е годы), завершая эти заметки университетского человека по поводу «Записок университетского человека», почему-то вдруг вспомнил молодость и песенку с диска Давида Тухманова «По волне моей памяти» – монолог средневекового школяра:

«Во французской стороне, на другой планете, предстоит учиться мне в университете…»

Почему именно ее? Может быть, потому, что создателем одесского лицея, из которого впоследствии образовался университет, был градоначальник Южной Пальмиры Дюк де Ришелье, ставший впоследствии премьер-министром Франции. Я был в соборе парижской Сорбонны, где он покоится. И Сорбонна, и наша одесская альма-матер – классические университеты. И это сближает…

P. S. В заключение телепередачи я спросил ректора ОНУ о том, есть ли, по его мнению, среди сегодняшних студентов те (или тот, та), кто со временем сочтет необходимым и сумеет написать книгу о родном университете, об учителях и товарищах.

Игорь Николаевич ответил утвердительно.

И это внушает надежду.

Содержание

От редакции 3

История, краеведение

Олег Губарь
Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы 6

Евгений Деменок
Лев Магеровский – хранитель русских архивов 13

Михаил Талалай
Вагоновожатый Брамбилла, изгнанник из Одессы 29

Анна Пойзнер, Михаил Пойзнер
Одесса: личные впечатления Александра Верта 36

Евгений Голубовский
Отрочество 61

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский
«Новые» новости фотографической коллекции 75

Иван Липтуга
Мы – из одесского двора 89

Александр Прилипко
Наша золотая лоза 95

Одесский календарь

Олег Губарь
Дерибасовская: дом Фраполли 108

Вита Маркина
Одержимый Одессой 116

Проза

Владимир Каткевич
Где чертежи Луи Линьяка? 124

Сергей Шикера
Главы из романа «Выбор натуры» 161

Михаил Рабинович
Рассказы 167

Владимир Тайх
Дженифер 172

Виталий Кузьмин
Хроники лифта,
или Лифт как величайшее достояние Одессы и ее самая большая потеря 177

Игорь Ефремов
Все в наших руках 184

Поэзия

Евгений Гимельфарб
Одесские строфы 188

Константин Ильницкий
Из путешествий 193

Юлия Петрусевичюте
Далекий крик 197

Владислав Китик
Век сделал круг 200

Евгения Красноярова
О простом 205

Алена Рычкова-Закаблуковская
Осенние эскизы 209

Первые шаги

Катерина Арнаут
Евгеша Викторовна 212

Лиза Енгибарян
«Нет для музыки предела...» 217

Искусство – жизнь – искусство

Сергей Седых
Леонид Пастернак – Кириак Костанди: письма из прошлого... 222

Валентина Голубовская
Время, назад! или Волшебный рог памяти ... 237

Феликс Кохрихт
Одесса, XXI век: семейное гнездо ... 260

Олег Кудрин
Русский Биг-Бен и две его любви ... 268
Бенедикт Сарнов
Скуки не было ... 277
Публикация Олега Кудрина

Публикации

Алена Яворская
«Но был отравлен мой бокал холодным ядом размышлений...» ... 282
Александр Соколовский
Из сборника «Зеленые глаза». ... 297
Публикация Алены Яворской

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Большой талант и просвещенный ум...» ... 324

Путешествие

Феликс Кохрихт
Антиб, позолоченный солнцем... ... 340

Ах, Одесса

Юрий Овтин
Лицо одесской национальности ... 348

Олег Школьник
Бабушка ... 356

Владимир Трухнин, Ирина Полторак
Из архива «Городка» 359

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал 364

Галя Маркелова
Трио поэтов, или Песни с границы веков, спетые на три голоса 370

Феликс Кохрихт
Заметки университетского человека 374

Одесский альманах
№58
II / 2014

Одесса – 220

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↔ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
TRACKE